

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 7 2017 (июль)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

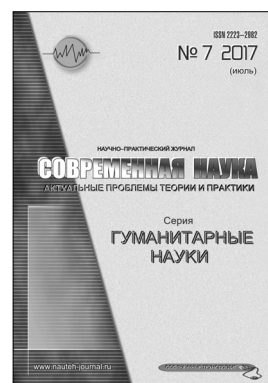
Редакционный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно–социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С–Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С–Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр–Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., г.н.с., Институт российской истории РАН, рук. Центра "Россия, СССР в истории XX века"
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгачев – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
 109443, Москва, Волгоградский пр–т, 116–1–10
 Тел/ факс: 8(495) 755–1913
 e–mail: redaktor@nauteh.ru
 http: // www.nauteh–journal.ru
 http: // www.vipstd.ru

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
 Свидетельство о регистрации
 ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
 в каталоге агентства «Пресса России» – 80015

В течение года можно произвести
 подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей

несут полную ответственность за точность
 приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
 «Современная наука: актуальные проблемы
 теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»

тел./ факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 28.07.2017 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЯ

- И.А. Агакишиев** – Северный маршрут экспорта бакинской нефти: выбор направления
I. Agakishiyev – Baku oil export northern route: direction selection 4
- С.З. Ахмадуллин** – "Талфик ал-ахбар..." Мурада Рамзи: наперекор цензурным запретам и судебным преследованиям
S. Akhmadullin – "Talfik Al-Ahbar..." by Murad Ramzi: Despite Censorship Restrictions and Judicial Persecution 8
- А.А. Борисюк** – Церковь и народ в борьбе с обновленчеством на территории Москвы при патриархе Тихоне
A. Borisyuk – The Church and the nation in the fight against the Renovatianist schism in the territory of Moscow under Patriarch Tikhon 13
- С.Б. Киселев** – Пространственная организация оленеводства кочевого населения полуострова Канин в первой четверти XX века
S. Kiselev – Spatial organization of reindeer herding of the nomadic population of the Kanin Peninsula in the first quarter of the twentieth century 17
- А.С. Кулагин** – Боевые действия 12-го механизированного корпуса РККА в Приграничном сражении 1941 г
A. Kulagin – The role of the 3rd and 12rd mechanized corps in the Border battle in 1941 22
- Г.А. Ризаева** – Колониальная экспансия великих держав в конце XIX века
G. Rizayeva – Colonial expansion of the great powerfull countries at the end of the XIX century 29
- Н.А. Филянов** – Сенат и коллегия триумвиров agris dandis adsignandis в итальянском вопросе (129 – 125 гг. до н.э.)
N. Filyanov – Senate and collegium of the triumvirs agris dandis adsignandis in the Italian question (129 – 125 bc) 36
- В.А. Фоменко** – О некоторых тенденциях в изучении майкопской культуры
V. Fomenko – About some tendencies in the research of maikop culture 42

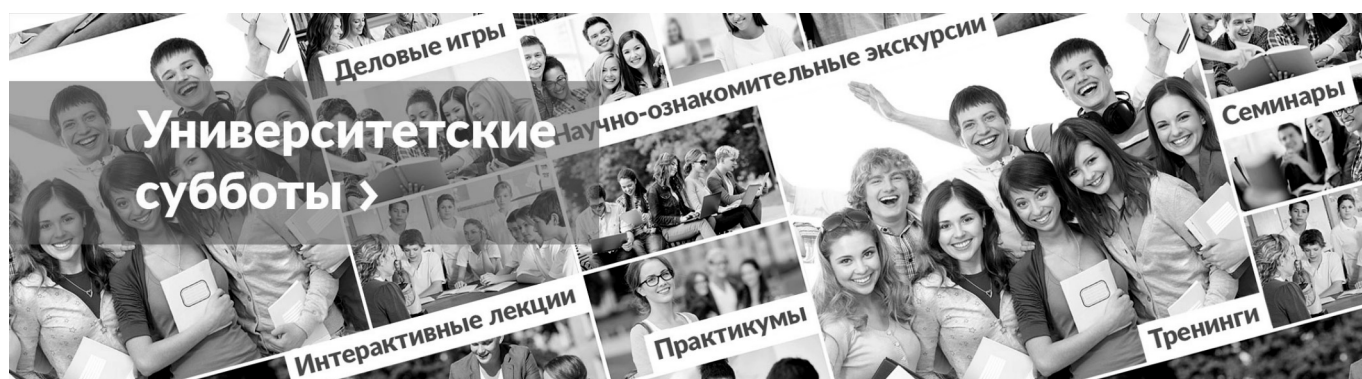
ПЕДАГОГИКА

- Л.А. Буровкина, Т.Г. Петунина** – Развитие творческой активности учащихся 5–7 классов в процессе обучения книжной графике
L. Burovkina, T. Petunina – The development of creative activity of pupils of 5–7 forms in the learning process of book graphics 48

- С.Н. Воднева** – Педагогическая компетентность руководителя организации в условиях многообразия
S. Vodneva – Pedagogical competence of the organization-head in diversity 52
- О.М. Дolidович, А.А. Шарашкина, А.П. Вершинина** – Социальный капитал образовательного учреждения как фактор формирования профессионализма учителя
O. Dolidovich, A. Sharashkina, A. Vershinina – Social capital of an educational institution as a factor of formation of professionalism of the teacher 56
- А.В. Иванова** – Опыт, проблемы, перспективы в формировании этнокультурной, гражданской идентичности
A. Ivanova – Experience, problems and prospects in the formation of ethno-cultural, civil identity 60
- Е.Г. Колесина** – Метапредметный подход и метапредметные технологии на уроках музыки
E. Kolesina – Meta-subject approach and meta-subject technology on lessons of music 64
- Н. Мекратанакулпат** – Сопоставительное описание интонации русского и тайского языков в лингводидактических целях
N. Mekratanakulpat – Comparative description of intonation between Thai and Russian languages in linguo-didactic purposes 68
- О.Ю. Ольшванг** – Особенности преподавания второго иностранного языка в медицинском ВУЗ-е
O.Yu. Olschwang – Features of teaching a second foreign language in a medical school 73
- Ю.А. Панова** – Система урочных занятий по литературе
Yu. Panova – Fixed literature classes system 76
- Чжан Вэньбинь** – Российско-китайское сотрудничество в области художественного обучения (на примере музыки)
Zhang Wenbin – Russian-Chinese Cooperation in the Field of Art Education (Music) 80
- Н.М. Шадрина, Г.Н. Фомицкая** – Состояние муниципальной образовательной системы и уровень удовлетворенности субъектов образования организацией образовательных услуг
N. Shadrina, G. Fomitskaya – The State of the Municipal Educational System and the Level of Satisfaction of Subjects of Education by the Organization of Educational Services 84
- ## ФИЛОЛОГИЯ
- Е.С. Башкарева** – Способы передачи в переводе основных видов отклонений от языковой нормы
E. Bashkareva – Main ways of rendering deviations from the literally norm 93

№ 7 2017 (июль)

CONTENTS

Ван Юе – Сопоставительный анализ образов "лишних людей" в русской и китайской литературах
Wang Yue – Comparative analysis of the images of "superfluous people" in Russian and Chinese literature97

Ван Инь, М.В. Михайлова – "Круг чтения" Галины Кузнецовой как импульс к творческому самоопределению
Wang Yin, Mikhailova M. – Galina Kuznetsova's "sphere of reading" as an impetus to creative self-determination101

Гун Цзиньсун – Вопрос о структуре предлогов в русском языке XVIII–XIX вв
Gong Jingsong – The question of the structure of prepositions in Russian language in the XVIII–XIX centuries106

О.В. Долодова – Сходство и различия словообразовательных и фразеобразовательных структур
O. Dolodova – Similarity and difference between word-building and phrase-building structures109

Е.В. Желудева – М. Е. Салтыков–Щедрин – "журналист в лучшем смысле этого слова" (Анализ публицистической деятельности великого сатирика в контексте эпохи второй половины XIX века)
E. Zheludeva – M. E. Saltykov–Shchedrin – "journalist in the best sense of the word" (The analysis of the journalistic work of the great satirist in the context of the era of the second half of XIX century)114

Д.А.Каверина – Специфика развития концептосферы "одежда", обусловленная молодежным сленгом
D. Kaverina – Distinctive features of the "clothes" concept sphere connected with the youth slang119

Е.В. Матвеева, Т.Ю. Ма – Антитеза: противопоставление и сопоставление
E. Matveeva, T. Ma – Antithesis: contraposition and juxtaposition123

Д.В. Минец, А.В. Горушкина – Мифореалистический концепт "Прекрасная Дама" в структуре авторской идентичности (на материале дневников А.А. Блока)
D. Minets, A. Gorushkina – Mythorealistic concept of 'Beautiful Lady' in the structure of the author's identity (based on the diaries of Alexander Blok)127

Сунь Личжэнь – Экспликация и концептуализация атараксии в романе И. Гончарова "Обломов"
Sun Lizhen – Explication and conceptualization of ataraxia in the novel by I. Goncharov "Obломov"133

Н.И. Чеснокова – К вопросу о ключевых критериях СМ–текста как инструмента социального маркетинга в образовательной среде
N. Chesnokova – To the question of the key criteria of the CM–text as a tool of social marketing in the educational environment137

Чжан Сяолинь – Функционирование лексемы земля в русской поэзии 19 века
Zhang Xiaolin – The functioning of the lexemes land in the Russian poetry of the 19th century142

С.В. Шустова, Т.И. Ерофеева, Е.А. Платонова – Структура и семантика паремийных трансформантов
S. Shustova, T. Erofeeva, E. Platonova – Structure and semantics of proverbial transformants145

Юэ Цян – О предложениях характеристики
Yue Qiang – A study of Russian characteristic sentences149

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors156

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале158

СЕВЕРНЫЙ МАРШРУТ ЭКСПОРТА БАКИНСКОЙ НЕФТИ: ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ

BAKU OIL EXPORT NORTHERN ROUTE: DIRECTION SELECTION

I. Agakishiyev

Annotation

The article is dedicated to a selection of a route for early Caspian oil export. It analyzes advantages and disadvantages of Baku–Novorossiysk Pipeline and Baku–Supsa Pipeline, railways to the Black Sea ports of Georgia, an opportunity of oil exchange with Iran.

Keywords: Heydar Aliyev, oil, diplomacy, Russia, Iran, Georgia, the Caspian Sea, Terry Adams, Victor Chernomyrdin, Boris Yeltsin.

Агакишиев Исмаил Аловсат оглы
К.ист.н., доцент,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена проблемам выбора маршрута экспорта ранней каспийской нефти. Анализируются достоинства и недостатки нефтепровода Баку–Новороссийск и Баку–Супса, железной дороги к черноморским портам Грузии, варианта обмена нефтью с Ираном.

Ключевые слова:

Гейдар Алиев, нефть, дипломатия, Россия, Иран, Грузия, Каспий, Терри Адамс, Виктор Черномырдин, Борис Ельцин.

Президент Азербайджана И. Алиев отмечал: "Мы свое будущее не намерены связывать исключительно с нефтью. Нефть – это средство для нас, средство в деле укрепления нашей независимости, усиления экономики" [1]. Политологи чрезмерно политизировали вопрос о построении трубопровода в азербайджанском секторе Каспия, будущее которого виделось им в сугубо черном цвете. Они отрицали перспективы сотрудничества в этом секторе, уверяя, что Россия и Запад имеют настолько различные интересы, что взаимодействие их нефтяных компаний в этом регионе нереально. При этом иногда сильно преувеличивалось влияние той или иной страны, не всегда брались в расчет экономические и политические интересы Азербайджанской Республики. Однако руководство страны проводило сбалансированную внешнюю политику, обеспечивавшую значимое место страны в мире и позволявшее осуществлять независимую нефтяную политику.

Еще в 1992–1993 гг. во время обсуждения соглашений по нефтяным месторождениям азербайджанского сектора Каспийского моря был затронут вопрос транспортировки нефти. В 1993 г. консорциумом западных международных нефтяных компаний и турецкой компанией "Боташ" была организована специальная группа с участием Государственной нефтяной компании Азербайджанской республики (ГНКАР). Ее целью была выработка технико-экономического обоснования прокладки трубопроводов и техническая оценка планируемых маршрутов [2]. Группа исследовала два маршрута транспортировки – до Черного и до Средиземного мо-

рей. "Контракт века", подписанный 20 сентября 1994 г., был рассчитан на 30 лет. Основными задачами первого этапа были получение ранней нефти и строительство трубопроводов для ее транспортировки. Весной 1995 г. рассматривалось несколько вариантов маршрута нефтяного экспорта: нефтепровод Баку–Новороссийск; нефтепровод Баку–Супса; железная дорога к черноморским портам Грузии; а также обмен нефтью с Ираном. Но последние два варианта были сняты с повестки дня. Недостатками транспортировки по железной дороге были ограниченная пропускная способность и дороговизна. В вопросе о возможности обмена нефтью с Ираном пришлось учесть элемент недоверия в отношении между ИРИ и США. Американские компании обладали 40% долевого участия по "Контракту века". Принятый в 1996 г. кабинетом Б. Клинтона закон Д'Амато "О санкциях в отношении Ирана" ужесточил существующий запрет американским компаниям сотрудничать с Тегераном и иранскими компаниями. Особое внимание правительство США уделяло "предотвращению возрастания влияния Ирана в создавшемся политическом вакууме" [3].

На выбор маршрутов трубопроводов влияли и экономические, и геополитические проблемы. На руководство Азербайджана пытались оказать давление, как крупные региональные государства, так и мировые державы, которые соперничали между собой за право транзита каспийской нефти на мировой рынок. Политический истеблишмент России, обладая наиболее мощным потенциалом, стремился монополизировать транспортировку всей каспийской нефти в секторах всех постсоветских

стран, в том числе и в азербайджанском секторе [4]. Этому способствовали многовековые экономические отношения и общая инфраструктура, дававшие преимущества для продолжения сотрудничества с постсоветскими странами в новых условиях. Экономический анализ различных вариантов экспортных маршрутов ранней нефти, показал, что наиболее реальными были только два из них – Северный (через Грозный до Новороссийска) и Западный (по территории Грузии в районе Батуми).

31 августа 1995 г. были подготовлены все первичные документы по северному маршруту Баку–Грозный–Новороссийск, а 9 октября 1995 г. было обнародовано решение Азербайджанской международной операционной компании (АМОК) и ГНКАР о маршруте транспортировки ранней нефти, добыча которой планировалась с платформы "Чираг-1" во второй половине 1996 г. В октябре 1995 г. правительство Азербайджана приняло решение разрабатывать оба маршрута. АМОК официально заявила, что до 1 ноября 1995 г. будут подписаны все транспортные соглашения, включая межправительственные с российской стороной, а затем и с грузинской. Все эти проекты внимательно изучались в лондонском офисе АМОК. По предварительным оценкам компании, на восстановление и строительство новых участков трубопровода, проходившего по территории Грузии требовалось 200 млн долларов, а по территории России – всего 50 млн долларов. Наименее затратным был Северный маршрут. Нефтепровод Грозный–Баку находился в рабочем состоянии, требовалось лишь провести его реверсирование для прокачки нефти в обратном направлении из Баку и проложить дополнительно 27 км труб. При необходимости можно было увеличить мощность трубопровода до 17 млн тонн [5, с. 2].

Между тем, в связи с низкими тарифами трубопровод Баку–Тбилиси–Супса также выглядел рентабельным [6]. Принятие консорциумом решения соответствовало и интересам руководства Азербайджана. Россия и Грузия решение о транспортировке ранней каспийской нефти по их территориям назвали важным шагом в превращении своих стран в основных транзитеров нефти на мировые рынки. Выражая согласие с выбором альтернативных маршрутов для экспорта каспийской нефти, представитель Госдепартамента США Н. Бернс заявил: "В США остались довольны решением АМОК в вопросе выбора трубопровода для транспортировки нефти в течение 10 лет" [7]. В принятии этого решения были заинтересованы и руководство Азербайджана, и АМОК, поскольку, таким образом, обеспечивалась стабильность транспортировки углеводородов. Вопросы доставки напрямую были связаны с проблемами добычи ранней нефти. Первоначально планировалось начать ее в середине 1996 г. К этому времени, по первоначальному гра-

фику, надо было завершить прокладку участка трубопровода Баку–Грозный–Новороссийск.

Правительство Азербайджана приняло специальное постановление о выделении земельного участка для строительства участка трубопровода. Однако переговоры проходили в непростой обстановке. В декабре 1994 г. началось первая чеченская война, тем не менее, "Транснефть" продолжала работу над проектом. По графику предполагалось, что все документы по Северному трубопроводу будут подписаны до 1 июля 1995 г., а сам проект добычи ранней нефти был рассчитан на 18 месяцев. Сначала между Азербайджаном и Россией был подписан протокол о транспортировке. Затем рабочая группа российских и азербайджанских специалистов проработала вопрос подачи до 5 млн тонн нефти в год нефтеналивными терминалами Черного моря через территорию России с использованием действующих и вновь построенных магистральных нефтепроводов Баку–Грозный, Грозный–Тихорецк, Тихорецк–Новороссийск. На уровень добычи нефти до 5 млн тонн планировалось выйти в течение двух лет, а добыча большой нефти ожидалась к 2000 г.

Но скоро стало ясно, что заключить все соглашения через шесть месяцев после прибытия акционеров АМОК в Баку невозможно. В связи с тем, что правительственное соглашение с Россией не было подписано, с 10 октября 1995 г. по 16 февраля 1996 г. все работы по проекту ранней нефти были остановлены. Обсуждение азербайджано–российского договора затянулось до середины января 1996 г. Российская сторона была не согласна с решением о выборе маршрута для транспортировки нефти. Заинтересованным сторонам пришлось вести долгие переговоры, которым пытались помешать некоторые эксперты, выступавшие в СМИ. С целью привлечения внимания населения, они делали заявления, не имеющие ничего общего с реальными фактами. Например, некоторые из них утверждали, что АМОК и Азербайджан вообще не намерены поставлять нефть по Северному маршруту. В ответ на это президент республики Г. Алиев заявил: "Когда мы подписали "Контракт века", то определили нефтепровод для первичной нефти Баку–Новороссийск. Это записано в контракте. Зачем кто-то извращает все то, что есть. Не могу об этом говорить спокойно. Это люди, которые хотят испортить наши отношения (с Россией, – И.А.). Конечно, нам это неприятно" [8].

Изначально АМОК планировала строить два маршрута для поставки на мировой рынок ранней нефти. Но в связи с возможностью быстрого восстановления и сооружения Северного маршрута и с учетом его наименьшей затратности, именно он был выбран как основной для транспортировки нефти. Это решение АМОК и про-

должительные дипломатические переговоры на высшем уровне приближали время подписания договора. В январе 1996 г. в Москве собрались главы Совета государств СНГ. Накануне заседания состоялась трехчасовая беседа между Г. Алиевым и новым руководителем МИД РФ Е. Примаковым. Эта встреча позитивно повлияла на результаты обсуждаемых вопросов с В. Черномырдиным и Б. Ельциным.

В экспорте ранней нефти по Северному маршруту в первую очередь была заинтересована и сама Россия. Это было выгодно ей как в экономическом, так и в политическом отношении, тем более что российская компания "ЛУКОЙЛ" имела в "Контракте века" 10%-ную долю. Г. Алиев ранее отмечал: "Для беспокойства и восприятия России как угрозы нет никаких причин и нет никакого политического риска в осуществлении "Контракта века" [9]. В итоге президенту удалось получить подтверждение на согласие о транспортировке нефти по двум трубопроводам. Принятое решение об этих маршрутах экспорта ранней нефти было оправдано и экономически, и с точки зрения политической безопасности. В связи с существующими территориальными и социальными конфликтами, в регионе сохранялась угроза развязывания войны. Наиболее уязвимым в региональных конфликтах был Азербайджан.

В Москве главы государств обсудили и карабахский конфликт. Ельцин тогда отметил: "Азербайджан предлагал Нагорному Карабаху статус автономной республики. В России выше статуса автономной республики нет. А они, Нагорный Карабах, говорят: нет, нам мало, дайте нам больший статус. Я не знаю, какой еще больший статус, Соединенных Штатов Америки, что ли?!" [10]. В итоге 18 января 1996 г. Г. Алиевым и В. Черномырдиным в Москве было подписано межправительственное соглашение о транспортировке ранней нефти. Согласно этому документу, РФ гарантировала включение транзита азербайджанской нефти в график транспортировки экспортруемой нефти с декабря 1996 г. В. Черномырдин, как бывший нефтяник, хорошо относился к выходцам из Азербайджана и высоко оценивал роль республики в развитии нефтяной отрасли бывшего СССР: "Я еще по Тюмени хорошо помню, сколь много сделали азербайджанские нефтяники в освоении месторождений Западной Сибири и других регионов бывшего Союза" [11].

19 января 1996 г. в Москве состоялось заседание Совета глав государств СНГ, в котором участвовали руководители всех закавказских республик: Э. Шеварднадзе, Г. Алиев, Л. Тер-Петросян. Все они поддержали переизбрание Б. Ельцина на пост председателя Совета глав государств СНГ. Г. Алиев удачно выбрал время для встречи с президентом России – поддержка авторитетной организации и президентов стран СНГ была очень

важна для Ельцина перед президентскими выборами. Поблагодарив глав государств СНГ, российский президент заявил: "Вы не только поддерживаете меня, но и подталкиваете к решению участвовать в выборах [10]. Политическая интуиция не подвела Алиева – президенты России и Азербайджана не только установили дружественные отношения, но и дали ход решению давно обсуждаемого вопроса. Перед возвращением в Баку Алиев, предававший большое значение заключенному соглашению, отмечал в интервью: "Я улетаю из Москвы с добрым чувством и хорошим настроением. Мы ощущали себя в дружеской обстановке, это еще и еще раз вызывает большое чувство благодарности" [12].

Президент АМОК Т. Адамс так оценил достигнутое соглашение: "Самым важным, конечно же, было подписание соглашения с Россией. Это было самой большой и трудно решаемой задачей, как для правительства Азербайджана, так и наших акционеров. Контакты между Лондоном, Вашингтоном, Москвой и Баку осуществлялись на самом высоком уровне" [13]. Решения были приняты в относительно небольшой временной промежуток. Так, в Казахстане в течение пяти лет пытались разрешить проблему с контрактом по трубопроводу, а АМОК сумела сделать это за девять месяцев. Топ-менеджер "Бритиш Петролеум" отмечал: "Если обратиться к истории заключения такого рода соглашений с РФ, то обычно они занимали несколько лет. А в нашем случае потребовалось всего 4 месяца, что говорит об огромном политическом понимании" [13]. Подписанное соглашение положило конец всем противоречивым рассуждениям о проблеме поставки ранней нефти. После этого предусматривалось подписание и других необходимых документов. Правительство РФ уполномочило подписать 16 февраля 1996 г. в Баку контракт по сооружению нефтепровода Баку–Новороссийск президента компании "Транснефть" В.Д. Черняева. Со стороны консорциума его подписал президент АМОК Т. Адамс.

Премьер-министр республики Ф. Гулиев и президент АМОК Т. Адамс заключили договор о поддержке транспортировки между азербайджанским правительством и АМОК. Соглашение о транспортировке подписали В. Черняев, президент ГНКАР Н. Алиев и Т. Адамс. За девять месяцев до начала добычи ранней нефти у АМОК уже имелись соглашения на прокладку северного трубопровода. Межправительственное соглашение о транспортировке азербайджанской нефти по территории РФ до порта Новороссийск вступило в силу в середине февраля 1996 г. Сразу же были возобновлены ранее оставленные работы. Подписание аналогичных документов с грузинским правительством и его уполномоченной организацией – Грузинской международной нефтяной корпорацией (ГМНК) – состоялось в Тбилиси 8 марта того же года.

Остро стояла проблема согласования между центральной властью РФ и Чечней финансовых условий транзита азербайджанской нефти через Грозный. По мнению специалистов "ЛУКОЙЛ", именно экономическая целесообразность должна была составлять основу для всех принимаемых в консорциуме АМОК проектов, в частности, и при выборе маршрутов экспорта нефти. Как один из возможных вариантов руководство "ЛУКОЙЛА" допускало поставку необходимого оборудования для работы по проекту заводами России и стран СНГ. Это могло сократить общую стоимость проекта за счет низкой цены оборудования и уменьшения транспортных расходов. Страховые подразделения компании рассматривали возможность страховки грузов на территории России [14, с. 14]. Компания "ЛУКОЙЛ" разрабатывала схему перевозки по России и странам СНГ грузов, необходимых для деятельности консорциума. При этом специалисты компании использовали опыт перевозок по сложным российским схемам, которыми не обладали другие участники консорциума. Различия во мнениях по поводу предложенных вариантов сотрудничества приводили затруднения осуществление транспортных проектов. Г. Алиев заметил поэтому поводу: "Наш путь не проходит по

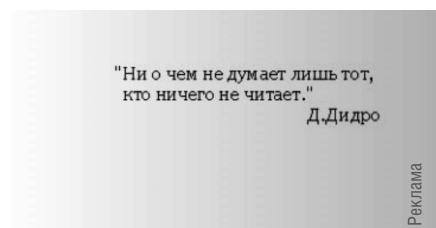
гладкому асфальту, этот путь сопровождается подъемами и спусками, встречаются камни и скалы. Но мы этот путь пройдем" [15].

Выводы некоторых экспертов иногда отличались односторонностью, а также чрезмерной политизацией. Одни считали, что прокладка трубопровода по территории Грузии способствует укреплению независимости этой страны от России, другие, напротив, опасались возрастания зависимости Грузии от России. Однако в начале 1990-х гг. Россия стремилась не к расширению своей территории путем присоединения уже получивших независимость стран, а к развитию сотрудничества с постсоветским зарубежьем. Азербайджанская Республика устанавливала новые отношения со странами Запада и одновременно продолжала сохранять и развивать многовековые связи с Россией. Прокладка для транспортировки ранней азербайджанской нефти Северного и Западного трубопроводов была продуманным шагом. Помимо политической мотивации, которой придавалось большое значение, это было оптимальным экономическим решением – диверсификация трубопроводов обеспечивала стабильные поставки нефти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакинский рабочий. 1999. 7 декабря.
2. Azərbaycan gazetı. 1993. 2 декабря.
3. Washington Post. 1997. 27. июля.
4. Xalq gazetı. 1997. 14 августа.
5. Нефть России. 1995. № 10.
6. Xalq gazetı. 1997. 17 апреля.
7. Azərbaycan gazetı. 1995. 11 октября.
8. Бакинский рабочий. 1999. 22 сентября.
9. Бакинский рабочий. 1994. 24 августа.
10. Бакинский рабочий. 1996. 23 января.
11. Бакинский рабочий. 1996. 19 января.
12. Бакинский рабочий. 1996. 25 января.
13. Зеркало. 1996. 28 декабря.
14. Нефть России. 1995. № 10.
15. Бакинский рабочий. 1996. 16 декабря.

© И.А. Агакишиев, (almatater412@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"ТАЛФИК АЛ-АХБАР..."

МУРАДА РАМЗИ: НАПЕРЕКОР ЦЕНЗУРНЫМ ЗАПРЕТАМ И СУДЕБНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ

"TALFIK AL-AHBAR..."
BY MURAD RAMZI: DESPITE
CENSORSHIP RESTRICTIONS
AND JUDICIAL PERSECUTION

S. Akhmadullin

Annotation

The questions considered in the article concern the censorial persecution of Murad Ramzi's historical writing "Talfik Al-Ahbar" published in 1908. Based on the archival materials consisting of the correspondence between the Kazan Temporary Committee on the Print Affaires with the Saratov Judicial Chamber's Prosecutor, the Ufa and Kazan chancelleries, the Orenburg, Kazan and Ufa governors, and the Chief Department on Print Affaires, the reasons for the given writing's censorial ban, and the legal proceedings specifics of its publication case are analyzed. Also, there are highlighted the circumstances of Murad Ramzi's personal criminal accountability, the outcomes and consequences of the respective judicial decision, which affected both the author's and his writing's fates.

Keywords: Talfik Al-Ahbar, Murad Ramzi, Kazan Temporary Committee, censorship, Katanov, Alexander III, Saratov Judicial Chamber, Maria Fedorovna, Bogdanov, Ural-Volga region, Criminal Code 1903.

Ахмадуллин Салават Зямитович
Аспирант, Центр исследования
Центральной Азии, Кавказа
и Урало-Поволжья,
Институт востоковедения РАН

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, связанные с цензурным преследованием исторического сочинения Мурада Рамзи "Талфик ал-ахбар...", изданного в 1908 году. На основе архивных материалов переписки Казанского временного комитета по делам печати (ККП) с прокурором Саратовской судебной палаты, канцеляриями Казанской и Уфимской губерний, оренбургским, казанским и уфимским губернаторами, Главным управлением по делам печати (ГУП) анализируются причины цензурного запрета этого издания, особенности судопроизводства дела по данному произведению. Также освещены обстоятельства привлечения к уголовной ответственности самого Мурада Рамзи, итоги и последствия соответствующего судебного преследования, которые отразились на судьбе автора и его сочинения.

Ключевые слова:

"Талфик ал-ахбар", Мурад Рамзи, ККП, цензура, Катанов, Александр III, Саратовская судебная палата, Мария Федоровна, Богданов, Урало-Поволжье, Уголовное уложение 1903 г.

ВВЕДЕНИЕ

В центре внимания автора статьи – история цензурного преследования двухтомного исторического труда "Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар" ("Собрание известий и сочетание преданий о событиях Казани, Булгара и татарских царей"), созданного Мухаммедом Мурадом Рамзи – богослова, суфийского наставника, историка рубежа XIX–XX вв.

"Талфик ал-ахбар...", посвященный истории тюркских мусульманских народов Урало-Поволжского региона, охватывал период от их происхождения и до современного автору состояния. В 1908 году "цензорское донесение" в виде рецензии [9, л. 93] на исторический труд М. Рамзи "Талфик ал-ахбар...", предоставленное Казанскому временному комитету по делам печати (ККП) известным тюркологом Н. Ф. Катановым, повлекло за собой арест тиража издания и уголовное преследование

Мурада Рамзи. На основе анализа "непозволительных" выражений, содержащихся в донесении цензора, сравнения их с контекстом "Талфик ал-ахбар...", а также обстоятельств написания самой рецензии, становится очевидна необходимость в критичном отношении к оценкам царских цензоров и в более тщательном изучении взглядов самого М. Рамзи.

Как указывалось в "цензорском донесении" [9, л. 93], книга содержит "непозволительные" фрагменты, которые "характеризуют вообще злобное и ненавистное отношение автора к христианству и христианам вообще и ко всему русскому (к правительству, духовенству, народу, государству и даже к особам Царствующего Дома) в частности и непозволительных с точки зрения цензуры". Кроме того, цензор указывает, что М. Рамзи "стоит на ультранациональной почве" и "... везде, где только может, старается умалить значение великих русских исторических событий" [9, л. 80].

Собственно рецензия представляет собой перевод на русский язык 63 "наиболее резких выражений" из книги и краткого заключения. Как было выяснено, рецензия была написана работавшим в то время цензором мусульманской печати Н. Ф. Катановым совместно с бывшим инспектором сирийских народных училищ Православного палестинского общества, кандидатом богословия Д. Ф. Богдановым. Указанная рецензия послужила исходной точкой, инициирующей преследования автора со стороны вышестоящих инстанций, что серьезно повлияло на дальнейшую жизнь историка и судьбу его книги.

"Талфик...", общий объем которого составлял 1 288 страниц, был издан на арабском языке в 1908 году в Оренбурге в типографии издательства "Каримов, Хусаинов и К^о". Рецензия на выход 1-го тома была представлена Комитету по делам печати 10 октября 1908 г., на 2-й том – 17 октября того же года. Уже 21 октября 1908 г. Казанский временный комитет по делам печати (ККП) уведомил губернаторов Оренбургской, Уфимской и Казанской губерний о том, что "на отпечатанную в Оренбурге в типографии товарищества "Каримов, Хусаинов и Ко" книгу на арабском языке под заглавием "Тальфикуль-ахбар уа Талькихуль-асар фи уакаиғ Казан уа Булгар уа мулюки-т-татар" (История Поволжских царств Казанского, Болгарского и татар) изд. М. М. Рамзия в октябре 1908 г. был наложен арест с привлечением издателя (имеется ввиду автора – прим. автора) к судебной ответственности по 103 и 129 ст. Уголовного уложения". Вследствие этого от губернаторов требовали "сделать распоряжение об отобрании названного сочинения из книжных магазинов и лавок, куда поступило это издание в продажу", а оренбургскому губернатору дополнительно было предписано изъять названное сочинение из типографии Каримова и "не отказать в присылке этой книги в Комитет по 5 экземпляров каждой части" [9, л. 89].

Ст. 103 Уголовного уложения 1903 г. предусматривает ответственность за оскорбление императора, императрицы, наследника престола или угроза их особам, или надругательство над их изображениями с целью возбудить неуважение к их особам, распространение или публичное выставление сочинения, или их изображения, оскорбляющие их достоинство. А в соответствии со ст. 129 Уголовного уложения под преступные деяния подпадало публичное произнесение или чтение речи, или сочинения, распространение или публичное выставление сочинения, или изображения, возбуждающие: 1) бунт или государственную измену; 2) к свержению государственного строя; 3) противодействию закону или неповиновение законному распоряжению представителей власти; 4) совершение тяжкого преступления; 5) к нарушению военными служащими порядка военной службы; 6) вражду между отдельными слоями населения.

Тема цензурного преследования "Талфик ал-ахбара..." и судебного преследования относительно его автора, была освещена в работах некоторых исследователей. Например, как утверждает А.Г. Каримуллин, конфискация книги была аргументирована использованием "неосторожного и оскорбительного выражения" относительно Екатерины II, оскорбления "августейшего имени Государыни Императрицы Марии Федоровны", "в бозе почившего императора Александра III", "поношения и оскорбления православной веры Христовой", "возбуждения мусульман против русских вообще" [5, с. 145].

Н. Г. Гараева указывает, что Казанский временный комитет наложил арест на тираж, и большая его часть была конфискована (по словам некоторых исследователей, кроме 200 экземпляров – сожжена [3]), а автору удалось избежать ареста, покинув пределы России [2].

Но при этом, как будет видно далее, документов, свидетельствующих об удовлетворении просьбы Казанского комитета губернаторам Казанскому, Оренбургскому и Уфимскому об изъятии этого издания из типографии в Оренбурге и из книжных магазинов означенных губерний, не обнаружилось, что может говорить о том, что конфискации могло и не быть.

Кроме того, А. Г. Каримуллин отмечает, что с 1908 по 1915 гг. Главное управление по делам печати (ГУП) и Казанский временный комитет по делам печати оказывали моральное давление на Саратовскую судебную палату, добиваясь, чтобы она утвердила арест книги и привлекла ее автора к судебной ответственности. Однако влекла ее автора к судебной ответственности. Однако вследствие "отсутствия состава преступления все эти "обвинения" повисли в воздухе", т.е. суд не смог найти ни одного из инкриминируемых "преступлений" [5, с. 145], хотя архивные документы говорят о наличии судебного определения, согласно которому М. Рамзи должен был быть привлечен к ответственности за совершение государственных преступлений (ст. 129, п. 1; 107) и за "богохуление" (ст. 73). Существует также мнение, что до закрытия судебного дела, самому автору книги было даровано "прощение" по случаю 300-летия Дома Романовых, и летом 1914 года М. Рамзи вернулся на родину [3].

Высказанные утверждения ценны и информативны, однако их недостаточно для представления общей картины судебного дела о запрете "Талфик ал-ахбара...". Кроме того, были обнаружены противоречия по некоторым эпизодам истории цензурного запрета. Поэтому в данной статье, руководствуясь материалами переписки КПП и прокурора Саратовской судебной палаты, канцелярий Казанской и Уфимской губерний, оренбургского, казанского и уфимского губернаторов, Главного управления по делам печати, мы рассмотрим ход этого преследования и его результаты.

ХОД СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Согласно статье 12 Указа "О временных правилах о поврежденных изданиях" от 24 ноября 1905 г. судебное преследование по преступным деяниям, совершаемым посредством печати, могло возбуждаться как по предложению прокурорского надзора, так и на основе сообщений должностных лиц по делам печати (инспекторов) [4], причем последний вариант являлся достаточно распространенной практикой [8, с. 95]. Так, 11 ноября 1908 г. (№ 2312/217) Казанский временный комитет по делам печати направил обращение прокурору Саратовской судебной палаты, приложив фрагменты книги, "содержание которых не только предосудительно, но и преступно". В нем ККП предлагает "во-первых, представить на утверждение Саратовской судебной палаты наложенный комитетом арест на это сочинение <...>; во-вторых, привлечь автора этого сочинения М. Рамзия к судебной ответственности по 104, 107 (оскорбление памяти усопших членов императорской семьи – прим. авт.) и 129 ст. Угол. уложения". В этом документе Комитет приводит в "доказательство преступности этого сочинения" рецензию Н. Ф. Катанова. Внимание прокурора акцентируется "на переводе 253–255 стр. 1–го тома сочинения Рамзия <...>; на этих страницах содержится призыв к вооруженному восстанию против русских всех народов Дагестана, Казани, Туркестана и Хивы (129 ст. Угол. улож.). Во 2–м томе на 314 стр. <...> заключается оскорбление Августейшего имени Государыни Императрицы (жены Николая II) Марии Федоровны (104 ст. Угол. улож.), а на стр. 254 <...> оскорбление имени в бозе почивающего Императора Александра III (107 ст. Угол. улож.) [9, л. 95].

Кроме того, как это можно видеть из прилагаемого перевода отдельных фрагментов сочинений Рамзия, оно содержит возбуждение татар–мусульман против русских вообще, против православного духовенства в частности (6 п. 129 ст. Угол. улож.) и поношение и оскорбление Православной Веры Христовой" [9, л. 94].

Затем 15 июня 1910 г. (№ 1064) ККП повторно обращается в Саратовскую судебную палату с тем, чтобы "прокурор уведомил, в каком состоянии находится это дело" [9, л. 94].

21 июня 1910 г. от прокурора поступил краткий ответ (№ 3511), что "судебным следователем по важнейшим делам округа Оренбургского окружного суда производится предварительное следствие по признакам преступлений, предусмотренных ст. 51, 1 и 6 п. 129, 107 и 73 ст. Угол. улож." [9, л. 94].

Согласно установленному порядку, суд, учитывая мнение прокурора, решал оставлять арест в силе или нет. При этом была распространена практика, когда

прокурор не соглашался с мнением инспектора по делам печати [8, с. 94].

В рассматриваемом нами случае, ККП предлагал возбудить дело по ст. 129, ст. 104, ст. 107 Угол. улож., но, согласно ответу прокурора, было, кроме того, вменено совершение преступления, предусмотренного ст. 73 и п. 1 и 6 п. 129 Угол. уложения. Ст. 73 Уголовного уложения 1903 года предусматривала ответственность за преступления против религии и Церкви, а именно за "богохуление".

27 октября 1910 г. (№ 9766) Казанский губернатор пишет отношение (письмо) в ККП, в котором сообщается, что "в некоторых книжных магазинах производится продажа сочинения М. Рамзия <...>. Означенное издание до сих пор не внесено в список изданий, воспрещенных установленным порядком к обращению". И выражается просьба сообщить, "какое заключение Комитета последовало по рассмотрению упомянутого выше издания Рамзия". Ответное письмо содержало напоминание о том, что 21 октября 1908 г. уже сообщалось о наложении ареста Комитетом на данное издание "с привлечением издателя к судебной ответственности по 103 и 129 статье Угол. уложения". То есть, как мы видим, на тот момент ККП не обладал большей информацией о ходе дела [9, л. 90].

Из отношения от 11 января 1911 г. (№ 297) Главного управления по делам печати во Временный Казанский комитет по делам печати вдруг выясняется, что арест на издание "был оставлен в силе определением Саратовской судебной палаты от 2–го декабря 1908 г.". Главному управлению это стало известно "из отношения Прокурора Саратовской судебной палаты на имя Главного управления от 31 декабря 1910 г. (за № 6874)", то есть спустя два года. В письме также был задан вопрос: "Почему до сего времени Комитет не уведомил о сем Главное управление по делам печати?" [9, л. 95]. Таким образом, хотя арест книги был утвержден судом в 1908 г., об этом не знал ни Казанский комитет, ни Главное управление, ни губернаторы, ни даже прокурор той же Саратовской судебной палаты, который сообщал Казанскому комитету о состоянии дела на 21 июня 1910 г.

Несмотря на арест издания, весной 1912 года книга "Талфик ал–ахбар..." находилась, предположительно, в продаже, поскольку 27 апреля 1912 г. (№ 3114) Канцелярия Уфимского губернатора "по встретившейся надобности" отправила запрос в адрес Казанского комитета: "не значится ли в числе изъятых из обращения" сочинение М. Рамзи? Ответ гласил: "...арест на сочинение Рамзия оставлен в силе определением Саратовской судебной палаты от 2 декабря 1908 г." [9, л. 100–101].

Помимо ареста и конфискации тиража книги оставался непоясненным вопрос об уголовном преследовании автора. На запрос Казанского комитета от 3 апреля 1913 г. (№ 623) прокурору Саратовской судебной палаты о том, "какое решение Суда состоялось по поводу дела о привлечении к судебной ответственности автора сочинения Рамзия", 9 апреля 1913 г. был получен ответ, что дело "о привлечении к судебной ответственности М. Рамзия было предложено Судебной палате мною (прокурором Саратовской судебной палаты – Прим. Авт.) 27-го июня 1911 г. в порядке ст. 852 уст. угол. суд. и определением палаты от 2-го июля того же года дело производством приостановлено впредь до явки или задержания скрывшегося Рамзия" и что "дело о нем препровождено прокурору Оренбургского окружного суда 13-го того же июля за № 4173" [9, л. 103–104]. Об этом в апреле того же года Казанский комитет уведомил Главное управление по делам печати и Казанского губернатора.

Переписка вновь возобновилась спустя два года. Главное управление по делам печати запросило 9 сентября 1915 г. (№ 8787) у Казанского комитета информацию "о дальнейшем течении вышеназванного дела <...> и последовал ли приговор об уничтожении вышеуказанного произведения печати" [9, л. 106]. Далее Казанский комитет обращается 15 сентября 1915 г. (№ 1466) с указанным запросом к прокурору Саратовской судебной палаты и получает в ответ 9 октября 1915 г. (№ 4366), что "дело по обвинению автора сочинения <...> Мухаммедь–Мурада Рамзия, он же Мурадъ Шахъ Багадыршановъ, по 1 ч. 129, 73 и 107 ст. Угол. улож. определением Саратовской судебной палаты от 2 июля 1914 г. (здесь явно есть опечатка, поскольку ранее значилось 2 июля 1911 г. – прим. авт.) производством приостановлено впредь до явки или задержания скрывшегося Рамзия, ввиду этого указанное выше дело в настоящее время хранится в архиве при канцелярии прокурора Оренбургского окружного суда. Обвиняемый Рамзи до сего времени не разыскан, дело о нем по существу не рассмотрено, а потому приговора суда об уничтожении вышеуказанного произведения печати не последовало" [9, л. 106–107].

Судебный процесс продолжался с 1908 по 1914 г., ККП же занималось делом Мурада Рамзи до 1915 г. Такую длинную продолжительность судебного процесса по привлечению к уголовной ответственности самого Рамзи можно объяснить особенностями имперского делопроизводства в судах, характерными чертами которого был бюрократизм и высокая загруженность судебных чиновников [6, с. 12]. Кроме того, некоторые авторы отмечают, что приблизительно в 1915 году Рамзи был арестован и отправлен в Сибирь, но в результате больших усилий ему удалось бежать и вернуться к своей се-

мье в Оренбург [1, с. 41; 11, с. 154]. С учетом всего этого нельзя исключить и наличие высоких покровителей у М. Рамзи, которые могли повлиять как на затягивание процесса, так и на избежание наказания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе документов переписки между ККП и прокурором Саратовской судебной палаты, канцеляриями Казанской и Уфимской губерний, Оренбургским, Казанским и Уфимским губернаторами, Главным управлением по делам печати относительно цензурного преследования "Талфика" было установлено, что арест, наложенный на издание Казанским комитетом, был утвержден Саратовской судебной палатой, но приговора "об уничтожении тиража не состоялось". А что касается конфискации арестованного тиража, то этот вопрос остается не достаточно ясным, поскольку его документального подтверждения не обнаружилось.

Что же касается уголовного преследования автора, то из документов следует, что он к судебной ответственности привлечен не был. Кроме того, примечательно, что в конечном судебном определении значатся не все статьи, по которым изначально выдвигалось обвинение инспекторами печати. Например, как мы уже упоминали, ККП просил привлечь автора к ответственности, в том числе по ст. 104 Уголовного уложения за "оскорбление августейшего имени Государыни Императрицы Марии Федоровны" (ч. 1 и 2 ст. 104). Однако в самом "Талфике" есть следующие строки: "Супруга Николая II лишена религиозного фанатизма, склонна к свободе и равенству, подобно Екатерине II, ибо она немецкого происхождения, как и Екатерина II, в противоположность супруге Александра III, которая крайне фанатична, состоит председателем и покровительницей–защитницей Миссионерского общества" [10, с. 314], но суд, видимо, не нашел состава преступления в этих словах.

В итоге, согласно последнему судебному определению, М. Рамзи должны были привлечь к ответственности за совершение государственных преступлений – возбуждение бунта или государственную измену (ст. 129, п. 1), оскорбление памяти усопших ближайших предков и предшественника царствующего Императора (ст. 107) и преступление против Церкви – "богохуление" (ст. 73).

Несмотря на цензурное преследование, экземпляры этой книги сейчас хранятся в нескольких библиотеках России и за рубежом, а на основе встречающихся упоминаний о том, что рассматриваемое нами сочинение присутствовало в частных коллекциях представителей мусульманской интеллигенции [7, с. 8] Урало–Поволжья в начале XX века и даже иногда использовалось в качестве учебного пособия в медресе [13, с. 224; 14, с. 57–

58], можно сделать вывод, что книга, которая стала источником нашего исследования, успела получить определенное распространение среди современников М. Рамзи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abdulsait Aykut. The Intellectual Struggle of Murad Ramzi (1855–1935) an Early 20th Century Eurasian Muslim Author: Doktoral Theses. – Wisconsin–Madison University. – 2015. – 401 p.
2. Гараева Н. Г. Кем ул Морад Рамзи? // Казан утлары. – 1990. – № 2. – Б. 171–175 (на татар, яз.).
3. Гараева Н. Г. Традиции татарской историографии XIX века и "Талфик ал-ахбар..." М. Рамзи // Проблема преемственности в татарской общественной мысли. – Казань, 1985. – 246 с.
4. О временных правилах о повременных изданиях : именной высочайший указ, данный Сенату // Собр. узак. 1905 г. – Ноября 26. – Отд. I. – Ст. 1879.
5. Каримуллин А. Г. Татарская книга начала XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. – 320 с.
6. Курас Т. Л. Общая характеристика судебных палат в российской империи (на примере варшавской палаты (1876–1917 гг.) // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 3. – С. 11–18.
7. Мехдиев Р. Н. Дамелла Абдулла-хазрат Сейидбаттал углы Муллакаи. – Оренбург: Вакт 1916. – 17 с.
8. Мосолкин С. В. Саратовские судебные процессы по делам периодической печати (1905–1907 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №5–1. – С. 93–98.
9. Об аресте неповрежденных изданий 1908 г. // Национальный архив РТ, Казанский временный комитет по делам печати. – Фонд 420. – Опись 1. – Дело 115.
10. Рамзи М. М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. – Т. 2. – Оренбург Тип. Каримова и Хусаинова, 1908. – 539 с.
11. Сайфетдинова Э. Г. Источниковая база сочинения Мурада ар-Рамзи "Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулукат-татар" (золотоордынский период) // Золотоордынская цивилизация. – 2016. – № 9. – С. 153–158.
12. Уголовное уложение 1903 г. – СПб.: Изд. В.П. Анисимова, 1903. – 250 с.
13. Салихов Р. Р. Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью : вторая половина XIX – начало XX вв.: диссертация ... докт. истор. наук: 07.00.02. – Казань, 2006. – 365 с.
14. Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман – тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Книга 1 / пер. с тур. – Уфа: Китап, 1994. – 649 с.

© С.З. Ахмадуллин, (salahmad@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЦЕРКОВЬ И НАРОД В БОРЬБЕ С ОБНОВЛЕНЧЕСТВОМ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ ПРИ ПАТРИАРХЕ ТИХОНЕ

Борисюк Андрей Анатольевич

Аспирант,

Православный Свято-Тихоновский

Гуманитарный Университет

THE CHURCH AND THE NATION IN THE FIGHT AGAINST THE RENOVATIONIST SCHISM IN THE TERRITORY OF MOSCOW UNDER PATRIARCH TIKHON

A. Borisjuk

Annotation

This article analyzes the confrontation between the faithful of the city of Moscow Renovationist schism, which happened in the 1920-ies with the support of the Soviet government.

According to the author, the Bolsheviks planned to make the ranks of the faithful dissension and divide the Church from within. In article it is shown that for this purpose, the Bolsheviks created a separate religious group, loyal to the Soviet government and undermining the basic principles of Orthodoxy. The group went down in history as a Living Church, or Renovationist schism. The article deals with the mechanisms of popular resistance that structure. The author explores the depth of participation of the faithful in this resistance. The article examines mechanisms regulating this people's struggle: resolution of the Council of 1917–1918, appeals of Patriarch Tikhon. The paper assesses the effectiveness of popular resistance in the territory of separately taken region. The author proves that Moscow becomes the center of events. Based on the analysis of documents, the author comes to the conclusion that the struggle with Renovationism made a truly national character. The article shows that most clearly showed itself in this struggle, the parish councils of the city of Moscow. The system of Church Councils created by the local Council of 1917–1918, was the firm shield, which broke the aggressive plans of the Bolsheviks.

Keywords: Patriarch Tikhon, the Orthodox Renovationism, the Living Church, the Parish Councils, the Bolsheviks, the persecution of the Church, Communism, Repression.

Аннотация

В данной статье анализируется противостояние верующего народа города Москвы обновленческому расколу, который случился в 1920-е годы при поддержке советской власти.

По мнению автора, большевики планировали внести в ряды верующих раздор и расколоть Церковь изнутри. В статье показано, что для этой цели большевики создали отдельную религиозную группу, лояльную советской власти и подрывающую базовые принципы православия. Группировка вошла в историю как Живая Церковь или обновленческий раскол. В статье рассматриваются механизмы народного сопротивления этой структуре. Автор исследует глубину участия верующего народа в этом сопротивлении. В статье изучаются механизмы, регламентирующие эту народную борьбу: Постановления Собора 1917–1918 гг., обращения и воззвания патриарха Тихона. В статье оценивается эффективность народного сопротивления на территории отдельно взятого региона. Автор обосновывает, что именно Москва становится центром происходящих событий. На основании анализа документов, автор приходит к выводу, что борьба с обновленчеством приняла действительно народный характер. В статье показано, что особенно ярко показали себя в этой борьбе приходские советы города Москвы. Система Церковных Советов, созданная Поместным Собором 1917–1918 гг. стала непоколебимым щитом, о который разбились агрессивные планы большевиков.

Ключевые слова:

Патриарх Тихон, Православие, Обновленчество, Живая Церковь, Приходские Советы, Большевики, Гонения на Церковь, Коммунизм, Репрессии.

1917 год стал для России роковым. В этом году был свержен законный государственный строй, последовал хаос и гражданская война. В этом же году начинаются первые гонения на Церковь. Непосредственно в жизни Церкви происходят и другие знаковые события: восстанавливается патриаршество, меняются принципы Церковного управления. Собор 1917–1918 гг. наделил мирян правом участия в Церковном управлении всех уровней: Создаются Епархиальные, Благочиннические и Приходские Советы.

В условиях гонений, Русская Церковь и ее новые управленческие принципы "проверяются на прочность". Аресты, расстрелы и ограбления храмов стали лишь видимой частью этих гонений. Случались и провокации. В 1922 году начинается особенный эпизод гонений – поддержка советской властью обновленческого раскола. Обновленческий раскол представлял собой возникновение новых управляемых просоветских церковных структур, дискредитирующих православие. Обновленцы прославились попытками либерализации Церковной жизни

и нарушениями канонов ради желания казаться современнее и отличились ярким рвением в угождении советской власти. Несмотря на то, что обновленческий раскол изучался многими исследователями, до сих пор по нему имеется ряд спорных вопросов. Некоторые авторы отмечают, что одной из специфических сторон истории изучения рассматриваемой темы является большое количество околонучных материалов. В частности об этом говорит историк И. В. Соловьев.[1] Сама природа обновленчества имеет различные трактовки. Некоторыми исследователями природа обновленчества даже рассматривается как позитивное и прогрессивное явление, которое вылилось в катастрофу лишь из-за того, что было поддержано большевиками.[2] Другими исследователями это явление рассматривается как болезнь, корни которой уходят в конец XIX–начало XX вв.[3] Несмотря на довольно большое количество работ по изучению обновленчества, имеют место споры и фактически неизученные срезы проблемы. Так, например, остается в тени тема народного сопротивления обновленцам.

Постановления Собора 1917–1918 гг. позволили мирянам широко участвовать в Церковных Советах. Простые верующие стали стороной, принимающей решения. Теперь их можно рассматривать как отдельный субъект, в том числе и в контексте противодействия расколу. К сожалению, народная борьба против обновленческого раскола остается практически неизученной. Мы частично восполним этот пробел, разобрав эпизод противостояния Церкви, при поддержке народа с одной стороны, и обновленцев с другой стороны на территории Москвы. Таким образом, проблематика нашей статьи находится на стыке истории развития структуры патриаршей Церкви и истории обновленчества. Объектом внимания станет народ и его роль в противостоянии патриаршей и обновленческой Церкви.

Расцвет обновленчества приходится на 1922 год. Именно в этом году, в марте, происходит арест патриарха Тихона. Уже совсем скоро, 29 мая 1922 года в Москве при негласной поддержке ГПУ НКВД РСФСР проходит учредительное собрание так называемой "Живой Церкви".[4] Новая "религиозная организация" получает поддержку атеистического режима. Действующий патриарх арестован. Новая структура объявляет себя "единственной канонической церковной властью".[5]

Разумеется, с точки зрения Церковного права это выглядело незаконно. Живая Церковь вошла в историю как "обновленческий раскол".

Важной особенностью этого раскола является государственная поддержка: обновленцы в один миг получили власть над всей структурой Русской Церкви. Все решалось с позиции силы. Советская власть организовала арест законного патриарха и других значимых церковных руководителей. Вся структура Русской Церкви оказалась формально подчинена раскольникам.

То есть обновленцы, это не какая-то отдельная религиозная организация, которая бы конкурировала с законной Русской Православной Церковью. Обновленцы –

это искусственная надстройка, которой в 1922 году была директивно подчинена Русская Православная Церковь в полном составе со всеми храмами и монастырями. Об этом говорит анализ структуры управления: обновленческая Церковь была представлена Высшим Церковным Управлением, взаимодействующим с Московским Епархиальным Управлением, которое в свою очередь взаимодействовало с благочинными[5].

Структурно, механизм подчинения Русской Православной Церкви выглядел следующим образом: высший уровень управления был ликвидирован и заменен новыми обновленческими структурами, благочиния (средний уровень) – подчинены обновленцам напрямую. Приходы (низший уровень) – подчинены обновленцам через благочинных. Высшее Церковное Управление (обновленческое) осенью 1922 года издает указы, направленные на жесткий контроль Московских благочинных: "принять в непосредственное ведение ВЦУ благочинных и настоятелей г. Москвы, подчинив их заведующему административно-организационной частью ВЦУ, <...> запретить поминовение патриарха Тихона во всех храмах".[6] Управление ими проводится с позиции силы: "Протоиерею В.Д. Красницкому наблюдать за выполнением сего постановления в церквях г. Москвы, возложив ответственность за невыполнение сего постановления лично на благочинных и настоятелей церквей. Неисполнение означенного распоряжения будет служить знаком явной политической контрреволюционности <...> Церковный ВЦУ предлагает Управлению доносить о лицах, неподчиняющихся сему предписанию, увольняя немедленно от занимаемых должностей всех настоятелей церквей, где таковое распоряжение не будет исполняться. О сем МКУ дается указание срочного объявления благочинным и подведомому им духовенству".[6]

Итак, благочинные оказываются лично ответственными за подчинение всех храмов Москвы обновленцам, в противном случае их ожидают репрессивные меры. Во время подготовки Обновленческого Собора 1923 года все приходы должны были выдвигать на него кандидатов, показав свою лояльность словом и делом. Никто из благочинных не имел права возразить. Нам удалось найти только один эпизод серьезного сопротивления на уровне Московских благочиний. Отказался участвовать в отправке делегатов на Обновленческий Собор благочинный 4-го отделения Замоскворецкого сорока Константин Скворцов. В результате его благочиние было упразднено[7]. Но даже этот священник ранее выражал обновленцам лояльность, потому что, по его словам, от вынужденной лояльности, "в силу сложившихся тогда обстоятельств, благочиние отказаться не могло".[7]

То есть Московские Благочиния были крайне жестко подчинены обновленцам. Могло ли быть на этом уровне народное сопротивление? Теоретически да. Воспользовавшись постановлениями Собора, миряне могли воспрепятствовать деятельности обновленческих священников или вообще недопустить избрания подобных, в соответствии с пунктом 76 Определения о Епархиальном

управлении.[8] Хотя, конечно, это была опасная борьба. Сопротивление обновленчеству рассматривалось как контрреволюция, а священников замеченных в ней высылали.[6] Примером народного сопротивления на уровне благочиний является история все того же протоиерея Константина Скворцова. После расстрела своего предшественника священномученика Сергея Заозерского именно он избирается новым благочинным, однако, решает отказаться от должности. Позже он докладывал: "я счел себя не вправе занимать выборную должность по назначению и подал заявление о сложении с себя обязанностей благочинного и об избрании на таковую должность нового лица".[9] Однако, подчиненное духовенство и прихожане, все же его единогласно избирают, видя его верность Церкви. То есть народ не дал верному священнику права самоустраниться. Понимая значимость народного потенциала в системе Церковного управления, большевики пытались держать Благочиннические Советы в подчинении, незаметно выявляя своих идейных противников. Существовала такая схема: обновленцы выступали на собраниях Благочиннических округов, организовывался диспут, где каждый высказывал свою позицию. Оппоненты обновленцев "через несколько дней обычно арестовывались и высылались из Москвы".[10]

Система контроля за Московскими благочинными воспринималась обновленцами как эталонная и ставилась в пример другим регионам. Так, с июля 1922 г. в планы "Живой церкви" входит образование по всей России системы управления подобной "московской".[11] И, тем не менее, лазейка для сопротивления все-таки остается.

Намного интереснее разворачиваются события на уровне Приходов. Дело в том, что Приходов было много, а сил и административного ресурса у обновленцев и большевиков – ограниченное количество. В 1920 году в Москве действовало около 260 приходов.[12] Если, гипотетически, обновленцы могли контролировать 17 благочинных и могли пытаться манипулировать 17 благочинническими Советами, то контролировать около 260 Приходов и Приходских Советов было уже намного сложнее. Тем более, деятельность Приходских Советов могли покрывать Благочинные, которые выражали лояльность обновленцам лишь формально. Именно здесь у простого народа появляется намного более реальная возможность самовыражения.

Рассмотрим механизмы народного самоуправления, заложенные Собором 1917–1918 гг. Управление приходами, согласно постановлениям Собора 1917–1918 гг., осуществлялось через Приходское Собрание и Приходской Совет. Приходской Совет, являлся выборным органом: "В состав Совета входят все члены причта, церковный староста или его помощник, избираемые миряне обоюбого пола".[13] Уже с самого начала эпохи церковной смуты, приходские Советы выражают обновленцам протест. Например, приход храма Богоявления в Елохове отстраняет назначенных ВЦУ протоиереев-обновленцев, членов группы "Живая Церковь".[14] Подобным об-

разом оказывал сопротивление кадровым решениям Московского Епархиального Управления и приходской совет храма Даниловского кладбища (отстраняет обновленческих назначенцев)[15]. Примечательно, что оба приведенных в пример прихода не понесли никаких последствий за свои действия. В адрес первого со стороны ВЦС лишь последовал упрек, что действия Приходского Совета "канонически неправильным".[15] Есть и другие примеры. Сопротивление кадровым решениям обновленцев через Приходской Совет оказывали также прихожане Храма на Ваганьковском кладбище[16]. Мы приводим примеры кладбищенских храмов не просто так. Уже в самом начале церковной смуты, обновленцы объявляют, что кладбищенские храмы становятся для них особо приоритетными. На августовском Съезде "Живой Церкви" в 1922 г. В. Д. Красницкий говорил о необходимости подчинения всех московских кладбищ для того, чтобы обеспечить обновленчеству материальный источник существования[17]. Это неудивительно, ведь кладбищенские храмы были наиболее доходными. Но даже тут обновленцы получают отпор. Происходит волеизъявление народа, с которым советская власть ни чего не может сделать законными методами. Прихожане получили широкое влияние. И если даже, теоретически, большевики могли сломить дух некоторых священников, то сломить дух всему приходу было намного сложнее. Большевики это понимали и оценивали работу Приходских Советов следующим образом: "приходские советы – те безответственные элементы, кои хотя и именем Церкви и под флагом Церкви свергнуть Советскую власть". Как замечают исследователи "руководство органов политического сыска СССР издаст даже особое распоряжение о перевыборах Приходских Советов прежнего состава, т.к. именно они стали надежной преградой для распространения раскола и, в ряде случаев, только они оказывали "удерживающее влияние" на своих пастырей, готовых идти на недопустимые компромиссы"[18].

Таким образом, на уровне Приходов новая административная структура стала залогом непокорности Церкви. Ключевую роль стал играть, народ, а его во всей массе обмануть или запугать было гораздо сложнее, чем какого-либо отдельно взятого человека. И так, в период, когда патриарх был арестован, а высшая власть в Церкви захвачена, новая система Церковного управления дала возможность народу проявить себя достойно, что наглядно наблюдается на уровне приходов.

На XII Съезде РКП(б), проходившем в Москве с 17 по 25 апреля 1923 г., было признано, что в сжатые сроки невозможно уничтожить религию в России, и предлагались более долговременные меры.

В июне 1923 года патриарх выходит на свободу. Возобновляется работа патриаршего Епархиального Совета[19], начинается новый этап в жизни Церкви – теперь обновленческая Церковь оказывается не единственной разрешенной, а конкурирующей с патриаршей. Обновленцы эту конкуренцию проигрывают. Здесь играет роль уже не только народ, но и сам патриарх, священному-

ченник Илларион (Троицкий) и другие яркие Церковные деятели. Но сам факт выпуска на свободу патриарха, сам факт признания большевиками невозможности быстрого подавления православия во многом зависел от деятельности Приходских Советов с мая 1922 по июнь 1923. Этот период становится временем в первую очередь народной борьбы с обновленчеством. Кроме того, и в период с 1923 по 1925 Церковные Советы продолжают играть роль серьезного барьера на пути распространения раскола. В 1925 году, когда обновленцы уже фактически потерпели Крах, они еще надеялись выправить свое положение, добившись от правительства силовой смены Приходского Устава Патриаршей Церкви. Раскольники аргументировали свою позицию тем, что Устав "дает возможность кулацким элементам совета держать в кабале священника <...> под давлением Совета уходящего в Тихоновщину".[20] Даже в 1925 году новые

принципы церковного управления были одним из главных препятствий к покорению Церкви. Именно эти принципы позволили народу отстоять право на свою веру. Сам Патриарх Тихон, еще в 1918 году, задолго до обновленческого раскола, оценил их по достоинству: "по опыту своему знаю, какую силу и мощь в церковном деле представляет собой мирской элемент, правильно направляемый. Миряне – живая сила".[21] Патриарх видел в этих принципах большое будущее. Обращаясь к Приходским Советам в 1918 году он говорил: "Меня утешает, что все вы живете общим соборным разумом. И уверен, что рано или поздно это будет везде".[21] Этот соборный разум и механизмы реализации народного волеизъявления наглядно и колоритно проявили себя во время Обновленческого раскола в 1922–1925 гг. Во многом благодаря этим принципам обновленческий раскол и был побежден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев И. В. Обновленческий раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики), М., 2002. С. 17
2. Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века, СПб., 1999. С. 64
3. Цыпин В., прот. Обновленчество. Раскол и его предыстория // Сети обновленного православия. М., 1995; Цыпин В. Прот. Вопрос о епархиальном управлении на Поместном Соборе 1917–1918 годов. // Церковь и Время №1 (26). М. 2004. С. 160
4. Штрикер Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). М., 1995. С. 198
5. Живая Церковь. 1922. № 3. С. 2
6. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–10б
7. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 290б–30
8. Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о епархиальном управлении 1 (14), 7 (20), 9 (22) Февраля 1918 года
9. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 197. Л. 29
10. Краснов–Левитин А. Э., Шавров В. М. После раскола // Очерки по истории русской церковной смуты. Москва; Кюнсхат (Швейцария), 1996. С. 78.
11. Живая церковь. 1922. № 4 – 5. С. 23
12. Степанов Владимир Свидетельство обвинения: церковь и государство в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1987. С. 84
13. Приходской устав, принятый Поместным собором Русской Церкви 20 апреля 1918 года.
14. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 100
15. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 87
16. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 67
17. Поспеловский Д. В. Церковное обновление, обновленчество и патриарх Тихон // Церковь и время. 1999. № 2. С. 31
18. Соловьев. И. Церковно-приходская жизнь Москвы в начале 1920-х годов // Журнал "Церковь и время" № 50, М., 2010. С. 78
19. Виноградов В. П., протопресв. О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности св. патриарха Тихона (1923–1925 гг). Мюнхен, 1959.
20. Шкаровский М. В. Влияние Всероссийского Поместного Собора в Советскую эпоху // Церковь и Время №1 (26). М. 2004. С. 175. Со ссылкой на вестник Священного Синода. 1925. № 2.
21. Беглов А. Л. Церковно-общественные движения на рубеже 1910 – 1920-х гг. URL: <http://pstgu.ru/download/1282645592.beglov.pdf> (Дата обращения: 01.06.2017)

© А.А. Борисюк, (Andreyborisyuk@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАНИН В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

SPATIAL ORGANIZATION OF REINDEER HERDING OF THE NOMADIC POPULATION OF THE KANIN PENINSULA IN THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

S. Kiselev

Annotation

In this paper, the spatial organization of reindeer breeding of nomadic nenets and komi-izhemtsi in the first quarter of the 20th century is considered. The organization of nomadism and the system of land using in reindeer husbandry are analyzed. The features in the land using of nenets and komi-izhemtsi in the first quarter of the 20th century, as well as the transformation of the industry in the 20th century, are revealed. Based on the study, the author makes a conclusion about the main factors that determined the spatial organization of reindeer breeding in the region.

Keywords: ethnology, traditional economy, reindeer herding, nenets, komi-izhemtsi, Kanin peninsula.

Киселев Станислав Борисович
Ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Аннотация

В данной работе рассматривается пространственная организация оленеводства кочевых ненцев и коми-ижемцев в первой четверти XX века. Проанализированы организация кочевания и система землепользования в оленеводстве. Выявлены особенности в природопользовании ненцев и коми-ижемцев в первой четверти XX века, а также трансформация отрасли в XX веке. На основе проведенного исследования автором делается вывод об основных факторах, определивших пространственную организацию оленеводства в регионе.

Ключевые слова:

Этнология, традиционное природопользование, оленеводство, ненцы, коми-ижемцы, полуостров Канин.

Канинская тундра, располагающаяся на северо-западе Архангельской области, считается крайне западным районом массового расселения ненцев. Основными отраслями хозяйства канинских ненцев (как и ненцев других групп) является оленеводство, охота и рыболовство.

Помимо ненцев в Канинской тундре в настоящее время проживают коми-ижемцы, появление которых здесь относится к последним десятилетиям XIX столетия. Основной отраслью хозяйства коми-ижемцев на Европейском Севере уже в конце XVIII века было крупностадное товарное оленеводство с гораздо меньшим значением рыболовства и охоты по сравнению с системой хозяйства ненцев. Далее, на протяжении XIX века крупностадное оленеводство начинает развиваться и у ненцев, в том числе, под влиянием коми-ижемцев. Причем, такое влияние не обязательно могло идти в форме прямого заимствования – проникновение коми-ижемцев в тундру само по себе приводило к трансформациям в системе хозяйства европейских ненцев (нарушение традиционных путей кочевания, расширение возможностей для обмена и торговли и пр.) [19].

В хозяйственном отношении в первой четверти XX века кочевые ненцы и коми активно осваивали всю территорию полуострова Канин, доходя зимой до зоны северной мезенской тайги. Основные зимние пастбища оленеводов региона располагались на южном берегу Мезенской губы в бассейнах рек Сояна и Кулой, в бассейне реки Пёзы, а также в среднем течении рек Несь, Ома, Пеша [15, с. 220].

Оленеводство, как основа хозяйственной деятельности кочевых населения канинской тундры, к концу XIX – началу XX века по своему характеру являлось крупностадным с большой, в среднем, степенью товарности – продукция оленеводства (мясо, шкуры и пр.) находила сбыт в населенных пунктах севера Архангельской области. В среднем размер стад кочевников в регионе достигал 200–300 голов на хозяйство. К крупностадному типу оленеводства ненцев и коми-ижемцев Европейского Севера относит и А.В.Головнев [12]. Однако, при ближайшем рассмотрении, хозяйства оленеводов по числу оленей демонстрировали большое расслоение: от 10–15 голов на хозяйство у самых бедных до 1,5–2 тыс. у наиболее зажиточных оленеводов [18, с. 50]. Из этого

обстоятельства следует то, что ненцы и, хотя и в меньшей степени, коми-ижемцы полуострова Канин, сохраняя, в целом, крупностадный оленеводческий тип хозяйства, в региональном отношении распадались на ряд хозяйственно-локальных групп, отличаясь между собой размерами стад, а, следовательно, характером оленеводства и значимостью других видов деятельности (рыболовство, охота и пр.), что необходимо учитывать при исследовании хозяйства отдельных групп кочевых ненцев.

Состав стад у кочевого населения региона был также неодинаковым: у зажиточных ненцев и коми, хозяйство которых было ориентировано именно на оленеводство, в стаде было больше важенок (самок), что увеличивало приплод, а в стадах средних и мелких хозяйств, члены которых также активно занимались другими видами традиционного природопользования (рыболовство, охота и пр.) больший процент составляли кастрированные ездовые быки, которых запрягали в нарты. Наконец, существовала также самая бедная группа местного населения, хозяйство которых базировалось на охоте и рыболовстве, а оленей они держали как необходимую перевозочную силу – стада этой группы состояли практически исключительно из ездовых быков.

Численность оленей в стаде была непостоянной. Она увеличивалась после отела и уменьшалась после массового забоя, который обычно производился поздней осенью, когда олень давал максимальный деловой выход мяса.

В XIX – первой половине XX в., в традиционном северном оленеводстве существовала устойчивая система землепользования с постоянным или длительным закреплением пастбищ и маршрутов кочевания. Нарушения издавна установленных границ встречались крайне редко и предполагали определенные наказания [16, с. 88]. Однако на Европейском Севере России уже во второй половине XVIII века проникновение в тундры коми-ижемцев приводило к изменениям в традиционных маршрутах кочевания – пришлое население "выдавливало" ненцев на новые пастбища, которые в свою очередь теснили соседей, что приводило к эффекту "домино" и к изменениям в системе землепользования в целом.

Низшей единицей – землепользователем могла быть отдельная семья, но чаще стойбище – временное или длительное объединение 2–5 семей, т. е. 10–25 человек, как правило, связанных узами родства или свойства. Группа из 8–12 близко расположенных стойбищ (100–250 человек) составляла следующий социальный уровень. Семьи и стойбища оленеводов, кочующие в бассейне одной реки или тяготеющие к определенному центру – фактории (200–600 человек), образовывали группу более высокого уровня – обычно со своим самоназ-

ванием, локальным самосознанием и даже элементами внутриэтнического выделения [16, с. 88].

Оленеводство ненцев и коми полуострова Канин в первой трети XX века имело кочевой характер. Зимой большинство хозяйств проводило в лесной полосе в бассейне реки Мезень в среднем и нижнем ее течении. Можно выделить два основных района зимовок канинских оленеводов – район рек Сояна и Кулой, а также бассейн реки Пёзы. Эти территории относятся к зоне северной тайги с преобладанием здесь слабо облесенных верховых болот, на которых в изобилии растут лишайники и сфагнум, а также с предтундровыми редколесьями и разряженными североаажными лесами вдоль русел крупных рек [10, с. 36].

Небольшая часть кочевников оставалась севернее и кочевала в районе русских поселений на реках Вижас, Ома и Пеша [18, с. 53], где проживало оседлое промысловое население, занимающееся преимущественно охотой и рыболовством. В районе этих поселений проходит граница между лесотундрой и северной тайгой. Местный ландшафт характеризуется слабой облесенностью и обилием зеленомошных кустарниковых болот [10, с. 39].

В зимний период оленеводы совершали лишь незначительные перекочевки, попутно занимаясь охотой и заготовкой древесины для хозяйственных нужд.

Весной (примерно с марта) начиналась откочевка оленеводов на север и к июню–началу июля они достигали летних пастбищ на самом полуострове Канин в северной или центральной его части. Район "летовок" зависел от степени зажиточности оленевода: наиболее богатые из них уходили дальше на север, достигая побережья Баренцева моря. Это имело смысл, так как здесь олени меньше страдали от гнуса и оводов, что увеличивало "нагул" мяса и, соответственно, его выход при забое. Данную причину в качестве основного мотива перекочевки оленеводов к побережью выделяла Л.В.Хомич [18, с. 57]. Однако, как минимум столь же важным побудительным мотивом представляется поиск весенних пастбищ, которые в кормовом отношении удовлетворяли бы нужды оленеводства – сами особенности питания оленей делали наиболее выгодным именно уход на самый север полуострова. Зимой в питании оленей преобладают лишайники, летом – зеленая растительность (ягель в этот период составляет 15%–40% процентов пищи) [13, с. 21]. Соответственно, в их корме в течении года преобладают разные вещества. Можно сказать, что зимой они питаются сахаром (углеводы лишайников близки к сахарам), а летом – растительным мясом (в молодой зелени содержится много белков). Важная особенность годового баланса питания оленей – не накопив летом в организме белков, олени не смогут накопить жира.

В северных широтах, у моря лето наступает позже. Двигаясь на север к морскому побережью, олени продлевают начало лета дней на 20, значительно увеличивая время питания молодой зеленью. В этом смысл и необходимость миграций для северных оленей [11, с. 15]. Следовательно, те кочевые хозяйства, которые на летние пастбища уходили как можно дальше на север полуострова к морскому побережью, с наибольшей эффективностью и дольше всего окормливали пастбища с молодой зеленой растительностью, что увеличивало нагул жира оленями, а также влияло, из-за хорошей упитанности, и на другие показатели – снижение доли яловых самок, уменьшение процента гибели телят на следующий год и т.д.

Средние и мелкооленные хозяйства, которые значительный доход извлекали также от рыболовства, располагались на летовки южнее – в средней части полуострова, тяготея к богатым рыбой водоемам. Кроме этого, одним из вариантов организации кочевания было объединение стад средних и мелких хозяйств, когда часть оленеводов оставалась выпасать общее стадо, а часть уходило на рыболовецкий промысел. Кроме экономической выгоды, это было обусловлено рядом объективных факторов: 1) большие стада с численностью оленей около 1 тыс. голов легче окарауливать из-за чувства стадности, которое свойственно оленям [18, с. 56]; 2) большие стада были сильнее защищены от гнуса и оводов по сравнению с малыми [11, с. 96].

Кочевали в этот период обычно переходами по 10–15 км. Причем быстрее всего двигались к летним пастбищам богатые оленеводы, так как чем крупнее было стадо, тем непродолжительнее были стоянки на одном месте в связи с потребностью в новых пастбищах [18, с. 54].

Кроме этого, на пространственную организацию кочевания непосредственно оказывали влияние ключевые этапы годового цикла оленеводства: случка оленей (вторая половина сентября – начало октября), отел (апрель–май), забой (поздняя осень). Так, на период отела стада разделялись: важеньки отделялись от самцов и второгодних телят. Для отела выбирались места, защищенные от ветра, с невысоким снеговым покровом, часто по берегам речек. Для исследуемого региона наиболее выгодным районом для отела являлась территория южной части полуострова от реки Несь на юге до реки Чижа на севере, где максимальная высота снежного покрова достигала 40–50 см [10, с. 27], что было ниже по сравнению с более северными районами. В то же время отел в лесотундровой и северо-таежной полосе увеличивал потери среди новорожденных телят от хищников, так как те с большим успехом могли незаметно подобраться к стаду.

Во второй половине XX века на Европейском Севере России произошла трансформация традиционной сис-

темы землепользования. Был образован колхоз "Канин" с центром в селе Несь. Начало его фактической деятельности относится к 1 апреля 1930 года, а устав был принят 5 июня 1930 года [2, л. 101, 114]. В 1929 году в Канинской тундре был образован промысловый колхоз "Ненец", в который вошли 4 хозяйства, а в августе 1935 года хозяйства распавшегося колхоза вошли в товарищество "Октябрь" [1, л. 83–86]. 22 октября 1934 года в канинской тундре было образовано 4 новых товарищества: "Тато" ("Искра"), "Виль-Туй" ("Новая дорога"), "Октябрь", "Виль-Олем" ("Новая жизнь") [3, л. 27–29; 4, л. 73–75]. В 1936 году на Канине было образовано еще 3 товарищества: "Нарьяна-Ханяна" (15 хозяйств), "Нарьяна-Вындер" (14 хозяйств) и "Кий" (13 хозяйств). Всего на 1 января 1937 года в Канинской тундре было объединено 103 хозяйства из 232 [5, л. 30]. В 1939 году ТСВО (Товарищество по совместному выпасу оленей) "Ким" и "Нарьяна-Вындер" объединились в один колхоз, которому дали название "им. Чкалова". В нем, как и в образованных ранее артелях произошло объединение оленей. Также в 1939 году было проведено объединение артелей "Вильолем" и "Октябрь" в один колхоз, которому в начале дали название "Октябрь", а потом он был переименован в колхоз "им. Ленина" [6, л. 193–196]. В том же году подобное объединение провели товарищества "Тато" и "Виль-Туй" – новый колхоз получил название "Северный полюс" [6, л. 212–218]. После ряда преобразований, в 1960 году на общем собрании колхозников было принято решение об объединении колхозов "Красный промышленник", "Канин", "им. Ленина", "Северный полюс" в один колхоз "Северный полюс" [7, л. 23], который в свою очередь в 1990-х годах был преобразован в СХПК "Община "Канин". Также в настоящее время в регионе осуществляет свою деятельность СПК "Восход" с центром в с. Ома, чьи пастбища располагаются вдоль западного берега Чешской губы.

К настоящему времени в регионе отсутствует частное оленеводство, а все земли закреплены за сельскохозяйственными промысловыми кооперативами (СПК). Низшей единицей землепользования является уже оленеводческая бригада, за которой закреплены пастбища и маршруты кочевания. Количество семей, составляющих оленеводческую бригаду обычно колеблется от 3 до 6. Причем такие показатели характерны для всего региона. Так, например, в состав СПК "Индиго" (Тиманская тундра НАО) входят 5 бригад, в которых работает 29 оленеводов (3–4 семьи на одну бригаду) [8]. В состав СПК "Дружба народов" (северо-восточная часть Большеземельской тундры и о-в Вайгач) входят 6 бригад, в которых работает 38 оленеводов (4–5 семей на одну бригаду) [9]. Т.е. несмотря на реорганизацию отрасли, количественный состав стойбища изменился очень мало: от 2–6 семей при частном оленеводстве до 3–6 при общинном или кооперативном, что продиктовано, прежде всего, нуждами самого оленеводческого хозяйства.

Следующий социальный уровень в настоящее время составляют группы оленеводческих бригад, относящихся к одному СПК или общине: выделенные регионы кочевания, частые переходы из бригады в бригаду, заключенные браки внутри такой группы бригад, тяготение к нескольким поселкам на территории кочевания, куда часто уходят жить представители старшего поколения, все это создает условия для формирования относительно замкнутых групп оленеводов [14].

Рассматривая условия, которые влияли на формирование системы хозяйства кочевого населения полуострова Канин нельзя ограничиваться исключительно естественно-географическими факторами. На его формирование напрямую влияло и социальное окружение, т.е. в данном случае речь идет о преимущественно русских поселках севера Архангельской губернии. Население таких поселков, с одной стороны, в XIX веке все более активно начинало конкурировать с оленеводами за наиболее продуктивные места промысла. Прежде всего это касается рыболовства. С другой стороны, между кочевым и оседлым населением региона в рассматриваемый период уже существовала устойчивая сеть экономических связей. Это касается продажи коми и ненцами продукции своего хозяйства в таких деревнях, закупки промыслового инвентаря, продуктов питания и т.д. Значение такого соседства иллюстрирует хотя бы то, что оленеводы, выбирая место для зимних пастбищ учитывали также и желательную близость их к населенному пункту. То есть можно сказать, что взаимодействие русских промысловиков с оленеводами влияло не только на экономику кочевых хозяйств, но и на пространственную организацию оленеводства и промыслов, в той или иной степени затрагивая все стороны жизни ненцев и коми.

Населенные пункты региона располагаются по берегам рек и практически отсутствуют на водоразделах. Для южной части рассматриваемого региона (деревни по рекам Мезень, Пёза, Кулой) характерно значительная их плотность, которые располагались на расстоянии 3–7 км друг от друга. Такие населенные пункты характеризовались относительно большим количеством населения.

Деревни к северу от г. Мезень по рекам Ома, Вижас, Несь также были расположены непосредственно по берегам этих рек. Однако в данном случае количество относительно крупных населенных пунктов было невелико. Обычно на реке, часто в нижнем течении недалеко от устья, располагалась одна деревня, от которой в нескольких километрах выше и ниже по течению располагались выселки, тяготеющие к деревне как к центру конкретного района.

В целом, можно выделить несколько групп населенных пунктов, которые оказывали влияние на кочевание оленеводов: 1. Мезенская группа, в которую входил г.

Мезень, а также деревни, расположенные по реке Мезени с южной границей группы в районе села Козьмогородское. Территории выше по течению р. Мезень уже практически не включались в пространственную организацию кочевого оленеводческого хозяйства. Всего в эту группу входило 16 населенных пунктов с общей численностью сельского населения 4546 человек, а вместе с жителями г. Мезень – 6744 чел.; 2. Юго-Западная группа, в которую входили деревни Долгощельской и Койденской волостей (с. Долгая Щель, д. Сояна, выс. Нижский; выс. Ануфриевский, деревни Койда, Майда, Мегра). Географически эта группа населенных пунктов расположена по реке Койда, по нижнему течению рек Сояна и Мегра. Всего в указанном районе было расположено 7 населенных пунктов с общей численностью жителей 2486 чел.; 3. Юго-Восточная группа, в которую входили населенные пункты Дорогорской волости, расположенные по р. Пёзе. Всего таких деревень насчитывается 12 шт., в которых проживало 1411 чел.; 4. Северо-Восточная группа населенных пунктов, расположенных по рекам Ома и Вижас с одноименными деревнями и выселками вокруг них. Всего в нее входили 9 населенных пунктов с 291 чел. постоянного населения; 5. Северная группа с 3 деревнями (Несь Мгла и Семжа), в которых насчитывалось 541 чел. [17].

В отношении влияния деревень региона на пространственную организацию кочевания коми и ненцев полуострова Канин можно выделить ряд обстоятельств: 1. Северная группа находилась в районе путей кочевания оленеводов при движении с летних пастбищ на зимние и обратно. Деревни Мгла, Семжа и, в особенности, Несь использовались кочевым населением как места закупки и сбыта товаров. То же обстоятельство играло ключевую роль при выборе этих территорий в качестве зимовок несколькими кочевыми хозяйствами; 2. Территории в районе северо-восточной группы населенных пунктов также использовались оленеводами как зимние пастбища. Деревни в районе рек Ома и Вижас, как и в предыдущем случае, играли роль экономических центров для кочевников; 3. Деревни Юго-Восточной, Юго-Западной и Мезенской групп формировали южную границу маршрутов кочевания канинских оленеводов. Деревни, расположенные в районе зимних пастбищ также были центрами сбыта и закупки необходимых оленеводам товаров. Кроме этого, нужно отметить, что центральная Мезенская группа представляла собой региональный центр, отличавшийся большой плотностью расположения населенных пунктов и сравнительно большой плотностью населения, что осложняло выпас оленей в этом районе (большая степень конкуренции за ресурсы со стороны оседлого населения, увеличенный фактор беспокойства для оленей и т.д.). В силу указанных причин район вокруг деревень Мезенской группы как бы разделял пути миграции оленеводов на два направления – подходя к зимним пастбищам часть коми и ненцев уходила на запад в

сторону юго-западной группы, а часть на восток к юго-восточной группе населенных пунктов.

Подводя итог, можно сказать, что влияние населенных пунктов южной части полуострова Канин и севера Архангельской области было двояким: с одной стороны, такие деревни выполняли роль экономических центров, где оленеводы покупали и сбывали товары, что обуславливало определенную степень тяготения оленеводов к русским деревням. С другой стороны, районы с наибольшей плотностью оседлого населения выполняли роль буфера для кочевников, ограничивая возможности для ведения кочевого хозяйства и заставляя смещать пути кочевания в другие районы.

Таким образом, хозяйство кочевых ненцев и коми-

ижемцев полуострова Канин в первой четверти XX века представляло собой сложную систему, куда входило оленеводство, как основной вид деятельности, а также охота, рыболовство и собирательство, значение которых также было достаточно высоким. Однако в этот период в хозяйственном отношении оленеводы не представляли из себя единство – уже выделились локальные типы систем кочевого жизнеобеспечения, отличающиеся между собой разной степенью значимости отдельных видов хозяйства. Факторами, определяющими стратегию освоения пространства разными группами кочевников были: естественные природно-географические условия, хозяйственная ориентация, а также степень "товарности" хозяйственной деятельности, от чего зависела степень тяготения отдельных семей к русским селам северной тайги и лесотундры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ненецкого автономного округа (далее ГАНАО). Фонд 1, опись 1, дело № 79.
2. ГАНАО. Фонд 8, опись 1, дело № 13.
3. ГАНАО. Фонд 83, опись 1, дело № 40.
4. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 4.
5. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 24.
6. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 76.
7. ГАНАО. Фонд 226, опись 1, дело № 11.
8. Информационное письмо СПК "Инди́га" о количестве оленеводов на 01.07.2016.
9. Полевые материалы автора. Полевые исследования в пос. Каратайка (Ненецкий автономный округ). Август 2012.
10. Атлас Архангельской области. М., 1976. 72 с.
11. Баскин Л.М. Северный олень. Управление поведением и популяциями. М., 2009. 281 с.
12. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.
13. Квашнин Ю.Н. Ненецкое оленеводство в XX–начале XXI века. Тюмень–Салехард, 2009. 168 с.
14. Киселев С.Б. Кочевое оленеводство канинских ненцев: что изменилось за 80 лет. Сравнительный анализ систем хозяйства оленеводов полуострова Канин в 1920–е и 2000–е годы // Приполярная перепись 1926/27 на Европейском Севере. СПб., 2010. С. 301–317.
15. Клоков К.Б. Основные группы населения и типы природопользования на севере Архангельской губернии и автономной области Коми в 1920–е годы // Приполярная перепись 1926–27 на Европейском Севере. Архангельская губерния и автономная область Коми. СПб., 2010. С. 216–236.
16. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. 268 с.
17. Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 г. Архангельск, 1907. 131 с.
18. Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.–Л., 1966. 327 с.
19. Istomin K.V. Komi reindeer breeding, its history and present conditions from the viewpoint of the ethnoecological approach. Tartu, 2001. 186 p.

© С.Б. Киселев, (stak0607@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И МИБО

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 12-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО КОРПУСА РККА В ПРИГРАНИЧНОМ СРАЖЕНИИ 1941г.

THE ROLE OF THE 3RD AND 12RD MECHANIZED CORPS IN THE BORDER BATTLE IN 1941

A. Kulagin

Annotation

The article focuses on the role of the 3rd and 12th mechanized corps of the northwestern front and the fighting during the Border battles 22 June – 9 July 1941 in the Baltic States. In the article the analysis of causes of failures of tank and motorized divisions North – Western front during the fighting. Defines the role of 3rd and 12th mechanized corps by the end of hostilities.

Keywords: 12th mechanized corps, 8th Army, 4th Panzer group, 3rd Panzer group, 41st motorized corps, the 56th motorized corps, the 39th motorized corps.

Кулагин Андрей Сергеевич
Независимый
исследователь

Аннотация

Статья посвящена роли 12-го механизированного корпуса Северо-Западного фронта и освещению его боевых действий в ходе Приграничного сражения 22 июня – 9 июля 1941 г. на территории Прибалтики. В статье проводится анализ причин неудачных действий танковых и моторизованных дивизий 12-го механизированного корпуса в ходе боевых действий. В статье освещается вопрос о роли соединений 12-го механизированного корпуса во фронтовом контрударе и в дальнейших боях в приграничной зоне. Также освещается роль соединений 12-го механизированного корпуса в осуществлении прикрытия отхода 8-й армии к Западной Двине.

Ключевые слова:

12-й механизированный корпус, 8-я Армия, 4-я танковая группа, 3-я танковая группа, 41-й моторизованный корпус, 56-й моторизованный корпус, 39-й моторизованный корпус.

Актуальность статьи, посвященной боевым действиям 12-го механизированного корпуса в ходе контрудара Северо-Западного фронта обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, боевые действия 12-го механизированного корпуса недостаточно освещены, так как его части попали в окружение под г. Грушкяем. Во-вторых, необходимо осветить и проанализировать ход и исход фронтового контрудара Северо-Западного фронта (в полосе ответственности 12-го механизированного корпуса), а также причины поражения частей 12-го механизированного корпуса в Приграничном сражении 22 июня – 9 июля 1941г.

В самом начале Великой Отечественной войны 12-й механизированный корпус (далее – мехкорпус) РККА должен был в 11.00 23 июня 1941г. перейти в наступление в юго-западном направлении, имея границей слева шоссе Таураге – Шауляй [1.С.141.]. Начальник Автобронетанкового управления Северо-Западного фронта полковник П.П. Полубояров просил прикрыть действия 3-го и 12-го мехкорпусов действиями истребительной авиацией, обеспечить их действия ударами бомбардировочной авиации, снабдить части 12-го мехкорпуса горючим и боеприпасами.

Докладную записку полковника П.П. Полубоярова в

штабе Северо-Западного фронта получили с опозданием, так как командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-полковник Ф.И. Кузнецов в 6.30 23 июня 1941 года поставил командиру 12-го мехкорпуса другую задачу: 23-й танковой дивизии, прикрывшись, справа двигаться в направлении на Шилале, Упинас, Вордзгпры, Россиены, где войти в связь с 48-й стрелковой дивизией; 28-й танковой дивизией уничтожить противника, выдвигавшегося к северу от Скаудвиле [10.С.348.]. В соответствии с этим командующий 8-й армией направил в 5.30 утра 23 июня 1941г. командира 12-го мехкорпуса боевое распоряжение № 02/оп на сосредоточение 12-го мехкорпуса для нанесения контрудара в котором говорилось следующее:

"12-му механизированному корпусу.

1. 23-й танковой дивизии выйти из подчинения 10-го стрелкового корпуса и поступить в подчинение 12-го механизированного корпуса. К 5 часам сосредоточиться в районе м. Ужвенты, м. Тверы, передав в мое подчинение мотострелковый полк в районе м. Ужвенты; быть в готовности нанести удар – м. Лавково, м. Шилели, м. Скавдвиле.

2. 28-й танковой дивизии к 5 часам утра сосредоточиться в прежнем районе в готовности к переходу в наступление в направлении м. Колтыняны, м. Скавдвиле.

3. 202-й мотострелковой дивизии занимать прежний район в готовности к переходу в атаку в направлении м. Скавдвиле." [2.ЛЛ.10,11]. Переход в наступление осуществлялся по особому указанию командующего 8-й армией.

Как мы видим, задачи механизированным корпусам постоянно менялись. Пока штабы Северо-Западного фронта, 8-й Армии и 10-го стрелкового корпуса уточняли и меняли боевые задачи 23-й и 28-й танковым дивизиям 12-го мехкорпуса, XXVI-й и I-й армейские корпуса 18-й полевой немецкой Армии продолжали успешное наступление. К 10.00 23 июня 1941 г. частями противника были заняты населенные пункты Кулей, Риетавас, Тверяй.

28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского, которая должна была принять активное участие во фронтовом контрударе, к 10.00 только вышла в исходный район. После 50-километрового марша танки и техника 28-й танковой дивизии остались без горючего. Армейский автотранспорт смог доставить только 16 бочек горючего, что было явно недостаточно, так как для заправки всех танков 28-й танковой дивизии требовалось не меньше 60 – 70 тонн бензина. Горючее доставили в расположение 28-й танковой дивизии только к 13.00, заправка боевых машин закончилась только через два часа.

28-я танковая дивизия после заправки танков горючим начала выдвижение двумя танковыми полками в направлении на Кряжай. 28-й мотострелковый полк по приказу командующего фронтом был оставлен в Риге. В ходе марша разведка донесла, что противника в Кряжае нет. Поэтому командир 28-й танковой дивизии полковник И.Д. Черняховский повернул части дивизии на юго-запад в направлении Калтиненай, Скаудвиле. Замысел командира 28-й танковой дивизии состоял в том, чтобы, не дожидаясь подхода частей 23-й танковой дивизии, перейти в наступление на Калтиненай силами 55-го танкового полка, где в 22.00 был обнаружен противник. С фронта удар наносили 23 танка, а с фланга – 17 танков. По итогам боя было заявлено о уничтожении артиллерийской батареи и до 7 противотанковых пушек противника. Собственные потери составили 13 танков. С наступлением темноты части 28-й танковой дивизии были отведены в район Пошиле.

Не смогли вовремя выйти в исходный район и части 23-й танковой дивизии, участвовавшие в боевых действиях вместе с частями 10-го стрелкового корпуса, поэтому начало контрудара пришлось отложить на три часа.

В результате 23-я танковая дивизия сосредоточилась в лесах севернее и северо-восточнее Тверяй к исходу 23 июня 1941 года. 23 июня 1941 г. части 23-й танковой дивизии во взаимодействии с частями 10-го стрелкового корпуса отражали атаки противника, обеспечивая правый фланг 28-й танковой дивизии. Одно-

временно 202-я моторизованная дивизия вместе с 9-й противотанковой артиллерийской бригадой сдерживала противника в районе г.Шауляя.

Штаб 12-го мехкорпуса, оценивая действия своих соединений, в своем донесении в штаб 8-й Армии вынужден был признать, что приказ №01 не выполнен, так как в контрударе участвовала только одна 28-я танковая дивизия и отсутствовало взаимодействие между ней и 23-й танковой дивизией[9.С.48,49.].

24 июня 1941 г., по приказу командующего 8-й Армией два танковых батальона 23-й танковой дивизии были приданы 90-й стрелковой дивизии с задачей – совместными действиями уничтожить противника в районе Шадов, Якайкай. В результате, попав под сильный артиллерийский огонь и не получив поддержки от пехоты 90-й стрелковой дивизии, танковые батальоны потеряли до 60% танков и отошли в исходное положение.

В результате, отсутствие разведки, общее незнание обстановки на фронте и поспешность в принятии решения приводило к ненужному распылению сил. Так, 28-я танковая дивизия наступала на Кельме, где оборонялась 202-я моторизованная дивизия. Не было также взаимодействия даже в составе самих 28-й и 23-й танковых дивизий. Например, 4-й танковый батальон 125-го танкового полка 202-й моторизованной дивизии, атаковавший Кельме в 21.30 24 июня 1941 года, был принят пехотой 202-й моторизованной дивизии за противника и обстрелян, в результате чего были подбиты 4 и сгорели 2 танка [11.С.53.].

Кроме того, выше стоящие штабы отдавали приказы через голову командира 12-го мехкорпуса генерал-майора Н.М. Шестопалова, внося этим дезорганизацию в управление частями 12-го механизированного корпуса. Плохо работали тылы, особенно в 28-й танковой дивизии, поэтому части испытывали большой недостаток в боеприпасах, горюче-смазочных материалах, запасных частях для боевых машин.

К исходу 23 июня 1941 года противник вышел на рубеж р. Миния, Риетавас, Скаудвиле, Расейняй, Каунас. Командующий 11-й Армией, действовавший на каунасском направлении, фактически потерял управление войсками. Несмотря на это, командующий войсками Северо-Западного фронта в 20.00 отдал командующему войсками 11-й Армии боевое распоряжение на ликвидацию прорыва противника в районе Каунас, где говорилось следующее: "...Приказываю ликвидировать прорыв противника в районе Каунас[а], уничтожив его, не дав уйти за реку Неман. Возьмите управление в свои руки. Где 5-я танковая дивизия? Установите, какое положение в Вильнюс[е]." [3.Л.255]. Но для выполнения поставленной задачи командующий 11-й Армией не обладал достаточными силами и средствами.

В 1.00 24 июня 1941 г. командир 28-й танковой дивизии получил приказ командира 12-го мехкорпуса атаковать на рассвете противника, прорвавшегося на Ваигово, находившееся в тылу дивизии в северо-восточном

направлении. Командир 28-й танковой дивизии развернул части дивизии, которые, совершив 25-километровый марш, вышли к Ваигово, где в действительности противника не оказалось.

В 6.30 23 июня 1941г. командующий войсками Северо-Западным фронтом отдал боевое распоряжение командующим войсками 8-й и 11-й Армий на уничтожение противника в районе Шилале, Скаудвиле, Видукле, Кельме в котором говорилось следующее: "Действия главной группировки армии с целью окружения до трех пехотных и одной танковой дивизий противника в районе Шилале, Скаудвиле, Видукле, Кельме не получили никакого развития. Эту задачу требую решить на рассвете 24.6.1941г. короткими сильными ударами 23-й танковой дивизии; ось движения – Шилале, Упинас, Воджгир, Россиены, где войти в связь с 48-й стрелковой дивизией.

23-й танковой дивизии прикрыть себя прочно справа, не попадая в ловушки. 28-й танковой дивизии во взаимодействии с 23-й танковой дивизией уничтожить танки, конницу и пехоту противника, выдвигающегося к северу от Скаудвиле. По выполнении этой задачи 28-ю танковую дивизию укрыть в лесах в районе Груджай, 23-ю танковую и 202-ю моторизованную дивизии укрыть в лесах в районе Бейсагола, Монтвидово, Крекенава.

Штаб 12-го механизированного корпуса – Крекенава" [4.ЛЛ.265 – 266]. Командиру 3-го мехкорпуса (без 2-й танковой дивизии) боевым распоряжением командующего Северо-Западным фронтом командующим войсками 8-й и 11-й Армий на уничтожение противника в районе Кейданы, Ионава от 23.6.1941г., предлагалось:

"5-й танковой дивизии и управлению 3-го механизированного корпуса немедленно поступить в подчинение командующего 11-й Армией, повернуть удар на Бобты, очистить район Кейданы, Ионава от немецких мастей и банд и быть готовыми по указанию командующего 11-й Армией короткими ударами очищать правый берег реки Неман в районе Каунас[а] от частей противника" [3.Л.255].

В соответствии с этим командир 12-го мехкорпуса отдал приказ №02 такого же содержания. Командир 28-й танковой дивизии получил его в 13.00 24 июня 1941г., однако выполнить его сразу не смог, так как в дивизии снова кончилось горючее. Оно стало поступать только с 19.00. В 22.00 в штаб 28-й танковой дивизии поступило приказание командира корпуса о переносе атаки на 25 июня.

Штаб 12-го мехкорпуса в донесении штаба 12-го мехкорпуса о боевых действиях корпуса в период с 22 июня по 1 августа 1941 года от 9.8.1941г. так оценивал боевые действия своих частей за 24 июня 1941 г.: "...Постановка задач приказом №02 штаба корпуса и боевым распоряжением штаба фронта на глубину 180 км (для 23-й танковой дивизии) была явно невыполнимой, что и получилось в действительности.

Отсутствие тщательной разведки противника, незна-

ние обстановки на фронте и поспешное принятие решений приводило к ненужному изматыванию и разбрасыванию сил.

Слабая работа тылов, особенно с подвозом горючего." [9.ЛЛ.1 – 14.].

Командующий Северо-Западным фронтом, оценив сложившуюся к исходу 24 июня 1941г. обстановку, принял решение отвести войска 8-й и 11-й армий на новый рубеж, упорной обороной на котором выиграть время для приведения частей в порядок, выделения и подтягивания резервов с целью последующего разгрома противника [7.С.25.]. 8-я Армия получила приказ отойти и занять для обороны рубеж Платеняй, Тельшяй, р. Шушва. 11-й Армии предстояло перейти к обороне на рубеже Кедайняй, р. Вилия, Олькеники. При организации обороны основное внимание предлагалось уделить созданию противотанковых рубежей. Отход намечалось начать в ночь на 25 июня 1941г. и закончить к утру 27 июня 1941г.

Командир 12-го мехкорпуса не получил приказ об отходе вовремя, поэтому части корпуса продолжали выполнять ранее поставленную задачу. В 2.50 командиром корпуса был отдан приказ №03 на контрудар в направлении Коркляны, Стульги, м.Кельми от 25 июня 1941г., в котором говорилось следующее:

"1. Противник танками и пехотой прорвался на м.Кельмы и м.Крожи.

2. 12-й механизированный корпус (без 202-й моторизованной дивизии) имеет задачу с 4.00 25.6.1941г. атаковать противника в общем направлении Коркляны, Стульги, м. Кельми.

3. 23-й танковой дивизии из района сосредоточения за 24.6.1941г. атаковать и уничтожить противника в направлении Ишлине, Шиманце, м.Кельмы. Промежуточный район сбора – леса [в] 4 км южнее Покроженце, после чего выйти за левый фланг 202-й мотострелковой дивизии и сосредоточиться в районе Верляны, Палтиш, Крыси.

...5. Начало атаки для 28-й танковой дивизии – 4.00, для 23-й танковой дивизии – в 6.00 25.6.1941г." [5.Л.1.].

К этому времени 23-я танковая дивизия находилась от объекта атаки в два раза дальше, чем 28-я танковая дивизия, и поэтому ее части не смогли выйти на указанный в приказе командира 12-го мехкорпуса рубеж к назначенному времени. Кроме того, командир 23-й танковой дивизии полковник Т.С. Орленко, части которой действовали в полосе 10-го стрелкового корпуса, на час раньше получил через командира 10-й стрелковой дивизии приказ на отход. Части 23-й танковой дивизии начали отход, но затем был получен приказ перейти в наступление. Во время вынужденных бесцельных маневров 23-я танковая дивизия подверглась авиационным ударам и сильному артиллерийскому обстрелу, потеряв до 60% материальной части.

В отчете штаба 12-го мехкорпуса о боевых действиях корпуса с 22 июня по 1 августа 1941 года от 9 августа 1941 года о боевых действиях 28-й танковой дивизи-

зии за 25 июня 1941г. говорится следующее:

"...Танковые полки 28-й танковой дивизии к 10.00 подошли к Пошиле, где попали под огонь артиллерии крупных калибров и под организованный огонь противотанковых орудий.

Часть танков прорвала оборону противника и уничтожила колонну 8-го мотополка противника.

В результате 4-х часового боя дивизия потеряла 48 танков. К 15.00 остатки дивизии (около 30 боевых машин, штаб дивизии, разведывательный батальон и остатки 55-го и 56-го танковых полков) сосредоточились в лесу северо-западнее Пашиле.

Всего в результате боев за 25.6.1941г. дивизия потеряла около 84 танков." [9.ЛЛ.1 – 14.].

Несмотря на действия 28-й танковой дивизии, 12-й мехкорпус не смог выполнить поставленную задачу. Основными причинами неудачи являлись: дезорганизация управления частями корпуса вследствие отдачи им приказов различными вышестоящими штабами; одновременный переход 23-й и 28-й танковых дивизий в контратаку; большие потери в материальной части.

К исходу 25 июня 1941г. войска 8-й и 11-й Армий оказались разобщены. Под натиском превосходящих сил 18-й и 16-й полевых немецких Армий, взаимодействовавших с 4-й Танковой Группой, части которой в это время вели бои с 2-й танковой дивизией в районе Расейня, соединения Северо-Западного фронта отходили: 8-я Армия – на север в направлении Риги, а 11-я Армия – на восток, на Полоцк. В результате стык между 8-й и 11-й Армиями оказался не прикрыт нашими войсками, и LVI-й моторизованный корпус противника начал стремительное наступление к Двинску.

26 июня 1941 года в 6.25 утра командиром 12-го мехкорпуса было отдано боевое распоряжение за №10, в котором приказывалось 12-му мехкорпусу без 10-го мотоциклетного полка и 202-й мотострелковой дивизии сосредоточиться к утру 26.6.41г. в районе м. Груджай, (иск.) [т.е. исключительно – А.К.] Мешкучий, Борячай.

Этим же распоряжением ставились задачи 202-й мотострелковой дивизии и 10-му мотоциклетному полку, находящимся в подчинении 11-го и 10-го стрелковых корпусов.

В 8.00 командиром 10-го стрелкового корпуса 23-й танковой дивизии была поставлена задача придать танки 23-й танковой дивизии 204-му и 62-му стрелковым полкам для сдерживания наступления противника под м. Тришкяй и обеспечения отхода и перегруппировки наших частей. В 13.00 под прикрытием артиллерийского и минометного огня противник повел наступление на м. Тришкяй.

Танковые батальоны 23-й танковой дивизии после неоднократных атак, потеряв от 30 до 40% материальной части, уничтожив один батальон мотоциклистов, были отведены в леса юго-восточнее м. Куршенай, где подвергались неоднократной бомбардировке противника.

23-я танковая дивизия при совершении марша в

район сосредоточения, указанный в боевом распоряжении №10, на участке Слобода, Кеунишки подвергалась интенсивному огню артиллерии из района м. Шавкяны (потеряно 6 танков). На остальном участке маршрута в течение всего дня части подвергались бомбардировке с воздуха.

В качестве выводов о боевых действиях 12-го мехкорпуса за 26 июня 1941г. можно сказать следующее: во-первых, сосредоточение корпуса в районе м. Груджай производилось ночью без какого-либо прикрытия зенитной артиллерией и авиацией; во-вторых, по-прежнему плохое артиллерийскими снарядами артиллерии 23-й танковой дивизии.

27 июня 1941 г. на основании приказа командующего 8-й Армией, переданного через командира 11-го стрелкового корпуса, штабом 12-го мехкорпуса в 1.30 было отдано боевое распоряжение командира 12-го мехкорпуса на марш от 27 июня 1941г., в котором говорилось следующее:

"Части 12-го механизированного корпуса в течение ночи 27.6.1941г. совершают марш в новый район сосредоточения, имея задачей совместными усилиями с 11-м стрелковым корпусом уничтожить прорвавшегося противника, угрожающего левому флангу армии.

23-й танковой дивизии совершить в течение ночи 27.6.1941г. марш по маршруту фл.[фольварк] Павлеры, Рачай, Стразды, Никончай и сосредоточиться в районе Плебонис, отметка 109,9, Гибайчай, Норейки в готовности короткими контрударами уничтожать прорвавшиеся танки противника.

28-й танковой дивизии совершить марш в течение ночи 27.6.1941г. по маршруту Дымшы, Томашуны, Аршекунчай, м. Мешкунчай, Боричай, Иждашчай и сосредоточиться в районе леса Армонайчай, фл. Гедзюны, Иждашчай в готовности короткими контрударами уничтожать прорвавшиеся танки противника.

Командный пункт 12-го механизированного корпуса – лес южнее Борисели (у отметки 79,6)". [6.Л.12.], по которому части 12-го мехкорпуса в течение ночи 27.6.1941г. совершают марш в новый район сосредоточения.

В 22.30 26 июня 1941г. было отправлено приказание за подписью начальника Оперативного отдела штаба 8-й Армии о сосредоточении частей корпуса к утру 27 июня 1941г. в районе ст. Мейтене, которое командиру 12-го мехкорпуса не поступило в связи с переходом оперативной группы на новый командный пункт, который делегату связи не был известен.

144-й танковый полк 23-й танковой дивизии занимал оборону с частями 10-й стрелковой дивизии, прикрывая отход частей на восточный берег р. Вента в направлении Папиле. 45-й танковый полк 23-й танковой дивизии с частью танков 144-го танкового полка сосредоточился на северной окраине Шауляй, где после артиллерийского обстрела противником, потеряв 5 танков, отошел для занятия обороны на м. Ионишкис. Командир 23-й танковой дивизии в м. Ионишкис получил

устный приказ от командира 10-й стрелковой дивизии генерал-майора Гусева о немедленном отводе дивизии через Елгава на Ригу, где ему следовало получить распоряжение о дальнейшей задаче дивизии.

28-я танковая дивизия с 7.00 согласно приказу командира 12-го мехкорпуса, отданному в 3.00, начала совершать марш в район обороны по южному берегу р. Мужа.

С 12.00 до 15.00 танковые части занимали оборону на рубеже фл. Помуше, Вайды. 28-й гаубичный артиллерийский полк – находился в лесу в 1 км восточнее Касакай. С 16.00 до 17.00 происходили мелкие стычки с передовыми танковыми частями. В 17.00 колонна танков противника неустановленной силы начала обходить с правого фланга советские войска и вышла к м. Идвейне, угрожая с тыла.

В бою было подбито 6 танков противника и две противотанковые пушки.

Решением командира 28-й танковой дивизии части дивизии были отведены в район лесов и сосредоточились к 2.00 28 июня 1941г. 35 км севернее р. Мугна.

Оперативная группа во главе с командиром 12-го мехкорпуса генерал-майором Н.М. Шестопаловым в 3.00, переехав на новый командный пункт южнее Борисели, в 18.00 была атакована противником и погибла. Командование 12-м мехкорпусом временно принял полковник Гринберг.

28 июня нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко потребовал от командующего войсками Северо-Западного фронта генерал-полковника Ф.И. Кузнецова "не позднее сегодняшнего вечера выбить противника из Двинска, уничтожить мосты и прочно занять оборону, не допустив переправы противника на северный берег р. Западная Двина в районе Двинска" [14.С.27.]. 29 июня 1941г. в 6.00 командующий 8-й Армией отдал приказ командиру 12-го мехкорпуса передать 28-ю танковую и 202-ю моторизованную дивизию в подчинение командиру 65-го стрелкового корпуса. В 7.00 командир 28-й танковой дивизии получил от заместителя командующего 8-й армией задачу уничтожить прорвавшиеся танки противника в районе понтонного моста Риги, чтобы обеспечить выход на правый берег Западной Двины оставшихся на ее левом берегу частей 8-й армии. Сильным ударом во фланг части 28-й танковой дивизии разбили противника и закрепились в районе понтонного моста. Это позволило частям 8-й армии переправиться на правый берег р. Западная Двина.

В 9.00 29 июня 1941г. 28-й танковой дивизии поставили новую задачу: занять оборону на правом берегу Западной Двины на участке Кокнесе, Плявинас, а тыловые учреждения направить в Псков. В тот же день командующий Северо-Западным фронтом получил директиву Ставки ВГК № 0096, в которой требовалось продолжать оборону на фронте Рига, Якобштадт, оз. Лукнас, имея главной своей задачей не допустить прорыва противника со стороны Двинска и от Якобштадта в северном и северо-восточном направлениях. Резервы фронт

та предписывалось сосредоточить в районах Режица, станция Мадона, Цесис, Смилтен, а глубокие фронтовые резервы – в районах Пскова, Острова, Новоржева, Порхова. Эти резервы должны были, опираясь на Псковский и Островский укрепленные районы, подготовить упорную оборону и прочно закрыть направление на Ленинград. В случае отхода с рубежа р. Западная Двина предписывалось принять все меры к сбережению войск фронта и организованному выходу их за укрепленные районы. [14.С.30 – 31.].

Тем не менее, генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, вопреки указаниям директивы Ставки ВГК № 0096 от 29 июня 1941г. поставил войскам задачу отойти и организовать оборону на рубеже укрепленных районов. В 13.00 30 июня 1941г. командующий Северо-Западным фронтом доложил наркому обороны, что сосредоточение 41-го стрелкового корпуса, реорганизация 22-го и 24-го стрелковых корпусов, выдвижение 1-го механизированного корпуса могут быть закончены только к исходу 3 июля 1941г. К этому же времени или более ранним сроком генерал-полковник Ф.И. Кузнецов ожидал подхода частей 41-го и 56-го моторизованных корпусов противника на якоштадско-псковском и двинско-псковском направлениях к укреплениям на левом крыле Северо-Западного фронта. В результате создавалась угроза разгрома 8-й и 27-й армий по частям. Поэтому генерал-полковник Ф.И. Кузнецов принял решение отказаться от удержания рубежа р. Западная Двина и, сохранив имевшиеся силы, начать отход на линию укрепленных районов, энергично приводя их в боевую готовность. Одновременно намечалось создать сильную ударную группировку на псковском направлении для нанесения контрудара по противнику и упорной обороны определенных командующим фронтом направлений. [14.С.354 – 355.].

Войскам 8-й Армии приказывалось в ночь на 1 июля 1941г. начать отвод войск и к исходу 2 июля 1941г. занять для обороны рубеж Дзени, Гулбэне, озеро Лубана [16.С.91.]. Для ускорения отхода в распоряжение 8-й армии выделялось 100 автомашин. В соответствии с этой директивой командующий 8-й армией приказал частям 12-го механизированного корпуса занять оборону в полосе шириной около 40 км [10.С.354.]. По решению командира 12-го мехкорпуса в район Крустпилса выдвигалась 202-я моторизованная дивизия, на участок Кокнесе, Плявинас – 28-я танковая дивизия. В резерве, в местечке Эргли, сосредотачивалась часть 23-й танковой дивизии с 30 танками, а остальные силы дивизии по-прежнему оставались в полосе действий 10-го стрелкового корпуса.

Отвод войск Северо-Западного фронта с рубежа р. Западная Двина вызвало недоумение в Ставке ВГК. В директиве начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова от 30 июня 1941г. говорилось, что командующий Северо-Западным фронтом не понял суть директивы Ставки ВГК № 0096 от 29 июня 1941г., которая требовала в течение ближайших трех-четырёх суток задержать наступающие части противника на рубе-

же р. Западная Двина. С целью выполнения этого приказа предписывалось использовать всю авиацию для систематической бомбежки днем и ночью переправ и переправляющихся частей противника. В районе Риги приказывалось оставить подвижные части для обороны рубежа на широком фронте, а основные силы 8-й армии отвести как можно дальше и удерживать острова Эзель и Даго [14.С.36].

В соответствии с этим командующий 8-й армией генерал-майор П.П. Собенников 1 июля 1941г. приказом №04 поставил командиру 12-го мехкорпуса задачу: прикрывшись частью сил на рубеже р. Западная Двина, отвести главные силы к исходу дня в район Мадона, Краукли, Оли с задачей обеспечить левый фланг армии и не допустить дальнейшего развития наступления противника [15.С.55].

В 14.00 1 июля 1941г. части 12-го механизированного корпуса начали отход. [14.С.40].

Генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, получив директиву Ставки ВГК о контрударе, в 21.00 1 июля 1941г. приказал войскам 8-й Армии, удерживая рубеж Рига, Екабпилс, своими силами ликвидировать прорвавшиеся части противника у Фридрихштадта, обеспечивая свой левый фланг в направлении Мадона от удара противника и не допуская его распространения в северном и северо-западном направлениях. В дальнейшем войскам 8-й армии предстояло "...коротким сильным ударом из района ст.Луксты в направлении Плявинас ликвидировать во взаимодействии с 27-й армией прорвавшиеся части противника с направления Екабпилс на Мадона, для чего сосредоточить соединения 12-го механизированного корпуса в районе Мадона, где он должен остановить наступление противника" [16.С.95]. Для выполнения этой задачи 8-я Армия усиливалась 181-й и 183-й стрелковыми дивизиями.

Приказ командующего Северо-Западным фронтом штаб 12-го мехкорпуса получил в 12.30 2 июля 1941г. В 3.00 вышел приказ штаба 12-го мехкорпуса прекратить частям и соединениям корпуса отход. 28-й танковой дивизии полковника И.Д. Черняховского приказывалось к 7.00 выйти к р. Западная Двина на участке Кокнесе, (иск.) Плявинас. 202-й моторизованной дивизии предписывалось удерживать обороняемые ею позиции и с переходом в контратаку 23-й танковой дивизии обеспечить за собой участок Мадона, Мейраны. 23-я танковая дивизия получила приказ выйти в район Медзула, Лызезере с задачей с 7.00 атаковать переправившиеся части противника на правом берегу р. Айвизкстэ в общем направлении Мадона, Льеградэ.

К 14.00 2 июля 1941г. части 12-го мехкорпуса заняли исходное положение. Они испытывали острый дефицит в боеприпасах и горюче-смазочных материалах, также отсутствовало взаимодействие с 181-й и 48-й стрелковыми дивизиями, командование которых не получило приказа на прекращение отхода и их части отошли в северо-восточном направлении.

Принятые командующим Северо-Западным фронтом

решения исходили из того, что войска 8-й и 27-й Армий успеют отойти от рубежа р. Западная Двина на оборонительную линию Псковского и Островского укрепрайонов до подхода к ним соединений ХLI-го и LVI-го моторизованных корпусов противника. Но даже имея в запасе два с половиной дня, которые дал бой 2-й танковой дивизии под Расейняем, сковав тем самым подвижные части 4-й Танковой группы, отходящие соединения 8-й, 11-й и 27-й Армий не смогли выйти на намеченные оборонительные рубежи раньше противника.

Войска Северо-Западного фронта находились в движении и не были подготовлены ни к контрударам, ни к обороне. Этим воспользовался противник, с утра 2 июля 1941г. перейдя в наступление частями ХLI-го моторизованного корпуса в стык 8-й и 27-й Армий. Тяжелые бои развернулись в районе Эргли, Мадона, Варакляны, Малта, где дислоцировались ослабленные в предыдущих боях части 12-го мехкорпуса. Части 36-й моторизованной дивизии противника прорвали оборону 12-го мехкорпуса и начали развивать наступление в северо-восточном направлении на Остров и Псков. Угрожая левому флангу 8-й Армии, ХLI-й моторизованный корпус противника вынуждал отступающие соединения этой армии отходить в северном направлении.

На исходе 2 июля 1941г. командир 12-го мехкорпуса приказал командиру 23-й танковой дивизии, усиленной мотострелковым полком и артиллерийским дивизионом 28-й танковой дивизии, с 8.00 3 июля 1941г. перейти совместно с 181-й стрелковой дивизией в контратаку, уничтожить части противника в районе Мадона и овладеть переправами через р. Айвизкстэ у Льеградэ. 202-й моторизованной дивизии предписывалось прочно удерживать занимаемые позиции, а с выходом 23-й танковой дивизии в район Мадона перейти в резерв корпуса севернее Мадона [15.С.56].

С утра 3 июля 1941г. части 12-го мехкорпуса приступили к выполнению поставленных перед ними задач. 23-я танковая дивизия с приданными частями, несмотря на большие потери, до 22.00 удерживала участок Папули, Паткулэ. На участке 202-й моторизованной дивизии противник ввел в бой до 50 танков и вышел на южную окраину Гулбенэ. Около 18.00 было установлено, что главные силы гулбененской группировки противника перебрасываются в район Алукснэ для параллельного преследования 23-й танковой дивизии. В 22.25 в связи со сложившейся обстановкой частям корпуса было приказано начать отход и к 4.00 4 июля 1941г. занять оборону по северному берегу р. Тырза на участке Перлыс, Тырза, где связаться с 48-й стрелковой и 202-й моторизованной дивизиями. Подразделениям 28-й танковой дивизии, находившимся в резерве, было приказано выйти в район лесов севернее Велеиа и занять оборону на участке станция Тырза [15.С.57].

К 4 июля 1941г. части 28-й танковой дивизии приняли участие в контрударе по прорвавшемуся в район Мадоны противнику, но успеха не добились.

Начальник ОКХ Вермахта генерал Ф. Гальдер, оцени-

вая сложившуюся к 4 июля 1941г. обстановку, сделал в своем дневнике следующую запись: "В целом следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего нового рубежа, проходящего от прежней русско-эстонской границы по Западной Двине и Днепру и далее на юг. ... В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы" [8.С.86].

В 14.00 4 июля 1941г. решением Военного Совета Северо-Западного фронта 12-й механизированный корпус был выведен в резерв фронта.

Какую же оценку можно дать действиям 12-го мехкорпуса? Наиболее полную оценку их действиям дал начальник Автобронетанкового управления Северо-Западного фронта полковник П.П. Полубояров в своем письме начальнику АБТУ Красной Армии генерал-лейтенанту танковых войск Я.Н. Федоренко от 11 июля 1941г., в котором о действиях 3-го и 12-го мехкорпусов говорилось следующее:

"...3. Коротко о действиях механизированных соединений.

...б) 12-й механизированный корпус – в непрерывных боях около 20 суток. Первоначально при Кузнецове вводился в бой крупными группами, но без пехоты, без

взаимодействия с артиллерией и авиацией. В дальнейшем десятки раз вел частые контратаки и в основном вынес на себе всю тяжесть по прикрытию войск 8-й армии при ее непрерывном отходе на север. ...Корпус, жертвуя собой, спасал пехоту от полного уничтожения и разгрома. Задачу выполнил хорошо, но сам обескровлен требует немедленного отвода в тыл и доукомплектования." [12.ЛЛ.44 – 47].

Основными причинами потерь в танковых дивизиях являлись: поспешность их ввода в бой без разведки сил противника и без предварительной организации взаимодействия с артиллерией, пехотой и авиацией.

Вместе с тем, нельзя только негативно оценивать итоги действий 12-го механизированного корпуса. Несмотря на все недостатки в организации боевых действий его части выполнили свою главную задачу – прикрыли отступление 8-й армии Северо-Западного фронта, связав боем I-й и XXVI-й армейские немецкие корпуса 18-й полевой Армии у Трешкяя, не позволив тем самым разгромить 8-ю Армию в приграничной полосе и выиграв время для войск этих армий для осуществления планомерного отхода на новые оборонительные рубежи на р. Западная Двина. Также части 12-го мехкорпуса сыграли важную роль при обороне рубежа р. Западная Двина и попытки ликвидации немецкого плацдарма у Екабпилса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. – М.: Издательский центр Анкил-Воин, 1995, 368с.
2. Боевое распоряжение командующего 8-й армией №02/оп от 23.06.1941г. на сосредоточение 12-го механизированного корпуса для нанесения контрудара//ЦАМО РФ.Ф.619. (Документы 12 мк).Оп.266019сс.Д.11.ЛЛ.10,11.
3. Боевое распоряжение командующего Северо-Западным фронтом командующему войсками 11-й армии на ликвидацию прорыва противника в районе Каунас//ЦАМО РФ.Ф.221. (Документы Северо-Западного фронта).Оп.2467сс.Д.39.Л.255.
4. Боевое распоряжение командующего Северо-Западным фронтом командующим войсками 8-й и 11-й армий на уничтожение противника в районе Шилале, Скаудвиле, Вудукле, Келме от 23.6.1941г.//ЦАМО РФ.Ф.221. (Документы Северо-Западного фронта).Оп.2467сс.Д.39.ЛЛ.265 – 266.
5. Боевой приказ командира 12-го механизированного корпуса №03 на контрудар в направлении Коркляны, Стульги, м. Кельми от 25.6.1941г.// ЦАМО РФ.Ф.619. (Документы 12-го мк).Оп.266019с.Д.17.Л.1.
6. Боевое распоряжение командира 12-го механизированного корпуса на марш от 27.6.1941г.//ЦАМО РФ.Ф.619. (Документы 12-го мк).Оп.266019с.Д.17.Л.12.
7. Восьмая общевойсковая: Боевой путь 8-й армии в годы Великой Отечественной войны. – М.: Институт военной истории МО РФ, 1994.
8. Гальдер Ф. Военный дневник 22.06.1941 – 24.09.1942./Пер. с нем. И. Глаголева; предисл. и комм. канд. ист. наук Е. Кулькова. – М.: ОЛМА ПРЕСС Звездный мир, 2004. 589с.
9. Донесение штаба 12-го механизированного корпуса о боевых действиях корпуса в период с 22 июня по 1 августа 1941г. от 9 августа 1941г.//ЦАМО РФ.Ф.619. (Документы 12-го мк).Оп.382857с.Д.1.ЛЛ.1 – 14.
10. Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: история автобронетанковых войск Красной Армии в 1940 – 1941 годах. – М.: АСТ МОСКВА Транзиткнига, 2005. 830с.
11. Коломиец М. 1941: Бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года//Фронтальная иллюстрация 2002, №5.С.53
12. Письмо начальника Автобронетанкового управления Северо-Западного фронта по танковым войскам о состоянии механизированных корпусов и причинах больших потерь от 11.7. 1941г.//ЦАМО РФ.Ф.38. (ГАБТУ).Оп.80058сс.Д.1.ЛЛ.44 – 47.
13. Русский Архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год. Т.16(5 – 1). – М.: ТЕРРА, 1996. 448с.
14. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып.33. – М.: Воениздат, 1957. 269с.
15. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып.34. – М.: Воениздат, 1958. 338с.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

COLONIAL EXPANSION OF THE GREAT POWERFUL COUNTRIES AT THE END OF THE XIX CENTURY

G. Rizayeva

Annotation

By the end of the XIX century, the competition of great powers for the markets increased. The struggle for the division of still "free" territories is replaced by a struggle for the "redistribution" of colonies and spheres of influence. In the past, England and France were most active in the arena of the struggle for the division of the world; Followed by Russia and the United States. Throughout the XIX century, the Russian Empire continued to advance to the south, which led to further escalation of international relations. The result of fierce Anglo-Russian rivalry in the Caucasus and the Persian Gulf at the end of the 19th century was the demarcation of British and Russian spheres of influence, as well as the strengthening of Russian influence in the Middle East. In the late eighties of the XIX century, relations between Germany and Russia also became more complicated.

Keywords: colonial expansion, spheres of influence, military blocs, imperialism.

Ризаева Гёвхар Али кызы

Доцент,

Бакинский Государственный

Университет

К концу XIX века усиливается конкуренция великих держав за рынки сбыта. Борьба за раздел еще "свободных" территорий сменяется борьбой за "передел" колоний и сфер влияния. Раньше всех и наиболее активно выступили на арену борьбы за раздел мира Англия и Франция; за ними последовали Россия и США.

На протяжении всего XIX века Российская империя продолжала продвигаться на юг, что привело к дальнейшей эскалации международных отношений. Результатом ожесточенного англо-русского соперничества на Кавказе и в районе Персидского залива в конце XIX века стало размежевание английских и русских сфер влияния, а также укрепление русского влияния на Среднем Востоке. В конце 80-х годов XIX века также осложнились отношения между Германией и Россией.

Ключевые слова:

Колониальная экспансия, сферы влияния, военные блоки, империализм.

Рубеж 70–80-х годов XIX века ознаменовался усилением колониальной экспансии западных государств и обострением борьбы за раздел мира, которая продолжалась до самого конца века. Именно в этот период усиливается конкуренция за рынки сбыта, поиск удобных для экспорта капитала стран. К этому времени почти весь мир оказался поделенным между великими державами. После этого борьба за раздел еще "свободных" территорий сменяется борьбой за "передел" колоний и сфер влияния [3, с.625]. Основными участниками колониальной экспансии являлись Англия, Франция, Россия, Германия и США.

Заключение в 1879 году австро-германского союзного договора положило начало оформлению тех военных коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в первой мировой войне. "Германия дорого заплатила за этот маневр Бисмарка" [1, с.620], договор этот привел к провалу всей политики канцлера, главной целью которой была изоляция Франции. Перед угрозой англо-русского соглашения, в 1881 году был подписан австро-русско-германский договор, т.н. "Союз трех императоров". Этим договором Германия обеспечивала себя от франко-русского союза, в обмен за свои гарантии для России на

случай англо-русской войны. Тем не менее, Союз трех императоров не в силах был держаться долго: соглашение 1881 года было прочно лишь постольку, поскольку положение на Ближнем Востоке оставалось более или менее спокойным.

С 90-х годов XIX века усиливается напряженность в основных регионах мира, происходят первые войны за "передел" мира. Усиление колониальной экспансии было вызвано новыми потребностями развития капиталистического общества. Наряду со старыми промышленными странами возникали новые государства, вступающие с ними в конкуренцию. В ряде стран начинается быстрый рост промышленности. Все острее и глубже становятся промышленные кризисы [3, с.625]. Вследствие усилившейся конкуренции, особенно в период этих кризисов, начинается погоня за рынками сбыта; усиливаются поиски стран, изобилующих сырьем и дешевой рабочей силой, удобных для экспорта капитала. Наиболее подходящими для этого были колониальные и зависимые страны [3, с.625]. Все это, закономерным образом приводило к резкому обострению борьбы за "передел" мира, так как к этому времени почти весь мир оказался поделенным между империалистическими государствами.

Первые войны за "передел" мира происходили в 1898–1904 гг. Раньше всех и наиболее активно выступили на арену борьбы за раздел мира Англия и Франция; за ними последовали Россия и США. Промышленная метрополия Англии подрывалась появлением новых соперников; страдала от них и Франция, которая до 70-х годов XIX века по своему промышленному развитию занимала второе место после Англии. Возмещение своих потерь Англия и Франция искали в своих огромных колониях.

Политика Англии в восточном кризисе 1875–1878 гг. определялась интересами не только ближневосточной, но и общеимперской колониальной политикой. После прорытия Суэцкого канала в 1869 году, Англии было обеспечено экономическое господство над каналом. Эта политика была тесно связана с империалистическими замыслами на Кавказе и в Центральной Азии.

К 1870-м гг. продвижение русских на Кавказе и в Центральной Азии стало серьезным фактором, осложнявшим англо-русские отношения. В этом регионе, а также в районе Персидского залива столкнулись колониальные интересы Петербурга и Лондона. Обе державы полагали, что лучшей обороной является наступление, а лучшим способом защитить свои владения, это – их расширить за счет так называемых "выдвинутых вперед рубежей" и "буферных зон" [5, с.65]. При этом, и англичане, и русские на все лады обвиняли друг друга в экспансии и агрессии; а себя представляли как носителей "прогресса" и "цивилизации", благодетелей колониальных народов*.

* Этот тезис представляется в высшей степени спорным. Тот относительный прогресс, который пришел в Северный (русский) Азербайджан и в британскую Индию вместе с их колонизацией, многократно перекрывается другими факторами: колониальным грабежом, навязыванием чуждых порядков и многокультурной экономики, ориентированной исключительно на промышленность метрополии. С другой стороны, колониальные авантюры Великобритании и Российской империи не только вели к риску "большой" войны с другой великой державой, но и к консервации самых реакционных сторон общественно-политической жизни.

На протяжении всего XIX века Российская империя продолжала продвигаться на юг. Азербайджан, "который удалось сравнительно легко завоевать, было очень трудно удержать", так как, азербайджанцы, которые составляли большинство жителей Южного Кавказа, не признавали российского правления [4, с.17]. Начиная с подписания Туркменчайского договора 1828 года, Азербайджан находился в состоянии бесконечных восстаний и войн. С жестокостью Российская империя подавляла эти восстания; тем не менее, "древние традиции независимости, связи с Востоком, религиозные и культурные различия с Россией – все это вместе взятое" делало Азербайджан чуждым краем в пределах Российской империи [4, с.18].

Южный Азербайджан, находящийся под управлением Ирана, также являлся колонией. Господство персидских завоевателей довели до предела внутренние противоречия в стране и еще больше ухудшили без того тяжелое положение народа. Народное движение против шахского

режима с конца XIX века начали принимать в Южном Азербайджане характер национально-освободительного движения.

Тяжелое положение Азербайджана, являвшегося колонией Российской и Иранской империй, осложнялось англо-русским и англо-персидским соперничеством в регионе.

Еще в 1869 году в Петербурге велись англо-русские переговоры о разделе сфер влияния на Среднем Востоке. Особенно обострились противоречия после 1874 года, когда на пост премьер-министра Великобритании пришел Дизраэли, сторонник безудержной колониальной экспансии. В Лондоне всерьез планировали войну с Российской империей. Главный удар англичане намеревались нанести в районе Черного моря, как это и было в Крымскую войну. Намечался английский десант на Кавказском побережье [2, с.181].

Что касается английских планов удара по Кавказу, то они были тем более опасны для России, потому, что русские коммуникации со Средней Азией шли по Кавказу, по линии Баку – Красноводск. Тогда у Российской империи оставалась одна возможность – дипломатическое маневрирование, и ею он воспользовался сполна. В 1884 году был продлен "Союз трех императоров" на новое трехлетие. Таким образом, удалось преодолеть самую "опасную фазу англо-русской большой игры" [8, с.191], но сама игра еще продолжалась. Так, например, на протяжении последней трети XIX века – первого десятилетия XX века обе державы вели ожесточенную борьбу за влияние в Центральной Азии и в районе Персидского залива.

Персия была очень важна для России как первостепенный торговый район, а также как южный сосед, граничивший с беспокойным Кавказом. Огромное значение имела Персия и для англичан как страна, граничившая с "жемчужиной британской короны" – Британской Индией. Еще в 1872 году Лондон предпринял решительную попытку установить свой контроль над экономикой страны. Английский банкир Ю.Рейтер при официальной поддержке британского кабинета заключил с персидским правительством беспрецедентный договор, который фактически предоставлял Рейтеру на 70 лет исключительные права на железнодорожное строительство, добычу полезных ископаемых, ирригационные работы и даже исключительное право на эксплуатацию государственных лесов Персии. Наконец, в качестве гарантии получения Рейтером дохода на вложенный им капитал ему предоставлялось аренда на управление всеми персидскими таможнями сроком на 25 лет [5, с.201]. Ю.Рейтеру предоставлялось также предпочтительное право на учреждение банков, городское благоустройство, устройство почт и телеграфов и даже учреждение фабрик и заводов. Фактически Рейтер становился неограниченным хозяином всей персидской экономики.

Отметим, что Россия была крайне озабочена таким поворотом событий. В ходе посещения шахом Наср эд-Дином Петербурга (весна 1873 года) ему было прямо

сказано, что этот договор компрометирует его авторитет и достоинство [8, с.57]. Горчаков прямо сказал шаху, какие последствия этот договор может иметь для российско-персидских отношений. Шах был напуган, и, воспользовавшись в качестве предлога невыполнением Ю.Рейтером сроков строительных работ, расторг концессию, о чем сразу же сообщил русскому посланнику.

Сорвав концессию Ю.Рейтера, русские попытались взять строительство железных дорог в Персии в свои руки. В 1874 году прошло особое совещание, на котором было признано "весьма желательным и полезным во всех отношениях" провести железную дорогу от Тифлиса до Тебриза [2, с.190]. Однако шах отклонил это предложение, опасаясь усиления русского влияния в Южном Азербайджане.

Тем не менее, Россия сохраняла огромное влияние в Персии. Свидетельством этого влияния стало создание так называемой "персидской казачьей бригады". Дело в том, что в 1878 году в Тегеране произошло восстание солдат шахской армии. Перепуганный шах обратился в Петербург, с просьбой помочь в создании надежной воинской части, которая сумела бы защитить его особу от собственного народа [2, с.199].

В 1879 году в Тегеран прибыл полковник Домантович, которого сопровождали три офицера и шесть казачьих урядников. Под их руководством и была создана "персидская казачья бригада", командиром которой стал сам Домантович, подчинявшийся лично шаху. Эта воинская часть должна была охранять шаха, а также готовить офицерские кадры из персов. Бригада была единственным боеспособным и по-современному обученным и вооруженным соединением персидской армии.

Таким образом, результатом ожесточенного англо-русского соперничества на Кавказе и в районе Персидского залива в конце XIX века стало размежевание английских и русских сфер влияния, а также укрепление русского влияния на Среднем Востоке.

Однако укрепление русского политического влияния в Тегеране не означало прекращения борьбы между русским и английским капиталом. Пожалуй, Персия стала первой страной, где Россия опробовала, наряду с традиционными военно-политическими рычагами, нетрадиционные для нее экономические рычаги. Так, уже в 1880-е годы русские товары начали интенсивно вытеснять английские в Южном Азербайджане. Персия стала важным рынком для русской текстильной, сахарной и нефтяной промышленности. В 1883 году русское правительство отменило беспошлинный транзит иностранных товаров через Южный Кавказ, что сразу же ослабило конкуренцию английских товаров на рынках Южного Азербайджана [8, с.399]. В ответ на это, как мы уже отмечали в предыдущей главе, английское правительство в 1888 году добилося от шаха разрешения на открытие судоходства по реке Каруну, впадающей в Шатт эль-Араб недалеко от побережья Персидского залива. Англичане получили концессию на постройку шоссе от города Шуштер, рас-

положенного на Каруне, до Тегерана [8, с.399]. Дорога эта увеличила долю английских товаров на персидском рынке.

Англичане добились концессии на основании Шахин-шахского банка, которую персидское правительство выдало им в 1859 году на 60 лет. И Великобритания, и Россия с переменным успехом вели борьбу за влияние в районе Персидского залива. Но в целом в конце XIX века чаша весов склонялась в пользу Российской империи. При этом следует заметить, что, обратив особое внимание на Южный Азербайджан, ни русское правительство, ни русские промышленники не забывали о юге Персии и о Персидском заливе, что крайне тревожило Великобританию. Так, в конце XIX века "Русское общество пароходства и торговли" учредило регулярную грузопассажирскую линию Одесса – порты Персидского залива, на которой работали только русские пароходы [6, с.104]. В конце XIX – начале XX века в Персидский залив стали захаживать и русские боевые корабли. К примеру, в феврале-марте 1900 года канонерская лодка "Гиляк" обошла порты Персидского залива [6, с.101]. А в середине ноября 1901 года в залив вошел новый русский крейсер "Варяг" по пути на Дальний Восток [2, с.101]*.

* "По пути" - это писалось в отчетах Морского ведомства, а реально - это крюк в 4000 верст в одну сторону. "Варяг" посетил большинство портов залива и в том числе простоял 3 дня в персидском порту Бендер-Аббас. "Четырехтрубный красавец" крейсер произвел крайне благоприятное действие на местных шейхов и шахских чиновников (см.: 8, с.402-403).

В ноябре следующего – 1902 года порты Персидского залива "по пути" на Дальний Восток посетил крейсер "Аскольд". На нем было 5 труб, что вызвало еще большее почтение у местных, поскольку англичане, перед этим заходившие в залив имели 1–2 трубы [2, с.97].

Таким образом, усиление Российской империи в Персии означало скорое столкновение двух держав. До определенного времени, пока русские интересы ограничивались севером страны, Лондону и Петербургу удавалось более или менее мирно сосуществовать. Однако постепенно сфера интересов России в Персии как мы видели, расширялась: Петербург стали интересоваться нефтяные месторождения и железнодорожные дороги, и он направил свои устремления на юг. Столкновение с Великобританией было неизбежным. Причем в условиях отсутствия международного правового механизма разрешения межгосударственных споров, оно легко могло перерасти в вооруженную стадию. Это понимали и в Лондоне, и в Петербурге.

Что касается Франции, то она также не отставала от России и Англии; "двигателем ее колониальной политики являлись интересы французской финансовой олигархии" [3, с.626]. Первой жертвой этой олигархии стал Тунис. В 1881 году над Тунисом был установлен протекторат Франции. Захват Туниса оказал большое влияние на группировку сил в Европе. Так, Германия совершила ловкий дипломатический маневр: Бисмарк вовлек Италию и

Францию в ожесточенную борьбу из-за Туниса. В этот момент в Италии правило правительство Кайроли, который был франкофилом. После вторжения французских войск в Тунис, Кайроли пришлось подать в отставку [3, с.629]. Не только Тунис оказался в кабале у французского капитала; весь бассейн Средиземного моря, стал ареной его деятельности. В наиболее тяжелую зависимость от французского капитала попали Египет и Османская империя.

Отметим, что конфликт с Францией побуждал Италию искать сближения с австро-германским блоком. Особенно настойчиво стремился к союзу с Германией итальянский король, который полагал, что сближение с этим блоком упрочит положение монархии в Италии. 20 мая 1882 года был подписан союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, известный под именем Тройственного Союза. Согласно этому договору, два его участника – Германия и Австрия – обещали Италии военную поддержку в случае нападения Франции. Далее все три участника Тройственного Союза обещали друг другу благожелательный нейтралитет в случае войны с любой другой великой державой, кроме Франции, и военную помощь, если бы один из них подвергся нападению сразу со стороны двух великих держав [3, с.630]. Договор 1882 года существовал параллельно с австро-германским союзом 1879 года, и с соглашением трех императоров 1881 года. В совокупности они образовали целую систему союзов, в центре которой стояла Германия.

Тем не менее, в конце 80-х годов XIX века осложнились отношения между Германией и Россией. В этот период перед внешней политикой Германии была поставлена новая задача создания обширной колониальной империи и установление "сфер влияния" в отсталых странах, что привело к обострению русско-германских и англо-германских отношений. Германия окончательно убедилась в том, что ей не удастся привязать Англию к Тройственному Союзу, что стало непосредственным поводом к повороту в германской политике по отношению к Англии. "Всюду, где только возможно, Германия начинает противодействовать британской колониальной политике" [3, с.671]. Особое внимание Германия начала уделять Османской империи. Германская политика, начиная с конца XIX века, становится все более агрессивной.

Особо активную роль за "передел" мира стали в этот период играть США. Так, в 90-х годах XIX века правительство США начало активизировать свою политику на Тихом океане и на Карибском море. В 1893 году были заняты Гавайские острова. В 1898 году США начали войну против Испании ради приобретения испанских колоний. США одержали быструю победу: 10 декабря 1898 года в Париже был подписан испано-американский мир. Испания отказывалась от Кубы, и вскоре остров фактически подпал под протекторат США [3, с.701].

Испано-американская война не только не изменила в пользу США обстановку в Карибском море и в Центральной Америке. Поскольку США приобрели Филиппины,

война отразилась и на Дальнем Востоке. Русская политика встала в прямое противоречие с американской политикой. В итоге США примкнули на Дальнем Востоке к англо-японской группировке.

Прошло менее года после того, как прекратились военные действия в Западном полушарии, как разразилась новая война – на этот раз в Южной Африке. Так, английская дипломатия вела переговоры с бурскими правительствами о положении т.н. уитлендеров. Зная, что военные приготовления Англии еще не закончены, оба бурских правительства решили, что не следует позволять англичанам выиграть время и 11 октября 1899 года объявили войну Англии. Имея громадный флот, Англия располагала ничтожной армией, поэтому пришлось вести упорную борьбу против бурских партизан. 31 мая 1902 года был подписан мирный договор, по которому буры были вынуждены отказаться от независимости и признать себя подданными Британии [3, с.703].

Англо-бурская война началась в момент обострения как англо-русских, так и англо-французских отношений. Англия опасалась, как бы Франция и Россия не воспользовались затруднениями для нее, порожденными бурской войной. Чтобы парализовать эту возможность, английское правительство продолжало переговоры с Германией. Дело в том, что без уверенности в благожелательном отношении Германии ни Россия, ни Франция не решились бы на открытый конфликт с Англией.

Германия в свою очередь постаралась не упустить благоприятного момента. Соглашение о разделе португальских колоний их не удовлетворяло; немцы решили извлечь из затруднений Англии колониальные выгоды [3, с.704]. Английская дипломатия в свою очередь старалась мобилизовать США для противодействия германским планам. Как бы то ни было, Германия оставалась нейтральной в течение англо-бурской войны. Но немцы, следуя своей политике поджигательства, подстрекали другие державы выступить против Англии и эти внушения дали свои плоды. Уже в конце февраля 1900 года царский министр иностранных дел Муравьев зондировал французское правительство насчет возможности совместного выступления против Англии [3, с.705]. В Англии поползли тревожные слухи о возможности французского вторжения на Британские острова.

Царская Россия обратилась также в Берлин; немцы ответили, что в антианглийской коалиции Германия может принять участие лишь в том случае, если Франция, Германия и Россия взаимно гарантируют друг другу свои владения, т.е., если Франция откажется от притязаний на Эльзас и Лотарингию. Таким образом, вмешательство европейских государств в англо-бурскую войну не состоялось; континентальный блок оказался неосуществимым [3, с.706].

Тем не менее, соперники Британии все-таки сумели извлечь свою пользу из ее затруднительного положения. Россия добилась новых успехов в Центральной Азии: 6 февраля 1900 года царское правительство известило

Англию, что потребности торговли и территориальное соседство с Афганистаном не позволяют России далее воздерживаться от прямых политических сношений с этой страной [3, с.706]. Англии пришлось смириться с положением. Новый эмир Афганистана Хабибулла демонстративно отказался от британской субсидии, а в январе 1900 года Россия предоставила Персии заем, обеспечением которого явились таможенные сборы северной части страны.

Отметим, что при одновременно развертывавшейся борьбе с Россией за Дальний Восток, британское правительство искало и сближения с США. Тем более что, в испано-американской войне Англия соблюдала по отношению к Америке благожелательный нейтралитет; в англо-бурской войне и США, в свою очередь, заняли такую же позицию в отношении Англии. Таким образом, последние годы XIX века ознаменованы были установлением англо-американской дружбы.

18 ноября 1901 года был подписан новый договор о режиме Панамского канала. Договор устанавливал, что канал будут строить США; далее договор подтверждал принцип нейтрализации канала, установленный договором Клейтон – Бульдвера. Канал объявлялся свободным для плавания всех военных и торговых судов всех наций на условиях полного равенства [3, с.707].

Уже к концу XIX века становился очевидным, что, не смотря на переговоры о союзе, основная борьба за передел мира развернется между Германией и Англией. Готовясь к борьбе, Германия в 1898 году приступила к сооружению военно-морского флота. По новому закону о флоте, к 1915 году состав германского флота должен был быть доведен до 34 линейных кораблей, 11 тяжелых и 34 легких крейсеров и около 1000 миноносцев. Программа 1900 года была уже серьезным покушением на английское морское первенство [3, с.708]. Германия, строя флот, явно готовилась к борьбе за передел мира.

После того, как в 1902 году Англия избавилась от забот в Южной Африке, английская дипломатия не считала уже необходимым ладить с Германией. Одним из первых симптомов этой перемены явился пересмотр позиции англичан по отношению к Багдадской железной дороге. До сих пор Англия не мешала этому предприятию; но в апреле 1903 года британская пресса начала настойчиво развивать мысль, что дорога на Багдад является прямым путем, выводящим немцев на подступы к Индии [3, с.920]. Англия стала препятствовать осуществлению багдадского железнодорожного проекта.

Борьба с Германией толкала Англию на сближение с Францией и Россией. Посредством соглашения с ними, Англия рассчитывала лишить Германию возможности играть на англо-русских и англо-французских противоречиях и вымогать у Англии те или иные уступки. Русско-японская война ускорила перегруппировку империалистических держав вокруг Англии и Германии.

В 1904 году было подписано соглашение между Англией и Францией. Этому соглашению предшествовали

длительные и сложные переговоры. Инициатива принадлежала французской дипломатии. Так как Россия все больше втягивалась в военный конфликт с Японией, Франция стремилась заручиться поддержкой Англии. Как в Лондоне, так и в Париже не было единого мнения по вопросу отношений между двумя странами. Одним из борборников их сближения был французский министр иностранных дел Делькассе. Делькассе и глава английского Министерства иностранных дел лорд Лансдаун вели серьезные переговоры о совместных действиях в Европе, обсуждали разногласия по колониальным вопросам и пути их решения. В основу будущего договора между Великобританией и Францией легли вопросы о разделе колоний.

После дальнейших переговоров 8 апреля 1904 года в Лондоне был заключен франко-английский договор, известный как "Сердечное согласие" (Entente Cordial), то есть Антанта. Со стороны Великобритании его подписал Лансдаун, со стороны Франции – посол в Лондоне Камбен. Договор состоял из двух частей – открытой и секретной. В открытую часть входили: Конвенция о Ньюфаундленде и Сенегамбии; декларация касательно Египта и Марокко; Декларация о Сиаме, Мадагаскаре и Ново-Гибридных островах. Секретное соглашение касалось марокканского вопроса.

Разрешив полюбовно спорные колониальные вопросы, Англия и Франция тем самым развязали себе руки для совместной борьбы против Германии. В то же время они предоставляли друг другу свободу действий: Англии – в Египте, а Франции – в Марокко. При этом Англия обязалась соблюдать свободу судоходства по Суэцкому каналу, а Франция – не возводить укреплений на Средиземноморском побережье Марокко близ Гибралтара.

Сначала Германия внешне не реагировала на заключение Антанты, хотя и была уязвлена этим соглашением. Но по мере того, как Россия терпела поражения в войне с Японией, немцы стали смелеть. В ответ на англо-французский договор, Германия задумала встречный маневр: заключить союз с Россией. Но царское правительство отказалось от союза с Германией; так как этот союз означал разрыв союза с Францией и вовлекал Россию в фарватер германской дипломатии [3, с.726]. Другой причиной отказа была финансовая зависимость России от французского капитала. Таким образом, Германии не удалось заключить союз с Россией, и попытка германской дипломатии парировать англо-французское соглашение сорвалась.

Тем временем, соглашение с Францией Англия намеревалась дополнить договором с Россией. Но эта задача была сложной, так как, англо-русские противоречия, как уже было отмечено выше, были глубже англо-французских противоречий.

В начале XX века Северный Азербайджан оставался полуколонией Российской империи, а Южный Азербайджан был одним из останов (провинций) Персии. Еще во второй половине XIX века Российская и Британская им-

перии превратили Персию в свою полуколонию, в сырьевой придаток и рынок сбыта. К тому периоду русско-персидские отношения заметно улучшились. Россия была важным торговым партнером Персии, а главное, стратегическим союзником против ее извечного врага – Османской империи.

Уже в 1890-е годы в английских кругах была широко распространена мысль о желательности размежевания русской и английской сфер влияния в Персии, так, чтобы на севере (в Южном Азербайджане) господствовала бы Россия, а на юге – Великобритания. В то время, однако, в Петербурге были уверены, что этот раздел не выгоден России, ибо русские рассчитывали подчинить себе всю Персию. Однако вскоре царское правительство было все-таки вынуждено согласиться с этой идеей. И причиной тому было появление нового могущественного участника "Большой игры" – Германии. Россия даже выступила с инициативой созыва международной конференции для разработки мер по сокращению вооруженных сил и о мирном разрешении межгосударственных конфликтов. Первая конференция состоялась в мае-июле 1899 года в Гааге, а вторая – в июле-октябре 1907 года (снова в Гааге). Однако в них не было принято основного решения – об ограничении гонки вооружений [1, с.91].

Если бы не немецкая угроза, вряд ли Лондон и Петербург сочли возможным покончить с "Большой игрой", в которую они играли полвека. А теперь и России, и Великобритании приходилось считаться с возможностью строительства ответвления от Багдадской железной дороги на Персию – тогда персидский рынок был бы популярен и для русских, и для англичан. И хотя российское правительство было готово на определенных условиях снять свои возражения против строительства Багдадской железной дороги [2, с.104], тем не менее, Берлин отказался взять обязательство не строить железных дорог к границам Персии или по территории Персии. В этих условиях, дабы сохранить свои особые интересы в Персии, царское правительство было вынуждено пойти на сближение с Лондоном. Таким образом, непомерные аппетиты Берлина толкали двух закадычных врагов – Англию и Россию, навстречу друг другу.

Несмотря на общность стратегических интересов, между Англией и Россией отношения были крайне напряженными. С целью снять остроту противостояния 18 (31) августа 1907 года А.П.Извольским и послом Великобритании в Российской империи А.Николсоном было подписано двухстороннее соглашение, касающееся Афганистана, Персии и Тибета. Суть его сводилась к разделу этих центральноазиатских государств на английскую и русскую сферы влияния. В Афганистане и Тибете практически монопольное влияние получил Лондон. Персия же была поделена на сферы влияния. Правительства Великобритании и России взаимно обязались уважать целостность и независимость Персии и отказались от вмешательства во внутреннюю политику персидского правительства. Сама страна была поделена на три зоны. К се-

веру от линии Касри-Ширин, Исфахан, Йезд, Хакк и точки пересечения русской, персидской и афганской границ располагалась русская сфера влияния; к югу от линии, "идущей от афганской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивавшейся в Бендер-Аббасе – английская. Территория между этими двумя линиями считалась нейтральной. Страны договорились о "свободе рук" в своих зонах и о невмешательстве за их пределами. На нейтральной территории Великобритании и Россия по договору обладали равными правами" [8, с.430; см. подробнее: 7, с.388].

Соглашение 1907 года было вполне "обычным" для того времени договор двух крупных империалистических держав, желавших получить гарантии для своих инвестиций в малоразвитой азиатской стране с нестабильной внутривластной ситуацией путем установления контроля над определенными территориями. Кроме того, он давал возможность оградить доступ в Персию и на Кавказ третьим странам, и, прежде всего, Германии. Петербург рассчитывал, что соглашение поможет ему зафиксировать и сохранить достижения (экономические, преимущественно торговые, и политические – привилегированное положение при дворе шаха – сторонника России) на время, необходимое для восстановления сил после поражения в русско-японской войне и возврата к активным действиям на внешнеполитической арене. Кроме того, для России договор 1907 года являлся гарантом для ее кавказских владений.

Однако не все царские дипломаты того времени соглашались с подобной оценкой соглашения. Наиболее критично в отношении англо-русского соглашения 1907 года высказывался А.Зиновьев, кадровый дипломат, находившийся с 1876 по 1883 год на должности Чрезвычайного Посланника при Насир эд-Дин Шахе в Иране, а с 1883 по 1891 год – на должности главы Азиатского Департамента МИД России.

Главная цель, которая преследовалась Россией в Персии на протяжении многих лет, – "сохранить целостность и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя" [4, с.50]. Теперь же, получив то, что и без того прочно находилось в ее руках, так как Южный Азербайджан издавна, еще со времени Туркменчайского договора 1828 года, находился под русским влиянием, Россия теряла свои позиции в Южной Персии и Персидском заливе и ограничивала свои возможности на нейтральной территории, как раз там, где находились столь интересующие англичан нефтяные месторождения страны. Подписав соглашение, Петербург лишил себя возможности даже в перспективе подчинить себе всю Персию.

Но еще большей потерей была не "территориальная" а "политическая": правительство Мохаммед Али-шаха бы-

ло для Российской империи естественным и главным союзником в Центральной Азии, являлось гарантом российских интересов в Персии. В условиях набиравшей силу революции 1905–1911 годов Петербург просто сам связывал себе руки и лишал себя возможности поддерживать шаха и влиять на развитие событий в стране. "Наше исключительное положение относительно Персии, каковое признавало само английское правительство, не только давало нам право, но и обязывало нас заявить ему, что предложенная им политика невмешательства не могла служить достаточным обеспечением наших интересов, и что интересы эти и, в особенности, необходимость сохранения спокойствия по близости кавказской границы, ставили нас в необходимость сохранить за собою известную свободу действий, по крайней мере, в северных областях Персии, где сосредоточивались преимущественно наши интересы, и не допускать распространения революционного движения на эти области", – говорил посланник Российской империи в Персии в 1876–1891 гг. И.А.Зиновьев [2, с.50].

Для Лондона же соглашение было исключительно выгодным: получая перед лицом все более агрессивной Германии Российскую империю в роли союзника, англичане ограничивали своего конкурента в Персии севером

страны и, главное, благодаря положению о невмешательстве во внутреннюю политику, получали возможность использовать естественный ход событий в Персии для смены власти. "Англичане, – как отмечал гофмейстер и посланник Российской империи в Персии в 1905–1907 гг. Н.Г.Гартвич, – неоднократно посягали на целостность Персии и поддерживали не законного шаха, а претендента на престол – принца Зилли ус–Султана" [6, с.158]. С другой стороны, укрепление в Южных областях Персии давало возможность Великобритании усилить свои экономические, и в целом стратегические позиции на Южном Кавказе.

Таким образом, англо–русское соглашение 1907 года завершило период открытой конфронтации между двумя державами и стало еще одной победой английской дипломатии. Заключением англо–русского соглашения 1907 года завершилось создание Тройственного Соглашения (или Тройственной Антанты) – военно–дипломатической империалистической группировки Англии, Франции и России, противостоящей другой империалистической группировке – Тройственному союзу (Германия, Австро–Венгрия и Италия).

Европа окончательно раскололась на два противостоящих друг другу военных блока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брукс М. Нефть и внешняя политика. Москва. 1949
2. Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912
3. История дипломатии. Состав. А.Лактионов. Москва, 2005
4. Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье (1917–1921). Стокгольм, CA & CC Press, 2010 – 328 с.
5. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. Москва, 1991
6. Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). Москва, 1952
7. Сборник документов мировой империалистической войны (1914–1917). Наступление юго–западного фронта в мае–июне 1916 г. Москва, 1964
8. Фурсенко А.А. Нефтяные войны (конец XIX начало XX века). Ленинград, 1985
9. Kollarz V. Russia and her Colonia. London, 1953

© Г.А. Ризаева, [rizayeva@mail.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Бакинский Государственный Университет

СЕНАТ И КОЛЛЕГИЯ ТРИУМВИРОВ AGRIS DANDIS ADSIGNANDIS В ИТАЛИЙСКОМ ВОПРОСЕ (129 - 125 гг. до н.э.)

SENATE AND COLLEGIUM OF THE TRIUMVIRS AGRIS DANDIS ADSIGNANDIS IN THE ITALIAN QUESTION (129 - 125 bc)

N. Filyanov

Annotation

The article examines the policy of the Senate and Gracchan triumvirs in the Italian question during the political crisis of 129 BC, when the law of the plebeian tribune M. Junius Pennus de peregrinis was discussed in 126 BC and consul's offer of 125 BC Fulvius Flaccus on granting Roman citizenship or the rights of provocation to the Latins. Particular attention is paid to the points of contact of the Senate's and triumvirs' political interests in the Italian question in this period. Particularly, the law of Pennus and the law of Fulvius Flaccus were connected with resolving the problem of Latin cities' depopulation in connection with the Latins' migration to Rome per migrationem ad censum.

Keywords: Senate, triumvirs, Italian question, roman citizenship, Junius Pennus, Gaius Gracchus, Fulvius Flaccus.

Филянов Никита Андреевич

Аспирант
РГГУ, Москва

Аннотация

В статье рассматривается политика сената и гракханских триумвиров в италийском вопросе во время кризиса 129 г. до н.э., при обсуждении законопроекта плебейского трибуна М. Юния Пенна de peregrinis в 126 г. до н.э. и предложения консула 125 г. до н.э. Фульвия Флакка о предоставлении латинам римского гражданства или права провокации. Особенное внимание уделяется точкам соприкосновения политических интересов сената и триумвиров в италийском вопросе в эти годы. В частности, закон Пенна и закон Фульвия Флакка были связаны с разрешением проблемы депопуляции латинских городов в связи с миграции латинов в Рим per migrationem ad censum.

Ключевые слова:

Сенат, триумвиры, италийский вопрос, римское гражданство, Юний Пенн, Гай Гракх, Фульвий Флакк.

В данном исследовании рассматриваются основные аспекты политической борьбы сената и гракханской оппозиции вокруг италийского вопроса в период 129 – 125 гг. до н.э. С этой целью подробно анализируются точки соприкосновения и противостояния сената и гракханцев сквозь призму лишения триумвиров судебных полномочий в 129 г. до н.э. и законопроектов Юния Пенна и Фульвия Флакка (126 – 125 гг. до н.э.). Данный период важен тем, что в ходе политического кризиса 129 г. до н.э. и последовавших за ним законопроектов Пенна и Флакка проблема римско-италийских отношений становится актуальной для обеих противоборствующих сторон.

Касательно проблематики нашего исследования в первую очередь следует назвать монографии Э. Бадиана [2], Д. Стоктона [20], Ж. Каркопино [8], А. Шервин-Уайта [18] и Х. Моуритцена [15], которые посвящены реформаторской деятельности Гракхов, истории римско-италийских взаимоотношений и римского гражданства. В этих монографиях также затрагивались вопросы политической борьбы между сенатом и оппозицией в 129 и 125 гг.

до н.э. Помимо перечисленных монографий стоит отметить отдельные статьи, посвященные проблематике данной работы. В частности, конфликт между триумвирами, сенатом и италиками в 129 г. до н.э. рассматривался в статьях Р. А. Баумана [4, р. 385 – 408], И. Шочета [19, р. 24 – 45], Ж. Ричардсона [17, р. 1 – 11] и Й. Бляйкена [6, с. 101 – 131], а также в просопографическом исследовании А. Остина, посвященном Сципиону Эмилиану [1]. Эти исследования опираются, главным образом, на изучение роли италийского элемента в реформаторской деятельности гракханцев. В свою очередь, У. Лаффи [13, р. 43 – 77] и В. Бродхэд [7, р. 69 – 89] рассматривали вопросы италийской миграции во II в. до н.э., связанные с так называемым ius migrandi. В. Рейтер [16, р. 125 – 144] и Р. Лапыренко [21, с. 239 – 244; 22], в свою очередь, уделяли значительное внимание борьбе сената и гракханцев в италийском вопросе на примерах законопроектов Юния Пенна в 126 г. до н.э. и Фульвия Флакка в 125 г. до н.э.

Наше исследование начинаем с политического кризиса 129 г. до н.э., когда по просьбе италиков и Сципио-

на Эмилиана сенат лишил триумвиров судебных полномочий и передал их консулам Г. Семпронию Тудитану и М. Аквиллию. По этому вопросу Аппиан сообщает, что Сципион Эмилиан "посчитал достойным, чтобы тяжбы велись не теми, кто производил раздел земли из-за подозрений у обвиняемых, а другими лицами..."

(App. BC. I 19: «ἡ ξίου τὰς δίκας οὐκ ἐπὶ τῶν διαρουντων ὡς ὑπόπτων τοῖς δικάζομένοις ἀλλ' ἐφ' ἐτέρων λέγεσθαι»).

Таким образом, можно сказать, что Сципион, выступая в сенате, указывал на неправомерные действия триумвиров, используя жалобы италиков как аргумент. Хотя под "обвиняемыми" (τοῖς δικάζομένοις) у Аппиана могут подразумеваться как римляне, так и италики, которых триумвиры привлекали к суду, все же из-за того, что данный пассаж продолжает рассказ об обращении италиков за помощью к Сципиону, логично предположить, что под τοῖς δικάζομένοις все же имеются в виду именно италики, которые занимали обширные участки общественной земли. Поэтому в данном случае мы должны подробно рассмотреть политику сената и триумвиров в отношении possessores и possessiones италиков в контексте лишения триумвиров судебных полномочий (iudicatio).

Огромную роль в данном случае сыграл тот факт, что сенат сумел воспользоваться недовольством части италийских союзников аграрным законом Тиберия Гракха, интересы которых в свое время не были учтены автором реформы и его сторонниками. А в 129 году до н.э., по мнению Д. Стоктона, триумвиры начали активно привлекать possessiones италиков для земельного раздела в пользу римских граждан [20, p. 92]. О жалобах италиков нам сообщает все тот же Аппиан: "италики, не переносящие это и давящих на них судей, посчитали, что Корнелий Сципион, который разрушил Карфаген, станет защитником от совершаемых в их отношении несправедливостей"

(App. BC. I 18: «ταῦτά τε δὴ καὶ τὰς ἐπὶ τούτοις τῶν δικάζοντων ἐπέξαις οὐ φέροντες οἱ Ἰταλιῶται Κορνῆλιον Σκιπίωνα, ὃς Καρχηδόνα ἐπόρθησεν, ἡ ξίου προστάτην σφῶν ἀδικομένων γενέσθαι»).

Несмотря на неясность, кого Аппиан подразумевает под οἱ Ἰταλιῶται (италиков или римлян), логичней всего предположить, что в данном контексте речь идет о неких представителях италийских союзников, например,

τοῦ Ἰταλικοῦ γένους Ἰταλιώτας ὀλιγότης ἢ συμμάχων ἐξ Ἰταλίας (App. BC. I 7, 8, 9).

Х. Гальстерер и Й. Бляйкен говорят о том, что Аппиан использует анахронистическое обозначение "Италии" и "италиков" по отношению к socii nominisque latini и жителям римских fora et conciliabula, которое сильно изменилось после периода гракханских реформ и союзнической

войны [11. s. 37 – 41; 6, s. 101 – 131]. Помимо этого, Д. Стоктон справедливо обращает внимание на противоречия и конфликт интересов элиты и низов внутри самого италийского общества [20, p. 43 – 44]. Этот аспект, к которому мы еще обратимся ниже, мог сыграть важную роль уже в 129 г. до н.э., поскольку малоимущие союзники явно рассчитывали на передел общественной земли и изъятие излишков у possessоров. На основе этого мы, в свою очередь, можем предположить, что в данном случае οἱ Ἰταλιῶται Аппиана, возможно, были представителями италийской элиты. Так, например, А. Остин говорил о том, что в Аппиановском пассаже речь идет именно о состоятельных италиках, которые так же, как римские possessores, пострадали в результате передела ager publicus [1, p. 238 – 239]. К этому А. Остин добавляет, что аграрная комиссия, используя судебные полномочия, могла нарушить права италийских possessоров там, где границы их possessiones были весьма спорными с точки зрения триумвиров. Таким образом, согласно А. Остину, судебная деятельность комиссии могла быть воспринята италийской аристократией как вмешательство в их интересы [1, p. 239].

Хотя вышеизложенная точка зрения касательно италийской аристократии кажется нам вполне убедительной, тем не менее, она не объясняет, почему представители италийской элиты обратились именно к Сципиону Эмилиану. Поэтому мы предполагаем, что у Аппиана подразумевается не вся италийская элита, а конкретные клиенты Сципиона Эмилиана. Ведь термин προστάτης (в Афинах патрон по отношению к метекам, а также покровитель или предводитель в смысле защитник

τῆς πόλεως τῆς ἐλευθερίας τοῦ δήμου и т.д.)

является синонимом латинского patronus (см. Plut. Rom. 13. 5; Mar. 5. 4). Касательно οἱ Ἰταλιῶται которые обратились к Сципиону Эмилиану, Аппиан также уточняет, что они были в подчинении у последнего:

«ὁ δὲς τοῖς πολέμοις αὐτοῖς κεχρημένος προθυμοτάτοις» (App. BC. I 19).

То, что упомянутые Аппианом италики служили под началом Сципиона, также может служить аргументом в пользу патронатно-клиентских отношений между этими италиками и Сципионом Эмилианом, который решил удовлетворить их жалобы. Помимо этого стоит отметить, что οἱ Ἰταλιῶται в отличие от римских граждан, не имели права провокации (provocatio), из-за чего, по словам Р. Баумана [4, p. 405], у этих италиков не было другого пути, кроме как обратиться к Сципиону Эмилиану, который передал их жалобы в сенат. В результате триумвиры были вынуждены столкнуться с сопротивлением италийских possessоров при личном вмешательстве Сципиона Эмилиана. В такой ситуации преодолеть сопротивление последних триумвиры так и не смогли, что привело в итоге к передаче судебных полномочий консулам Тудитану и

Аквиллию, которые были вынуждены оставить дела коммиссии нетронутыми (App. BC. I. 19). Подобный расклад должен был быть выгоден италийским поссессорам, которые при поддержке Сципиона могли рассчитывать на то, что комиссия не возобновит свою деятельность в полном объеме. Таким образом, мы можем зафиксировать поворотный момент в политике триумвиров и сената в италийском вопросе, а именно то, что триумвиры не учли интересов италийских союзников Рима (как италийских поссессоров, так и остальных италиков), чем в полной мере воспользовался сенат и италийские поссессоры (οἱ Ἰταλιῶται), которые спровоцировали изъятие у триумвиров судебных полномочий.

Этот вывод в целом принят современными исследователями, исходя из логики событий 133 – 125 гг. до н.э., а также сообщений Аппиана (App. BC. I. 11), Плутарха (Plut. TG. 9) и Цицерона (Cic. De rep. 1. 19. 31; 3. 29. 41) касательно италийского элемента в аграрном законодательстве Тиберия Гракха [15, p. 16 – 18; 23, с. 47 – 48]. Но такие исследователи, как Й. Гёхлер [12, s. 70 – 131], И. Шочет [19, p. 24 – 25] и А. Бернштейн [5, p. 137 – 159], Д. Стоктон [20, p. 42 – 60] и Ж. Ричардсон [17, p. 1 – 11] считали, что союзники изначально были включены в аграрную реформу Тиберия в качестве бенефициаров аграрной реформы. Э. Бадриан также соглашался, что союзники могли быть включены в политику триумвиров Гаем Гракхом по политическим соображениям [2, p. 172]. Противоположную точку зрения высказывали Э. Габба [10, p. 193 – 194], А. Шервин – Уайт [18, p. 217 – 218] и другие исследователи. Мы в данном случае придерживаемся мнения, что италики не были изначально включены в аграрную реформу Тиберия Гракха.

Следовательно, можно говорить о том, что события 129 г. до н.э. сыграли значительную роль в дальнейшем гракханском законодательстве, в том числе в италийском вопросе. Ведь лишение судебных полномочий, по мнению Р. Лапыренка и А. Сморгцова, можно характеризовать как своего рода сделку, на которую триумвиры были вынуждены пойти, не имея на тот момент реальных шансов в борьбе с сенатом. Сделка заключалась в том, что с одной стороны, комиссия продолжала свое существование, с другой, сенат сумел передать судебные полномочия консулам, тем самым приостановив антисенатскую деятельность триумвиров [23, с. 55 – 57]. Эта сделка в итоге привела к тому, что триумвиры были вынуждены обратиться к агитации среди союзников через законопроект Фульвия Флакка 125 г. до н.э. о наделении союзников римским гражданством или правом провокации (App. BC. I. 21; Val. Max. 9. 5. 1). То есть в данном случае оппозиция продолжала искать возможности для возобновления деятельности аграрной комиссии. В связи с этим ключевой фигурой в стане оппозиции становится Фульвий Флакк, с именем которого были связаны ее надежды в италийском вопросе.

Рассмотрев политику сената и триумвиров в отношении италийской элиты, мы должны также коснуться положения остальных италиков, обращая особое внимание на политику сената в отношении латинских союзников Рима на примере так называемого *ius migrandi* и *lex Penni* 126 г. до н.э. Во II в. до н.э. миграция приобрела неблагоприятный для латинских и других союзных Риму общин характер благодаря так называемому *ius migrandi* или *migrationis*, согласно которому преимущественно латинские мигранты, долгое время проживающие на новом месте, претендовали на смену гражданства *per migrationem ad censum* (Liv. XLI. 8. 9). Исследователи долгое время понимали *ius migrandi* как привилегию, которой обладали исключительно латины (изначально *prisci latini*) [7, p. 73]. Впервые эту точку зрения высказал Т. Моммзен, который отмечал свободу перемещения вследствие этнического единства римлян и *socii nominisque latini* [14, s. 635 – 639]. Другую, более предпочтительную, на наш взгляд, точку зрения высказал итальянский исследователь Умберто Лаффи, который полагал, что на получение гражданских прав через *ius migrandi* во II в. до н.э. могли рассчитывать не только латинские общины, но и остальные союзники примерно с IV – III вв. до н.э. [13, p. 43 – 77]

В 187 и 177 гг. до н.э. сенат по просьбе представителя латинских городов принимал решение выслать латинов, переселившихся в Рим и внесенных в списки римских граждан (Liv. XXXIX. 3. 5 – 6; XLI. 9. 9 – 12). Оба случая говорят о заинтересованности самих латинских городов в подобных мерах. Проблема заключалась, прежде всего, в том, что латинские города из-за постоянного оттока населения не могли выставлять необходимое число рекрутов (Liv. XLI. 8. 7). Кроме того, сенат пытался решить вопрос о депопуляции латинских городов, разрешая последним регистрировать новых граждан из числа чужаков в 200, 199 и 190 гг. до н.э. (Liv. XXXI. 49. 6; XXXII. 2. 6 – 7; XXXIII. 24. 8 – 9; XXXVII. 46. 10 – 11; Plut. Flam. 1. 4). Таким образом, принимая во внимание серьезный масштаб миграции и депопуляцию союзнических городов, сенат был вынужден принимать непопулярные меры по ограничению получения латинами римского гражданства *per migrationem ad censum*. Необходимость в подобных мерах оставалась вплоть до законопроекта *de peregrinis* просенатского плебейского трибуна Юния Пенна (Cic. Brut. 109; Off. 3. 47; Fest. 362 L) и инициативы консула 125 г. Фульвия Флакка о наделении союзников правами римского гражданства (App. BC. I. 21; Val. Max. 9. 5. 1).

В 126 г. до н.э. плебейский трибун Марк Юний Пенн предложил закон, согласно которому все находящиеся в Риме *peregrini* (предположительно латины) должны быть высланы из города (Cic. Brut. 109; Off. 3. 47; Fest. 362 L). Возможно, сенат через законопроект Пенна снова попытался пойти навстречу союзникам, как это было в 187 и 177 гг. до н.э. Но если тогда сенат ориентировался на жа-

лобы союзников на миграцию, то в 126 г. нам ничего неизвестно о подобных жалобах. А спустя четыре года сенат снова предпринял попытку выслать союзников за пределы Рима (App. BC. I. 23; Plut. GG. 12).

В историографии законопроект Пенна интерпретировали через сравнение с аналогичной инициативой сената в 122 г. до н.э., когда сенат распорядился выслать из Рима всех неграждан с целью противодействия законопроекту Гая Гракха о предоставлении гражданских прав союзникам (App. BC. I. 23; Plut. GG. 12), [3, p. 388; 20, p. 94 – 95]. То есть законопроект 126 г. до н.э. рассматривался как потенциальное противодействие Фульвию Флакку, который годом позже, став консулом, попытался провести rogatio de sociis civitate danda. Так, например, Х. Дарт и В. Рейтер предполагали, что закон Пенна мог быть проведен в конце 126 г. до н.э., то есть перед консульскими выборами, когда Флакк уже, скорее всего, обнародовал свою программу, включающую rogatio de sociis civitate danda [9, p. 348; 16, p. 133 – 134]. В таком случае связующим звеном между lex Penni de peregrinis и законопроектом 125 г. до н.э. могла бы быть речь Гая Гракха против законопроекта Пенна. Но мы предполагаем, что закон Пенна стоит отнести скорее к аналогичным инициативам сената в 187 и 177 гг. до н.э. Дело в том, что мы не располагаем достаточными сведениями о политической обстановке вокруг lex Penni de peregrinis, а также у нас нет реальных аргументов в пользу связи lex Penni 126 г. до н.э. с законопроектом Фульвия Флакка в 125 г. до н.э. Что касается речи Гая Гракха против закона Пенна, то она, скорее всего, была произнесена с целью привлечения симпатии союзников для возобновления аграрной реформы [21, с. 240 – 241]. На наш взгляд, разумно предположить, что lex Penni и rogatio de sociis civitate danda были связаны с решением вопроса миграции. Если закон Пенна можно рассматривать как своего рода профилактическую меру, которая должна была продемонстрировать италикам, что сенат продолжает придерживаться традиционного курса в отношении мигрантов, то закон Флакка стоит рассматривать как альтернативный подход для решения миграционного кризиса.

Таким образом, мы можем отметить, что lex Penni de peregrinis является продолжением предыдущих попыток сената решить проблему миграции латинов в Рим через высылку из города переселившихся туда ранее мигрантов. Это также свидетельствует о том, что помешать практике переселения сенат так и не смог. Кроме того, закон Пенна был довольно жестким в отношении союзников, вынужденных переселяться из своих городов в Рим, на что указывает Цицерон: "плохо даже поступают те, кто препятствуют негражданам пользоваться городами и выгоняют их, как делал при наших отцах Пенн и Папий недавно" (Cic. Off. 3. 47: "Male etiam, qui peregrinos urbibus uti prohibent eosque exterminant, ut Pennus apud patres nostros, Papius nuper"). Эта цитата помогает нам

реконструировать закон Пенна, о котором мы не имеем подробных сведений в других источниках. Цицерон в данном пассаже сравнивает законопроект Пенна с более близким к нему самому законом Папия de peregrinis. Законопроекту Пенна Цицерон также противопоставляет закон Лициния–Муция 95 г. до н.э., который ограничивал незаконное предоставление союзникам гражданских прав per migrationem ad censum (Cic. Off. 3. 47). То есть в данном пассаже Цицерон фактически рассматривает закон 126 г. до н.э. в контексте более современных ему законов 95 и 65 гг. до н.э.

Действия Пенна и Папия Цицерон называет male etiam, что означает неправильность с точки зрения морали и эффективности. В другой части данного пассажа Цицерон характеризует изгнание peregrini из города, как inhumanum. Разумно предположить, что в oratio de lege Penni et peregrinis, которая до нас не дошла, Гай Гракх также мог указывать на жесткость и неэффективность выселения peregrini из города, тем самым выступая против политики сената в вопросе миграции и агитируя союзников на сторону оппозиции. Ведь Юний Пенн действовал в интересах сената, который продолжал предшествующую политику в подобных ситуациях. Исходя из этого, мы полагаем, что выступление Гая Гракха в 126 г. до н.э. стоит считать первым серьезным шагом в политической деятельности гракханцев вокруг италийского вопроса, шагом, который знаменует собой поворотный момент в деятельности триумвиров в этом вопросе.

Вторым важным шагом для гракханцев в данном направлении стала, на наш взгляд, уже упомянутая выше инициатива консула 125 г. до н.э. Фульвия Флакка о предоставлении латинам гражданских прав. По его предложению socii nominisque latini должны были получить римское гражданство (App. BC. I. 21; Val. Max. 9. 5. 1), а тем из союзников, которые не желали римского гражданства, должно было быть предоставлено provocatio (право на апелляцию): "М. Фульвий Флакк консул и коллега М. Плавтия Гипсея ... предложил наиболее губительные для республики законы о даровании Италии гражданских прав и право provocatio тем, кто не хотел менять гражданство..." (Val. Max. 9. 5. 1: "M. Fulvius Flaccus consul M. Plautii Hypsaei collega, cum perniciosissimas rei publicae leges introduceret de ciuitate <Italiae> danda et de provocacione ad populum eorum, qui ciuitatem mutare noluisent..."). В данном случае стоит отметить, что, согласно Аппиану, союзники позитивно восприняли инициативу Флакка (App. BC. I. 21), вследствие чего аналогичный законопроект впоследствии предложил Гай Гракх во время своего второго трибуната в 122 г. до н.э. (Plut. GG. 9.3; App. BC. I. 23). Помимо вышеприведенного указания Валерия Максима стоит также отдельно сказать об отрывке из речи консула 122 г. до н.э. Г. Фания против закона Гая Гракха: "если латинам предоставите гражданство..." (ORF. 1837. P. 221: "Si Latinis civitatem dederitis ...") и об упоми-

нании Цицерона касательно этой же речи: "Гая [Фания] сын..., который был консулом и коллегой Домиция, оставил речь о союзниках и латинском имени против Гракха" (Cic. Brut. 99: "Gai filius, qui consul cum Domitio fuit, unam orationem de sociis et nomine Latino contra Gracchum reliquit..."). Исходя из этих сведений, можно сделать вывод, что как по закону 122 г. до н.э., так и по закону 125 г. до н.э. римское гражданство распространялось, главным образом, на латинов.

Таким образом, сведения Валерия Максима и свидетельства из речи Фания против закона Гая Гракха могут подразумевать, что Фульвий Флакк предлагал римское гражданство латинам, а право провокации остальным италикам [22, с. 57]. Хотя мы разделяем данную точку зрения, стоит сказать, что, на наш взгляд, Фульвий Флакк предусматривал право провокации или, возможно, латинское гражданство (*ius Latii*), главным образом, для италийских посессоров, к чему мы вернемся ниже. Но уже в 125 г. до н.э. Фульвий Флакк, предлагая столь одиозный законопроект, сразу же встретил сопротивление сената, который достаточно оперативно свел его инициативу на нет (Liv. Per. 60). Попытка повторить *rogatio de sociis civitate danda* в 122 г. до н.э. также закончилась полным провалом для Гая Гракха и Фульвия Флакка, что позволило сенату расправиться с мятежными трибунами.

Принимая во внимания оба события, можно сказать, что изначально шансов на принятие законопроекта у Фульвия Флакка в 125 г. до н.э. было немного. Поэтому маловероятно, что Фульвий Флакк серьезно рассчитывал осуществить на деле столь серьезный законопроект. Ведь у сената было достаточно законных способов для того, чтобы воспрепятствовать подобной инициативе, что он и сделал, когда вынудил консула Флакка отправиться за пределы Италии (Liv. Per. 60; App. BC. I. 34; Plut. GG. 15. 1). С другой стороны, малоимущие *socii nominisque latini* резонно возлагали надежды на законопроект Флакка, так как предоставление гражданских прав могло серьезно улучшить их имущественное положение при условии возобновления работы аграрной комиссии. Конечной целью законопроекта 125 г. до н.э. по замыслу Флакка, на наш взгляд, должно бы было стать решение проблемы миграции латинов в Рим предоставлением им римского гражданства.

Стоит также обратить внимание на то, что Фульвий Флакк после 129 г. до н.э. должен был учитывать позицию италийских посессоров, которые были категорически против деятельности аграрной комиссии. Поэтому закон Флакка за счет права провокации предусмотрел интересы элиты италийских общин [20, р. 97]. Ведь это право в

случае их отказа от римского гражданства (или, что на наш взгляд более вероятно, от *ius Latii*) давало защиту от произвола римских магистратов, например, в случае возвращения триумвирам судебных полномочий. Возможно также, что остальные италийские общины тоже должны были получить право провокации или *ius Latii*. Таким образом, логично предположить, что Фульвий Флакк одним законом пытался объединить интересы низов и элиты союзников. Следовательно, *lex de sociis civitate danda* Флакка поддержала, главным образом, беднейшая часть латинского общества, которая уже стала объектом гракханской пропаганды (*oratio de lege Penni et peregrinis*). Поэтому инициатива Фульвия Флакка о предоставлении латинам римского гражданства и *provocatio*, как и выступление Гая Гракха против законопроекта Пенна, стоит расценивать как чисто политический ход, рассчитанный на агитацию среди союзников в интересах гракханской коалиции.

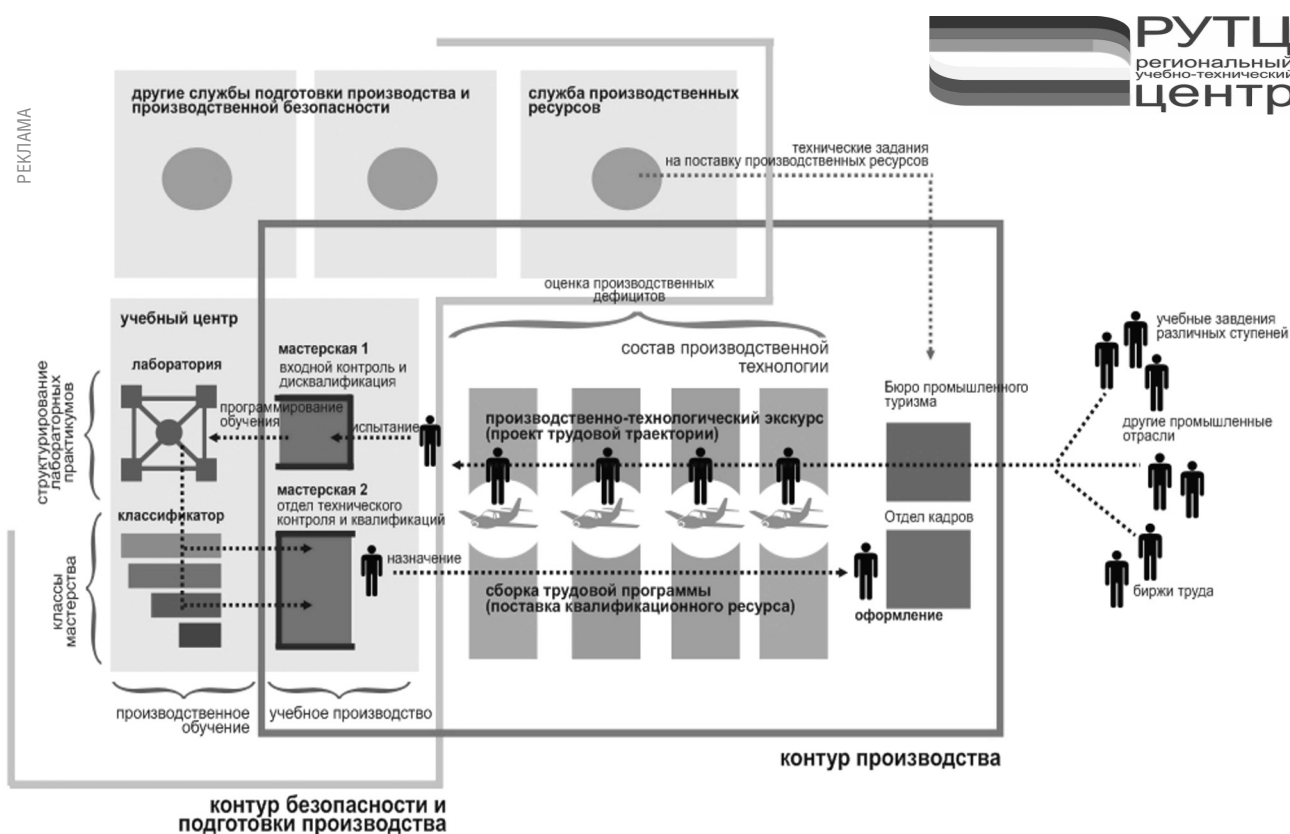
Подводя итоги, мы приходим к следующим выводам. В 129 г. до н.э. антигракханская коалиция и лично Сципион Эмилиан, воспользовавшись тем, что Тиберий Гракх и его сторонники изначально не предусмотрели интересы союзников, добились того, что триумвиры были лишены судебных полномочий. Этот момент предопределил дальнейшую актуальность италийского вопроса в римской политике: ведь тот факт, что после 129 г. до н.э. италийский вопрос стал приоритетным направлением для гракханской коалиции, должен был обострить внимание противоборствующих сторон к проблеме римско-италийских отношений. В таком случае законопроект Пенна можно считать профилактической мерой, которая призвана была показать, что сенат придерживается традиционной и жесткой политики по отношению к мигрантам. Но эта мера оказалась неэффективной во многом из-за накопившихся проблем, связанных с миграцией, которые сенат не смог разрешить. Поэтому в период политического кризиса 126 г. до н.э. оппозиция попыталась переманить союзников на свою сторону при помощи критики Гаем Гракхом законопроекта плебейского трибуна Марка Юния Пенна, который, на наш взгляд, стоит относить к аналогичным законопроектам 187 и 177 гг. до н.э. В свою очередь, критика законопроекта Пенна Гаем Гракхом демонстрирует, что италийский вопрос становится более актуальным для гракханской оппозиции, ведь уже в 125 г. до н.э. консул Фульвий Флакк предпримет непосредственную попытку разрешения италийского вопроса путем предоставления латинам гражданских прав, которое, на наш взгляд, представляет собой реальную возможность разрешения италийского вопроса мирным путем, учитывая при этом интересы италийского общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Astin A. E. Scipio Aemilianus. Oxford, 1967.

2. Badian E. *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford, 1954.
3. Idem. *Roman Politics and the Italians (133–91 B.C.)* // DA. 4 – 5. 1970. P. 373 – 409.
4. Bauman R. A. *The Gracchan Agrarian Commission: Four Questions* // *Historia*. Bd. 28. H. 4. 1979. P. 385 – 408.
5. Bernstein A. H. *Tiberius Sempronius Gracchus*. London, 1978.
6. Bleicken J. *Tiberius Gracchus und die Italischen Bundesgenossen* // 6. *Memoria rerum veterum. Festschrift für C.J. Classen*. 1990. S. 101 – 131.
7. Broadhead W. *Rome's migration policy and the so-called "ius migrandi"* // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2001. P. 69 – 89.
8. Carcopino J. *Autour des Gracques*. Paris, 1967
9. Dart Ch. J. *The impact of the Gracchan land commission and the Dandis power of the triumvirs* // *Hermes*. 2011. Bd. 139. P. 337–357.
10. Gabba E. *Appiani bellorum civilium liber primus*. Florence, 1967.
11. Galsterer H. *Herrschaft und Verwaltung in republikanischen Italien*. München, 1976.
12. Gohler J. *Rom und Italien*. Breslau, 1939.
13. Laffi U. *Sull' esegesi di alcuni passi di Livio relativi ai rapporti tra Roma e gli alleati latini e italici nel primo quarto del II secolo A.C.* // *Pro populo Arimense*. Faenza, 1995. P. 43 – 77.
14. Mommsen T. *Romisches Staatsrecht*. Leipzig, 1887.
15. Mouritsen H. *The Italian unification*. London, 1998.
16. Reiter W.L. M. *Fulvius Flaccus and the Gracchan Coalition* // *Athenaeum*. 1978. P. 125 – 144.
17. Richardson J. S. *The Ownership of Roman land: Tiberius Gracchus and the Italians* // *JRS*. Vol. 70. 1980. P. 1 – 11.
18. Sherwin-White A. N. *The Roman citizenship*. Oxford, 1973.
19. Shochat Y. *The Lex Agraria of 133 and the Italian allies* // *Athenaeum*. 48. 1970. P. 24 – 45.
20. Stockton D. *The Gracchi*. Oxford, 1979.
21. Лапырёнок Р.В. "Италийский вопрос" в 126 – 125 гг. до н.э. от закона М. Юния Пенна до разрушения Фрегелл // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 2 (1). 2013. С. 239 – 244.
22. Он же. *Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20–х гг. до н.э. М., 2016.*
23. Лапырёнок Р.В; Сморгчов А.М. С. Кризис 129 г. до н.э. и судьба аграрной реформы Тиберия Гракха // *ВДИ*. № 3 (290). 2014. С. 47 – 58.

© Н.А. Филянов, (nikitafiljanov@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИЗУЧЕНИИ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ABOUT SOME TENDENCIES IN THE RESEARCH OF MAIKOP CULTURE

V. Fomenko

Annotation

The article deals with a number of actual problems of studying maikop culture (maikop–novosvobodnaya cultural–historical association – hereinafter referred to as MNA). The main generalizing publications devoted to the study of MNA are described. It is said about some reasons for the uneven and one–sided study of the monuments of maikop culture. It is being considered the dominance of archeology new–building`s and the so–called kurgan archeology on the study of maikop antiquities, as well as the search for the origins of this culture in the Middle East. The author comes to the conclusion that the named dominances (tendencies) negatively affect the results of ethnic attribution of monuments of maikop–novosvobodnaya type.

Keywords: North Caucasus; early bronze age; maikop archaeological culture; the maikop–novosvobodnaya association; northern periphery of MNA; a block of middle eastern and caucasian cultures; problems of interpretation; ethnic attribution.

Фоменко Владимир Александрович

С.н.с., к.и.н., доцент,

Институт гуманитарных исследований
Кабардино–Балкарского научного центра РАН,
г. Нальчик

Аннотация

В статье рассматривается ряд актуальных проблем изучения майкопской культуры (майкопско–новосвободненской культурно–исторической общности – далее МНО). Характеризуются основные обобщающие публикации, посвященные изучению МНО. Говорится о некоторых причинах неравномерности и в какой–то степени односторонности изученности памятников майкопской культуры. Рассматривается влияние новостроечной и т.н. курганной археологии на изучение майкопских древностей, а также поисков истоков данной культуры на ближнем Востоке. Автор приходит к выводу, что названные влияния (тенденции) негативно сказываются на результатах этнической атрибуции памятников майкопско–новосвободненского типа.

Ключевые слова:

Северный Кавказ; ранний бронзовый век, майкопская археологическая культура; майкопско–новосвободненская общность; северная периферия МНО; блок ближневосточно–кавказских культур; проблемы интерпретации; этническая атрибуция.

Майкопская культура – археологическая культура эпохи ранней бронзы на юге Восточной Европы. Культура названа по имени наиболее богатого и яркого памятника – кургана [5, с. 2–11; 47, с. 44–48], раскопанного известным российским археологом Н.И. Веселовским [3, с. 49] в 1897 в Майкопе (ныне Республика Адыгея). Майкопская культура была выделена известным археологом–кавказоведом Е.И. Крупновым [30, с. 7–17] в 50–х гг. XX в. [24, с. 48–62].

Первоначально немногочисленные памятники майкопской (а по фактическому содержанию и домайкопской) культуры были обобщены уже после ухода из жизни Е.И. Крупнова, его учеником Р.М. Мунчаевым в докторской диссертации [31] и последовавшей за ней монографии [32].

По сути, работа Рауфа Магомедовича была первым и сугубо положительным итогом, суммирующим материалы и вводящим в широкий научный оборот ряд памятников (поселений и могильников) энеолита и ранней бронзы Северного Кавказа (хотя учитывались и древности эпохи неолита, а также закавказские памятники).

Весной 1991 года в Новороссийске прошло важное научное мероприятие, посвященное проблемам изучения майкопской культуры и получившее статус международного симпозиума [26]. Значение этой конференции, в которой приняли участие многие специалисты по майкопской проблематике из Москвы, Ленинграда, Северного Кавказа, Украины, Молдавии, США, сохраняется до сегодняшнего дня.

В конце XX ст. в академической серии "Археология России" был опубликован том "Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии", в котором Р.М. Мунчаевым был написан раздел о майкопской культуре [33, с. 158–225]. В целом, эта публикация подводила итоги изучения майкопских древностей на протяжении советского периода.

Большое значение в современном изучении энеолита и раннебронзового века Северного Кавказа имеют исследования С.Н. Кореневского. Сергей Николаевич обобщил все доступные материалы майкопско–новосвободненских древностей в начале в диссертации [10], защищенной в 2001 г., а затем опубликовал на эту же тему монографию [11]. Анализ материала бытовых и погреб-

бальных памятников майкопской культуры позволил С.Н. Кореневскому предложить собственную схему ее культурно-территориального деления и развития. Были выделены галюгаевско-серегинские древности, псекупский, долинский, новосвободненский варианты [11, с. 49–63].

В наши дни традиционно изучение майкопско-новосвободненских древностей продолжается по нескольким направлениям, находящим отражение в публикациях. Исследователи вводят в научный оборот новые материалы раскопок поселений [9; 52, с. 422–436] и могильников [43, с. 99–101; 22, с. 123–155; 6, с. 177–195; 7, с. 83–116; 70, с. 481–485]. Изучаются майкопская керамика и гончарное производство [53, с. 125–128; 50, с. 29–31; 14, с. 199–226], изделия из металла [13; 71, с. 389–410; 56, с. 135–154; 55, с. 211–223], вопросы абсолютной и относительной хронологии [23, 109–127; 57, с. 107–112], особенности экономики, материальной и духовной культуры [54, с. 29–45; 16; 18, с. 65–80; 19, с. 193–198]. Современные исследователи заняты в основном вещеведческими аспектами археологического изучения майкопской культуры.

Среди недавних работ, носящих обобщающий характер, можно отметить статьи С.Н. Кореневского [20, с. 71–122; 21, с. 52–54; 15, с. 1–26], В.А. Трифонова [62, с. 276–284], разделы каталога выставки "Бронзовый век. Европа без границ", подготовленные Ю.Ю. Пиотровским [49, с. 308–338; 48, с. 338–340] и Н.И. Шишлиной [68, с. 130–132].

О некоторых причинах неравномерности и односторонности изученности памятников

В послевоенные годы в Советском Союзе заметно увеличилось количество землеройной техники. Соответственно стали расти т.н. зоны активной хозяйственной деятельности. В южных равнинных регионах интенсифицировались мелиоративные работы. Эти изменения привели к тому, что к 70–м гг. XX в. новостроечные (хозрасчетные) полевые работы стали значительным источником поступления денежных средств для научно-исследовательских и других организаций, которые могли проводить археологические раскопки [8, с. 254–255]. В свою очередь возможность для археологов зарабатывать небольшие средства и некоторые другие факторы привели к росту т.н. курганной археологии, т.е. доля курганных могильников в общем числе раскапываемых в то время памятников особенно на юге европейской части страны сильно выросла. В 70–80-е гг. рост курганной археологии был в общем положительной тенденцией, заметно оживившей региональную археологическую науку. Например, на новостройках Кабардино-Балкарии в эти годы были открыты уникальные курганы с майкопско-новосвободненскими погребениями. Уже к началу 90-х гг.

количество, исследованных и хотя бы частично введенных в научный оборот, курганных погребений, в т.ч. и майкопских, на юге России многократно выросло. Кроме того развитие курганной археологии привело к возможности более точного датирования небогатых, маловыразительных и безынвентарных погребений. Так уже в 70–х гг. В.А. Сафроновым была разработана хронология памятников бронзового века Северного Кавказа [58, с. 23–199] в основном по данным курганной стратиграфии. Позже он и Н.А. Николаева работали над проблемами хронологии и происхождения майкопской культуры [60, с. 63–104; 45, с. 9–28; 46, с. 28–62].

Стремительное развитие курганной археологии в течение двух-трех десятилетий создало явный перекоп в изученности древностей Северного Кавказа, в т.ч. и майкопской культуры. Количество археологических объектов, исследованных на равнинах выросло намного больше, чем раскопанных в предгорных, лесных и горных местностях. Соответственно майкопская культура еще в 50-е гг. локализованная в предгорьях, к началу 90-х гг. обогатилась т.н. северной (приазовской и кумо-маньчской) периферией [42, с. 12–15; 17, с. 136–140]. В наши дни памятники с майкопской керамикой выявлены на большей части степного юга Восточной Европы (Северное Причерноморье, Предкавказье, Волго-Донские степи).

Кроме того на характер (направленность) интерпретации памятников майкопской культуры повлияло изменение доступности для российских исследователей ближневосточных и западноевропейских материалов. В перестроечные и особенно постперестроечные годы у отечественных археологов в т.ч. и кавказоведов увеличилась возможность доступа к зарубежным библиотекам и музейным коллекциям. Правда, еще в начале 80-х гг. В.А. Сафронов связал "появление комплекса Большого Майкопского кургана на Северном Кавказе ... с миграцией с территории междуречья Хабур и Балиха (Телль Хуэйра в Северной Месопотамии) западно-семитского (арамейского) населения" [60, с. 63–104; 44, с. 46]. Через 20 лет была опубликована монография того же автора по важнейшим проблемам хронологии истории Ближнего Востока [59], в частности Израиля догосударственного периода, разработанным на основе [44, с. 54–55] только что упомянутой статьи 1982 г. "Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам".

Ближневосточные аналогии майкопским древностям отечественные исследователи стали искать особенно интенсивно в перестроечный и постперестроечный периоды. Эта тенденция очень распространена и в наши дни среди российских [1, с. 3–17; 34, с. 8–9; 35, с. 37–46; 36, с. 316–334] и зарубежных [2, с. 18–22; 37, с. 123–

127] археологов. Одним из результатов этого явления можно считать, то, что майкопская культура перестала рассматриваться как только северокавказское явление, а воспринимается уже как дальняя периферия ближневосточных культур.

Так В.А. Трифонов считает, что майкопская культура, вероятно, является частью ("эпизодом развития") "грандиозной истории расцвета и заката мощной традиции, возникшей на окраинах первых древневосточных цивилизаций" [62, с. 281]. Он отмечает, что открытие новых памятников на просторах от Северного Кавказа до Месопотамии позволяет думать об отсутствии у майкопской культуры "прародины в традиционном смысле этого понятия", поскольку сама культура является органичной частью крупной культурной провинции. В начале эпохи бронзы (IV тыс. до н.э.) майкопская культура являлась крайней северной областью блока культур (культурной провинции), включавшего также лейлатепинскую культуру Азербайджана, культурно близкие и синхронные памятники в Грузии, на востоке Анатолии, в Азербайджане и Северо-Западном Иране. Виктор Анатольевич предполагает, что в этой провинции под влиянием различных природных и социальных факторов свободно распространялись культурные стандарты (достижения) из цивилизаций Двуречья. Кроме того, майкопская культура была посредником в передаче степному восточноевропейскому населению ближневосточных технологий (обработка металлов, производство колесных повозок и тканей) [62, с. 276, 281].

По данным Н.И. Шишлиной ремесленники майкопской культуры обладали высоким уровнем гончарного, металлургического, ювелирного производства, ткали льняное полотно высокого качества. Носители майкопской культуры "развивали многоотраслевое комплексное хозяйство, включавшее и организацию длительных походов за сырьем и изделиями, и пастушескую деятельность". Археологические находки позволяют предполагать, что древние майкопцы осуществляли сложные обменные операции и получали импортные изделия и материалы из далеких стран: камень лазурит из Ирана или Забайкалья, шерстяные и хлопковые окрашенные ткани из Леванта, минеральный краситель – монтроидит с территории современного Туркменистана) [68, с. 130–132], а также явно не местного производства золотые и серебряные украшения. Экономическое устройство древнемайкопского общества и его в основном скотоводческая направленность привели продвижению части носителей майкопской культуры далеко на север, в степные долины Подонья и Прикаспия, расположенные "в 600–700 км от основного ареала культуры". Выход майкопцев в степь (в Приманычье – В.Ф.) был сезонным (от поздней весны до начала осени) и вероятно связан с развитием овцеводства [68, с. 130–132].

В настоящее время известно множество, в основном подкурганых, погребений, а также более десяти исследованных поселений майкопской культуры. Памятники этой скотоводческой и раннеземледельческой археологической культуры в основном сосредоточены в Предкавказье в несколько сужающейся к востоку полосе от Таманского полуострова [49, с. 308] на западе до прикаспийского Дагестана [25, с. 13–38] на востоке, от начала горных местностей на юге до Нижнего Подонья и озера Маныч [48, с. 338] на севере. Известны археологические памятники с характерной майкопской керамикой в Северном Причерноморье [41, с. 127–137; 40, с. 19–21; 62, с. 276–284], и в Калмыцких степях [67, с. 164–173] до Волгоградской области [27]. Поставлены вопросы о наличии близких к майкопско-новосвободненским памятников в Абхазии [4, с. 10–12], Азербайджане [2, с. 18–22] и Северо-Западном Иране [63, с. 244–264].

Таким образом, к настоящему времени ареал майкопской культуры и связанных с ней памятников (по керамике, металлическим предметам, устройству погребальных сооружений и др.) сильно расширился. Возникла проблема связи майкопских древностей только с северокавказским регионом, с историей местного автохтонного населения.

К сожалению, указанные выше тенденции в целом не воспринимаются как негативные и потому либо не подвергаются критическому анализу, либо преодолеваются с трудом. Так по поводу разрастания территории МНО С.Н. Корневский пишет, что классические памятники майкопской культуры – т.н. большие майкопские курганы расположены только в Предкавказье [20, с. 108. Рис. 1]. В периферийных районах такие памятники не обнаружены, выявлены археологические объекты смешанного культурного облика.

Кроме новых территорий майкопская культура в последние годы дополняется и новыми типами погребальных сооружений. Так по данным С.Н. Корневского племена майкопско-новосвободненской общности (МНО) IV тыс. до н.э. восприняли от населения понто-предкавказского региона эпохи энеолита V тыс. до н.э. традицию погребения в катакомбах или подбоях. Это заимствование проявляется в основном на территории кумо-маньчской периферии МНО [12, с. 105–119].

К сожалению, две охарактеризованные в настоящей статье негативные тенденции в изучении МНО сочетаются с другими объективными и субъективными факторами искажающими и делающими неполными наши представления о майкопско-новосвободненских древностях. Так Е.Н. Черных отмечает невыразительность (а объективно говоря, слабую изученность майкопских поселений [66, с. 205]. Неопределенными выглядят связи майкопской

культуры с предшествующей энеолитической культурой Закубанья и Центрального Предкавказья [39, с. 5–22; 38, с. 76–96; 61, с. 190–194; 29; 65, с. 33–44]. Не ясны причины исчезновения майкопско–новосвободненских древностей, несмотря на отдельные высказанные предположения [11, с. 98–99; 69, с. 39–41]. Пока не находят убедительных объяснений выраженные отличия культуры новосвободненской группы памятников [51; 64, с. 19–37] от других вариантов МНО. Неокончательно установленным является хронологическое соотношение памятников майкопской и дольменной культур [28, с. 202–213].

Таким образом, относительно удачное и неспешное выделение (в отличие от некоторых других культур Северного Кавказа), а также постепенное изучение майкопской археологической культуры, позволили к началу 90-х гг. XX в. накопить и научно осмыслить довольно значительный археологический материал, который был в общих чертах суммирован на симпозиуме "Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Евро-

пы" [26]. В современный период (90-е и т.н. нулевые годы) некоторые негативные тенденции и перекосы в изучении майкопских памятников, начавшиеся еще в 60–80-е годы, усилились (расцвет хоздоговорной и т.н. курганной археологии, чрезмерное увлечение ранее малодоступными ближневосточными материалами эпохи энеолита и ранней бронзы, а также рост разобщенности отечественного археологического сообщества и т.д.). Это привело к появлению множества публикаций, мнений, концепций и отсутствию, после издания в 2004 году монографии С.Н. Корневского, максимально объемлющих материал, обобщающих исследований. Кроме того, в наши дни благодаря значительному разрастанию к северу и к югу ареала майкопской культуры, майкопско–новосвободненские древности перестают быть сугубо северокавказским явлением, а рассматриваются специалистами как удаленная часть блока ближневосточно–кавказских или европейских культур. Это по моему мнению дезориентирует исследователей и не способствует установлению истины в вопросе этнической принадлежности носителей майкопской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров Ш.Н. Месопотамско–кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2014. Вып. 233. С. 3–17.
2. Ахундов Т.И. Майкопская культура к югу от Большого Кавказского хребта // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Владикавказ: Северо–Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2008. С. 18–22.
3. Белова Н.А. Н.И. Веселовский – видный деятель российской гуманитарной науки // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (Археологические изыскания. Вып. 46). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1997. С. 49.
4. Бжания В.В. Памятники майкопской культуры в горах Абхазии // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975. С. 10–12.
5. Веселовский Н.И. Майкопский курган // Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. С. 2–11.
6. Гей А.Н. Погребальные памятники майкопской культуры в Нижнем Прикубанье // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 177–195.
7. Канторович А.Р., Маслов В.Е. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станции Марьинской // Материалы по изучению историко–культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь: ГУП "Наследие", 2009. Вып. IX. С. 83–116.
8. Кияшко А.В. Археология: наука, образ жизни, способ заработка или что–то еще? // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов "Проблемы археологии Восточной Европы". Ростов–на–Дону, 2015. С. 254–255.
9. Корневский С.Н. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1995. 188 с.
10. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско–новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии и символики погребальной практики // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. М.: Институт археологии РАН, 2001. 46 с.
11. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско–новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.
12. Корневский С.Н. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно–бронзового века Понто–Предкавказских степей // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2016. Вып. 245. С. 105–119.
13. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья (типология. историко–культурный аспект). М.: Таус, 2011. 335 с.
14. Корневский С.Н. К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско–новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе // Культурные взаимодействия. динамика и смыслы. Кишинев, 2016. С. 199–226.
15. Корневский С.Н. Проблемные ситуации "пост–убейдского периода" в Предкавказье (4500–3500 лет до н. э.) // Stratum plus. 2016. №2. С. 1–26.
16. Корневский С.Н. Рождение кургана. М.: ТАУС, 2011. 256 с.
17. Корневский С.Н. Северная, кумо–маньчская периферия майкопско–новосвободненской общности // IV Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 136–140.
18. Корневский С.Н. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны–Иштар // Российская археология. М., 2012. № 4. С. 65–80.

19. Кореневский С.Н. "Символы жилищ" майкопско–новосвободненской общности и вопрос об особенностях их форм // VI Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 193–198.
20. Кореневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 71–122.
21. Кореневский С.Н. Этапы, варианты и многокомпонентность майкопско–новосвободненской общности на современном этапе изучения // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. Алексеевские чтения. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 52–54.
22. Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хашироков А.Х. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Наука, 2008. С. 123–155.
23. Кореневский С.Н., Резепкин А.Д. Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, философии, культуры. Вып. XXII. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 109–127.
24. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Академия наук СССР, 1957. 176 с.
25. Магомедов Р.Г. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо–Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1991. С. 13–38.
26. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум (Новороссийск, 18–24 марта 1991 г.). Тезисы докладов. Л., 1991. 74 с.
27. Мамонтов В.И., Скворцов Н.Б. Памятники майкопской культуры в Волгоградской области // Грани познания. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2011, март. № 1(11) // <http://grani.vspu.ru/files/publics/1301313116.pdf>
28. Мелешко Б.В. О финальной дате дольменных памятников Кавказа // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2010. Вып. 224. С. 202–213.
29. Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Спб.: Государственный Эрмитаж, 2009. 250 с.
30. Мунчаев Р.М. Е.И. Крупнов – выдающийся российский кавказовед // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы конференции. Магас–Кисловодск, 2014. С. 7–17.
31. Мунчаев Р.М. Кавказ в эпоху неолита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н.э.) // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. Тбилиси: Тбилисский университет, 1971 // <http://saunje.ge/index.php?id=1795&lang=ru>.
32. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 416 с.
33. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
34. Мунчаев Р.М. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 8–9.
35. Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Еще раз о месопотамско–кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. // Российская археология. М., 2012. № 4. С. 37–46.
36. Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г. Восточный Кавказ и проблема кавказско–месопотамских связей в IV–III тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2010. С. 316–334.
37. Мусеибли Н. Ближневосточно–кавказские связи в IV тыс. до н.э. в контексте лейлатепинской и майкопской культур // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком. Спб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2015. С. 123–127.
38. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992. №1. С. 76–96.
39. Нехаев А.А. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1990. С. 5–22.
40. Нечитайло А.Л. Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха неолита–бронзы) // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. М.: Институт археологии РАН, 1994. 42 с.
41. Нечитайло А.Л. О сосудах майкопского типа в степной Украине // Советская археология. М., 1984. № 4. С. 127–137.
42. Нечитайло А.Л. Специфика культурных групп майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 12–15.
43. Нечитайло А.Л., Фоменко В.А. Курган из группы "Гранит" на окраине Иноземцево // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки: Ессентукский краеведческий музей, 2002. С. 99–101.
44. Николаева Н.А. Аннотация к списку работ В.А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: Московский государственный областной университет. 2010. С. 34–55.
45. Николаева Н.А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо–Осетинский государственный университет, 1982. С. 9–28.
46. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо–Осетинский государственный университет, 1982. С. 28–62.
47. Отчёт Н.И. Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 г. // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (Археологические изыскания. Вып. 46). СПб., 1997. С. 44–48.
48. Пиотровский Ю.Ю. Кумо–маньчская периферия майкопской культуры // Бронзовый век. Европа без границ. IV–I тыс. до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 338–340.
49. Пиотровский Ю.Ю. Майкопская культура // Бронзовый век. Европа без границ. IV–I тыс. до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 308–338.
50. Поплевко Г.Н. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 29–31.
51. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор–История, 2011. (Труды Института истории материальной культуры., Т. XXXVII). 344 с.

52. Резепкин А.Д. Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры // Археолог: детектив и мыслитель. СПб.: СПГУ, 2004. С. 422–436.
53. Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 125–128.
54. Ростунов В.Л. К вопросу о приемах сооружения и семантике "больших майкопских курганов" Центрального Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2004. Вып. 4. С. 29–45.
55. Рындина Н.В., Равич И.Г. Новые данные о технологии производства бронзовых мотыг майкопской культуры Северного Кавказа // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2015. Вып. 239. С. 211–223.
56. Рындина Н.В., Равич И.Г. Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. М.: Институт археологии РАН, 2014. С. 135–154.
57. Рысин М.Б. Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 107–112.
58. Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М.: Знание, 1974. Вып. VII. С. 23–199.
59. Сафронов В.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М.: Русская панорама, 2003. 424 с.
60. Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет, 1982. С. 63–104.
61. Трифонов В.А. Дарквети–мешоковская культура // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар; Анапа. 2001. С. 190–194.
62. Трифонов В.А. Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2014. Т. 16. №3. С. 276–284.
63. Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба ученого. СПб., 2000. С. 244–264.
64. Трифонов В.А., Шишлина Н.И. Дольмены у станицы Царской, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 году: архивные материалы // Труды Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 2014. Вып. 201. С. 19–37.
65. Черленок Е.А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб., 2013. 54 с.
66. Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
67. Шишлина Н.И. Майкопские погребения Южных Ергеней // Нижневолжский археологический сборник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 164–173.
68. Шишлина Н.И. Майкопский феномен (3600–3000 гг. до н.э.) // Бронзовый век. Европа без границ. IV–I тыс. до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 130–132.
69. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.) // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. М.: МГУ, 2008. 49 с.
70. Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е. Погребения эпохи бронзы курганного могильника "Синюха" в Адыгее // Шестая международная археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 481–485.
71. Hansen S. Gold and silver in the Maikop Culture // Metalle der Macht – Fruhes Gold und Silber. Mitteldeutscher Archaologentag (Oktober 2013 in Halle (Saale)). Tagungen des Landesmuseums fur Vorgeschichte Halle, 2014. Band 11(II). S. 389–410.

© В.А. Фоменко, (fva2005@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Образовательный центр
"Языки и культуры
мира"
Открыт набор на
языковые курсы
www.wlc.vspu.ru

РЕКЛАМА

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ 5-7 КЛАССОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КНИЖНОЙ ГРАФИКЕ

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE ACTIVITY OF PUPILS OF 5-7 FORMS IN THE LEARNING PROCESS OF BOOK GRAPHICS

*L. Burovkina
T. Petunina*

Annotation

The article considers the questions of organization of educational-creative activity of students, which would enhance the level of creative activity in the arts of graphics. The authors of the article talk about the possibility of the fine arts to develop personal qualities, and all this can occur only with the directed educational process, deciding in a complex variety of tasks in illustrating by the children works of fiction literature.

Keywords: creativity, teaching and creative activity, creative process, creativity, fiction, art illustration, art graphics.

*Буровкина Людмила Александровна
Д.п.н., профессор,
Московский городской
педагогический университет
Петунина Татьяна Геннадьевна
Аспирант, Московский городской
педагогический университет*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы организации учебно-творческой деятельности учащихся, решение которых будет способствовать повышению уровня творческой активности на занятиях искусством графики. Авторы статьи говорят о возможности изобразительного искусства развивать личностные качества, а это может протекать только при направленном учебном процессе, решающем в комплексе разнообразные задачи при иллюстрировании учащимися произведений художественной литературы.

Ключевые слова:

Творчество, учебно-творческая деятельность, творческий процесс, творческая активность, художественная литература, художественное иллюстрирование, искусство графики.

Развитие творческой активности личности, которая готова к социально-преобразовательной деятельности, выступает в качестве одной из ключевых проблем современного художественного образования. В отечественной педагогике проблема развития творческой активности в процессе художественно-творческой деятельности учащихся понимается как повышение эффективности обучения, развития самостоятельной работы, творческого мышления. В последние годы все большее значение приобретает такое обучение, при котором особое внимание уделяется активным методам проведения уроков.

Учебная деятельность на уроках изобразительного искусства по иллюстрированию произведений художественной литературы, прежде всего, носит познавательный характер, поскольку предполагает усвоение определенного объема знаний в сфере художественного иллюстрирования. Одним из них является "творческая активность", которая выступает в качестве одного из ключевых свойств личности, определяет характеристику ее движения к самосовершенствованию, условия реализации себя в качестве личности. Рассмотрение сущности творческого процесса и возможностей развития творческой активности во всевозможных видах деятельнос-

ти осуществлялось посредством исследований М.С. Бернштейна, Д.Б. Богоявленской, А.Н. Лука, А.М. Матюшкина, Я.А. Пономарева, О.К. Тихомирова. Так же, анализ всевозможных аспектов развития творческой активности ребенка осуществлялся посредством работ И.П. Волкова, С.В. Диденко, Н.В. Максименко, Л.Н. Петровой.

Осуществленный анализ психолого-педагогической литературы показывает, что многие ученые исследовали область развития творческой активности личности, однако в недостаточной степени были проведены исследования по развитию творческой активности школьников на уроках изобразительного искусства в процессе иллюстрирования произведений художественной литературы. Творчество выступает в качестве явления сложного, комплексного, которое обусловлено посредством всевозможных социально-педагогических и психофизических предпосылок. Определение понятия "творческой активности личности" осуществляется в качестве способности изменения окружающей действительности на основании собственных потребностей, взглядов и целей. Учебная деятельность в освоении книжной графики содержит творческие моменты. Посредством творческого характера данной учебной деятельности предпола-

гается формирование новых оригинальных продуктов изобразительной деятельности [5]. Более того, следует отметить, что посредством процесса обучения книжной графике, иллюстрирования книги предполагается личная интерпретация литературного произведения, своего, индивидуального восприятия прочитанного. На уроках книжной графики открываются возможности для развития творческого потенциала учащихся, повышения уровня творческой активности посредством деятельностного художественного преобразования действительности. В психологии рассмотрение творчества осуществляется в качестве "механизма развития, взаимодействия, которое ведет к такому развитию", а творческая деятельность учащихся в качестве самой продуктивной формы [5].

Посредством творческой деятельности учащихся на уроках изобразительного искусства предполагается самостоятельное, активное создание оригинальных художественных произведений – иллюстраций к литературно-художественным произведениям. Именно эти занятия имеют ярко выраженное художественное начало, составляют основу эстетического воспитания через эстетическое восприятие действительности, формируют нравственный идеал, развивают эмоционально-чувствительную сферу учащихся, абстрактное мышление, творческое воображение, служат источником познания жизни. Особую роль в процессе освоения книжной графики играет воображение, способствующее созданию самостоятельных работ учащимися. Проблема развития творческой личности понимается нами как развитие способностей растущего человека, формирование и воплощение которых осуществляется во всевозможных видах познавательной и созидательной деятельности. Результат такой деятельности довольно часто не обладает общественной ценностью, однако необходимо участвовать в таком процессе, что играет важнейшую роль для учащихся. "Практическая деятельность учащихся является основополагающей, так как активизирует творческие способности, стимулирует желание создавать своими руками творческую работу, развивает творческие способности, активизирует творческое мышление" [1, с. 63].

Значение формирования творческой активности мы видим, главным образом, в том, что в процессе творческой деятельности происходит овладение учащимися эвристическими приемами приобретения знаний, воспитания в себе любви к серьезному, вдумчивому труду. В целях эффективного развития творческой активности обучающихся является очень важным определением существенных сторон понятия "творческая активность", раскрытия путей развития рассматриваемого качества личности в ходе обучения школьников иллюстрированию произведений художественной литературы на уроках

изобразительного искусства. Рассмотрение учеными активности осуществляется в качестве личностной характеристики, самодеятельности личности, где в качестве стимулов выступают содержание и характер такой деятельности. Активность – многоаспектное понятие. Поэтому, не случайно, проблема, связанная с ее исследованием, рассматривается философией, педагогикой, психологией. Определение качественной, содержательной стороны активности осуществляется посредством совокупности действующих мотивов, установок, интересов и побуждений, которые обуславливают совершение определенных действий. Художественное творчество подростка – это создание обучающимся значимого для него субъективно нового продукта (рисунок), например, при иллюстрировании произведений художественной литературы. Для совершенствования обучения школьников книжной графике, иллюстрированию произведений художественной литературы необходимо "построение практической деятельности на основе соответствующих теоретических знаний; перегруппировка учебного материала для более эффективного обучения: использование многообразных учебных упражнений в ходе художественно-творческой деятельности, выполнение которых обеспечивает активную мыслительную и творческую деятельность учащихся, активное стимулирование учащегося к самоценной образовательной деятельности" [3, с. 56]. Прежде, чем обучать книжной графике, учитель изобразительного искусства должен сам изучать книгу, как художественное явление, быть в курсе общих проблем художественного иллюстрирования, владеть навыками выполнения элементов книжной графики. Все это ему позволит на профессиональном уровне организовывать учебно-творческую деятельность школьников при выполнении ими рисунков на литературную тематику, раскрывать перед учащимися значимость художественных изданий, умело демонстрировать обучающимся особенности иллюстрирования произведений художественной литературы. Роль и значение процесса художественного иллюстрирования книг в формировании творческой активности школьников, важность приобщения его к произведениям художественной литературы – одно из духовно-нравственных явлений в жизни формирующейся личности.

Проблема и одна из основных задач освоения школьниками специфики книжной художественной иллюстрации заключается в тесной взаимосвязи графического решения книги с идейно-образным содержанием произведения художественной литературы. Очередная группа художественных задач по освоению связи изображения с пространственно-временным строем книжной архитектуры рассматривается в тесной зависимости от познания эстетических законов освоения материалов искусства: свойств бумаги, способов несения изображения с плоскостью формата, знания

графических техник и умелое их использование. Для успешного иллюстрирования художественных литературных произведений школьникам необходимо наряду с графическими техниками знать виды графического искусства.

Рассмотрим те графические техники, знание которых будут способствовать активизации творческой деятельности учащихся при освоении ими книжной графики: гравюра, эстамп, офорт, монотипия и др. В справочных источниках графика (от греч. *graphiké*, от *grapho* – пишу, черчу, рисую) – вид изобразительного искусства, который включает в себя рисунок, а также печатные художественные произведения [6]. В графических техниках выполняются иллюстрации в книгах, рисунки в журналах и газетах, плакаты, различные гравюры, почтовые и денежные знаки, эмблемы и многое другое. Графика является древнейшим видом искусства и имеет многовековую историю. В учебно-творческой деятельности учащихся на уроках изобразительного искусства используются графитные карандаши и обычная шариковая ручка. Также для иллюстрирования произведений художественной литературы можно применять тушь, уголь, пастель, акварель и сангину. Ключевой особенностью графического искусства является графичность рисунка, отличающаяся существенным образом от живописной лепки формы, а особенно от скульптуры, где не осуществляется изображение положения объемной формы в пространстве на плоскости, а его передача производится в буквальном смысле. В графике преобладает рисунок, однако графические произведения в цвете (эстампы, иллюстрации) бывают очень живописными.

У искусства графики, как и любого другого, имеется свой образный язык. Основные художественно-выразительные средства графики представлены: линией, пятном, штрихом, светотень, тоном. С помощью таких средств художники осуществляют передачу собственного мировосприятия, делятся со зрителем увиденным и своими ощущениями. Посредством применения различных по характеру линий у художника появляется возможность решения пластических и пространственных задач. Различными по направлению и характеру штрихами передаются объемно-пластические и пространственные свойства объектов, их фактура. С помощью пятна можно выразить не только форму, но и характер модели, сюжетную ситуацию.

Композиция в графических работах строится по тем же законам, что и в станковой живописи, на основе образно-пластического решения темы, сюжета и подчиняется всем основным ее законам. "В отличие от живописи, где форма, в основном, образуется из оттенков цвета и соотношения светлот, в графике форма определяется достаточно четким и осознанным очертанием предметов" [2, с. 9–10].

Является полезным постоянное включение в педагогический процесс всевозможных мастер-классов, похожих в музеи, чтобы ознакомиться с изобразительным искусством. Во всем должно быть присутствие вариативности. Является необходимым осуществить разнообразие форм, средств, а также методов обучения, материалов для работы, предоставление которых осуществляется учащимся. Педагог должен осуществлять исключение из занятий формализма, шаблонов, сухости, излишнего дидактизма, навязывания собственного представления о решении образа или сюжета.

Творчество школьника в процессе иллюстрирования произведений художественной литературы – это создание им рисунка, картины. В процессе работы над ними ученик самостоятельно применяет усвоенные знания, умения, навыки, в том числе осуществление их переноса, комбинирование известных способов деятельности либо создание нового для ученика подхода к решению задачи по иллюстрированию произведений художественной литературы. В современном информационном обществе чрезвычайную актуализацию имеет не процесс накопления знаний, а приобретения опыта самовыражения, включая опыт по осознанию своей индивидуальности, ценности иных людей, поиску личностных смыслов.

Рассмотрению и изучению проблемы интеграции в педагогическом процессе предшествовала проблема межпредметных связей, которая интересует педагогов и в настоящее время. В ходе анализа литературных источников необходимо засвидетельствовать, что многими философами, педагогами, психологами, писателями, музыкантами, а также художниками многократно говорилось о пользе комплексного воздействия всевозможных видов искусства и предметов гуманитарного цикла на личность, на формирование ее духовного мира, эстетических потребностей и интересов, что способствует активизации творческой деятельности обучающихся.

В современной отечественной педагогике и психологии относительно проблем в обучении и воспитании указывается на большую роль межпредметных связей в развивающем, проблемном и воспитывающем обучении в личностно-ориентированном подходе в обучении и воспитании. Следует отметить различные формы проведения данных уроков, которые представлены посредством семинаров, мастерских, конференций, уроков творчества и т.д. В качестве одного из аспектов формирования личности обучающегося выступает мотивация. Посредством учебного процесса, который построен на межпредметной основе, осуществляется повышение уровня мотивации обучающихся посредством понимания важности, социальной значимости полученных знаний, стимулирования познавательных интересов и потребностей, стремления к расширению своего кругозора и т.п.

При создании художественного образа книжной иллюстрации необходимо:

- ◆ осваивать общие законы иллюстрирования произведений литературы: выявлять в них идейно-образное содержание, композиционные, стилевые и другие особенности;
- ◆ формирование навыков работы графическими материалами;
- ◆ формировать навыки создания художественного образа в различных графических техниках и материалах изобразительного искусства.

Педагогической психологией структура учебной деятельности рассматривается как составляющая из трёх компонентов, соответствующих трем этапам, в зависимости от функциональной направленности: ориентировочно-мотивационный, операциональный, или исполнительный, и контрольно-оценочный.

Коротко рассмотрим каждый из этапов учебной деятельности применительно к урокам изобразительного искусства по книжной графике для учащихся.

1. Ориентировочно-мотивационный этап направлен на обеспечение соответствующей мотивации, принятие и обоснование цели и задач творческой деятельности. Для занятий изобразительным искусством проблема мотивации имеет особое значение – без внутреннего принятия изучаемого материала, интереса к содержанию предмета невозможно достигнуть положительных результатов.

2. Операциональный, или исполнительный этап предполагает уточнение учащимися замысла графического

ряда книги на основе глубокого изучения литературно-художественного произведения, плана его воплощения. На данном этапе учащиеся разрабатывают образы героев повествования, размещение графических элементов на страничном листе, выбор масштаба, приемов изображения происходящих литературных событий, обдумывание цветовых характеристик книжной графики.

3. Контрольно-оценочный этап предполагает анализ работ учащихся, их коллективное обсуждение и педагогическая оценка.

Таким образом, творческая активность учащихся в освоении ими книжной графики предполагает теоретическое осмысление знаний, самостоятельный поиск решения проблем. Развитие творческой активности личности требует от учителя создания таких педагогических условий, когда возникает любознательность и интерес, потребность отстаивать свои творческие позиции, чувство увлеченности, стремление к творческим достижениям, создается ситуация успеха в творческой деятельности. "Становление гармонически развитой личности невозможно без воспитания эстетической грамотности, без воспитания понимания и уважения к духовным ценностям, без пробуждения творческой активности обучающегося" [4, с. 71].

Таким образом, развитие творческой активности учащихся в процессе обучения их книжной графике, должна отражать взаимодействие всех компонентов художественно-творческой деятельности, осуществляемой в условиях учебного процесса на уроках изобразительного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барциц Р.Ч. Актуальные проблемы профессиональной и специальной подготовки художников-дизайнеров в современных условиях. Вопросы теории и практики: монография / Р.Ч. Барциц. – М.: МОСА, 2011. – 264 с.
2. Бесчастнов Н.П. Графика пейзажа: учеб. пособие / Н.П. Бесчастнов. – М.: ВЛАДОС, 2008. – 301 с.
3. Буровкина Л.А. Теоретико-методологические условия художественного образования учащихся в учреждениях дополнительного образования: дисс. ... докт. пед. наук. – М.: МГПУ, 2010. – 368 с.
4. Буровкина Л.А. Художественно-творческая деятельность учащихся в учреждениях дополнительного образования как средство формирования социально-культурной личности / Л.А. Буровкина // Materiały VIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji "Strategiczne pytania światowej nauki – 2012" Volume 13. Pedagogiczne nauki: Przemysł. Nauka i studia. – С. 69–73.
5. Пономарев Я.А. Основные звенья психологического механизма творчества // Интуиция, логика, творчество / Под ред. М.И. Панова. – М.: 1987. – С. 5–35.
6. URL: art-katalog.com/ru/article/71

© Л.А. Буровкина, Т.Г. Петунина, (burovkinala@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ МНОГООБРАЗИЯ

PEDAGOGICAL COMPETENCE OF THE ORGANIZATION-HEAD IN DIVERSITY

S. Vodneva

Annotation

Trends in the global social – economical processes are placing new demands on the modern organization–head. The main activity of the organization–head is management. In diversity the effective leader must be competent in pedagogical knowledge and skills and be able to apply them in their management activities, he must have pedagogical competence. The article was prepared within the framework of the study "Formation and development of pedagogical meta–theory of diversity management in educational systems", the state task of the Ministry of education of Russia No. 27.2617.2017/4.6.

Keywords: organization–head, competence, pedagogical competence.

Воднева Светлана Николаевна
Аспирант, ФГБОУ ВО "Новгородский
государственный университет
им. Я. Мудрого", В.Новгород

Аннотация

Тенденции развития мировых социально–экономических процессов предъявляют новые требования к современному руководителю организации. Основная деятельность руководителя организации – управление. В условиях многообразия эффективный руководитель должен быть компетентен в педагогической области знаний, умений, навыков и уметь применять их в своей управленческой деятельности, т.е. обладать педагогической компетентностью. Статья подготовлена в рамках исследования "Становление и развитие педагогической метатеории управления многообразием в образовательных системах", государственное задание Минобрнауки России № 27.2617.2017/4.6.

Ключевые слова:

Руководитель организации, компетентность, педагогическая компетентность.

Современные мировые экономические процессы, такие, как глобализация, интеграция, коммерциализация, сервисикация, медиатизация предъявляют новые требования к профессии руководителя организации. Руководитель организации должен ориентироваться в сложных экономических процессах, знать инновационные процессы в производстве, управлении, использовать новые высокие информационные технологии и технические средства, знать закономерности влияния средств массовой информации на вкусы и предпочтения потребителя. Важным фактором, влияющим на деятельность руководителя организации, является расширение внешнеэкономических связей; многие предприятия имеют международных партнеров и клиентов. Из–за усиления миграции населения коллективы часто становятся многонациональными. Управление таким коллективом основано на слаженной работе команд и требует высокой культуры и профессионализма руководителя. Умение руководить интернациональными командами, сотрудничать с международными партнерами – новое в работе руководителя организации.

Важной новой задачей руководителя организации является также создание благоприятного микроклимата,

позитивных взаимоотношений между членами коллектива. Деловой рабочий настрой сотрудников влияет на общую эффективность работы, повышает производительность труда. В условиях жесткой конкуренции современному руководителю необходимо создавать имидж предприятия. В современных условиях руководителю необходима также постоянная работа по саморазвитию, самосовершенствованию профессионально важных качеств.

Основная деятельность руководителя организации – это управление. Он управляет коллективом, взаимодействует с партнерами, клиентами, потребителями, управляет собой (своими эмоциями, должен постоянно саморазвиваться). Чтобы быть успешным, он должен быть компетентным в своей управленческой деятельности. Согласно определениям многих авторов, компетентность – это "интегральное свойство личности, характеризующее его стремление, способность и готовность реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной деятельности в определенной области" [13;12]. Согласимся с Е.И.Огаревой, что компетентность позволяет "выполнять квалифицированную работу, принимать ответственные решения в проблемных ситуациях, планировать и совершать действия,

приводящие к рациональному и успешному достижению поставленных целей" [5;10]. Таким образом, под компетентностью в широком смысле будем понимать способность и готовность эффективно применить знания, умения и навыки в какой-либо предметной области. Если речь идет о профессиональной области, тогда мы можем говорить о профессиональной компетентности.

И.Л. Плужник утверждает, что профессиональная компетентность – это "профессиональная способность творчески выполнять деятельность на основе сформированных мотивов, личностных качеств, умений использовать нормативно-приемлемые образцы поведения в профессиональной области" [6;18]. Наиболее близко нашему пониманию определение С.Е.Шишова, который говорит о профессиональной компетентности как об "общей способности и готовности личности к деятельности, основанных на знаниях и опыте, которые приобретаются благодаря обучению, и ориентированы на самостоятельное участие личности в учебно-познавательном процессе, а также направлены на ее успешное включение в трудовую деятельность" [15;60].

Одна из задач нашего исследования – определить, что составляет профессиональную компетентность руководителя организации. С.П.Романов рассматривает профессиональную компетентность руководителя как "ориентированность на применение в различных производственных ситуациях знаний, умений и навыков, основанных на потребностях, способностях, сознании, чувственном и социальном опыте в сфере производственной деятельности" [8].

В Профессиональном стандарте руководителя (управляющего) организации, разработанном в 2010 году Центром Сертификации и Стандартизации, прописаны функции руководителя. Для осуществления профессиональной деятельности – управления, руководителю необходимо выполнять стратегическую, экспертную, административную, коммуникационную, социальную, координирующую, прогностическую функцию [7]. Реализуя эти функции, руководитель не только организует работу сотрудников, но и объясняет, контролирует, направляет, оказывает влияние на сотрудников, взаимодействует с партнерами, клиентами, т.е. выполняет еще педагогические функции в управлении. Можно утверждать, что руководитель должен быть компетентен в педагогической области знаний, умений, навыков и уметь применять их в своей управленческой деятельности, т.е. обладать педагогической компетентностью. Это является новым и важным в деятельности современного руководителя организации.

Что представляет собой педагогическая компетентность? Наиболее общее определение дает Л.М. Митина:

"Педагогическая компетентность включает знания, умения, навыки, а также способы и приемы их реализации в деятельности, общении, развитии (саморазвития) личности" [4;15].

При изучении данного вопроса, мы обнаружили, что большинство исследователей рассматривают педагогическую компетентность как компетентность педагога, работника сферы образования. Так, например, Т.Б.Семеновская определяет профессионально-педагогическую компетентность учителя как "интегративную совокупность качеств учителя, отражающую уровень его личностного, социально-нравственного опыта, готовность к развитию и совершенствованию профессиональной деятельности, осознанное владение языковыми средствами выражения смысловых отношений" [10]. С.В.Соколова рассматривает педагогическую компетентность также как "готовность и способность выполнять педагогические функции в соответствии с предъявляемыми нормами, стандартами и требованиями, желание и умение создавать новую педагогическую реальность на уровне целей, содержания, технологий, а также, понимание и целостное видение педагогом мира образования и конкретной педагогической ситуации в нем" [11]. Исследователь А.В.Тадтаева характеризует педагогическую компетентность как "устойчивое, интегративное, личностное образование, выражающееся в осознании личностью своей педагогической деятельности как ценности, раскрывающаяся в реализации профессиональных умений, обуславливающих готовность студента – будущего учителя к решению актуальных педагогических задач, может быть рассмотрена как цель, результат и критерий его профессиональной подготовки в условиях вузовского образования" [12].

Некоторые специалисты, как И.Г.Бавшин, Н.Г.Корнева, О.С.Тронева говорят о педагогической компетентности специалистов других областей: руководителей уголовно-исполнительной системы, руководителей водохозяйственных служб, руководителей образовательных учреждений и др. Так, И.Г.Бавшин указывает, что "психолого-педагогическая компетентность во влиянии на материальные условия деятельности персонала представляет собой один из видов профессиональной компетентности руководителя. Данный вид компетентности является внутренним динамическим ресурсом деятельности руководителя по организации в учреждении оптимальных материальных условий. Эта деятельность направлена на реализацию релаксационной, компенсирующей, трудовой, коммуникативной, престижной и эстетической функций предметно – пространственной среды" [1].

О.С.Тронева исследует социально-педагогическую компетентность руководителей уголовно-исполнительной системы и определяет данную компетентность как

"интегральную профессиональную характеристику личности, включающую в себя динамическую совокупность индивидуальных свойств личности, проявляющихся на разных уровнях сформированности в структуре когнитивного, праксеологического и ценностного компонентов. Социально-педагогическая компетентность руководителя – ключевое условие эффективного решения стратегических и тактических служебных задач как на личностном уровне, так и на уровне учреждения в целом" [14].

Отличие педагогической компетентности педагога, работника образовательного учреждения, от педагогической компетентности руководителя организации, на наш взгляд, состоит в том, что основная деятельность педагога – педагогическая, а руководителя – управленческая. Мы можем говорить о педагогических функциях в управленческой деятельности. Таким образом, проанализировав вышеизложенные определения, под педагогической компетенцией руководителя организации будем понимать интегративную профессиональную характеристику личности руководителя, включающую знания, умения, навыки управленческой деятельности, в основе которой педагогические функции, профессионально важные качества управленца, и готовность и способность их эффективно реализовать в профессиональной управленческой деятельности.

И.А. Зимняя в структуру компетентности включает следующие компоненты: когнитивный компонент (знания); мотивационный компонент; аксиологический компонент (направленность, ценностные отношения личности); практический компонент (умения, навыки, опыт деятельности); способности; эмоционально-волевой компонент (саморегуляция)"[2].

В структуру педагогической компетентности методи-

ста Н.Г. Корнева включает следующие компетенции: "дидактическую, включающую знания о специфике обучения профессии педагога дополнительного образования, о современных достижениях специальных и социальных наук, о дидактических методах и приемах организации внеучебной деятельности детей; развивающую, отражающую коммуникативный опыт, умение осуществлять творческое развитие, психолого – педагогическую диагностику и коррекцию личности; деятельностьную, предусматривающую освоенность андрагогических, социально-педагогических, воспитательных и социально-защитных технологий в учреждении дополнительного образования" [3].

О.В. Селезнева в структуре профессионально-педагогической компетентности будущего классного руководителя выделяет "совокупность профессионально значимых свойств личности с высоким уровнем теоретической и практической готовности к выполнению функций классного руководителя... устойчивой мотивацией к педагогической деятельности в роли классного руководителя, профессионально-педагогическим самосознанием, наличием знаний о функциональных обязанностях классного руководителя, сформированностью профессиональных умений в воспитательной деятельности, способностью к творческому саморазвитию и педагогической рефлексии" [9].

В структуре педагогической компетентности руководителя организации мы будем выделять: когнитивный компонент, в основе которого знания основ управления; мотивационный компонент; аксиологический компонент (включает направленность, ценностные отношения личности); практический компонент (умения, навыки, опыт деятельности); способности; эмоционально-волевой компонент, профессионально важные качества, способность к рефлексии.

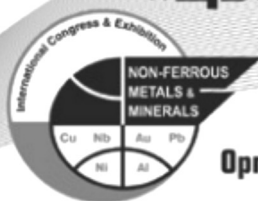
ЛИТЕРАТУРА

1. Бавшин И.Г. Психолого-педагогическая компетентность руководителя и ее влияние на материальные условия деятельности персонала в организации : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. – Санкт-Петербург, 2005. – 202 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 10.05.2017).
2. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высш. образование сегодня : реформы, нововведения, опыт. – 2006 – №8. – С. 20–26.
3. Корнева Н.Г. Формирование педагогической компетентности методиста учреждения дополнительного образования детей : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 : Оренбург, 2005. – 160 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 12.05.2017).
4. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. – М., Академия, 2004. – 320 с.
5. Огарева Е.И. Адаптация студентов к условиям обучения в вузе в связи с их ценностными ориентациями : дис. ... канд. психологич. наук : 19.00.13 : С.–Петербург, 2010. – 187 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 10.05.2017).
6. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. ... доктора пед. наук : 13.00.01 : Тюмень, 2003. – 29 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 06.05.2017).
7. Профессиональный стандарт управляющего (руководителя) организации. – М., Национальный центр сертификации управляющих, 2010 . URL : www.ncsu.ru (Дата обращения: 03.05.2017).

8. Романов С.П. Развитие профессиональной компетентности руководителей воздухохозяйственных служб : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01, 13.00.08 : Н. Новгород, 2002. – 193 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 15.05.2017).
9. Селезнева О.В. Становление профессионально-педагогической компетентности будущего учителя как классного руководителя в процессе студенческого самоуправления : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. – Благовещенск, 2007. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 10.05.2017).
10. Серебровская Т.Б. Формирование профессионально-педагогической компетентности будущего учителя иностранного языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. – Оренбург, 2006. – 194 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 14.05.2017).
11. Соколова С.В. Формирование педагогической компетентности будущего преподавателя (На примере подготовки преподавателя педагогических дисциплин) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 : Волгоград, 2004. – 226 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 12.05.2017).
12. Тадтаева А. В. Формирование педагогической компетентности у студентов – будущих учителей иностранного языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 – Владикавказ, 2010. – 176 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 20.05.2017).
13. Татур Ю. Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования. 6 авт. версия: Материалы по второму заседанию методологического семинара. Труды методологического семинара. – М., 2004.
14. Тронь О.С. Развитие социально-педагогической компетентности руководителей УИС в условиях корпоративного обучения.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 – Оренбург, 2014. – 206 с. URL: <http://www.dslib.net> (Дата обращения: 20.05.2017).
15. Шишов С.Е., Агапов И.Г. Компетентностный подход к образованию: прихоть или необходимость? // Стандарты и мониторинг в образовании. – Март-апрель 2002. – С.58–62.

© С.Н. Воднева, (wodnewa@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

IX Международный Конгресс и Выставка «Цветные металлы и минералы»

Красноярск

11-15 сентября 2017

Оргкомитет: +7(391) 269-56-47, 269-56-48, nfmsib@nfmsib.ru, www.nfmsib.ru

XXIII КОНФЕРЕНЦИЯ «АЛЮМИНИЙ СИБИРИ»

- Производство глинозема
- Получение алюминия
- Углеродные материалы
- Литье, ОМД и 3D алюминия и сплавов
- Технологии обработки черных и цветных металлов и сплавов
- Электротермия черных и цветных металлов

XI КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕТАЛЛУРГИЯ ЦВЕТНЫХ и РЕДКИХ МЕТАЛЛОВ»

- Термодинамика и кинетика гетерогенных процессов и поверхностных явлений
- Аффинаж платиновых металлов
- Физико-химическое материаловедение
- Развитие металлургии и проблемы экологии

XIII КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗОЛОТО СИБИРИ»

- Минерально-сырьевая база цветных и благородных металлов

ПЛАКСИНСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2017:

«Современные проблемы комплексной переработки труднообогатимых руд и техногенного сырья»

- Дезинтеграция и рудоподготовка
- Флотация, гравитация, магнитная и электромагнитная сепарация
- Комплексная переработка минерального сырья, гидрометаллургические процессы
- Переработка техногенного сырья. Экологические и экономические аспекты

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА УЧИТЕЛЯ

SOCIAL CAPITAL OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION AS A FACTOR OF FORMATION OF PROFESSIONALISM OF THE TEACHER

*O. Dolidovich
A. Sharashkina
A. Vershinina*

Annotation

The article discusses the impact of social capital of educational institutions for professional development of the teacher. The authors reveal the meaning of the concepts of social capital and social capital of the organization, reviewed the main scientific approaches to their study. According to modern research, the development of formal and informal relations is the basis for the exchange of experiences and best practices, increases the rate of diffusion of innovation and reform, promote the motivation of teachers and stimulates their creativity. In contrast, the weak interaction, lack of ability to unite, hamper their professional development and, as a consequence, reduce the efficiency of the educational process.

Keywords: educational institution, professionalism, social capital, social networks, teacher.

Долидович Олеся Михайловна

К.ист.н., доцент,

Сибирский федеральный

университет, Красноярск

Шарашкина Алиса Александровна

Сибирский федеральный

университет, Красноярск

Вершинина Анастасия Петровна

Зам. директора

по учебно-воспитательной работе,

МБОУ Лицей № 3 г. Красноярск

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о влиянии социального капитала образовательного учреждения на профессиональное становление и развитие педагога. Раскрыт смысл понятий социальный капитал и социальный капитал организации, приведены основные научные подходы к их изучению. Согласно современным исследованиям, развитие формальных и неформальных связей является основой для обмена опытом и наработками, увеличивает скорость распространения инноваций и реформ, повышает мотивацию и стимулирует творчество учителей. Напротив, слабое взаимодействие, отсутствие способности к объединению, замедляют их профессиональное развитие и, как следствие, снижают эффективность образовательного процесса в целом.

Ключевые слова:

Образовательное учреждение, профессионализм, социальные сети, социальный капитал, учитель.

Становление учителя как профессионала после окончания ВУЗ-а продолжается в образовательном учреждении. Именно на рабочем месте происходит его включение в педагогическую деятельность, вырабатываются навыки по решению практических проблем и задач. Интенсивная коммуникация с коллегами, обмен опытом, участие в командных видах работ обуславливают рост его квалификации. Одним из основных факторов, содействующих успешному профессиональному становлению и развитию педагога, является социальный капитал образовательного учреждения.

У термина "социальный капитал" существует множество определений, как правило, они зависят от направления исследования. В рамках социологии под ним понимают устойчивые отношения доверия и сотрудничества между членами общества, открытость, настроенность на честное взаимовыгодное взаимодействие [2,3, 5,7].

Политологи рассматривают социальный капитал в качестве залога общественной стабильности, поскольку существует связь между недоверием к политическим лидерам, институтам и абсентеизмом избирателей. Социальный капитал накапливается в странах, имеющих длительную историю демократического развития, выступает в качестве важного условия эффективного государственного управления [12].

Согласно работам экономистов, социальный капитал способен оказывать воздействие на устойчивое развитие страны наряду с такими факторами, как ресурсы и инвестиции. За счет высокой самоорганизации людей решение многих проблем становится возможным без участия государства, сокращаются транзакционные издержки, растет эффективность социальных программ [11].

На сегодняшний день работа по концептуализации термина продолжается. Многие ученые предлагают ис-

пользовать обобщенные определения, к примеру: "Такой баланс личных и общественных интересов, который возникает и растет на индивидуальном, групповом и общественном уровне в результате взаимодействия участников контактов и их коллективных действий" [2, С. 99]

Ученые выделяют социальный капитал человека, социальных и рабочих групп, организаций, государства в целом. Актуальным направлением исследований является анализ социального капитала организации, т.е. степень интеграции ее членов. Задача эта довольно сложна, поскольку любая организация может рассматриваться как часть какой-либо более крупной ведомственной структуры, а также в качестве объединения, коллектива людей, занимающихся какой-то совместной деятельностью. Анализ должен осуществляться на нескольких уровнях: микроуровень (индивид), мезоуровень (группа или отдел), макроуровень (организация в целом и ее связи с другими общественными организациями и структурами в целом) [6].

Большую трудность представляет разграничение социального и организационного капиталов. По мнению ряда исследователей, эти понятия тождественны, другие подчеркивают принципиальные различия между ними: "Организационный капитал характеризует уровень организованности предприятия (организацию труда, управления, производства), а социальный капитал характеризует социально-психологическую среду, в которой трудятся работники" [1].

В структуру социального капитала организации, как правило, включают нормы и ценности, разделяемые сотрудниками, доверие и социальные сети. Основным элементом является доверие [6].

Понятие социального капитала при анализе профессионального взаимодействия учителей зарубежные исследователи активно применяют с 1990-х гг. Они доказали, что при одинаковом объеме государственного финансирования школы с различным уровнем сотрудничества педагогов достигают столь же разных результатов. Интенсивное профессиональное общение предоставляет им возможность обмениваться такими ресурсами, как опыт или материалы, увеличивает скорость распространения инноваций [15].

Говорить о сильном профессиональном сообществе учителей можно при наличии нескольких условий: общих норм и ценностей, возможности для рефлексивного диалога, "деприватизации" частного опыта, сосредоточенности на успехах учеников, активном сотрудничестве в ежедневной работе. Должны быть созданы организационные условия: время и место для встреч, каналы коммуникации. Кроме того, необходимо наладить работу по

развитию навыков работы в команде, а также обеспечить достаточный уровень самостоятельности и независимости от администрации образовательного учреждения [14].

В создании эффективных профессиональных сообществ ключевую роль играет доверие между руководителями школ, учителями и родителями учеников. Важна нравственно-этическая сторона отношений, честность, компетентность, готовность к сотрудничеству. При этом значение имеют такие факторы как размер школы (в школах с большим количеством учащихся более формальные бюрократические отношения), стабильность кадрового состава учителей и учащихся, добровольный выбор места работы учителем [13].

Американские и европейские специалисты разрабатывают специальные технологии по развитию сотрудничества учителей, увеличению количества сетевых связей и их интенсивности внутри образовательных учреждений и между ними. Однако при этом подчеркивают, что стратегия развития социального капитала необходимо выстраивать в конкретном контексте, учитывая особенности каждой школы и коллектива. Очень многое зависит от руководителя – его усилий по организации совместной деятельности учителей, созданию благоприятной рабочей атмосферы.

В настоящее время и в нашей стране наблюдается рост интереса исследователей и педагогов к социальному капиталу образовательных учреждений.

Главный редактор журнала "Директор школы" К.М. Ушаков выделил факторы, серьезно осложняющие процессы его формирования.

Во-первых, это высокая социально-экономическая дифференциация населения, которая ведет к тому, что внутри системы образования происходит перераспределение человеческих ресурсов. Вместо массового роста квалификации учителей идет концентрация высокопрофессиональных педагогов в отдельных престижных школах. Образовательные учреждения находятся в состоянии дезинтеграции, работают автономно, к сотрудничеству не склонны.

Во-вторых, новая система оплаты труда педагогов стимулирует индивидуальные усилия, превращает их в конкурентов друг для друга. Низкий уровень доверия в организации обуславливает значительный уровень административного контроля, мониторинга, препятствует установлению личных и профессиональных связей.

Между тем, педагогу необходимо иметь возможность сравнивать свои успехи с достижениями коллег, учиться

и перенимать опыт, развивать способность к рефлексии, оценке собственных результатов [9].

По мнению К.М. Ушакова, атмосфера недоверия, скрытности и конкуренции внутри образовательного учреждения делает российских педагогов неспособными к кооперации, объединению, что, в свою очередь, оказывает серьезное негативное воздействие на их компетентность: "Высокий уровень профессиональной автономии педагогов, который сложился в российских школах, является крайне существенным препятствием для их профессионального развития, ускоряет профессиональное выгорание и делает практически невозможной реализацию ФГОС, внедрение которых требует значительно более высокой кооперации.

Следует также отметить, что обеспечение профессионального роста (а также развития организации в целом) не удастся в полной мере реализовать за счет традиционных способов повышения квалификации, причем это относится как к педагогам, так и к руководителям образовательных учреждений" [10, С. 24].

Исследователи отмечают, что все это способно снижать значимость так называемого экстраролевого (гражданского или просоциального) поведения, которое просто необходимо для успешной работы, как образовательного учреждения, так и самого педагога. Такое поведение зависит сугубо от произвольного желания сотрудника, не может быть учтено формальными системами вознаграждения, однако, как правило, вызывает симпатии к нему со стороны директора, коллег, влияет на принятие решений о повышении зарплаты, премировании [4].

И, напротив, распространяются разнообразные формы контрпродуктивного поведения учителя. Большую роль играет профессиональное выгорание, которое может быть вызвано личностными факторами, длительным воздействием стресса, неудовлетворенностью профессиональным и личностным ростом, организационными условиями.

Примечательно, что синдром профессионального выгорания может присутствовать и у молодых специалистов, испытывающих некоторый шок, когда сталкиваются с реальной действительностью, не соответствующей их идеализированным ожиданиям.

Понятие социального капитала образовательного учреждения приобретает особую актуальность в связи с принятием профессионального стандарта педагогической деятельности, который предусматривает активное сотрудничество всех участников образовательного процесса (ученика, его родителей, психологов, методистов,

учителей–предметников) при планировании образовательного процесса, разработке и реализации индивидуальных образовательных маршрутов. Работа только в качестве предметника (физика, химика, историка и т.д.) неадекватна современным условиям, когда необходимо понимать и исходить из способностей, целей, интересов ребенка в целом.

От учителя требуются навыки эффективной коммуникации, профилактики и разрешения конфликтных ситуаций, поликультурного общения, способность достигать взаимопонимания, устанавливать и поддерживать контакты [8].

Среди учителей растет понимание значимости интенсивного и постоянного взаимодействия с коллегами, к тому же современные технологии позволяют им общаться и обмениваться опытом на школьном, муниципальном, региональном, общероссийском уровне, принимать участие в вебинарах, виртуальных мастер-классах, проектах, чатах и форумах и др. Развиваются различные рода сетевые профессиональные сообщества ("Общероссийское педагогическое экспертное интернет-сообщество", "Сеть творческих учителей", "Завуч. Инфо", "Методисты. ру", "К-уроку. ру", "ПроШколу. ру", "Школьный сектор", многочисленные объединения учителей–предметников) и проекты учителей ("Всероссийский интернет-педсовет", "Открытый класс. Сетевые образовательные сообщества", "Умная школа: национальный образовательный проект", "Интернет-государство учителей" и др.).

Исследования показывают, что подавляющая часть педагогов в таких объединениях – с высокой квалификационной категорией, это победители конкурсов профессионального мастерства, участники конференций и круглых столов. Они принимают участие в обсуждении актуальных вопросов и проблем, получают консультации, проходят обучение и просто общаются.

Таким образом, использование концепции социального капитала при анализе работы образовательных организаций позволяет увидеть высокую значимость формального и неформального взаимодействия педагогов для их профессионального становления и развития.

Наличие интенсивных связей и совместная деятельность оказывают положительное влияние на уровень компетентности педагогов, их творческую активность и результативность образовательной деятельности в целом. И, напротив, ситуация соперничества, конкуренции приводит к сокращению контактов и отношений, заставляет каждого учиться на собственных ошибках, стимулирует контрпродуктивное поведение.

В современных условиях необходимо развивать профессиональные связи, школы должны стать открытыми системами с высоким уровнем доверия в педагогичес-

ких коллективах, интенсивным неформальным общением и деловым сотрудничеством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин В.Н., Белкина Н.А., Антонова О.А., Виноградова В.Ю. Социальный капитал организации // Челябинский гуманитарий. – 2009. – Т. 3. № 9. – С. 34–40.
2. Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.12. Психология, социология, педагогика. – 2015. – № 4. – С. 99–111.
3. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2005. – № 3. – С. 60–74.
4. Климов А.А. Экстраролевое поведение учителей: роль идентификации с коллективом, стажа и школы как образовательной организации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 6 (36). – С. 253–269.
5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
6. Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследований // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 29–39.
7. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 4. – С. 35–42.
8. Профессиональный стандарт. Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном, общем, основном общем, среднем общем образовании (воспитатель, учитель) 18 октября 2013 года). Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.001.pdf> (дата обращения 27.05.2017 г.)
9. Ушаков К.М. Управление школой: кризис в период реформ. М.: Сентябрь. – 2011. – 176 с.
10. Ушаков К.М., Кухарев А.И. Проект "Повышение уровня социального капитала образовательных учреждений" // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – № 4 (31). – С. 24–32.
11. Шаповалова Т.В. Генезис и развитие концепции социального капитала в экономике // Вопросы современной экономики. – 2013. – № 1. – С. 72–92.
12. Шевцова О.В. Социальный капитал и политика в обществе // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – № 6. – С. 55–56.
13. Bryk A.S., Schneider B.L. Trust in schools: A core resource for school reform // Educational leadership: journal of the Department of Supervision and Curriculum Development. – 2003. – Vol. 60. No. 6. – Pp. 40–44.
14. Kruse, S., Louis, K. S., Bryk, A. S. Building professional community in schools // Restructuring Schools. – 1994. – No. 6. – Pp. 3–6.
15. Penuel W., Riel M. Analyzing Teachers' Professional Interactions in a School as Social Capital: A Social Network Approach // Teachers College Record. – 2009. – Vol. 111. No. 1. – Pp. 124–163.

© О.М. Дolidович, А.А. Шарашкина, А.П. Вершинина, (dolidovich@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ, ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

EXPERIENCE, PROBLEMS AND PROSPECTS IN THE FORMATION OF ETHNO-CULTURAL, CIVIL IDENTITY

A. Ivanova

Annotation

The article reflects some results of research of Institute of National Schools of The Republic of Sakha (Yakutia), aimed at of the tasks of ethno-cultural education on the formation of Russian civil and ethnic and cultural identity of children in a multicultural Republic. Describes the experience of the Republic of Sakha (Yakutia), the existing problems in the preservation and development of national, ethnic and cultural peculiarities in the education system. The need to create conditions for the formation ethno-cultural and Russian civil identity through the teaching of regional training courses (course) "Culture of peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)" in the educational institutions of the region.

Keywords: Russian civil, ethno-cultural identity, Federal state educational standards, continuing education, training and methodological support.

Иванова Алёна Васильевна

ФГБНУ "Институт
национальных школ Республики
Саха, Якутия", г. Якутск

Аннотация

В статье отражены некоторые результаты научных исследований Института национальных школ Республики Саха (Якутия), направленных на реализацию задач этнокультурного образования по формированию российской гражданской и этнокультурной идентичности детей в условиях поликультурной республики. Описан опыт Республики Саха (Якутия), имеющиеся проблемы по сохранению и развитию национальных, этнокультурных особенностей в системе образования. Отмечается необходимость создания условий для формирования этнокультурной и российской гражданской идентичности через преподавание регионального учебного предмета (курса) "Культура народов Республики Саха (Якутия)" в образовательных организациях региона.

Ключевые слова:

Российская гражданская, этнокультурная идентичность, федеральный государственный образовательный стандарт, непрерывное образование, учебно-методическое обеспечение.

Формирование российской гражданской и этнокультурной идентичности, содействие этнокультурному многообразию народов России, сохранение и поддержка языкового и культурного многообразия являются одними из приоритетных задач государственной политики.

Об этом отмечается в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации [1] и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где говорится, что "основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемая часть российской культуры" [2].

"Содействие укреплению гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, содействие этнокультурному многообразию народов России" указаны среди задач Федеральной целевой программы

"Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)" [3].

Удовлетворенность межнациональными отношениями 73,1% населения Якутии отмечена как одна из сильных сторон республики в проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года.

Республика Саха (Якутия) входит в состав Дальневосточного федерального округа и является одним из исторически сложившихся поликультурных регионов России, где по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, живут представители 126 национальностей – 958 528 чел., в том числе самые многочисленные: якуты – 466 492 чел. (48,6% населения), русские – 353 649 чел. (36,8%), эвенки – 21 008 чел. (2,1%), украинцы – 20 341 чел. (2,1%), эвены – 15 071 чел. (1,57%), татары – 8122 чел. (0,84%), буряты – 7011 чел. (0,73%), киргизы – 5022 чел. (0,52%), армяне – 3691 чел. (0,38%), узбеки – 3332 чел. (0,34%) и другие.

По численности населения республика занимает 3-е место в ДФО после Приморского и Хабаровского краёв.

Якутию также отличает поликонфессиональность жителей – на территории республики проживают представители 4 конфессий, 16 вероисповеданий, действуют 150 зарегистрированных религиозных объединений.

Крепкие традиции и единство многонационального народа Республики Саха (Якутия) указаны среди системы целей в проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года, где подчеркивается, что "с учётом положений стратегических документов и приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации основными направлениями работы по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов Республики Саха (Якутия) являются развитие общегражданской идентичности, гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений, содействие этнокультурному развитию народов" [4].

Данная цель будет достигнута через реализацию задач сохранения самобытной культуры многонационального народа Якутии. Также с целью сохранения межнационального мира и согласия, гармонизирования межэтнических отношений необходимо будет содействовать развитию межнационального согласия, основанного на уважении традиций и обычаев народов Российской Федерации, создать условия для социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов; оказать содействие широкому представлению этнокультурного многообразия Республики Саха (Якутия) в его единстве, взаимодействии и гармонии. Будет реализован проект "Россия – Якутия. Навеки вместе" с целью обеспечения сохранения и развития этнокультурного многообразия народов Якутии, гармонизации национальных и межнациональных отношений.

В системе образования обучение культуре идет непрерывно, начиная от дошкольного возраста, в детских садах, школах, учреждениях среднего и высшего профессионального образования.

Концепция обновления и развития национальных школ Республики Саха (Якутия) внедрила ряд нововведений в приобщении подрастающего поколения к национальной культуре, обычаям и традициям родного народа, к его духовным и нравственно-этическим ценностям, сочетанию национальной и общечеловеческой культуры. Для реализации Концепции с 1992 года в национальных школах республики был введен новый предмет под обобщенным названием "Национальная культура народов Якутии". Во взаимосвязи с уроками родной литера-

туры и предметами эстетического воспитания, физической и трудовой подготовки этот предмет был призван дать учащимся широкий круг представлений, знаний и умений в области материальной и духовной культуры коренных народов республики. Появление уроков национальной культуры послужило основой для создания этнокультурной среды. Начали работать кружки, клубы, студии. Проведение таких общенародных мероприятий, как День родного языка и письменности, День республики, национальный праздник "Ысыах" и других послужило укреплению этнической идентичности и межнационального согласия.

С 2005 года Республика Саха (Якутия) перешла на Базисный учебный план, в который был включен предмет под новым названием "Культура народов Республики Саха (Якутия)" с первого по одиннадцатый класс по одному часу в неделю. Этот предмет по содержанию и технологии обучения имеет интегрирующий, обобщающий характер, учитывает логику познавательного процесса по принципу "от освоения культуры родного народа к культуре народов совместного проживания, затем – приобщение к мировой культуре".

ФГБНУ "Институт национальных школ Республики Саха (Якутия)" проводит научные, мониторинговые исследования по проблемам этнокультурного и поликультурного образования в условиях единого образовательного пространства. Так, мониторинг по выявлению потребностей личности, общества и государства по этнокультурному образованию охватил 1899 представителей разных национальностей, проживающих в 5 районах, в том числе: из центральных улусов – Намский, из заречных – Таттинский улусы, из улусов компактного проживания малочисленных народов севера: Томпонский (эвены); Оленёкский (эвенки), что даёт основную картину состояния этнокультурного образования по республике и г. Якутске.

Эмпирическую базу мониторингового исследования по определению состояния поликультурной компетенции в условиях поликультурной среды Республики Саха (Якутия) составил материал исследования в 16 образовательных организациях 11 районов и города Якутска. Выбор районов объясняется средой проживания на территории республики: районы с монокультурной средой: Намский, Чурапчинский, Мегино-Кангаласский, Верхневилуйский, Сунтарский, Томпонский, Кобяйский; районы с поликультурной средой: Олекминский, Среднеколымский, Верхоянский, образовательные учреждения г. Нерюнгри и Якутска. Объектом исследования явились всего 544 респондента, из них 495 детей.

Проведённые мониторинги обозначили ряд проблем, из которого следует основной вывод, представляющий

наибольший интерес в аспекте нашего исследования: потребность в этнокультурном образовании отмечается у всех представителей общества; 62% обучающихся считают, что предмет (курс) "Культура народов Республики Саха (Якутия)" должен преподаваться как отдельный учебный предмет. Мнение 80% учителей – этот учебный предмет должен быть в учебном плане каждой образовательной организации.

В 2009 году вводится федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. Стандарт направлен на обеспечение сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России [5]. Учитывая требования стандарта и национальные, этнокультурные особенности поликультурного региона, стала очевидна целесообразность разработки учебно-методических комплектов по предмету (курсу) "Культура народов Республики Саха (Якутия)" по языкам обучения: отдельно для образовательных организаций с якутским, русским языком обучения и школ коренных малочисленных народов Севера.

Так, в 2013 году были опубликованы учебно-методические комплекты предметной линии "Саха оскуолата" ("Якутская школа") для ступени начального образования образовательных организаций с обучением на языке саха. Предметная линия включает учебно-методические комплекты по родному языку, литературному чтению и предмету (курсу) "Культура народов Республики Саха (Якутия)". В 2014 году изданы примерная и рабочая программы для начальной и основной ступени образовательных организаций с русским языком обучения. В 2015–2017 годах в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации находятся на стадии разработки учебные пособия по культуре народов Севера для начальных и 5–7 классов. Также в 2017 году будут изданы учебные пособия для начальной и основной школ с родным и русским языками обучения.

"В начальной школе программа учебного курса (предмета) "Культура народов Республики Саха (Якутия)" обеспечивает развитие этнокультурной компетенции, являющейся составной частью культуроведческой компетентности и способствующей формированию этнокультурной идентичности и межкультурной компетенции. В основной школе программа учебного предмета способствует развитию межкультурной компетенции, формируемой на основе этнокультурной компетенции и направленной на становление гражданина многонациональной России через призму региональной культурной идентичности" [6, стр.128].

Как показывают результаты опроса образовательных организаций республики по состоянию на 2017 год, на сегодняшний день остаётся ряд проблем: 18,72% от общего количества детей-саха изучают учебный предмет (курс) "Культура народов Республики Саха (Якутия)", из них 31,4% обеспечены учебной литературой по этому предмету.

Учебный предмет (курс) "Культура народов Республики Саха (Якутия)" не предусмотрен в обязательной части учебного плана. В 4, 5 классах введён предмет "Основы религиозных культур и светской этики", имеющий 6 модулей.

Но на основе концепции непрерывного образования изучение культуры можно организовать через формальный, неформальный, информальный компоненты:

1. в формальном – через введение учебного предмета (курса) "Культура народов Республики Саха (Якутия)" в обязательную часть учебного плана;
2. в неформальном компоненте – через учреждения дополнительного образования (студии, кружки, клубы и т.д.);
3. в информальном – через семейное воспитание, самообразование.

В образовательных организациях среди основных форм реализации поликультурного образования можно назвать: урочную деятельность, предметные модули, внеурочную, внешкольную работу. Изучение "Культуры народов Республики Саха (Якутия)" может быть организовано как учебный предмет в рамках учебных часов, предусмотренных в части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений. Кроме того, "в урочной деятельности изучению курса может содействовать интегрированное обучение. Междисциплинарность учебного предмета обеспечивает, с одной стороны, систематизацию эмпирических представлений и научных знаний обучающихся, формируемых в процессе формальной, неформальной и информальной познавательной деятельности, с другой стороны, создаёт условия для интеграции содержания предмета с учебными предметами обязательной части учебного плана, такими как родной, русский языки; родная и русская литература, история России, обществознание, изобразительное искусство, технология, музыка, физическая культура и ряд других учебных курсов, формируемых участниками образовательных отношений, в части их культуроведческой составляющей" [7, стр.69].

Во внеурочной деятельности работа может быть организована через студии, кружки, факультативы, клубы различных направлений. Во внешкольной деятельности – через участие в мероприятиях, приуроченных знаменательным событиям Российской Федерации и Республики Саха (Якутия), межкультурный диалог в социуме.

В заключении необходимо отметить, что изучение "Культуры народов Республики Саха (Якутия)" в качестве учебного предмета в каждой образовательной организации республики, обеспечение учебно-методической литературой по предмету, отвечающей требованиям федерального государственного образовательного стандарта, являются самыми актуальными проблемами в области этнокультурного и поликультурного образования региона.

Решение проблем должно быть системным, основанным на накопленном положительном опыте и результатах современных научных исследований.

Овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России, любовь к родному краю и Отечеству, уважение своего народа, его культуры и духовных традиций, осознанное, уважительное отношение к другим культурам, религии, традициям, языкам, ценностям народов России и народов мира – вот основные результаты освоения учебного предмета (курса) "Культура народов Республики Саха (Якутия)".

Таким образом, роль данного учебного предмета в содействии становлению российской гражданской идентичности на основе формирования этнокультурной идентичности в условиях многонационального общества несомненна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" // <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521> (дата обращения: 27.04.2017).
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // <http://krem-lin.ru/acts/news/51129> (дата обращения: 27.04.2017).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 года №594 "Об утверждении Федеральной целевой программы "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)" // <http://government.ru/docs/4022/> (дата обращения: 27.04.2017).
4. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 26 декабря 2016 года № 455 " О проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года" // <http://www.yakutia-gov.ru/cat/3/page1>
5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 №1897; с изменениями, утвержденными приказом Минобрнауки России от 31 декабря 2015 г. № 1577) : Минобрнауки. РФ (дата обращения: 20.04.2017) // <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/>
6. Иванова А.В., Филиппова Н.И., Винокурова Е.И. Новые учебные пособия, формирующие этнокультурную и гражданскую идентичность // Педагогическое образование в России. – 2016. – №10, стр.127–133; URL: <http://journals.uspu.ru/pedagogicheskoe-obrazovanie-v-rossii> (дата обращения: 04.05.2017).
7. Иванова А.В., Винокурова, Е.И. Реализация образовательных программ начального и основного общего образования с учетом национальных, этнокультурных и иных особенностей Республики Саха (Якутия) в образовательных организациях с русским языком обучения : учебно-методическое пособие / А.В. Иванова, Е.И. Винокурова, С.С. Семенова, Н.И. Филиппова, Н.И. Спиридонова; М-во образования Респ. Саха (Якутия). – Якутск : Компания "Дани-Алмас", 2016. – 96 с.

© А.В. Иванова, (alivv@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД И МЕТАПРЕДМЕТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ МУЗЫКИ

Колесина Елена Георгиевна
Преподаватель,
Московский институт
открытого образования

META-SUBJECT APPROACH AND META-SUBJECT TECHNOLOGY ON LESSONS OF MUSIC

E.G. Kolesina

Annotation

In modern conditions the implementation of educational standards of particular importance is the development of spiritual, moral and personal potential of the personality, which implies a proper distribution of universal educational activities in music lessons. One of the most promising and priority directions in development of modern education is meta-subject approach and meta-subject technology. Music is directly connected with the world of feelings and emotions, which cannot be developed in isolation from other art forms and subject areas (literature, fine arts, world around, history, etc.).

Keywords: meta-subject approach, meta-subject technology, music, art, the subject of aesthetic cycle, lesson.

Аннотация

В современных условиях реализации образовательных стандартов особую значимость приобретает развитие духовно-нравственного и личностного потенциала личности, что подразумевает грамотное распределение универсальных учебных действий (УУД) на уроках музыки. Одним из наиболее перспективных и приоритетных направлений в развитии современного образования считается подход метапредметный и соответствующие ему образовательные технологии. Музыка напрямую связана с миром чувств, переживаний и эмоций, который невозможно развить в отрыве от иных видов искусства и предметных областей (литературы, изобразительного искусства, окружающим миром, историей и др.).

Ключевые слова:

Метапредметный подход, метапредметные технологии, музыка, искусство, предмет эстетического цикла, урок.

"Музыка способна оказывать известное воздействие на этическую сторону души; и раз музыка обладает такими свойствами, то, очевидно, она должна быть включена в число предметов воспитания молодежи.

Аристотель

В настоящее время музыка, являясь одним из видов искусства и форм общественного сознания, в рамках общеобразовательной школы представлена как предмет эстетической направленности. Музыка совместно с литературой и изобразительным искусством относится к числу предметов эстетического цикла и хранит в себе поистине колоссальные возможности развития школьников, предоставляя им уникальный шанс широко и вместе с тем полно прикоснуться к искусству, обратиться к духовному опыту человечества.

К числу проблем высокой степени значимости современной школой отнесена проблема всестороннего и гармоничного развития личности ребенка. Образовательный процесс постепенно наполняется новым качеством и обновленным содержанием, носит, прежде всего, деятельностный характер и ставит во главу не ученика "знающего", а целостную личность, способную адаптироваться в

условиях постоянно трансформирующейся окружающей реальности, с успехом разрешать нестандартные жизненные ситуации и задачи, без труда и усилий социализироваться в обществе. Нельзя недооценивать роль искусства при этом и важность его воспитательно-образовательные функции.

Однако на уроках музыки в образовательной организации недостаточно только давать знания о музыкальном искусстве, о творческом наследии великих композиторов и приоткрывать завесу тайны их биографий, о жанрах и классических произведениях и т.д. Необходимо развивать музыкальные умения и способности каждого ученика, пробуждая истинное и непреодолимое желание познавать прекрасный музыкальный мир, ощущать постоянную потребность в общении с богатым музыкальным наследием. Начинать приобщать школьников младшего возраста к традиционной народной культуре нужно

через музыкальное искусство и фольклор русского народа, знакомя с традициями воспроизведения и обычаями, помогая воспитать любовь к истории и культуре своего народа. Последующее же освоение национальных музыкальных традиций других стран и народов мира способно стать фактором воспитания культуры межнационального общения и толерантности.

Смысл культурного развития заключен в том, чтобы ребенок теми средствами, которыми он овладел, черпал то, что ему доступно, поэтому выдающийся советский педагог-психолог Павел Петрович Блонский и писал, что: "...чем культурно богаче окружение ребенка, тем больше оно создает стимулов к овладению более сложными культурными средствами и позволяет ему шире использовать это окружение". То есть учителю недостаточно просто научить детей узнавать и/или воспроизводить какие-то музыкальные произведения, дать определенный (достаточно ограниченный) набор знаний о музыке и умений. Как пробудить в них тягу к потребности постоянного общения с музыкой? Как сделать так, чтобы школьник научился ее чувствовать и ценить? Чтобы его светлую голову заполняли не фрагментарные предметные знания, а четко структурированная, осмысленная, взаимосвязанная информация, полезная для жизни. Помочь в нахождении ответов на заданные вопросы может освоение педагогами и внедрение в их профессиональную практику так называемой метапредметности.

Метапредметность или метапредметный подход представляет собой такой подход к образованию, при котором ребенок одновременно и овладевает системой знаний, и усваивает универсальные способы действий, при помощи которых он впоследствии сможет эту информацию найти [1]. Совместно с изменением подхода к проектированию образовательного процесса тщательному педагогическому анализу должны быть подвержены и проводимые учителем уроки: от урока-лекции (с элементами беседы и/или презентации) к уроку-погружению, -путешествию, -концерту и пр. Так, например, урок-концерт является жанровой (игровой) разновидностью урока и может быть выстроен на основе одной из моделей музыкальной деятельности (только слушание или только исполнение) либо на основе их комбинации (сочинительно-творческая деятельность и исполнительская) [2]. Урок-концерт вариативен: выстраивается на этапе подготовки к выходу концертного номера или в качестве результата демонстрации достижений в классе внешним зрителям, предполагает игровую форму проведения или дебаты (ведущий, композитор, исполнитель, музыкальный критик и др.).

Именно метапредметный подход в образовательной практике и соответствующие данному подходу современные образовательные технологии способны помочь

достичь консенсуса в наблюдаемой ситуации разобщенности, оторванности друг от друга учебных предметов (рис. 1).

Рисунок 1. Первичный круг взаимосвязи школьных предметов.

Метапредметный подход способен обеспечить целостность образного восприятия мира у школьников, связать невидимой нитью в единое кружево различные предметы для них. Являясь способом формирования теоретического мышления и универсальных способов деятельности, метапредметность в центр изучаемого предмета ставит систему знаний о мире, выраженную в единых художественных образах для литературы, изобразительного искусства и, конечно же, музыки. Метапредмет опирается на обобщенные и повсеместно используемые системы понятий, что позволяет учителю самостоятельно выбирать для своего предмета в каком конкретно контексте эти понятия раскрывать и какие аналогии проводить.

Так, метапредметный подход в организации образовательного процесса позволяет при освоении ребенком конкретных знаний и умений в рамках изучаемой области достигать целей образования (являющихся новыми социальными запросами и отраженными в тексте ФГОС) – общекультурных, познавательных, личностных [3]. Помимо этого формировать потребность в дальнейшем саморазвитии и самосовершенствовании как движущей силе самовоспитания. При этом в сознании ребенка складывается целостная картинка окружающей действительности и приходит осознание способов деятельности, применимых как в учебном процессе, так и за его пределами.

Значение метапредметного подхода в образовании и, соответственно, метапредметных образовательных технологий в настоящий момент времени переоценить сложно.

Примерная программа по музыке	Рабочая программа
- анализ собственной учебной деятельности; наблюдения жизни и искусства в учебной деятельности;	- умение самостоятельно ставить новые учебные задачи и планировать пути достижения целей;
- проявление творческой инициативы и самостоятельности в процессе овладения учебными действиями;	- осознанно выбирать эффективные способы решения и познавательных задач;
- ориентирование в культурном многообразии; размышление о воздействии искусства на личность человека;	- умение анализировать собственную учебную деятельность, вносить необходимые коррективы;
- применение полученных знаний о музыке как виде искусства для решения художественно-творческих задач	- владение основами самоконтроля, самооценки, принятия решений и осуществление осознанного выбора в учебной деятельности;
- использование различных источников информации; др.	- формирование и развитие компетентности в области использования ИКТ: др.

Рисунок 2. Проявление метапредметных результатов обучения музыке.

Вращивая детей с развитой культурой мышления, способных своевременно и адекватно реагировать на происходящие в социуме процессы, быстро и гибко ориентироваться в различного рода достижениях и проникать в их глубинную сущность, учителя, тем самым, сохраняют в обществе культуру мышления и формирования целостного мировоззрения. Такой подход является средством достижения метапредметных результатов (рис. 2).

"Музыка есть универсальный язык человечества" – говорил поэт и переводчик Генри Уодсворт Лонгфелло. Действительно, на соответствующих уроках дети имеют возможность погрузиться в волшебный мир музыки и звуков. В музыкальной деятельности у школьников развиваются такие базовые способности, как воображение, мышление, понимание, целеполагание и пр. Всестороннее развитие ребенка средствами музыкальной деятельности оказывает непосредственное влияние на его внутренний душевно-духовный мир, на эмоционально-волевую сферу, морально-нравственные качества, гражданско-патриотические ценности и пр.

Виды музыкальной деятельности на школьных уроках направлены на практическую реализацию принципов развивающего обучения в системе массового музыкального образования и воспитания, что позволяет обращаться к метапредметному подходу. Постигание каждого отдельно взятого произведения личностью в процессе музыкального мышления представляет собой сложный, многоуровневый процесс, подразумевающий различные формы взаимодействия между ребенком и музыкой.

Алгоритм установления метапредметных связей на практике выглядит следующим образом:

- ◆ прослушивание выбранного учителем музыкального произведения;
- ◆ затем предлагается несколько фрагментов других произведений с целью подбора наиболее близкого по характеру и/или звучанию к уже прослушанному;
- ◆ определяется центральный образ и/или мотив произведения;
- ◆ под названные образы группами школьников либо рисуются самостоятельно, либо подбираются тематические картины известных художников, результаты презентуются и обсуждаются, выбирается наиболее подходящая (по настроению, по цветовой окраске, по содержанию составляющей и т.д.) картина (перекликание с изобразительным искусством);
- ◆ вспоминаются и перечисляются погодные явления и/или времена года, соответствующие настроению прослушанного произведения;
- ◆ при повторном прослушивании произведения подбираются слова-синонимы, соответствующие настроению и/или характеру музыки (перекликание с русским языком, литературой);
- ◆ сфера музыкально-исполнительской деятельности детей может быть дополнена пластическим интонированием и подборкой музыкально-двигательных упражнений, где речь идёт о ритмическом рисунке (перекликание с математическими представлениями);
- ◆ во время освоения элементов музыкальной грамоты и их названий (перекликание с иностранными языками) и инсценирования песен и музыкальных пьес программного материала развивается творческая составляющая и устная речь учащихся (перекликание с русским языком).

Подобные приемы позволяют наилучшим образом установить метапредметные связи, провести параллели с иными учебными предметами и вовлечь школьников в разнообразные виды деятельности, выстроенные при этом вокруг урока музыки. Дети получают возможность не только сформировать впечатление и высказать отношение к музыкальному произведению, но и по аналогии провести всесторонний анализ других художественных произведений. Поставленный на метапредметные "рельсы" урок музыки трактуется как занятие искусством с художественно-педагогическим строем.

В заключение хотелось бы привести слова известного музыковеда и педагога Бориса Владимировича

Асафьева: "Музыкальное творчество детей – самый действенный способ их развития".

Всестороннее музыкальное развитие способно обогатить внутренний мир ребенка, помочь глубже понять и воспринять музыкальное искусство, перерасти во внимательное и участливое отношение к другим произведениям, творчеству в целом, людям, жизни. Активное применение метапредметного подхода при изучении области музыкального искусства формирует у нынешних школьников потребность самореализации и раскрытия творческих способностей, а также коммуникативные, регулятивные и познавательные универсальные учебные действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева, Н.А. Ценность метапредметного подхода в процессе формирования гражданской идентичности на уроках музыки // Среднее профессиональное образование. – Выпуск №12 / 2013. – С. 53–55
2. Иофис, Б.Р. Категории "музыкальный язык" и "музыкальная речь" в контексте метапредметного содержания общего музыкального образования // Вестник кафедры ЮНЕСКО "Музыкальное искусство и образование". – Выпуск №4(8) / 2014. – С.11–24
3. Недогреева, Н.Г. Козлова, И.С. О метапредметной компетентности учащихся в условиях современного образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – №4 (30) / 2014. – С.259–262.

© Е.Г. Колесина, (elenakoles0808@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Московский институт открытого образования

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ИНТОНАЦИИ РУССКОГО И ТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

COMPARATIVE DESCRIPTION OF INTONATION BETWEEN THAI AND RUSSIAN LANGUAGES IN LINGUO-DIDACTIC PURPOSES

N. Mekratanakulpat

Annotation

The article shows similarities and differences between the intonational systems of Russian and Thai languages, which must be taken into account when teaching Russian language to Thai students. For successful communication, it is important not only the correct pronunciation of words, but also the correct intonational pattern of the statement, according to the situation of communication. The formation of intonational skills is complicated if the phonetic systems of contacting languages differ from each other significantly. The results of a comparative analysis of the intonation of Russian and Thai languages can be used to develop a methodology for teaching Thai students the phonetic aspect of the Russian language.

Keywords: phonetics, comparison, intonation, Russian language, Thai language, teaching, intonational skills.

Мекратанакулпат Натчиван

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о сходствах и различиях интонационных систем русского и тайского языков, что необходимо учитывать при обучении тайских студентов русскому языку. Для успешной коммуникации важно не только правильное произношение слов, но и корректное интонационное оформление высказывания в соответствии с ситуацией общения. Формирование интонационных навыков осложняется, если значительно различаются фонетические системы контактирующих языков. Результаты сопоставительного анализа интонации русского и тайского языков могут быть использованы для разработки методики обучения тайских учащихся фонетическому аспекту русского языка.

Ключевые слова:

Фонетика, сопоставление, интонация, русский язык, тайский язык, обучение, интонационные навыки.

Как показывает анализ научной литературы, достаточно мало исследований, объектом которых является интонация тайского языка. Большинство научных статей написано не на тайском, а на английском языке [7, 8, 9, 10, 11]. Если говорить о тайских фонетистах, то, на наш взгляд, одной из значимых работ является диссертационное исследование "Intonation in Thai", написанное Sudarorn Luksaneeyanawin в 1983 году. Возможно, существуют и другие работы по этой теме на тайском языке, однако доступ к ним ограничен.

Для тайского языка, как и для других тональных языков, весьма сложно разграничить понятия "тон" и "интонация", поскольку они оба связаны с музыкальным ударением. Вследствие неявных различий между этими явлениями или из-за их неосознаваемости тайцами считается, что в фонетическом системе тайского языка интонации вообще нет. Более того, в имеющихся учебниках по тайскому языку отсутствует описание компонентов тайской интонации: даются только характеристики 5 тонов тайского языка, выполняющих смысловоразличительную функцию.

Рассмотрим понятие "интонация" подробнее. В "Новом словаре методических терминов и понятий" предлагается следующее определение: "Интонация – ритмико-мелодическая сторона речи, чередование повышений и понижений голоса, служащих для выражения смысловых и эмоциональных различий высказываний" [1, с.87]. Заметим, что в данном определении, кроме указания на музыкальный характер, подчеркивается такая функция интонации, как ее участие в выражении смысловых оттенков и эмоциональности высказываний.

С нашей точки зрения, наиболее полное и исчерпывающее представление о русской интонации дано в монографии Н. Д. Светозаровой [4]. Исследователь относит к компонентам интонации мелодику, паузу, длительность и темп, интенсивность и просодический тембр. Основываясь на таком понимании, сравним компоненты тайской и русской интонации.

Мелодика играет ведущую роль и выполняет разные функции в интонационном оформлении высказывания [4, с.36]. Для тайского языка мелодика является не только знаком большей или меньшей высоты звука на

уровне высказывания, но и на уровне слова (тон). Именно наличие тона провоцирует дискуссию о том, как тон и интонация взаимодействуют в тайской звучащей речи. Попытку ответить на этот вопрос предприняла S. Luksaneeyawin в книге "Intonation Systems. A Survey of Twenty Languages" (раздел "Интонация тайского языка"). Результаты ее эксперимента доказывают, что значения слов, о которых сообщает говорящий, делятся на 2 типа: грамматическое значение и оценочное значение [8, с.381].

Согласно мнению S. Luksaneeyawin, представленному в работе "Intonation in Thai", в тайском языке возможны 3 структурные модели интонации: "постепенное падение", "повышение" и так называемый "виток" [8, с.393]. Более развернутое объяснение дано авторами исследования "Recognition of Intonation Patterns in Thai Utterance": "The Fall Class" or "the Down drift". This class of intonation pattern is found in utterance types of, for example, statement, citation form, submissive, concealed anger, and bored. The next class is "the Rise Class", which can be found in sentence modes such as question, disagreeable, disbelieving, surprised, and unfinished. The last class, "the Convolution Class" ... is the combination of Falls and Rises. This type of intonation can be found in utterances marked with emphatic, agreeable, interested, or believing attitudes" [9].

Первая структурная модель – "постепенное падение" – используется в таких высказываниях, как сообщение, цитатная форма, совет, высказывание со скрытым недовольством, высказывание с безразличием. Второй тип – "повышение" – можно обнаружить в вопросах, при выражении несогласия, недоверия, удивления и в незавершенном высказывании. Последний тип – "виток" – представляет собой комбинацию между падением и повышением тона. Этот тип интонации встречается в высказываниях с такими характеристиками, как выразительность, согласие, интерес или доверие [9, с. 1].

В целях исследования структурных моделей тайской интонации были записаны голоса 12 дикторов – носителей тайского языка (6 мужчин и 6 женщин). Для эксперимента было отобрано 61 предложение в 6 диалогах, таким образом, было проанализировано 732 предложения (по 366 предложений для каждой группы информантов). В качестве идентификатора контура интонации использовался three-layer feed forward neural network. В работе приведены примеры каждого типа интонации (см. рис. 1, 2, 3) [9, с. 3].

Что касается соотношения между тоном и интонацией в речевом потоке, S. Luksaneeyawin обнаружила, что "the lexical tone system operates at the word level. It does not influence the overall pitch configuration of the utterance as a whole. However, each lexical tone behaves differently when superimposed by different tunes" [8]. Интересным представляется тот факт, что лексический тон выявляется только на уровне слова и не влияет на интонацию высказывания в целом, и наоборот, общий интонационный рисунок может оказывать влияние на тон. Несмотря на то, что

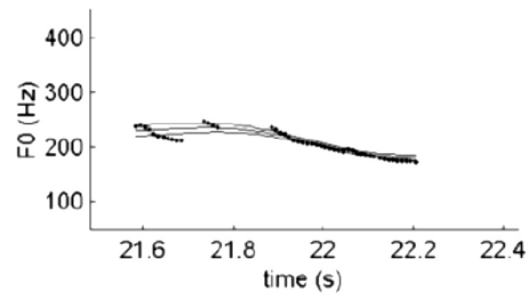

Рисунок 1. Пример F0 контура (точки) "постоянное падение" (женщина-информант).

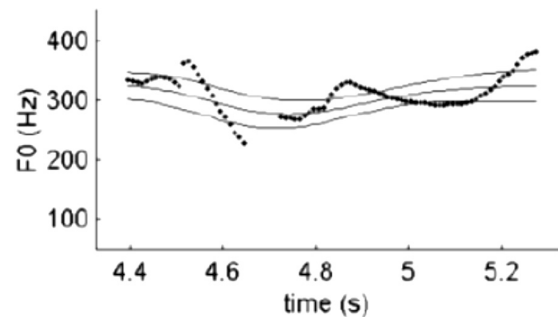

Рисунок 2. Пример F0 контура (точки) "повышение" (женщина-информант).

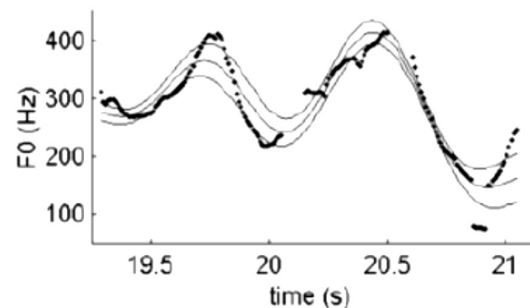

Рисунок 3. Пример F0 контура (точки) типа интонации "виток" (женщина-информант).

каждое слово имеет свой определенный тон, возможно изменение последнего, если слово произносится с какой-либо эмоцией или оценкой. S. Luksaneeyawin приходит к выводу, что при оформлении эмоционально окрашенного высказывания тон у слова может повышаться или понижаться, длительность и степень громкости также могут уменьшаться или увеличиваться [8, с. 385].

Если говорить об эмоциональных значениях и модальности, которые выражаются в интонации и в тоне, то в тайском языке особую роль играет финальная частица, поскольку она важна для интонации целого высказывания. В отличие от значимых слов эта частица не имеет определенного тона, однако обладает фонетическими характеристиками в связной речи. Эти характеристики

могут изменять грамматические и оценочные значения высказывания [11, с.393]. Наличие финальной частицы в тональных языках вызывает вопрос о ее роли в произношении. Некоторые исследователи считают, что тональный язык, в котором есть финальная частица, не имеет интонации, так как эта частица, наряду с лексическим тоном, выполняет модальную функцию (выражение отношения и оценка). В подтверждение этого можно привести точку зрения тайского лингвиста P.Pittayaporn: "I claim that intonation and final particles in tone languages, in fact, work together in the expression of discourse function". Иными словами, P. Pittayaporn считает, что на самом деле в тональных языках единство интонации и финальной частицы выполняет дискурсивную функцию [11]. Произношение финальной частицы с разными тонами позволяет различать стили речи и намерения говорящего. Приведем примеры произношения такой финальной частицы как [na].

Согласно результатам анализа P. Pittayaporn, "the particle /na/ can be analyzed as signaling establishment. <...> The boundary tone H%, in contrast, indicates that it is the hearer who establishes the claim. <...> In contrast, /na/ 'ESTABLISH' in combination with L% 'SPEAKER'S CONTROL'" [11]. Автор подчеркивает значимость частицы [na] для потенциальной ответной реакции собеседника. Произношение частицы [na] с высоким тоном означает, что слушатель может подтвердить мысль говорящего. И наоборот, произношение этой частицы с низким тоном свидетельствует только о констатации факта.

Рассмотрим примеры тайских предложений с частицей [na].

1) высокий тон [k^hao⁵paɪ¹riaŋ¹na]

= Он пойдет учиться.

Говорящий ожидает реакции слушателя, который должен подтвердить, что именно "он" пойдет учиться.

2) низкий тон [k^hao⁵paɪ¹riaŋ¹na]

= Он пойдет учиться.

Говорящий сообщает о факте, что "он" действительно пойдет учиться, и ответа от слушателя не требуется.

Следующий важный компонент интонации – пауза. T. Luangthongkum пишет, что "there is a close relationship between stress and pause in Thai; for example, any syllable <...> before a pause is always stressed, and pause always accompanies an emphatic stress". В тайском языке пауза и ударение тесно взаимосвязаны: любой слог, находящийся перед паузой, всегда ударный, а пауза присоединяется к сильному ударению [7, с.118]. Кроме того, результаты исследований показали, что пауза играет такую же смысловоразличительную роль в произношении, как и другие фонетические единицы. Наличие и место паузы может изменять общее значение высказывания.

Вот некоторые примеры, приведенные T. Luangthongkum (/ – обозначение паузы):

เมื่อคืน / ก่อนนอน [mwa:³kwɨŋ¹ / kɔ:¹no:¹] (1)

– Вчера ночью, перед тем, как я лег спать...

เมื่อคืนก่อน / นอน [mwa:³kwɨŋ¹kɔ:¹ / no:¹] (2)

– Позавчера ночью я спал...

แม่น้ำเยอะจัง [mæ:³nam⁴ɯ⁴caŋ¹] (2)

– Как много рек!

แม่ / น้ำเยอะจัง [mæ:³ / nam⁴ɯ⁴caŋ¹] (3)

– Мама, так много воды!

มีน้ำ / มีผึ้ง / แะปลา [mi:¹nam⁴ / p^huŋ³ / læ⁴pla:¹] (3)

– Есть вода, пчелы и рыба.

มีน้ำผึ้ง / แะปลา [mi:¹nam⁴p^huŋ³ / læ⁴pla:¹] (3)

– Есть мёд и рыба. [7, с.119–120].

По словам исследователя, у паузы есть и другие функции, например, обозначение конца высказывания или смысловых оттенков, выражение сомнения, риторическая пауза и др. При этом самой важной является смысловоразличительная функция.

Относительно интенсивности (громкости) и длительности можно сказать, что эти компоненты представлены в таких типах высказываний, как выражение грамматических и оценочных значений. В эксперименте, проведенном S. Luksaneeyawin, информанты должны были произнести одно слово с разными грамматическими значениями. Для анализа оценки FO использовался PGR (Pitch extraction: Gold and Rabiner 1969). Полученные результаты доказывают, что в тайском языке разные коммуникативные типы высказываний интонационно оформляются по-разному.

Семантические контрасты высказываний по грамматическому значению представлены в утверждении, вопросе, незаконченном высказывании и "Telephone Yes". Термин "Telephone Yes" означает "the statement which the speaker uses to signify that he has received the message and "please continue"" [8, с.140]. Такая интонация означает, что собеседник, получивший сообщение, запрашивает продолжение. Различия по интенсивности могут быть следующими: вопрос имеет самую высокую степень громкости, в то время как у "Telephone Yes" более "сглаженный" спектр. По параметру длительности незаконченное высказывание характеризуется длительной интонацией, а "Telephone Yes" – краткой. Представим результаты исследования S. Luksaneeyawin в виде обобщенной таблицы (см. табл. 1).

Семантические контрасты высказываний по оценочным значениям можно обнаружить в нейтральных высказываниях, при выражении недовольства, согласия, доверия, заинтересованности, несогласия, недоверия, удивления, авторитетности, безразличия и скрытого недовольства. Если сопоставить высказывания по длительности, то согласие и доверие выражаются в слове с более высокой степенью длительности, а безразличие – с самой низкой. Недовольство отличается самой высокой

степенью интенсивности, в то время как безразличие – самой низкой. Характеристики интонации одного слова с разными оценочными значениями приведены в **табл. 2** [6].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что интонационные характеристики тайского языка существенно отличаются от интонации русского языка. В тайском языке тон определяет лексическое значение каждого слова, а с помощью интонации слушатель получает дополнительную информацию о говорящем, его эмоциях и оценке фактов, людей и т.д.

На основе результатов исследований интонации тайского языка возможен прогноз интонационных нарушений в русской речи тайских учащихся:

1. В тайском языке есть такое фонетическое явление как тон, что препятствует осознанию тайцами наличия интонации в русской звучащей речи. В отличие от интонации русского языка, которая может передавать смысл всего высказывания, в тайском языке смысл целого высказывания передается при помощи тона, при этом инто-

нация необходима лишь для сообщения дополнительной информации (эмоциональное состояние говорящего, модальность, оценка). В тайском языке имеются так называемые финальные частицы, и некоторые из них могут определять тип высказывания ([mai] – финальная вопросительная частица, [na] – повествовательная, используемая для убедительности). Следовательно, тайским учащимся трудно различать смысл высказываний на русском языке, отличающихся интонационными контурами. Например, тайцы не понимают разницы между высказываниями *Сегодня пятница.* и *Сегодня пятница?* и воспринимают оба высказывания как произнесенные с повествовательной интонацией, поскольку отсутствует вопросительное слово.

2. В тайском предложении ударение чаще всего падает на последнее слово, т.е. или последнее слово, или слог будут произноситься более четко и громко. Если это вопрос, то конец предложения оформляется повышением тона. Соблюдая правила родного языка, тайские учащиеся могут неправильно задавать вопросы на русском языке и отвечать на них. Например, для тайцев трудно разли-

Таблица 1.

Характеристики интонации одного слова с разными грамматическими значениями [6, с.382].

Семантические контрасты	Длительность	Интенсивность
<i>нейтральное высказывание</i>	нормальная	нормальная
<i>выразительность</i>	более длинная	более громкая
<i>недовольство</i>	± более длинная	очень громкая
<i>согласие</i>	более длинная	± более громкая

Таблица 2.

Характеристики интонации одного слова с разными оценочными значениями.

Семантические контрасты	Длительность	Интенсивность
<i>нейтральное высказывание</i>	нормальная	нормальная
<i>выразительность</i>	более длинная	более громкая
<i>недовольство</i>	± более длинная	очень громкая
<i>согласие</i>	более длинная	± более громкая
<i>доверие</i>	более длинная	более громкая
<i>заинтересованность</i>	нормальная	нормальная
<i>несогласие</i>	± более короткая	± более громкая
<i>удивление</i>	± более короткая	± более громкая
<i>авторитетность</i>	± более короткая	± более громкая
<i>недоверие</i>	± более короткая	± более громкая
<i>безразличие</i>	более короткая	более сглаженная
<i>скрытое недовольство</i>	± более короткая	± более сглаженная

чимы высказывания с разным фразовым ударением: Ты ему сказала?; "Ты ему сказала? и "Ты ему сказала?. Подобные ошибки появляются и при реализации, и при восприятии. Так, на вопрос "Он был в школе?" тайцы могут ответить: "Да, в школе" или "Нет, дома", что может квалифицироваться как коммуникативная неудача.

3. Повествовательные высказывания в русской речи тайцы могут реализовывать с повышением тона в конце предложения, что оценивается носителями русского языка либо как интонация незавершенности, либо как воспитательная интонация.

Хотя имеются работы по обучению носителей tonальных языков русской интонации [2, 5], однако до сих пор отсутствует национально-ориентированная методика обучения тайцев русскому произношению.

Целесообразно формировать у представителей Юго-Восточной Азии интонационные навыки в русской речи на основе концепции стадийного управления формированием умственных действий, предложенной П. Я. Гальпериным, поскольку "процесс становления фонетических навыков проходит поэтапно" [2, с.6]. В. С. Нефедьева отмечает, что необходимо вырабатывать у учащихся "динамические стереотипы, переводящие пользование интонационными средствами на уровень интуитивного автоматизма, с опорой только на смысл", однако нельзя не принимать во внимание осознаваемость интонационного навыка при самоконтроле [3, с. 14].

Думается, для разработки методики обучения иностранцев русской интонации следует признать обязательной опорой на универсальные функции интонации, описанные С. С. Хромовым: а) конституирующая; б) делимитативная; в) коммуникативная (в широком смысле этого слова, включающая выделительную); г) модальная; д) эмоциональная [5, 6].

На наш взгляд, при обучении тайских учащихся интонации русского языка не стоит уделять много времени неречевым упражнениям, использование которых эффективно в качестве фонетической разминки. Акцент должен быть на условно-речевых упражнениях для того, чтобы обеспечить учащимся качественный переход к реальному общению на русском языке. Как известно, интонация в большей степени передает эмоции, оценки и отношение говорящего. В связи с этим мы считаем, что должны быть минимизированы имитационные упражнения, которые предполагают слушание и повторение за диктором слов или предложений, произнесенных с нарочито неестественной интонацией (подобные задания широко представлены во многих пособиях по практической фонетике русского языка). Уже в рамках вводно-фонетического курса следует использовать аутентичные материалы, максимально приближенные к реальным условиям общения носителей русского языка. Такие материалы должны способствовать более эффективному формированию интонационных навыков, что поможет учащимся достичь цели изучения иностранного языка – успешной коммуникации на изучаемом языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
2. Грязнова В. В., Нефедьева В. С. Обучение представителей Юго-Восточной Азии фонетике и интонации русской речи на начальном этапе. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2015. 32 с.
3. Нефедьева В. С. Формирование навыков интонационного оформления речи при обучении иностранцев русскому языку на начальном этапе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1998. 17 с.
4. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Монография. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 176 с.
5. Хромов С. С. Интонация в системе языка и проблемы методического прогнозирования. М.: Изд-во РУДН, 2000. 235 с.
6. Хромов С. С. Полифункциональный анализ русской интонации в языке и речи в начале XXI в. // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. 1. С. 164-168.
7. Luangthongkum Theraphan. Rhythm in Standard Thai. Unpublished Ph.D. Dissertation, University of Edinburgh, 1977. 292 pp. Режим доступа: <https://www.era.lib.ed.ac.uk/handle/1842/17356?show=full>
8. Luksaneeyawin Sudaporn. Intonation in Thai. Unpublished Ph.D. Dissertation, University of Edinburgh, 1983. 394 pp. Режим доступа: <https://www.era.lib.ed.ac.uk/handle/1842/6722>
9. Patavee Charnvivit, Nuttakorn Thubthong, Ekkarit Maneenoi1, Sudaporn Luksaneeyanawin, and Somchai Jitapunkul. Recognition of Intonation Patterns in Thai Utterance. Conference: 8th European Conference on Speech Communication and Technology, EUROSPEECH 2003 – INTERSPEECH 2003, Geneva, Switzerland, September 1-4, 2003.
10. Patcharin Peayasantiwong. Stress in Thai. A Conference on Thai Studies In Honor of William J. Gedney. Ed. Robert J. Bickner et al. November, Ann Arbor, Michigan. Center for South and Southeast Asian studies, the University of Michigan, 1986. Pp. 211-230.
11. Pittayaporn Pittayawat. Final particles meet boundary tones: The case of Bangkok Thai. Paper presented at the International Conference on Final Particles. Rouen, France. May 27-28, 2010. www.arts.chula.ac.th/~ling/contents/File/CV-Pittayawat_2014_TH.pdf

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗ-е

FEATURES OF TEACHING A SECOND FOREIGN LANGUAGE IN A MEDICAL UNIVERSITY

O. Olschwang

Annotation

This article is dedicated to the peculiarities of teaching a second foreign language (French) at the medical university. The phenomena of positive transfer and interference in the study of the second foreign language, especially when relying on the previously studied foreign language (English) and Latin are considered. The similarities and differences between the previously studied and the new foreign language are considered at different levels: phonetics, vocabulary and grammar.

Keywords: second foreign language, foreign language for specific purposes, foreign language at the medical university.

Ольшванг Ольга Юрьевна
К.филол.н., ФГБОУ ВО
Уральский государственный
медицинский университет
Минздрава России

Аннотация

Данная статья посвящена особенностям преподавания второго иностранного языка (французского) в медицинском вузе. Рассматриваются явления положительного переноса и интерференции при изучении второго иностранного языка, особенности при опоре на изученный ранее иностранный язык (английский) и латинский язык. При этом сходства и различия между ранее изученным и новым иностранным языком рассматриваются на разных уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом.

Ключевые слова:

Второй иностранный язык, профессионально-ориентированное обучение иностранному языку, иностранный язык в медицинском ВУЗ-е.

В настоящее время возникает необходимость овладения несколькими иностранными языками.

Знание английского, французского, немецкого и других языков не только делает специалиста более востребованным на рынке труда, но и предоставляет больше возможностей для продолжения обучения, повышения квалификации и проведения исследований за рубежом, участия в международных исследовательских группах.

Таким образом, введение второго иностранного языка в неязыковом вузе представляет интерес и пользуется спросом у студентов.

Организация учебного процесса по иностранному языку осуществляется таким образом, что дисциплина стоит в расписании одновременно у 6–8 групп факультета (в зависимости от факультета), это позволяет не только организовать уровневое обучение иностранному языку (английскому), но и сформировать группы, изучающие французский и немецкий язык как второй иностранный. Такая возможность представляет особый интерес для студентов, которые уже владеют первым иностранным языком на высоком уровне (B2).

Дисциплина "Иностранный язык" в медицинском вузе на большинстве факультетов изучается только на I курсе в объеме 72 аудиторных часа. Одновременно в том же объеме студенты осваивают дисциплину "Латинский язык" и изучают анатомическую терминологию на латинском языке в рамках курса "Анатомия человека".

Эти курсы в определенной степени дополняют друг друга, так как имеют большой пласт общей лексики, словообразовательных элементов и терминологических элементов латинского и греческого происхождения, которые одновременно встречаются в этих трех курсах.

Соответственно, в ходе преподавания второго иностранного языка в медицинском вузе необходимо сделать акцент на межпредметные связи, а также использовать знания первого иностранного языка (как правило, английского) при объяснении грамматического материала, введении новой лексики. Неслучайно ряд исследователей (И.Л. Бим, Н.В. Барышников, А.В. Щепилова и др. [1, 2, 3]) отмечают принцип опоры и компаративной связи с первым иностранным языком как один из ключевых принципов обучения второму иностранному языку. А.В. Щепилова подчеркивает, что металингвистические сравнения языков при обучении второму иностранному

языку являются "непременным атрибутом учебного процесса", и "применение контрастивного принципа делает процесс становления умений и навыков владения языком более эффективным, так как помогает развить металингвистическое сознание ученика" [3; 139].

При обучении второму иностранному языку в вузе на I курсе с нуля не возникает ситуации, когда в группе есть студенты с разным уровнем владения данным иностранным языком, у студентов есть высокая мотивация, так как они осознанно выбрали этот язык.

Преподавание французского как второго иностранного языка в медицинском вузе имеет ряд особенностей, поскольку французский язык, как и латинский язык, являются романскими языками, и имеют сходства на уровне лексики, грамматики и фонетики.

Таким образом, объяснение нового грамматического, лексического и фонетического материала проходит с опорой не только на первый иностранный язык, но и на латинский язык.

На фонетическом уровне можно обратить внимание на особенности чтения букв *s, j*, буквосочетаний *qu, qu* в латинском и французском языках, а также на исключения во французском языке; различия в произношении полудифтонгов (*eu*), диграфов (*ch, th, ph, rh*) и исключения во французском языке в анатомической терминологии, что также помогает грамотно писать слова на двух языках. Знания первого иностранного языка и латинского языка помогают в запоминании правил расстановки диакритических знаков (например, *costa* лат. – *cote* фр.).

При изучении лексики латинского и греческого происхождения во французском языке следует обращать внимание студентов на слова, которые не были ассимилированы в языке, и особенности чтения (*maximum, jejunum* и др. в латинском и французском языках), с одной стороны, и на лексику, которая была ассимилирована во французском языке и принципы ассимиляции (отсутствие окончаний: *oesophagus* (лат.) – *oesophage* (фр.)). Особую трудность при изучении лексики французского и латинского языка представляет категория рода существительных, который, как правило, не совпадает с русским языком. Упростить эту задачу можно, рассмотрев закономерности и совпадения рода у ряда французских и латинских существительных, финали в латинском языке (*-tio* (*masticatio* лат. ж.р.) – *-tion/-sion* (*mastication* фр. ж.р.), *-ma* (*systema* лат. ср.р. – слова греческого происхождения) – *-me* (*systeme* фр. м.р.)). При изучении лексики также необходимо уделять внимание явлению интерференции и ложным друзьям переводчика, акцентируя внимание на разных значениях созвуч-

ных слов в различных языковых парах (латинский – французский, русский – французский, английский – французский), например, *bucca* (лат.) щека / *buccal* (фр.) – ротовой.

Хотя курс латинского языка в медицинском вузе не предполагает глубокого изучения глагола, категории времени, залога, такие сходства между латинским и французским языками существуют (*imparfait, plus-que-parfait, passe compose*). При изучении глагола во французском языке также продуктивным является проведение параллелей с английским языком с точки зрения образования ряда временных форм (*past perfect – plus-que-parfait, past simple – imparfait, present perfect – passe compose*), хотя и требуется сделать акцент на различие в употреблении этих времен.

При изучении французского языка некоторые трудности вызывают частичные артикли, так как эта часть речи отсутствует в русском языке. При объяснении данного явления можно сравнить с употреблением родительного и винительного падежей (*Gen. и Acc.*) в русском и латинском языках. Эти параллели можно провести на примере рецептов в латинском языке.

Порядок слов в терминах в русском и французском языках различается, но есть сходство в порядке слов в латинском и французском термине, например, место и порядок прилагательных в терминах, состоящих из существительного и нескольких прилагательных (например, *nervus thoracicus longus* (лат.) – *nerf thoracique long* (фр.)).

Проведение параллелей между различными грамматическими, фонетическими и лексическими явлениями в первом и втором иностранных языках, сравнения с латинским языком, установление межпредметных связей не только упрощает понимание нового материала, но и ускоряет процесс объяснения, при этом больше времени остается на формирование практических навыков. Ряд исследователей [2, 3] определяют это явление как интенсификацию, то есть "возможность положительного переноса на всех уровнях контактирующих языков, что в итоге позволяет уплотнить дидактический материал и ускорить его усвоение" [3; 139]. Опыт изучения первого иностранного языка и латинского языка в медицинском вузе помогает в существенной мере ускорить процесс овладения вторым иностранным языком за счет сходства лингвистических явлений, учебных процедур. Интенсификация обучения второму иностранному языку позволяет существенно увеличить объем вводимого лексико-грамматического материала, поскольку большей пласт лексики уже знаком обучающимся из курса латинского языка или первого иностранного (английского) языка. Возможно и увеличение объемов текстов бла-

годаря особенностям металингвистического сознания учащихся. Объем упражнений для отработки того или иного языкового явления может быть сокращен за счет положительного переноса, при этом предлагается отбирать упражнения интегративные, решающие задачи развития и лингвистических, и коммуникативных умений учащихся [3; 157]. Таким образом, обучающиеся могут достичь уровня владения языком А2 за сравнительно небольшое количество аудиторных занятий.

Однако, как подчеркивает А.В. Щепилова, сопоставительный принцип является продуктивным только на этапе ознакомления с тем или иным фонетическим, грамматическим и лексическим умением, в то время как использование контрастирующих упражнений на этапе

отработки материала замедляют формирование умений и навыков на новом языке [2; 141].

Несмотря на большое количество совпадений в лексике и грамматическом материале французского и латинского языков, не стоит забывать, что эти дисциплины направлены на решение различных задач, подразумевают формирование различных компетенций и, соответственно, при их преподавании используются различные методы. Если при обучении латинскому языку целью является формирование терминологической грамотности, используется преимущественно грамматико-переводной, традиционный, метод, то целью обучения иностранным языкам является развитие коммуникативной компетенции, используется коммуникативный метод обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников Н.В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. – М.: Просвещение, 2003. – 159 с.
2. Бим И.Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского). – Обнинск: Титул, 2001. – 48 с.
3. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. – М.: Владос, 2005. – 245 с.

© О.Ю. Ольшванг, (О. Olschwang), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ФГБОУ ВО Уральский государственный медицинский университет Минздрава России

СИСТЕМА УРОЧНЫХ ЗАНЯТИЙ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

FIXED LITERATURE
CLASSES SYSTEM

Yu. Panova

Annotation

The learning of the classical literature at the school and system of organization the fixed employments on literature as an element of the pedagogical system is exposed in the article. Basic organizational-educational principles of the modern system of literature lessons are adopted. The system of literature lessons is presented as a reader practice and work of schoolchildren, that assists becoming and activity of students in position of author, reader, theorist, critic, actor, spectator and others like that. With examples (analysis of the M. Sholokhov's novel "The quiet Don") and schoolchildren's meanings to this lessons.

Keywords: literature, school, digital revolution, modern society, digital natives, results of learning.

Панова Юлия Александровна
Зам. директора
по учебно-воспитательной работе,
БОУ Школа №627, г. Москва

Аннотация

В статье раскрывается актуальная тема изучения классической литературы в средней школе; система организации урочных занятий по литературе как элемент педагогической системы. Названы основные организационно-образовательные принципы современной системы уроков литературы. Система уроков литературы представлена в качестве читательской практики и творчества школьников, что способствует становлению и деятельности учеников в позиции автора, читателя, теоретика, критика, актера, зрителя и т.д. Приводятся примеры (изучение романа М.А. Шолохова "Тихий Дон"); представлена также точка зрения учащихся на этот процесс.

Ключевые слова:

Литература, школа, информационная революция, общество потребления, "цифровое поколение", синергетика, компетентно-деятельный подход, результаты обучения.

Актуальность статьи

Преподавание литературы в школе сталкивается в наше время с объективными трудностями. Новая ли это ситуация? И да, и нет. Распространённое представление о том, что дети и молодежь стали мало читать, и в этом корень всех проблем, верно лишь отчасти. Во-первых, по сравнению с какими временами? С 60-ми – 80-ми годами прошлого века? Уже и тогда читающая молодежь едва ли составляла большинство. Во-вторых, если дети и подростки тогда, допустим, читали количественно больше книг, чем сейчас, то что это были за книги? В-третьих, какая литература читалась в принудительном порядке, под угрозой наказания, а что читали по желанию? В-четвертых, как воспринималась детьми и подростками литература в школе? Что из прочитанного и пройденного оставалось в памяти? И, в-пятых, как изменилась ситуация на начало нашего столетия? Если обратиться к тем, кто учился в школе в советское время (ради точности: 30 – 40 лет назад), выясняется следующее: классику читали несколько больше, но скорее всего потому, что без этого невозможно было успевать по литературе в школе. Не было никаких сборников кратких содержания произведений, доступных в интернете; далеко не всегда можно было увидеть экранизации, а

формат выпускного экзамена школы-десятилетки предполагал обязательное написание объемного (и литературоведческого по характеру) сочинения по классическому литературному произведению плюс устный экзамен с развернутыми ответами и анализом как содержания, так и формы произведения; а сверх того – знание биографий авторов. Для очень многих учеников это было практически непосильно. Немудрено, что из всех предметов литература была едва ли не самым негативно воспринимаемым, очень затратным, ресурсоемким – и при этом не очень нужным, чуждым обыденной и профессиональной жизни.

Есть большое желание оставить в стороне идеологию, но это не представляется возможным. Взгляды авторов и их произведения следовало трактовать в соответствии с учебниками и программами, в принципе исключавшими саму возможность существования любого другого мнения. Так действительно ли советские дети и подростки увлекались классикой? Ответ очевиден: это не так; как минимум, не совсем так. Многие читали – но не по программе. В основном, приключенческую литературу (А. Дюма, Ф. Купер, Дж. Лондон, А. Конан Дойл), фантастику (А. Беляев, Г. Адамов, Г. Уэллс) и детективы (Ю. Семёнов, Л. Овалов и др.).

Классические произведения уже тогда были трудны для восприятия как по форме, так и по содержанию, а их трактовка в "советском" духе делала эти книги в высшей степени скучными и утомительными для тогдашнего подрастающего поколения; выхолащивала саму их суть. После окончания школы классику перечитывало меньшинство.

Нынешнее молодое поколение (а следовательно, и педагогика) существуют в абсолютно иной социокультурной ситуации. А именно – в ситуации очередной (после изобретения книгопечатания) информационной революции. Сейчас информация распространяется мгновенно. Объем информации, циркулирующей в обществе, не поддается исчислению. На каждого его члена ежедневно и ежечасно обрушивается информационный поток, совершенно невыносимый еще лет 20 назад. Это относится, разумеется, и к молодым – только для них это данность; они не помнят другого. "Цифровое поколение" гораздо менее "вербально", чем все предыдущие, и гораздо более "аудиовизуально". Молодым гораздо труднее читать, чем более старшим. Можно предположить, что таким образом их психика защищается; иначе "перегрузка" была бы неминуема. Большая часть информационного потока (в том числе и содержание школьных уроков литературы и т.д.) проходит мимо сознательного восприятия нынешних детей и подростков.

Второй фактор, еще более осложняющий ситуацию, это дальнейшее развитие "общества потребления". Книга стала прежде всего товаром; на книжном рынке возникло и начало доминировать понятие "формата"; книжные магазины стали всё более походить на супермаркеты. Теперь на книжном рынке преобладают либо практически-ориентированная литература, либо книги для легкого чтения (от боевиков и триллеров до "дамских романов" и мистики). В таких условиях читать и перечитывать серьезные книги, написанные 100–200 лет назад, очень трудно. Еще труднее анализировать и осмысливать прочитанное...

Можно сделать первые выводы. Парадоксально, но факт: ситуация с преподаванием классической литературы в средней школе изменилась коренным образом – и всё же опять вернулась "на круги своя". Как может ответить педагогика на этот вызов времени? Как научить школьников интересоваться классикой, а не читать её через силу; из-под палки?

Системная методология приобрела новые импульсы в своем развитии, обратившись к самоорганизующимся, сложно устроенным синергетическим системам. Основные принципы синергетики приемлемы для системологии педагогических и методических явлений как сложных систем [Микешина Л.А., 2006]. Уникальность синергетики в том, что она поможет осмыслить с позиций современ-

ности и интерпретировать собранные факты, методы и теории для конструирования компетентностно-деятельностного урока литературы.

Цель статьи: исследовать специфику системы урочных занятий по литературе в современной российской средней школе с точки зрения новейшего теоретического уровня педагогики.

Урок как сложный объект и процесс (с позиции системного подхода) позволяет понять особенности его конструирования как целостной системы с разделением на этапы, включая элементы учебно-воспитательной работы. Современный урок – это урок развивающего обучения, с триединой целью урока, с установкой на конечный результат и последующим анализом проведенного занятия.

Урок – это элемент педагогической системы, его технология, система действий, операций для субъектов компетентностно-деятельностного процесса изучения литературы, которые повышают эффективность воспитания, обучения и развития личности.

Система уроков литературы, изучения художественного произведения нуждаются в выработке таких концептов, которые, собственно, обеспечат введение учеников-читателей в ценностное пространство наших предков, других народов и культур. Для этого необходимо выделить основные понятия, вокруг которых конструируется модель изучения художественного произведения и формируется ученик-читатель, способный к самостоятельному анализу и осмыслению полученной информации.

Только в системе личность читателя приобретает литературно-художественное содержание и реализует себя в литературно-читательской деятельности.

Программа изучения литературной темы, уроки развития речи, контроля и коррекции литературных достижений, набор учебных и литературно-художественных заданий к каждой литературной теме учитывают разные достижения ученика, его читательского развития и реакции на художественное произведение, психологические и интеллектуальные особенности, возможность выбора из предложенных вариантов того, что ему подходит.

Организационно-образовательными принципами современной системы уроков литературы являются: философия педагогического действия; учет культурных норм и их изменчивости; направленность на ученика как личность; диалогизация отношений субъектов урока с художественным произведением, автором, читателями. Все это направлено на создание такой среды на уроке, чтобы каждый ученик достигал результата и развивался как личность во время индивидуальной, парной, групповой и

коллективной учебной работы. При таких обстоятельствах ученики будут способны к творчеству, конкурентоспособной самореализации и социальной адаптации.

Признанным специалистом по конструированию уроков литературы в соответствии со всеми требованиями современной педагогической теории является Т.В. Рыжкова. Система уроков проектируется ей по жанровому принципу, в зависимости от того, какое художественное произведение изучается учениками-читателями [Рыжкова Т.В., 2008]. Такой подход является чрезвычайно важным как на этапе разработки технологии конструирования компетентностно-деятельностного урока литературы, так и во время апробации и в процессе внедрения в практику работы в школе.

Изучение художественного произведения с акцентом на читательскую активность учащихся, работу со словом, текстом представлено, в частности, методикой Б.С. Дыхановой [Дыханова Б.С., 2010].

Особенно важным и интересным представляется фрагмент урока по роману М.А. Шолохова "Тихий Дон". Предварительно: краткая информация об авторе. История награждения автора Нобелевской премией именно за это произведение. Определение понятия "обзорного изучения произведения" (подробное изучение романа в средней школе невозможно из-за возрастного ограничения "только для совершеннолетних" согласно ФЗ № 463 от 29.12.2010)

Цель: Ознакомить учеников с образом Аксиньи.

Ожидаемые (планируемые) результаты:

Уметь:

- ◆ анализировать образ Аксиньи как великой грешницы или страдальцы;
- ◆ объяснять роль эпитетов и сравнений для характеристики образа-персонажа;
- ◆ понимать содержание цитат: Она "умерла на руках у Григория незадолго до рассвета...".

Формировать культурного человека в условиях нынешних социокультурных реалий нужно путем демонстрации наглядных средств, особенно портретных иллюстраций. Возможно использование презентаций; вначале – созданных педагогами, а затем – и самими учащимися. Более того, это крайне важно и полезно, если учесть "аудиовизуальный" тип усвоения информации современными учащимися.

Урок можно начать с рассказа о персонаже; о гибели Аксиньи как одном из ключевых событий романа:

Она "умерла на руках у Григория незадолго до рассвета..." – как метафорично Шолохов описал кончину этой

необыкновенной женщины, так жаждущей любви, материнского счастья, простой бабьей радости.

"...Незадолго до рассвета..." – не будет уже для неё рассвета. На это она, великая грешница и страдальца, не имеет права.

Во вступительном слове можно использовать прямой вопрос или оставить его как риторическую фигуру.

Важно заинтересовать читателя-старшеклассника, включить в построение личностно ориентированных целей, сделать активным соучастником создания урока и анализа образа главной героини романа в частности. Далее приводятся апробированные учебные ситуации, которые отвечают отмеченным особенностям такого построения занятия:

Образ Аксиньи, одной из главных героинь романа М. А. Шолохова "Тихий Дон", которую "выдали за Степана (Астахова) семнадцати лет", никогда не вызывал сомнений в определении её характера. Сам писатель даёт чёткую и, пожалуй, однозначную характеристику: "Яркая, бросающаяся в глаза красота её привлекала внимание толпившихся у берега пехотинцев...", "...заметил Григорий, что губы у неё бесстыдно-жадные" или вот ещё: "Какая порочная красота! Кто это?.. Вызывающе красива, не правда ли? – Ольга восхищёнными глазами указала на Аксинью".

Читатель, конечно же, обратит внимание на то, что описывает Шолохов свою героиню не только глазами влюблённого в неё Григория Мелехова (это было бы естественно), но представлено и мнение пехотинцев, которые никогда не пропустят красивой женщины, однако писатель включает сюда и восхищение аристократки. Возможно, Шолохов использует такой приём уже потому, что хочет подчеркнуть яркость, особую привлекательность Аксиньи Астаховой, женщины неординарной, необузданной и, несомненно, введённой в систему персонажей не только для того (как это принято в литературе), чтобы дать более полную характеристику главному герою, но и для того, чтобы на примере этой героини рассказать о несчастной доле казачки, долготерпеливой, бесправной, забытой мужем, униженной и оскорблённой, но не склонившей головы.

В контексте занятия учитель делает литературоведческие вставки, которые позволяют повторить тропы, в частности, эпитет:

Эпитеты, используемые писателем для характеристики Аксиньи ("яркая... порочная красота", "скорбная усталость", "бедная радостями жизнь", "жалкой, растерянной улыбкой, так не приставшей её гордому лицу...", "её, такую сильную, сломили страдания..."), в первую очередь помогают понять глубину её натуры: перед нами не гуляющая баба, которая не знает удержу в своих желаниях (это ско-

рее Дарья, жена Петра), а несчастная женщина, на долю которой выпало страдание безмерное, без надежды на счастье.

Чтобы создать "ситуацию успеха" на уроке или во время домашней работы, ученику предлагается разноуровневая и вариативная тематика творческих работ, где подаются рекомендации, консультации, планы, модели и т. др.:

*Образ Аксиньи в понимании читателя XXI века.
Достоинства и пороки Аксиньи.*

ВЫВОДЫ

Таким образом, система уроков литературы выстраивается как последовательность читательской практики и молодёжного творчества, что способствует становлению и деятельности учеников в позиции автора, читателя, теоретика, критика, актера, зрителя и т.д.

Но насколько результаты таких занятий соответствуют поставленным целям (прежде всего – пробуждению у детей и подростков неподдельного интереса к классической литературе и желания читать ее)?

Следует обратиться к практике.

Автором статьи было сформулировано несколько вопросов, которые были заданы впоследствии нескольким ученикам 11-х классов московских школ.

1. Читал ли ты роман М.А. Шолохова "Тихий Дон"?
2. Понравился ли тебе сегодняшний урок по литературе?
3. Что тебе понравилось, а что нет?
4. Что ты можешь сказать об образе Аксиньи?
5. Как ты вообще относишься к литературе в школе?
6. Читаешь ли ты книги по школьной программе?
7. Читаешь ли ты не по программе? Если да, то что?
8. Важно ли читать?
9. Что ты чаще всего делаешь в свободное время?
10. Будешь ли ты впоследствии перечитывать классику?

В качестве примера приводится краткое изложение

ответов на них Алексея Б. (ученик 11 "А" класса школы № 128* г. Москвы, 18 лет. Направление подготовки в старших классах – "химико-биологический профиль". Собирается поступить в медицинский колледж и впоследствии стать врачом.).

Алексей читал из романа только те отрывки, которые анализируются на уроках. Сегодняшний урок по литературе ему в целом понравился, особенно показанная учителем презентация. Затруднился ответить на вопрос о том, что не понравилось; Аксинья запомнилась ("такие и в жизни бывают, ну... женщины красивые и несчастные"). Литература в школе не вызывает большого интереса ("трудно читать и времени нужно много"). Сослался на большую занятость: спорт, занятия с репетитором по химии и т.д. Честно признался, что по школьной программе читал "меньше половины", остальное – краткие содержания на интернет-сайтах. Не по программе читает книги по популярной психологии и по шахматам (имеет 1-разряд); художественную литературу – редко, в основном на каникулах. Читать важно, "только мне некогда". В свободное время Алексей занимается спортом (айкидо, бодибилдинг); ходит гулять или в кино с друзьями, играет в компьютерные игры... На последний вопрос отвечать не желал.

Разумеется, это всего лишь частный случай. Но из ответов молодого человека видно, что литература (особенно – классическая, а уж тем более – в школе) не вызывает у него интереса. А ведь речь идет о деятельном юноше, ведущем здоровый образ жизни, хорошо успевающим в школе, интеллектуально вполне развитым, ставящим перед собой серьезные цели и умеющим добиваться результатов...

Автор статьи не ни в коей мере не претендует на окончательность сделанных здесь выводов. Но, видимо, можно сказать, что задачи, поставленные сейчас перед педагогами, преподающими литературу в средней школе, пока далеки от решения. Остается надеяться, что новый подход к этим задачам, использование новейших теоретических достижений педагогики, повсеместное их внедрение и активное использование на практике дадут положительные результаты в ближайшем будущем. Это представляется крайне важным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дыханова Б.С. Образовательная технология на уроке школьной словесности (к вопросу об оптимизации учебного процесса) // Вестник ВГУ. – (Серия: Проблемы высшего образования). – 2010. – № 2. – С. 19–24.
2. Микешина Л.А. Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: учеб. пособие / Л.А. Микешина. – 2-е изд., исправл., доп. – М.: Изд. дом Международного ун-та в Москве, 2006. – 445 с.
3. Рыжкова Т.В. Проектирование уроков литературы: лекции 1–4 / Т.В. Рыжкова. – М.: Пед. ун-т "Первое сентября", 2008. – 52 с.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ (на примере музыки)

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FIELD OF ART EDUCATION (MUSIC)

Zhang Wenbin

Annotation

The article is devoted to the main aspects of cooperation of Russia and China in the field of art education. The authors review the historical background and the present situation in this field. The author focuses on the history of development cooperation and the emergence of the first elements of mutual influence, which was noted in 1930–her. However, broad and effective cooperation began with the victory of the Communist party of China and the beginning of intensive cooperation between the USSR and the PRC in the 1950s. During this phase relationship can be traced to the establishment of a national system of art education in China, as well as increased cultural influence from the Soviet Union in the field of painting and music. This was followed by a long period of isolated development of the two States, which, however, ceased with the beginning of a new period of cooperation since the mid-1980s. The result is now marked by a number of serious and large-scale initiatives, and intensive mutual enrichment between the two countries in the methodological, ideological and organizational terms, that is expressed both in the active implementation of joint educational programs, student exchanges and creation of various Intercollegiate associations.

Keywords: Russian-Chinese cooperation, art education, music.

Чжан Вэньбинь
Российская академия
музыки им. Гнесиных

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты сотрудничества России и Китая в области художественного обучения. Авторы рассматривают исторические предпосылки и современную ситуацию в этой сфере. В работе уделено внимание истории становления сотрудничества и появлению первых элементов взаимного влияния, которое было отмечено еще в 1930–е гг. Однако широкая и действенная кооперация началась с победой Коммунистической партии Китая и началом интенсивного сотрудничества СССР и КНР в 1950–х гг. В период этой фазы оттошенений прослеживается создание системы национальной системы художественного образования в Китае, а также усиление культурного влияния со стороны СССР в области живописи и музыки. Вслед за этим последовал продолжительный период изолированного развития двух государств, который, тем не менее, прекратился с началом нового периода кооперации с середины 1980–х гг. В результате настоящее время отмечено целым рядом серьезных и масштабных инициатив, а также интенсивным взаимным обогащением между двумя странами в методическом, идейном и организационном плане, что выражается как в активном осуществлении совместных образовательных программ, студенческих обменов, так и в создании различных межвузовских объединений и ассоциаций.

Ключевые слова:

Российско-китайское сотрудничество, художественно образование, музыка.

Опыт сотрудничества России и Китая в области гуманитарного сотрудничества имеет продолжительную историю. Причем взаимодействие в области художественного образования развивается наиболее интенсивно в последние годы. Так, в конце 2016 года в ходе пятого Санкт-Петербургского международного культурного форума было подписано соглашение о создании Российско-китайской ассоциации вузов культуры и искусств. Это открыло новую страницу в двусторонних отношениях и позволило интенсифицировать профессиональные обмены (в 2015 году их состоялось более 60 тысяч). Всего в эту ассоциацию вошло 8 китайских и 18 российских вузов [1].

Необходимо отметить, что два государства ставят перед собой вместе с целями сотрудничества и амбициозные цели в отношении внутренних реформ в сфере

образования. Эти реформы должны существенно затронуть модели обучения будущих музыкантов и художников. Здесь на первый план выходит сохранение социально-культурной роли образования в ходе серьезных изменений в моделях обучения и трансформации подходов к его построению.

Очевидно, что системы взглядов на образование в вузах России и Китая значительно отличаются, на их формирование оказали влияния национальные особенности и традиции. Но в настоящее время идет процесс построения общего образовательного пространства, в котором должны быть интегрированы лучшие подходы в области художественного обучения.

В результате активно задействуется обмен современными методиками по преподаванию художественных

дисциплины и целых образовательных программ. В последние годы, как в России, так и в Китае актуальна проблема повышения уровня подготовки учителей изобразительного искусства, которые сочетали в себе педагога и художника, обладающего широким спектром живописных и методических средств [2, с. 102].

Педагогическая работа учителя изобразительного искусства должна постоянно подкрепляться его личным опытом и достижениями в сфере станковой живописи, классического рисунка графики, скульптуры, дизайна, декоративно-прикладного искусства [3, с. 6–8].

Важнейшими задачами модернизации художественно-педагогического образования, как России, так и в Китае является индивидуализация обучения, а также внедрение в систему образования методов, стимулирующих творческую активность и самостоятельность студентов. Это позволит будущему учителю еще в процессе обучения выработать собственный стиль художественно-педагогической деятельности, чтобы в дальнейшем отойти от шаблонов и унификации в преподавании изобразительного искусства или музыки.

Несмотря на эти потребности и тенденции, на сегодняшний день китайские художественные колледжи и художественно-графические факультеты педагогических университетов сохраняют практически в неизменном виде базовую педагогическую концепцию, основанную на методах обучения классической советской высшей школы. Согласно данной концепции, решающим фактором в овладении профессиональным мастерством будущих художников-педагогов имеет обучение академической живописи, которая имеет принципиальное значение в сохранении и развитии традиций художественного образования [4, с. 24–32].

Однако воспитывая новые поколения студентов в рамках "классического" художественного образования, китайские художественные вузы, по нашему мнению, должны учитывать также ведущие тенденции развития современного общества и высшей школы. Одной из таких тенденций является интегративный подход в обучении, призванный сблизить национальные системы профессиональной подготовки учителей изобразительного искусства. Такой подход обусловлен многофакторным содержанием самой художественной деятельности и учебной дисциплины "изобразительное искусство" в средней школе [5, с. 3]. Согласно определению одного из исследователей интегративных систем, эффективность функционирования такой системы зависит от управления ею и интеграции, составляющих систему компонентов [6, с. 418].

В этой связи актуален поиск новых путей активизации художественной подготовки китайских студентов через

создание специальных интегративных методик, ориентированных на подготовку специалистов нового поколения на базе российских и китайских художественно-педагогических вузов. [7, с. 25–27]. Интегративный подход к художественно-педагогическому образованию предполагает также создание межпредметных дисциплин интегрированного типа и активизацию их научно-прикладного аспекта.

В связи с ключевым влиянием русской школы на процесс становления системы художественного образования в Китае середина и вторая половина XX в. прошла под знаком развития академической (масляной) живописи и реалистических живописных техник [8, с. 75–77]. А реализм стал отражением ситуации в самой России, где он выступал основой для формирования академической живописи.

Благоприятную почву для развития идей реализма в Китае создало широкое движение искусства в массы в 1930–е годы. Именно в 1930–е годы русское и советское реалистическое направление в живописи признавалось китайскими деятелями искусства передовым и перспективным в отличие от китайской традиционной тушевой живописи, которая подвергалась во многом незаслуженной критике как упадочное искусство, пережиток феодальной культуры.

В 1934 году в Москве и Ленинграде проходит выставка китайского художника Сюй Бэй Хуна, который в дальнейшем оказал большое влияние на сближение художественных культур Китая и СССР. Именно ему принадлежит инициатива создания Китайско-советского культурного общества, задачей которого было распространение в Китае достижений советского искусства. В это же время начинается издаваться журнал "Культура Китая и СССР" [9, с. 93].

Наиболее активное китайско-русское взаимодействие в развитии художественного образования и изобразительного искусства происходило на протяжении 1950–1960 гг. XX в. Европейская система художественного образования на том этапе не могла предложить Китаю цельной, проверенной годами методики, позволяющей за короткое время готовить специалистов по художественному образованию, отвечающих требованиям государства. Такую модель могли предоставить советские специалисты, тем более, политические обстоятельства эпохи благоприятствовали этому как нельзя лучше.

В этот период советские художественные произведения получили широкое распространение в Китае и сыграли значительную роль в формировании совершенно нового для культуры страны направления – художественного реализма, в его конкретной форме "Су" (Советское направление) и сопутствующего ему направления "Синь

сяньшичжуи" (Новая эпоха реализма), близкое социалистическому реализму в СССР.

В середине XX века западная техника в живописи полностью транслировалась в Китай через Советский Союз, это же относилось и к музыкальному творчеству. Изобразительное искусство и музыка КНР 1950–х гг. являлись отражением этой тенденции и находились под сильным влиянием процесса взаимообогащения двух культур. Определенно все это чрезвычайно сильно сказалось на развитии китайского художественного образования.

Влияние советской художественной школы определило также имеющие место и в наши дни подходы в методике преподавания и практике освоения художественных и музыкальных дисциплин [10, с. 126]. В данный период в обучении студентов были заложены основные принципы, ставшие в дальнейшем ключевыми в системе подготовки китайских специалистов по изобразительному искусству. Так, например, закрепился метод работы с натуры, использовались научные обоснования того или иного положения изобразительной грамоты, осваивались новые технологии и материалы, что помогло в дальнейшем расширить количество изобразительных приемов и техник.

В области преподавания изобразительного искусства полное признание получил российский научный подход. Опираясь на традиции европейского искусства и Императорской Академии, получив значительное научное обоснование в советский период, он позволял эффективно решать основные образовательные и художественные задачи, которые ставило новое правительство Китая перед системой образования. Художника призывают к служению широким народным массам, пропаганде нового образа жизни и новых идей.

Руководство Китая производило отбор преподавателей живописи и направляло их на учебу в лучшие вузы СССР, а затем России [11, с. 166]. Наиболее активный обмен студентами имел место в период интенсивных двусторонних связей, в 1950–е гг. китайским Комитетом по культуре было организовано направление групп китайских студентов в Советский Союз для прохождения обучения в художественных образовательных учреждениях [12, с. 24]. Благодаря такой совместной работе КНР удалось сформировать в довольно короткий период полноценно действующую систему подготовки в области художественного обучения в сферах живописи и музыки.

Реформы КНР 1980–х гг. позволили государству пре-

одолеть закрытость и найти методы интегрироваться не только в мировую экономику, но и в глобальную образовательную систему. Благодаря усилиям руководства страны удалось включиться в мировую систему художественного образования [13, с. 40]. Правительством КНР было принято решение создать свою собственную национальную систему художественного образования, адаптировав его к культурным традициям Китая, используя при этом опыт и знания тех художников–педагогов, которые уже получили высшее художественное образование в России.

Художественная практика Китая уже успела воспринять новый перспективный опыт, что позволило в последствие развить в КНР собственную систему академического обучения изобразительному искусству, сохранив традиции реализма и передавая студентам лучший опыт создания реалистического изображения.

Таким образом, в результате анализа истории и современной ситуации в плане сотрудничества России и Китая в области художественного образования были выявлены следующие тенденции:

- ◆ оба государства активно сотрудничают в становлении общего образовательного пространства, в том числе и в сфере художественного обучения;
- ◆ на процесс взаимодействия в области художественного образования в значительной мере влияет и само культурное влияние, которое имеет место в двух направлениях, пример может служить воздействие советской школы реализма на изобразительное искусство КНР;
- ◆ институциональный план представлен довольно широкими возможностями и формами сотрудничества; существенно на процесс развития системы художественного образования в Китае повлиял опыт активных взаимоотношений в 1950–е гг., что в значительной мере отразилось на самих принципах организации высших и средних учебных заведений, обеспечивающих подготовку в области музыки и живописи; такое подобие институциональной составляющих образовательных систем в художественной сфере дает эффект упрощения межорганизационной кооперации, что вылилось в создании Российско–китайской ассоциации вузов культуры и искусств и углублении обмена опытом и сотрудничества по отдельным образовательным программам и дисциплинарным областям;
- ◆ идет процесс взаимного обогащения методическими разработками и подходами, например, в плане преподавания академической живописи китайские образовательные учреждения выступают в роли последователь ряда художественных школ СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подписано соглашение о создании Российско–китайской ассоциации вузов культуры [Электронный ресурс]// Россия. Культура. 01.12.2016. Url.: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/159899 (Дата обращения: 11.06.2017)

2. Ханько М.В. Российско–китайское гуманитарное и культурное сотрудничество в начале XXI в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. №4. С. 98–103.
3. Ломов, С. П. Образование и искусство в условиях глобализации / С. П. Ломов // Совершенствование методики преподавания изобразительного искусства и народных ремёсел // Сборник научно–методических трудов. – М., 2011. – С. 6–8.
4. Юй Аньдун. Традиции академического рисунка в художественно–педагогическом образовании России и Китая: сравнительный анализ: дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2007
5. Гальперин П.Я. К теории программированного обучения. – М.: Знание. 1976. – 150 с.
6. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / Хрестоматия по психологии. – М.: Просвещение, 1977. –С. 417–425.
7. Ломов С.П. Система оптимальной живописной подготовки учителей декоративно–прикладного искусства и народных промыслов: Дис. док. пед. наук М., 2000. – 404 с.
8. Ли Япин. Российско–китайские связи в системе высшего художественного образования и их роль в становлении реалистической живописи КНР: дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 2008.
9. Лю Цзэя. Развитие российско–китайских отношений в области образования // Образование и наука. РГПУ, 2013. №10 (109). С. 91–104.
10. Чень Жуйлинь. Исследование в художественно–педагогической истории образования 20–ого века в Китае. Издательство Цинн Хуа. 2005.
11. Зубрилин К.М., Ван Мэй Роль российско–китайского сотрудничества в становлении художественно–педагогического образования Китая // Право и практика. 2016. №3. С. 166–169.
12. Иванова Ю. В. Традиции искусства в Китае // Русское и китайское изобразительное искусство в контексте времени. Чита–Харбин. 2008. С. 21–32.
13. Петрова В.Н. Взаимодействие России и Китая в АТР: ресурс гуманитарного сотрудничества // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. 2014. № 4 (27). С. 34–42.

© Чжан Вэньбинь, (244591055@qq.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Концертный Зал Академии им. Гнесиных

СОСТОЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И УРОВЕНЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

THE STATE OF THE MUNICIPAL EDUCATIONAL SYSTEM AND THE LEVEL OF SATISFACTION OF SUBJECTS OF EDUCATION BY THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL SERVICES

*N. Shadrina
G. Fomitskaya*

Annotation

This article discusses the advantages and disadvantages of the traditional form of education. By means of objective analysis of all subjects of the educational process, this article identifies the positive and negative aspects of the modern general education school. This analysis made it possible to organize pedagogical research, the main concept and purpose of which was to identify level of satisfaction of consumers of the educational services (students, parents and / or legitimate representatives of students) with the quality of school activities. To do this, it was necessary to determine how it is affected by various factors: quality of teaching, organization of the educational process, moral and psychological environment, management system, recourse base, etc. To implement the idea, the survey questionnaire and research base have been developed.

Keywords: quality, municipal educational system, management system, educational facility, survey, questionnaire, professional level, assessment.

*Шадрина Наталья Максимовна
Зам. директора, АНО Институт проблем
образовательной политики "Эврика"
Фомицкая Галина Николаевна
Д.п.н., ректор, АОУ ДПО "Бурятский
Республиканский Институт Образовательной
Политики", АОУ ДПО РБ "БРИОП"*

Аннотация

В статье рассмотрены преимущества и недостатки традиционной формы образования. На основе объективного анализа деятельности всех субъектов образовательного процесса были выявлены положительные и отрицательные стороны организации деятельности современной общеобразовательной школы. Это позволило организовать педагогическое исследование, основной концептуальной идеей которого явилось выявление уровня удовлетворенности потребителей образовательной услуги в лице учащихся, родителей и /или их законных представителей качеством деятельности школы. Для этого необходимо было определить степень влияния на него различных факторов: качества преподавания, организации учебного процесса, состояния морально-психологического климата, эффективности системы управления, материально-технической базы и др. Для реализации идеи был разработан анкетный опрос, выбрана база исследования.

Ключевые слова:

Качество, муниципальная образовательная система, система управления, образовательная организация, анкетирование, профессиональный уровень, оценка.

В современных социально-экономических условиях система общего образования закладывает фундамент в виде базовых знаний для будущей трудовой деятельности обучающихся и выступает важнейшей составляющей процесса становления человека как личности.

Не секрет, что советская система образования была выстроена на принципах централизма, авторитаризма, соблюдение которых фактически лишало учеников и родителей возможности выбора пути и содержания образования. Это было обусловлено многими причинами: единым учебным планом (а, значит, единым содержанием образования) для всех типов и видов школ страны; закрепленностью ученика за определенной школой по месту жительства (так называемым микрорайоном школы); еди-

ными обязательными программами и учебниками для всех школ; отсутствием у учителя права выбора программы, учебно-методического комплекса, педагогических технологий и др.

Федеральный Закон №273-ФЗ "Об образовании РФ" направлен на ликвидацию вышеперечисленных преград, однако в практике образовательных учреждений они все еще сохраняются. Причиной тому служит дефицит образовательных учреждений разного типа и вида, в том числе гимназий и лицеев, а имеющиеся общеобразовательные школы не в состоянии удовлетворить возрастающие запросы учеников, родителей и учителей.

Именно необходимостью решения данных проблем была актуализирована задача создания районного обра-

зовательного округа. Однако при переводе идеи в практическую плоскость необходимо было определить преимущества и недостатки деятельности традиционной общеобразовательной школы. Одним из механизмов выявления плюсов и минусов в деятельности современной общеобразовательной школы является объективный анализ мнения тех, кто с ней вплотную соприкасается, кто ежедневно ощущает на себе и своих близких ее влияние.

Именно такую целевую установку мы определили на констатирующем этапе исследования.

Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие задачи:

- ◆ определить уровень удовлетворенности учащихся и родителей качеством деятельности школы;
- ◆ выявить степень влияния на него различных факторов: качества преподавания, особенностей организации учебного процесса, состояния морально-психологического климата, эффективность системы управления, развитие материально-технической базы и др.

Базу нашего исследования составили 14 общеобразовательных школ республики Бурятия, 2450 учащихся, по 175 учеников из школы, 2450 родителей и 530 педагогов, по 37–38 педагогов из каждой школы. Такая совокупность выборки обеспечивала репрезентативность полученных результатов и позволила выявить основные закономерности в организации образовательной деятельности школы. Общий массив данных позволял получить достоверные сведения об единичном, особенном и общем в деятельности школ муниципалитета.

Нами были разработаны анкетные опросы учеников, родителей, учителей.

Для выявления качества организации жизнедеятельности школы мы разработали по четыре вопроса для учителей и учеников, а для родителей – по три. Каждый вопрос имел самостоятельную нагрузку, ответ на который являлся носителем определенной информации. Поэтому каждый изучаемый фактор, благодаря анкетному опросу, получал числовое выражение.

Сравнительный анализ полученных данных относительно уровня удовлетворенности различными сторонами школьной жизни, которые имели цифровое выражение в виде оценки, позволил определить степень влияния последних на удовлетворенность учащихся и родителей процессом обучения. В анкетах содержались и другие вопросы, дополняющие и уточняющие различные аспекты изучаемой проблемы.

Среди опрошенных учеников 51 % составляли юноши, 49 % – девушки; 12 % учеников учились в 8 классе, 32 % – в 9-ом, 25 % – в 10-ом, 31 % – в 11-ом.

Общая оценка любого процесса, явления, объекта складывается из множества составляющих, одни из которых являются более частными, детальными, другие – более интегральными, суммарными. Чтобы итоговая оценка была максимально объективной, необходимо было найти сочетание в ней отношений к различным сторонам анализируемого объекта. В нашем случае, из общей оценки школы, взяты более агрегированные оценки. У респондентов выяснялось эмоциональное отношение к школе: нравится ли школа, есть ли чувство гордости за нее, есть ли мысли сменить ее.

Так, учащимся был задан вопрос: "Нравится ли Вам учиться в Вашей школе?" (табл. 1.).

Таблица 1.

Нравится ли школа, в которой ученик обучается? (в %).

№	Варианты ответов	%
1	безусловно, да	36
2	скорее да	44
3	скорее нет	9
4	категорически нет	4
5	затруднились с ответом	7

Данные свидетельствуют, что большинству учащихся нравится учиться в своей школе, правда, положительные ответы разделились на две неравные части – абсолютное, "да" (36 %) и относительное "да" (44 %). Каждому десятому школьнику не нравится учиться в своем учебном заведении, но категорических ответов мало. 7 % учащихся ушли от прямого ответа.

Учителям также задавался подобный вопрос, но он касался профессиональной деятельности педагогов: "Нравится ли Вам работать в Вашей школе?" (табл. 2.).

Таблица 2.

Нравится ли работать в школе? (в %).

№	Варианты ответов	%
1	да	58
2	не очень	34
3	нет	8
4	не могу сказать определенно	0

58 % учителей довольны своей работой в школе, 34 % учителей испытывают некоторые проблемы в осуществлении профессиональной деятельности в данной школе,

а 8 % педагогов не удовлетворены профессиональной деятельностью в стенах своей школы.

У родителей также выяснялась степень удовлетворенности деятельностью школы. Ответы на вопрос: "Нравится ли Вам в целом школа, в которой учится Ваш ребенок?" приведены в табл. 3.

Таблица 3.

Нравится ли школа, в которой учится Ваш ребенок?(в %).

№	Варианты ответов	%
1	да	52
2	не очень	39
3	нет	6
4	затрудняюсь ответить	3

Данные таблицы свидетельствуют, что 52 % родителей ответили на вопрос положительно, а вот 45 % родителей школа или не нравится совсем, или не очень нравится.

Второй вопрос, позволяющий выявить общую оценку школы, звучал одинаково и для учеников, и для учителей,

и для родителей: "испытываете ли вы чувство гордости за свою школу?". Ответы приведены в табл. 4.

Ответы большинства опрошенных респондентов равномерно распределились между вариантами "да, всегда" и "когда как". Учителя, ученики и родители выбрали второй ответ. Оказалось, что родители и ученик чаще не испытывают гордости за школу.

Следующий вопрос был направлен на выявление желания сменить школу: "Возникают ли у Вас мысли сменить место учебы (работы)?" (табл. 5).

Как свидетельствуют данные таблицы, преимущественное большинство учителей, родителей и учащихся не проявляют желания сменить школу.

Отметим, что многие вопросы анкеты формулировались для разных групп респондентов примерно одинаково. В таких случаях приводятся формулировки ученических вопросов. Несущественные отличия для отдельных категорий могут быть указаны в скобках или подразумеваются по смыслу. С точными формулировками вопросов можно ознакомиться в приложениях №№ 1–3. В данном случае более позитивное отношение продемонстрировали родители, 59 % которых не задумываются о смене школы. Среди учащихся таковых 45 %, а среди учителей существенно меньше – 31 %.

Таблица 4.

Испытываете ли Вы чувство гордости за свою школу? (в %).

№	Варианты ответов	Респонденты		
		ученики	учителя	родители
1	да, всегда	26	35	17
2	когда как	54	52	40
3	нет	15	8	29
4	затрудняюсь ответить	5	5	14

Таблица 5.

Есть ли намерение сменить школу? (в %).

№	Варианты ответов	Респонденты		
		ученики	учителя	родители
1	нет, никогда	45	31	59
2	иногда возникает	41	45	30
3	часто возникает	4	16	6
4	постоянно думаю об этом	7	8	1
5	уже решил сменить место учебы	3	0	0
6	затруднились ответить	0	0	4

Приведенные значения говорят о достаточно высокой степени удовлетворенности деятельностью школы всеми категориями опрошенных. Но если сравнивать их между собой, то можно констатировать, что учителя оказались более лояльными в оценке собственной школы, чем ученики и их родители.

Полученные данные свидетельствуют, что и ученики 8,9 классов, и родители чаще готовы сменить школу, чем учащиеся 10 классов и их родители.

Это вполне закономерно, ибо у учащихся 8–9 классов еще есть возможность сменить школу, а учащиеся 10–11 классов рассматривают ответ на этот вопрос как возможность, которой у них не было.

Обобщив результаты, мы получили общую оценку качества образовательной деятельности школы, поэтому мы посчитали логичным и целесообразным провести анализ качества отдельных сторон ее деятельности: качество преподавания, организацию воспитательно-образовательного процесса, состояние морально-психологического климата, эффективность системы управления, материально-техническую базу.

Для оценки качества преподавания каждой группе респондентов задавалось по два вопроса. Первый из них был одинакового содержания как для учащихся, так и для учителей и родителей.

Ответы на вопрос: "Как бы Вы оценили профессиональный уровень учителей Вашей школы?" представлены в **табл. 6**.

Большинство опрошенных в каждой группе достаточно высоко оценили профессиональный уровень школьных педагогов. Но если у учащихся это 68 %, то у родителей – 43 %, у учителей – 46 %.

Следующий вопрос был задан учащимся и родителям: "Как Вы считаете: достаточные ли знания дает Вам школа для осуществления Ваших жизненных планов?" (**табл. 7**).

Как видим из таблицы, 39 % учащихся ответили – "вполне достаточные", 26 % родителей дали подобный ответ. Таким образом 59 % учащихся и 74 % родителей не совсем удовлетворены знаниями, которые дает их школа, что само по себе дает основание предположить что им бы хотелось видеть другую образовательную систему, но ее пока нет.

Относительно качества организации учебного процесса в школе всем респондентам было задано два вопроса. Первый выяснял степень удовлетворенности набором учебных дисциплин в школе, второй направлен на выявление отношения к организации учебного процесса. Ответы на вопрос: "Удовлетворены ли вы набором учебных дисциплин в школе?" (**табл. 8**).

Таблица 6.

Профессиональный уровень учителей школ (в %).

№	Варианты ответов	Респонденты		
		ученики	учителя	родители
1	высокий	68	46	43
2	средний	28	46	37
3	низкий	1	8	15
4	затрудняюсь ответить	3	0	5

Таблица 7.

Испытываете ли Вы чувство гордости за свою школу? (в %).

№	Варианты ответов	Респонденты	
		ученики	учителя
1	да, вполне достаточные	39	26
2	не совсем достаточные	49	66
3	совсем недостаточные	10	6
4	затрудняюсь ответить	2	2

Таблица 8.

Удовлетворенность набором учебных дисциплин в школе (в %).

№	Варианты ответов	Респонденты		
		ученики	учителя	родители
1	да, вполне	14	17	16
2	не совсем	47	68	45
3	нет	38	14	36
4	затрудняюсь ответить	1	1	3

Таблица 9.

Оценка организации учебного процесса в школе (в %).

№	Варианты ответов	Респонденты		
		ученики	учителя	родители
1	высокая	11	16	12
2	средняя	65	68	65
3	низкая	18	13	19
4	затрудняюсь ответить	6	3	4

Ответы учащихся, учителей и родителей практически совпали – чаще всего они оказались не вполне довольными набором учебных дисциплин в школе. Этот факт говорит о присутствии закономерности – в школах при отборе содержания образования интересы учащихся учитываются недостаточно.

Ответы на вопрос: "Как бы Вы в целом оценили организацию учебного процесса в школе?" представлены в табл. 9.

Как видно из табличных данных, ответы на этот вопрос учителей, учащихся и родителей принципиально не отличались. Только 11 % учащихся, 16 % учителей и 12 % родителей удовлетворены полностью организацией учебного процесса в школе.

Не менее важным при исследовании состояния воспитательно – образовательного процесса в образовательных учреждениях района мы считали изучение морально – психологического климата в коллективе учащихся и учителей (см. табл. 10 и 11).

По данному разделу вопросы по трем группам респондентов не пересекались, то есть в каждом случае задавались "свои" вопросы. Начнем анализ с ученических мнений.

Ответы на вопрос: "Удовлетворены ли Вы взаимоотношениями, которые сложились среди учеников Вашего класса?" приведены в табл. 10.

Таблица 10.

Удовлетворенность взаимоотношениями, которые сложились среди учеников класса (в %).

№	Варианты ответов	%
1	да, вполне	47
2	удовлетворен отчасти	34
3	нет	16
4	затрудняюсь ответить	3

Более половины учеников удовлетворены отношениями, которые сложились в среде одноклассников, но многие (почти треть) ощущают лишь частичную удовлетворенность. Есть и такие школьники, кто совсем не доволен взаимоотношениями в классе.

Подавляющее большинство учащихся имеет хорошие отношения со всеми или большинством педагогов. Но каждый пятый ученик испытывает немало проблем в общении с учителями. Ответы на вопрос: "А как складыва-

ются Ваши взаимоотношения с учителями?" приведены в табл. 11.

Таблица 11.
Взаимоотношения с учителями (в %).

№	Варианты ответов	%
1	хорошие отношения практически со всеми учителями	38
2	у меня хорошие отношения с большинством учителей, лишь с некоторыми отношения напряженные	38
3	примерно с половиной учителей отношения хорошие, с половиной - напряженные	18
4	с большинством учителей у меня отношения неважные, только с некоторыми - хорошие	2
5	у меня напряженные отношения практически со всеми учителями	1
6	затрудняюсь сказать	3

Ученикам задавался еще один вопрос о морально-психологическом климате, не включенный в процедуру расчета соответствующего фактора, но уточняющий психологический комфорт учеников на разных этапах обучения в школе.

Ответы на вопрос: "Оцените, пожалуйста, степень душевного уюта, комфорта, которые Вы испытывали в стенах школы, когда обучались?" приведены в табл. 12.

Как показывают ответы учеников, наибольший комфорт они испытывали в начальной школе – почти половина опрошенных дали душевному комфорту соответствующего школьного периода высокие оценки. Морально – психологический климат в средних классах чаще всего оценивается средне. В старших классах мнения о психологическом комфорте наиболее поляризованы, но если ответы усреднить, то общая оценка будет равна оценке средних классов.

Ответы учителей на вопрос: "Какие отношения преобладают в Вашем педагогическом коллективе?" приведены в табл. 13.

Таблица 12.

Оценка учениками степени душевного уюта (в %).

	Высокая	Средняя	Низкая	Затрудняетесь сказать
В начальных классах	49	31	11	9
В средних классах	20	56	18	6
В старших классах	27	40	24	9

Таблица 13.
Отношения, преобладающие в педколлективе (в %).

№	Варианты ответов	%
1	доброжелательные, дружеские	52
2	безразличные, каждый сам по себе	25
3	натянутые, конфликтные	21
4	затрудняюсь ответить	2

Таблица 14.
Удовлетворенность отношениями с учениками (в %).

№	Варианты ответов	%
1	да, вполне	68
2	отчасти	23
3	нет	7
4	затрудняюсь ответить	2

Почти две трети педагогов отметили в своих ответах взаимопонимание и дружбу. Но немалая доля учителей имеет претензии к морально – психологическому климату, сложившемуся в педколлективе.

Отношения учителей с учениками (по мнению учителей) складываются немного успешнее, что видно из от-

ветов на вопрос: "Удовлетворены ли Вы взаимоотношениями со своими учениками?" (табл. 14).

Родители, хотя и опосредованно, включены в образовательный процесс и также могут испытывать моральную удовлетворенность или неудовлетворенность относительно школы и учебы ребенка. Им было предложено от-

ветить на следующий вопрос: "Как складываются Ваши взаимоотношения с ребенком по поводу его учебы в школе?", ответы приведены в **табл. 15**.

Таблица 15.
Ваши взаимоотношения с ребенком (в %).

№	Варианты ответов	%
1	хорошие	64
2	не очень хорошие	30
3	плохие	4
4	не могу сказать определенно	2

Треть родителей испытывает некоторые проблемы в отношениях с детьми, связанные с обучением.

Ответы на вопрос: "Удовлетворены ли Вы своими взаимоотношениями с учителями Вашего ребенка?" приведены в **табл. 16**.

Таблица 16.
Удовлетворенность родителей взаимоотношениями с учителями (в %).

№	Варианты ответов	%
1	Вполне удовлетворен	53
2	Отчасти удовлетворен	36
3	Неудовлетворен	10
4	Затрудняюсь ответить	1

53 % родителей удовлетворены своими отношениями с учителями, у 46% родителей или совсем не складываются отношения с учителями, или есть проблемы в отношениях с некоторыми из них.

При создании новой образовательной структуры в сегодняшних социально – экономических условиях очень важно оценить материально – техническое оснащение школы. С этой целью был задан один общий вопрос для всех групп респондентов. Ответы на этот вопрос приведены в **табл. 17**.

Все респонденты оценивают уровень материально-технической базы школы как низкий (40 %, 60 %, 44 %) и средний (53 %, 36 %, 52 %). Таких низких показателей не имел ни один из факторов, характеризующих воспитательно – образовательный процесс в школе.

Мы также считали целесообразным выяснить уровень управления школой. Большинство вопросов данного раздела адресовалось каждой группе респондентов отдельно.

Таблица 17.
Уровень материально-технической базы школы (в %).

№	Варианты ответов	Респонденты		
		ученики	учителя	родители
1	высокий	2		
2	средний	5		
3	низкий	40		
4	затрудняюсь ответить			

Так, у учеников интересовались наличием органов самоуправления и эффективностью управления администрацией учебного заведения. Ответы на вопрос: "Есть ли в Вашей школе органы ученического самоуправления" приведены в **табл. 18**.

Таблица 18.
Существование органов ученического самоуправления (в %).

№	Варианты ответов	%
1	да	18
2	формально есть, но они практически бездействуют	17
3	нет	47
4	не знаю	18

Мы изучили оценку учителей по деятельности педагогического совета школы (**табл. 19**).

Таблица 19.
Оценка работы педсовета (в %).

№	Варианты ответов	%
1	да	19
2	формально есть, но они практически бездействуют	
3	нет	24
4	не знаю	6

Чаще всего учителя давали среднюю оценку работе своего руководящего органа, а пятая часть оценила ее как низкую.

Следующий вопрос задавался и учителям, и родителям: "Как, на Ваш взгляд, справляются администрация школы и отдельные службы со своими обязанностями?" (**табл. 20**).

Таблица 20.

"Как справляются службы школ со своими обязанностями?" (в %).

	Респонденты		не очень хорошо		плохо		затруднились ответить	
	учителя	родители	учителя	родители	учителя	родители	учителя	родители
директор	59	43	10	7	7	2	24	48
завучи	70	48	21	13	1	2	8	37
психологическая служба	16	21	27	12	9	15	48	52
валеологическая служба	16	14	22	11	7	8	55	67
классный руководитель	57	76	15	12	1	3	27	9

Учителя позитивнее других оценивают работу завучей. Преимущественно высокие оценки получили у учителей деятельность директора и классного руководителя. Психологические и валеологические службы вызвали наибольшие затруднения при оценке. Конкретные же отзывы чаще всего занимают среднюю позицию. Родители значительно чаще затрудняются с ответом при оценке работы различных школьных служб. Лишь деятельность классных руководителей не вызывает у них неопределённых мнений. Конкретные оценки родителей в адрес школьных структур носят преимущественно положительный характер, особенно это касается деятельности директоров и классных руководителей. Скорнее всех оценена деятельность валеологической службы – две трети опрошенных затруднились дать ответ.

Последний вопрос родителям о системе управления звучал следующим образом: "Часто ли представители школьной администрации встречаются с родителями учеников (во время родительских собраний, других мероприятий)?" (табл. 21).

Таблица 21.

"Как часто представители школьной администрации встречаются с родителями?" (в %).

№	Варианты ответов	%
1	Вполне удовлетворен	20
2	Отчасти удовлетворен	58
3	Неудовлетворен	18
4	Затрудняюсь ответить	4

Большинство родителей признали, что администра-

ция школы время от времени встречается с родителями, но о частых встречах заявили менее трети опрошенных.

Итак, самые высокие оценки в школах получены относительно уровня морально – психологического климата. Особенно активно он одобряется учителями. На второе место участниками образовательного процесса определено качество преподавания. У родителей же на первое место вышла система управления, у педагогов находится на третьем месте, а у учащихся – на четвёртом. Организация учебного процесса находится у учеников на третьем месте, а у учителей и родителей на четвёртом. Все без исключения респонденты поставили на последнее место материально-техническую базу школы. Если последняя требует больших финансовых вливаний, то организационные вопросы во многом можно решить и имеющимися резервами.

Ряд рассмотренных выше вопросов в той или иной степени позволяют выявить отношение учителей, учеников и родителей к школе (например, о чувстве гордости за школу, о намерении её сменить, об общей удовлетворённости ею). Но один вопрос в каждой анкете был нацелен непосредственно на оценку престижности школы: "Оцените, пожалуйста, по 5-бальной шкале (где 5 – самый высокий балл, а 1 – самый низкий) степень престижности Вашей школы среди других школ района".

Учащиеся оценили престижность своей школы в среднем на 3,47 балла. Учительские оценки по данному показателю выше, чем ученические – 3,8, оценки родителей не отличаются от оценок учащихся. Их средний балл равен 3,5 балла.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам решить поставленные задачи и сделать вывод о целесообразности создания образовательного округа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амонашвили, Ш. А. Единство цели: пособие для учителя / Ш. А. Амонашвили. – М.: Просвещение, 1987.

2. Безрукова, В. С. Педагогика: учебное пособие / В. С. Безрукова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2013.
3. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1989.
4. Богуславский, М. В. XX век российского образования / М. В. Богуславский. – М.: ПЕР СЭ, 2002.
5. Болотов, В. А. Педагогическое образование России в условиях социальных перемен: принципы, технологии, управление: монография / В. А. Болотов. – Волгоград: Перемена, 2001.
6. Деркач, В. И. Оптимизация управления деятельностью персонала образовательных систем: моногр. / В.И. Деркач. – М.: Итар-Тасс, 2015. – 152 с.
7. Котова, Е. В. Государственные контролирующие органы в образовательных учреждениях / Е.В. Котова. – М.: Каро, 2014. – 272 с.
8. Кульневич, С. В. Управление современной школой. Выпуск 3. Муниципальные методические службы / С.В. Кульневич, В.И. Гончарова, Е.А. Мигаль. – М.: Учитель, 2016. – 224 с.
9. Менеджмент в практике ДОУ / Л.А. Пенькова и др. – М.: Сфера, 2014. – 838 с.
10. Метапредметные результаты. Оценка и формирование. – М.: Авторский Клуб, 2015. – 423 с.
11. Модернизация российского образования. Вызовы нового десятилетия. – М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2015. – 104 с.
12. Моргунов, Г. М. Социосинергетика и образование / Г.М. Моргунов. – М.: МЭИ, 2014. – 152 с. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России: (Историко-педагогические очерки) / Ф. Г. Паначин. – М.: Педагогика, 1979.
13. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад; редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008.
14. Сериков, В. В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии: монография / В. В. Сериков. – Волгоград: Перемена, 1994.
15. Соловейчик, С. Л. Час ученичества / С. Л. Соловейчик. – М.: Детская литература, 1970.
16. Ямбург, Е. А. Педагогический ансамбль школы / Е. А. Ямбург. – М.: Знание, 1987.

© Н.М. Шадрина, Г.Н. Фомицкая, (natamaxima@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ В ПЕРЕВОДЕ ОСНОВНЫХ ВИДОВ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Башкарева Екатерина Сергеевна
Ассистент,
Дальневосточный федеральный
университет

MAIN WAYS OF RENDERING DEVIATIONS FROM THE LITERARY NORM

E. Bashkareva

Annotation

The given article is devoted to the research of different deviations from the literary norm and their rendering in translation. The topicality of such kind of work is stipulated by the interest of modern translatology to the rendering of the specific features of single functional language varieties in translation. The basic conception of "norm" is treated in the research from various theoretical positions. Besides this article is aimed to identify main techniques which are used to render different kinds of norm deviations. The research work is based on the examples from fiction.

Keywords: literary norm, deviations from the literary norm, country language, dialect, slang, jargon.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению основных видов отклонений от литературной нормы и их отражению в переводе. Актуальность исследований подобного рода обусловлена интересом современного переводоведения к передаче в переводе специфических черт отдельных функционально-стилистических разновидностей языка и некоторых групп лексических единиц. В данной работе дается базовая классификация отклонений от литературной нормы и выявляются основные переводческие технологии передачи в переводе различных отклонений от нормы на основе анализа примеров, отобранных из художественных произведений.

Ключевые слова:

Литературная норма, отклонение от нормы, просторечие, диалект, сленг, жаргон.

Норма является одним из существенных свойств языка, обеспечивающих его функционирование и историческую преемственность за счёт свойственной ей устойчивости, хотя и не исключающей вариативности языковых средств и заметной исторической изменчивости, поскольку норма призвана, с одной стороны, сохранять речевые традиции, а с другой – удовлетворять актуальным и меняющимся потребностям общества.

Актуальность исследуемой проблемы связана с тем, что переводчику нередко приходится сталкиваться с различными примерами отклонений от литературной нормы в оригинальных английских текстах как в практике устного, так и письменного перевода.

В ходе развития языка происходит постоянный процесс постепенных изменений в формах языка и их значениях. Необходимо овладеть общепринятым стандартом языка в данный период времени, чтобы понимать отношение той или иной формы к признанной норме этого периода.

Некоторые считают, что необходимо обладать так называемым "чувством языка", чтобы понять норму языка и её возможные варианты. Но это чувство берёт своё начало из бессознательного знания законов, по которым

функционирует язык, и его истории, которая объясняет направления развития языка. Это может показаться парадоксальным, но норму можно понять и, более того, усвоить, когда есть отклонения от неё.

В настоящем исследовании нами был проведен анализ различных отклонений от языковой нормы на основе материала, отобранного методом сплошной выборки из пяти художественных произведений Дж. Сэлинджера "Над пропастью во ржи", Б. Шоу "Пигмалион", Э. Хемингуэя "Прощай оружие", Элвина Брукса Уайта "Паутина Шарлоты" и Х. Филдинг "Бриджит Джонс. Грани разумного". Опираясь на классификацию Ж.А. Голиковой, согласно которой все отклонения от языковой нормы можно поделить на два типа, мы отобрали примеры коллективных (просторечие, диалекты, аргоны, арг, сленг, профессиональные языки) и индивидуальных (вольности устной речи, детская речь, ломанная речь, дефекты речи, ошибки в произношении и правописании) отклонений от языковой нормы и рассмотрели способы передачи в переводе данных отклонений.

Передача любых отклонений от литературной нормы языка-источника является проблемой. В устном переводе все эти отклонения игнорируются, потому что задача устного переводчика заключается прежде в передаче

когнитивной информации, и все отклонения при переводе он приводит к норме. Он может передать лишь легкую окраску просторечности в речи оратора (лексика, фразеологизмы) и отдельные клишированные компоненты высокого стиля (в официальной речи, траурной речи). В письменном же переводе задачи переводчика осложняются, прежде всего, при переводе художественного и – во вторую очередь – публицистического текста.

Коллективные отклонения от нормы можно встретить в тексте в одной из трех основных функций:

1. как основное языковое средство текста – в качестве авторской речи и прямой речи персонажей;
2. в качестве речевой характеристики отдельных персонажей;
3. как отдельные вкрапления для колорита.

На протяжении долгой истории переводческой практики эти отклонения не передавались. Затем стали передаваться те, которые имеют системные соответствия в лексическом и грамматическом фонде языка перевода (просторечие, жаргоны, арго, сленг, профессиональные языки). Исключения до середины XX в. составляли диалекты и табуированная лексика. Собственно говоря, вопрос об их передаче до сих пор считается дискуссионным [1, с.194–195].

При передаче в переводе арго, жаргона, сленга самым естественным является использование функциональных аналогов при наличии их в переводящем языке; при их отсутствии можно прибегнуть к просторечию, которое придает переводимому тексту необходимую характеристику отклонения от литературной нормы [3, с.211].

Перейдем теперь к индивидуальным отклонениям от нормы. Их передача в устном переводе неактуальна. В письменном же тексте они встречаются, пожалуй, только в художественных текстах как одно из средств создания художественных образов. Передача их требует от переводчика предварительного анализа типа искажения и соответствующих ресурсов его передачи в родном языке. Отметим попутно, что речевые искажения создают комический эффект, и существуют даже авторы, в индивидуальный стиль которых входят каламбуры, построенные на речевых искажениях. Выявление типа искажения подсказывает переводческое решение [1, с.194–195].

Таким образом, передача в переводе индивидуальных отклонений от нормы – пробный камень таланта и находчивости переводчика. Задача переводчика – быть осторожным, экономным и стараться "попасть в тон" с автором. Здесь лучше "недоборщить, чем переборщить" [3, с.212].

Различные дефекты речи, такие как косноязычие, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, картавость, заикание, обычно передаются функциональными аналогами или же их можно оговорить краткой фразой.

Ломаная речь иностранца, плохо знающего язык, должна прозвучать естественно на переводящем языке, поэтому передать ее следует тоже функционально. По-видимому, для этого переводчику необходимо некоторое знакомство со строем и звучанием родного языка иностранца, так как такая речь обычно является переводом с его родного языка.

Сравнительный анализ отобранного фактического материала на английском языке с вариантами его перевода на русский язык, позволил распределить все отклонения от языковой нормы на несколько групп по способу их перевода: эквиваленты, аналоги, компенсация, антонимический перевод, транскрипционный/транслитерационный способы перевода, дескриптивный перевод и отказ от передачи в переводе.

Чаще всего переводчик прибегает к переводу при помощи аналога. Аналог – это слово или словосочетание в переводном тексте, имеющее в данном контексте то же значение, что и неэквивалентное ему слово или словосочетание в исходном тексте [4, с.98].

Согласно теории Я.И. Рецкера и А.В. Фёдорова, аналог – это языковые единицы языка-источника и переводящего языка, различающиеся одним или более компонентами значения (коннотата). В этой связи необходимо отметить, что коннотат, будучи микрокомпонентом семантической структуры, включает в себя три компонента: эмоциональность, оценочность и стилистическое сознание. В случае если между исходным вариантом и вариантом перевода наблюдается несовпадение хотя бы одного компонента, можно утверждать, что они являются аналогами.

В.Н. Комиссаров вводит понятие "аналог", рассматривая его как один из основных способов перевода безэквивалентной лексики. По мнению ученого, аналоги – это создаваемые путем подыскивания ближайшей по значению единицы переводящего языка для безэквивалентной единицы языка-источника.

Рассмотрим несколько примеров аналогов: *But she`s got some silly bee in her bonnet about Eliza* – Но у нее какой-то заскок насчет Элизы. При переводе было использовано русское выражение, в котором не сохраняется образ "пчелы в шляпе" оригинального фразеологизма, но имеется то же денотативное значение – странная заикленность на определенном предмете. Оба выражения имеют отрицательную оценочность, относятся к разговорному стилю и являются экспрессивными, таким образом, они имеют одинаковую коннотацию. Но, так как оригинальный образ не сохраняется в переводе, можно говорить о том, что выражение было переведено при помощи аналога.

Другим не менее интересным примером является пример, отобранный из произведения Дж. Сэлинджера "Над пропастью во ржи": *...you`re a hotshot in English* – ...ты в английском собаку съел. Единица *hotshot* переводится на русский язык как "знаток", "спец", т.е. специа-

лист в той или иной сфере деятельности, однако переводчик не переводит данное предложение дословно, а переводит его фразеологизмом, тем самым делая речь героя более экспрессивной. Оба выражения относятся к разговорному стилю и являются экспрессивными, таким образом, они имеют одинаковую коннотацию.

Выражение *Like hell it is* – "Черта с два" также переведено на русский язык также с помощью аналога. Языковая единица *hell* переводится на русский язык как ад. Данное понятие очень близко по своей семантике к понятию черт. Кроме того, оба варианта эмоционально-экспрессивны, относятся к разговорному стилю, имеют одинаковую коннотацию. Все выше- сказанное позволяет утверждать, что исходное выражение переведено с помощью аналога.

Следующими по численности являются эквиваленты. Эквивалентами называются постоянные равнозначные соответствия между единицами исходного и переводного текстов, не зависящие от контекста, они установились в силу тождества обозначаемого, отложились в традиции языковых контактов [4, с.98].

В теории закономерных соответствий Я.И. Рецкера и А.В. Фёдорова, дается следующее определение эквивалентам: это языковые единицы и переводящего языка, имеющие полное совпадение всех компонентов значения: эмоциональность, оценочность, стилистическое со- значение.

Рассмотрим несколько примеров эквивалентов: *I left the goddam stuff on the subway* – Да я все это дурацкое снаряжение забыл в метро. При переводе данного предложения каждой единицы исходного предложения подбираются эквивалентные единицы: *I* – я, *left* – забыл, *goddam* – дурацкое, *stuff* – снаряжение, *on the subway* – в метро. Кроме того оба предложения являются эмоционально окрашенными, т.к. содержат стилистически маркированные элементы *goddam* в английском предложении и дурацкое в русском. Данные выражения (каждое в своём языке) употребляются в одинаковых ситуациях – для эмоционального выражения негативного отношения к какому-либо предмету. В связи со всем вышесказанным, мы делаем вывод о том, что исходное выражение было переведено на русский язык при помощи эквивалента.

Также нами была отобрана группа отклонений от литературной нормы, переведённых при помощи компенсации. Компенсация – способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы языка-источника в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, при чём не обязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале [4, с.109].

Компенсация, согласно теории закономерных соответствий Я.И. Рецкера и А.В. Фёдорова, относится к группе адекватных замен и может быть определена как замена непередаваемого элемента подлинника элемен-

том иного порядка в переводящем языке. По мнению лингвистов, в компенсации чаще всего нуждаются языковые единицы, передающие уникальные реалии и средства из словесного осмысления в иноязычной речи, т.е. диалект, сленг, жаргон, игра слов, метафоры, непривычные образы и другие – все, что ориентировано на форму, а не на содержание языковой единицы.

В.Н. Комиссаров не считает компенсацию трансформацией и называет ее технологией, поскольку, по его мнению, при переводе какого-либо реального изменения (трансформации) первоначального значения не происходит, что является методологически первичным для понимания такого переводческого приема, как замена.

При переводе пьесы Б. Шоу "Пигмалион" переводчик часто прибегает к компенсации. Он компенсирует фонетические отклонения от нормы, которые невозможно передать в русском переводе, при помощи лексических средств, так как применение русских фонетических средств в большинстве случаев вызвало бы комический эффект: *Nah then, Freddy: look wh`y`gowin, deah.* – Куда прешь, Фредди! Возьми глаза в руки!, *Eed now bettern to spawl a pore gel's flahrzn than ran awy athahnt pyin.* Will ye–oo ru me f`them? – Раскидал у бедной девушки все цветы и смылся, как миленький! Теперь вы платите, мамаша!

Но в некоторых случаях, где это оправдано и возможно, переводчик всё же прибегает к фонетической компенсации подобных явлений: *Commercial principles, Eliza.* *Like s'yolin voylets, isn't it?* – Ну, это торгашеский принцип, Элиза. Всё равно, что фиалочки придавать.

Грамматические отклонения от нормы также компенсируются с помощью грамматических средств: *I'm nothing to you – not so much as them slippers* – Я для вас ничто, хуже вот этих туфель.

При переводе произведения Э. Хемингуэя "Прощай оружие" переводчик несколько раз прибегает к дискриптивному переводу, стремясь сохранить особенность речи героев произведения: *Evviva l`esercito!* – *Evviva l`esercito!* (Да здравствует, армия!), *A basso gli ufficiali!* – *A basso gli ufficiali!* (Долой офицеров!).

Понятие "описательный" или "дискриптивный" перевод рассматривал В.Н. Комиссаров в связи с переводом безэквивалентной лексики. По его мнению, описательный перевод раскрывает значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания в виде сноски внизу страницы или в виде двух/трех-словного словосочетания в тексте перевода.

В некоторых случаях переводчик отказывается передавать в переводе элементы отклонений от литературной нормы. Так Р. Райт-Ковалева эмоционально-окрашенного предложения *What the hellya reading* из произведения Дж. Сэлинджера "Над пропастью во ржи" переводит нейтральным "Что ты читаешь?". Подобные неточности в переводе могли быть обусловлены наличием

строгих цензурных ограничений во время опубликования русского перевода. В советской литературе шестидесятих годов обильное использование вульгаризмов и бранных слов не допускалось, что и заставило переводчика заменять сленговые выражения нейтральными.

Другим ярким примером отказа от перевода является пример, отобранный нами из произведения Э. Хемингуэя "Прощай оружие": *Tobogganing, ha said, requires a special piste.* – Для катания на тобоггане, – сказал он, – требуется специальная piste.

С целью сохранить особенность речи героя переводчик решает не переводить единицу иностранного языка.

Нами также было выявлено примеры перевода отклонения от нормы транскрипционным и транслитерационными способами. Транскрипция – это имитация графемами переводящего языка фонемного состава единицы языка источника [7, с.37].

Очевидным примером такого рода может служить единица французского языка из произведения Э. Хемингуэя "Прощай оружие": *margaux* – марго в предложении *But let me bring a little bottle of margaux...* – Но позвольте мне захватить бутылочку марго...

Иным образом обстоит дело в случае применения приёма переводческой транслитерации, при котором графемам языка-источника при переводе подбираются соответствия среди графем переводящего языка. Иными словами, переводчик имитирует не фонемный, а графический (буквенный) состав переводимой единицы [7, с.38].

Пример применения транслитерации был найден также в произведении Э. Хемингуэя "Прощай оружие": *In Cova? – В "Кова"?* При сравнении ее фонемного состава с вариантом перевода вполне очевидна попытка передать ее графемного состава в русском языке.

В некоторых случаях переводчик применяет антонимический перевод. Рассмотрим примеры данного способа перевода: *I am a good girl, I am* – Я не какая-нибудь, я честная девушка!, *If you don't shut up...* – Замолчи...

Термин "антонимический перевод" был впервые введен лингвистами Я.И. Рецкером и А.В. Фёдоровым в их теории закономерных соответствий. Под антонимическим переводом они понимали прием, при котором происходит замена какого-либо понятия, выражаемого в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой высказывания для сохранения неизменного плана содержания, т.е. заменой утвердительного предложения отрицательным и наоборот [6, с.182].

На основании нижеприведенных данных можно сделать вывод о том, что при переводе отклонений от языковой нормы в большинстве случаев переводчик прибегает к подбору аналогов и эквивалентом. Столкнувшись с проблемой перевода отклонения от нормы, переводчик также задействует компенсацию, или же предпочитает перевести то или иное отклонение сноской. Другие способы переводы используются гораздо реже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. факультетов вузов / И.С. Алексеева – М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Беликов В.И. Социолингвистика. – РГГУ, 2001. 439 с.
3. Голикова Ж.А. Перевод с английского на русский: Учеб. Пособие / Ж. А. Голикова. – 2-е изд., испр. – М.: Новое знание, 2004. 287 с.
4. Пиввуева Ю.В., Двойнина Е.В. Пособие по теории перевода (на английском материале). – М.: Филоматис, 2004. 304 с. – (Серия "Филология")
5. Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1983. 398 с.
6. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие для студентов ин-тов и факультетов иностр. языков. – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. 304 с.
7. Фёдоров В.В. Становимся переводчиками. / Учебно-методическое пособие. Петропавловск-Камчатский. Издательство Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, 2005. 84 с.
8. Филдинг Х. Бриджит Джонс. Грани разумного. М.: Амфора, 2007. 483 с.
9. Хемингуэй Э. Прощай оружие!; Рассказы: Пер. с англ. / Прим. Б. Грибанова; Ил. О. Верейского. – М.: Правда, 1982. 352 с.
10. Шоу Б. Избранные пьесы: пер. с англ Е. Калашникова. / сост., авт. предисл. А.Г. Образцова. – М.: Просвещение, 1986. 256 с.
11. Элвин Брукс Уайт Паутина Шарлотты Аст Астрель. 48с.
12. Fielding H. Bridget Jones The edge of the reason. – Picador, 2000. – 421с.
13. Hemingway E. A farewell to arms. – Капо, 2004. 412с.
14. Salinger J.D. The catcher in the rye. Progress Publishers, 1968. – 246с.
15. Shaw G.B. Pygmalion. – Selected Plays – Moscow, 2002. 254с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ "ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ" В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGES OF "SUPERFLUOUS PEOPLE" IN RUSSIAN AND CHINESE LITERATURE

Wang Yue

Annotation

"Superfluous man" is a typical image in the Russian literature of the 19th century. In the first half of the 20th century, a number of similar characters also appeared in Chinese literature. The article gives a comparative analysis of the images of "superfluous people" in Russian and Chinese literature. It also describes the socio-cultural significance of these images for modern society and their aesthetic content.

Keywords: superfluous man; artistic image; Russian literature; Chinese literature.

Ван Юе

Пекинский педагогический университет, г. Пекин, КНР

Аннотация

"Лишний человек" – это литературный образ, характерный для русской литературы XIX века. В первой половине XX века в китайской литературе также возникает ряд подобных персонажей. В статье даётся сравнительный анализ образов "лишних людей" в русской и китайской литературах. Также описывается социально-культурное значение данных образов для современного общества и их эстетическое содержание.

Ключевые слова:

Лишний человек; художественный образ; русская литература; китайская литература.

"Лишний человек" – это художественный образ, характерный для русской литературы новой и новейшей эпохи. Примерами таких образов могут служить Онегин в романе А. С. Пушкина "Евгений Онегин", Печорин из лермонтовского "Героя нашего времени", Бельтов из произведения А. И. Герцена "Кто виноват?", Рудин И. С. Тургенева, Обломов И. А. Гончарова и многие другие. Эти герои, известные каждому российскому школьнику, являются представителями образа "лишнего человека". Литературный критик Н. А. Добролюбов отмечал, что, несмотря на существенные различия в деталях образов классических героев, их поведение в условиях окружающей среды, разный характер и темперамент, все они – это собирательный идеал русского человека, "образец коренного народа. Разнообразие этих интересов и успехи борьбы из-за них определяют дальнейшее развитие литературы" [6, с. 45].

Однако изображение "лишнего человека" характерно не только для русской литературы. В первой половине XX века в Китае появился целый ряд произведений с подобными персонажами. К ним относятся рассказ Юй Дафу "Остатки-люди", роман Ба Цзиня "Трилогия любви" (образ Чжоу Жушуй), а также произведение Ба Цзиня "Осажденная крепость" (герой – Фан Хунцзянь). "Лишними людьми" можно назвать и главных мужских персонажей, принадлежащих перу Ван Шо. Поскольку культурно-исторический фон России и Китая различен, нрав-

ственные ценности читателей, живущих в этих странах, также могут не совпадать. Соответственно, подобная дифференциация взглядов находит отражение и в искусстве, в частности, в художественной литературе.

Образ "лишнего человека" не становится исключением. В русской литературе такие персонажи – это в основном аристократы-интеллектуалы, имеющие мало общего с нижними слоями общества, далекие от народа. По большей части, они одиноки. Их цель – познать, исследовать уголки своей души, поэтому герои склонны к философствованию. Поиск смысла жизни у этих персонажей наблюдается, как правило, на протяжении всего произведения. Из-за этого их мышление приближено к аналитическому, умозаключению, с одной стороны, наполнено глубиной. Но из-за постоянных фантазий о прекрасном, несуществующем мире, в их речах больше демагогии, чем содержательности.

В китайской литературе "лишними людьми" являются персонажи из низшего общества, выходцы из мелкой буржуазии. Это интеллектуалы, знающие плюсы и минусы жизни, их мышление приближено к простонародному. Поэтому их слова и действия вполне соответствуют требованиям реального мира, что проявляется в ещё более сильном, в отличие от русских персонажей, чувстве социальной ответственности и долга. У них практически не существует оторванных от реальности философских

фантазий и абстрактных размышлений, они сталкиваются с проблемой существования и развития отдельной личности и целой нации. Каждое решение, принятое такими персонажами – это результат мучительного анализа и поисков выхода из проблемной ситуации. Поэтому, несмотря на то, что "лишние люди" в русской и китайской литературах несут одинаковую по тяжести душевную ношу, направление их мышления отличается из-за различия в их общественном положении и различной степени связанности с народом.

"Лишним людям" Китая зачастую мешают так называемые "скопления" культуры, которые уже изжили себя. Герои понимают, что причиной их душевных травм, как правило, является результат мощного столкновения старых традиций и новых социальных идейных течений. Тяжесть культурных традиций настолько велика, что не позволяет персонажам разорвать собственные внутренние пути.

Что касается образов "лишних людей" в русской литературе, то недостатки этих героев, напротив, являются следствием невозможности разрыва традиций. Русскому человеку сложно полностью освободиться от влияния прежних устоев, прочно укоренившихся в их сознании. Следствием такого подхода, в свою очередь, выступает вера в монархическую идеологию, в более ранних произведениях дают о себе знать отголоски феодально-крепостнического строя. Все это и является отражением того отдаления аристократии русского общества от народа, о котором упоминалось выше.

Художественные приемы, с помощью которых автор раскрывает характер героев, создавая образы "лишних людей" также различны в литературах Китая и России. Русские персонажи более общительны, отличительными чертами таких героев можно назвать острый аналитический ум, физическую силу, волевой дух и романтический темперамент. Герои литературных произведений Китая преимущественно закрыты, они не обладают особой романтичностью, из-за чего часто обречены на одиночество, страдание от неразрешимых внутренних противоречий и душевную боль. Таким образом, особенности характера русских "лишних людей" выражаются через социальный и межличностный конфликт; в образах китайской литературы преобладает конфликт внутрличностный, т.е. на душевном уровне.

Как полагает И.А.Герцен, существование таких персонажей необходимо, т.к. именно "лишние люди" служат ступенью, ведущей к развитию нового поколения [5, с. 52]. Эта же мысль проследживается и у Н. А. Добролюбова, который в статье "Что такое обломовщина?" замечает: "С течением времени, по мере сознательного развития общества, тип "лишнего человека" в литературе из-

менял свои формы, приобретал другое отношение к жизни, получая новое значение" [6, с. 46]. Фактически, прототипы таких героев существуют в любой эпохе, любом классе и общественном слое. Они символизируют прогресс в развитии общества, независимо от временного пласта, в котором оно существует. Такие люди обладают оригинальным мышлением. Они преподносят урок ныне живущим, показывая, к чему может привести гибельный путь, и мотивируя к новым стремлениям. Личная же сложность "лишних" персонажей в том, что они не могут найти собственное место под солнцем в своей эпохе; их ценности также не находят социального признания. И в этой трудности заложен авторами глубокий общественный и эстетический смысл. По выражению В. Г. Белинского, "юная словесность есть не иное что, как реакция старой" [1, с. 50]. Поэтому "лишние люди" на самом деле не являются таковыми, поскольку занимают важное место в литературе Китая и России.

В русскоязычных произведениях перед глазами читателя через образы "лишних людей" разворачивается целостная картина общества в период революционной борьбы аристократии, освободительное движение, направленное на духовное изменение интеллектуалов-аристократов. Такие герои занимают лидирующие места в революции, акцентируя внимание на "болезнях" той эпохи и извлекая на свет важную социальную проблему: "кто виноват?". Литературные критики XIX века полагают: "Вот нравственная жизнь вечной идеи. Проявление ее – борьба между добром и злом, любовью и эгоизмом, как в жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной. Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, а без действия нет жизни! Что представляют собою индивидуумы, то же представляет и человечество; оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается [1, с. 14]. Целью "лишних людей" является попытка подчеркнуть индивидуальность и яркость молодежи своего времени. Черты характера литературных персонажей не находят отголосков в современном им обществе, но авторы считают, что это "до поры, до времени". Поэтому, используя подобные образы, они стремятся показать недостатки самодержавия и сопутствующей ему социальной среды, демонстрируя упадок и разложение самого слоя аристократии и модели образования. В сознании героев идет борьба с "бесцветной", обыденной жизнью, часто безнадежная и грозящая изгнанием за протест. В страданиях и отчаянии они ищут духовный очаг, скрытый смысл жизни, гонятся за истиной. Можно сказать, что русские персонажи являются воплощением чувства исторической миссии передовых интеллектуалов и всеобщего смысла опережения времени.

Китайская литература показывает "лишних людей" как заложников "болезненной" культуры, которые не мо-

гут вести "здоровую" жизнь. В своем стремлении найти выход из сложных ситуаций они, как правило, не достигают успеха. На пути у персонажей китайских романов постоянно возникают препятствия, объективного или субъективного характера. В итоге, герои приходят к пустому, гибельному существованию. Их внутренний мир не находит понимания в окружающем мире и потому боль их души показательна для развития следующих поколений. Образы "лишних людей" отражают не только влияние, которое оказывает общество на их характер, но и дают ключ для дальнейших открытий интеллигенции современного Китая, стоящей на пороге новой эпохи.

Итак, при всех различиях в изображении "лишнего человека" в русской и китайской литературах, этот образ имеет и множество похожих черт. В России понятие "лишний" или "маленький" человек зародилось еще в начале XIX века. В Китае – лет на 100 позже, но отражали они одно: образ интеллектуала периода общественных переворотов, а также период смены старого на новое и всплеск идейных течений. Согласно эпохе, в России эти образы "пробудили" большую часть аристократического общества, послужили отправной точкой в создании прогрессивного сознания. Западная культура Нового времени сделала, по сути, то же самое, но люди все еще не отошли от пережитков прошлого и продолжали жить по старым традициям. Роман И. А. Герцена "Кто виноват" был написан в 40-х годах XIX столетия, в котором главным героем является Бельтов – молодой аристократ, выросший в условиях переворота. Он образован, умен, обладает стремлением и отвагой вырваться из прогнившей среды аристократии, но не может найти своё место в жизни общества. В результате он становится ненужным своим современникам, "лишним человеком" и не может построить свое счастье.

Для Китая начало XX века было непростым. Культурный конфликт страны Поднебесья с западными державами вносил кардинальные изменения в прежние устои, из-за чего в народе происходила переоценка ценностей. Важным событием в культурной истории страны стало движение, получившее название "4-е мая". Оно разожгло революционную страсть в сердцах людей, а в литературе зародился образ "лишних людей Китая". К таким относится, например, самобытная группа интеллектуалов полукOLONиального и полуфеодального китайского общества 30–40-х годов XX века из романа Цянь Чжуншунь "Осажденная крепость". Главным героем романа является Фан Фунцзянь, воспитанный в традиционной китайской культуре и в то же время испытывавший на себе влияние культуры Запада. В период мощного столкновения культур Китая и западных стран, а также смены старого социального строя на новый он превратился в "лишнего человека", не знающего, какой позиции лучше следовать. Получается, что и в Китае, и в России "лиш-

ние люди" – это, своего рода, "великаны идеологии и карлики действий", которые не в состоянии изменить социальную реальность.

Еще одно сходство персонажей китайской и русской литератур заключается в том, что и те, и другие обладают какими-то ожиданиями, определенными стремлениями в работе и в личной жизни. Их трагедия содержится в несоответствии этих ожиданий реальной жизни, они не могут найти своё место в ней. К тому же, слабости характера не позволяют персонажам преуспеть в каком-либо деле, и потому герои проживают жизнь впустую, не имея возможности стать полноценной частью современного общества. Им свойственны как внутренний, так и внешний конфликты. Духовные и телесные, интеллектуальные и эмоциональные противоречия обрекают их на глубокое раскаяние и жесткий самоанализ, они впадают в тоску, которая имеет трагическую окраску. Так, Евгению Онегину, рождённому аристократом, не нужно было беспокоиться о пропитании, и если бы не наличие духовных потребностей, то в его жизни могло бы быть счастье. Но сугубо животное существование пушкинскому герою чуждо. Онегин хочет избавиться от светского пафоса, условностей и "внешнего блеска", но не может, т.к. это – часть общества, в котором он вращается постоянно. Понимая это, персонаж страдает от невозможности что-либо изменить, и в этом заключается его трагедия.

В китайской литературе похожим можно назвать образ персонажа из романа "Семья" Ба Цзиня. Гао Цзюесинь – главный герой произведения. Писатель создает ряд героев с яркими характерными чертами. Гао Цзюесинь является образцовым, потому что четко осознает трагедию своей судьбы. Однако воплощение его смелых мыслей так и не происходит. Гао Цзюесинь недоволен самоуправством отца Гао и ещё более недоволен тёмным обществом, и в то же время он не может слиться с народной массой, поэтому чувствует себя одиноким. Герой падает духом, не знает, где найти идеал счастья, в итоге трагедия становится неизбежной.

Герценовский Бельтов, в отличие от предыдущего персонажа, перепробовал многое: он служил секретарём, изучал медицину, учился рисовать – но это всё не могло пробудить в нём интереса. За десять лет он объездил Европу, но не смог добиться планируемых результатов. Фан Хунцзянь 4 года учился, но так и не получил диплом. Вернувшись на Родину, персонаж китайской литературы не пререстанно менял работу и из-за этого не нашел счастья в любви. "Лишние люди" терпят поражение в погоне за прекрасным и, как следствие, страдают душевно. Их вечное желание найти себя вызывают сочувствие и отклик читателей по всему миру. В этом и заключается истинная трагедия и вместе с тем миссия образов "лишних людей".

Закончим словами В. Г. Белинского: "Каждый народ, вследствие непреложного закона провидения, должен выражать свою жизнь одну какую-нибудь сторону

жизни целого человечества; в противном случае, этот народ не живет, а только прозябает, и его существование ни к чему не служит" [1, с. 17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский, В. Г. Избранные философские сочинения [Текст] / В. Г. Белинский. – М., 1941. – 591 с.
2. Берковский, И. Я. О мировом значении русской литературы [Текст] / И. Я. Берковский. – Л., 1975. – 184 с.
3. Бушмин, А. С. Преемственность в развитии литературы [Текст] / А. С. Бушмин. – Л., 1975. – 224 с.
4. Виноградов, И. И. По живому следу: духовные искания русской классики [Текст] / И. И. Виноградов // Литературно-критические статьи. – М., 1987. – 672 с.
5. Герцен, А. И. Кто виноват? [Текст] / А. И. Герцен. – М. : 1С-Паблишинг, 2007. – 108 с.
6. Добролюбов, Н. А. Избранное. Статьи "Луч света в темном царстве", "Что такое обломовщина?" и др. [Текст] / Н. А. Добролюбов. – Саранск, Мордовское книжное издательство, 1974. – 174 с.
7. Добролюбов, Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы. "Очерк истории русской поэзии" А. Милюкова [Текст] / Н. А. Добролюбов. – Изд-е 2-е, доп. – СПб., 1858. – 90 стр.
8. Красовский, В. Е. История русской литературы XIX века [Текст] / В. Е. Красовский. – М. : Олма-Пресс, 2001. – С. 43–46.
9. Скафтымов, А. П. Нравственные искания русских писателей [Текст] / А. П. Скафтымов. – М., 1972. – 544 с.

© Ван Юе, (yr20092011@163.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Пекинский педагогический университет, г. Пекин, КНР

"КРУГ ЧТЕНИЯ" ГАЛИНЫ КУЗНЕЦОВОЙ КАК ИМПУЛЬС К ТВОРЧЕСКОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

GALINA KUZNETSOVA'S "SPHERE OF READING" AS AN IMPETUS TO CREATIVE SELF-DETERMINATION

Wang Yin
M. Mikhailova

Annotation

The article reveals the importance of literary sources for the writing maturation of the writer, specifically analyzes "high patterns" of dairies as an impetus to create a diary about a writer (what could the author of "Grasse diary" rely on, when the protagonist of the book is I.A. Bunin). The moments of G.N. Kuznetsova's study with the writers—contemporaries (both Russian and French, even origin English) are recorded. The conclusion about the aesthetic principles is drawn, which becomes a support for her in the "school" of writing skills.

Keywords: I.A. Bunin, G.N. Kuznetsova, reading, French writers, Russian literature, dairy, writing impetus.

Ван Инь

Аспирант,

МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна

Д. филол. н., профессор,

МГУ им. М.В. Ломоносова

Аннотация

В статье раскрывается значение обращения к книжным источникам для творческого созревания Г.Н. Кузнецовой. Конкретно анализируются "высокие образцы" ведения дневников как импульс к созданию дневника о писателе, т.е. расшифровывается, на что могла опираться автор "Грасского дневника", в котором главным действующим лицом является И.А. Бунин. Зафиксированы моменты "учебы" Г.Н. Кузнецовой у писателей—современников (как русского, так французского и английского происхождения). Сделан вывод об эстетических принципах, которые становятся для нее опорой в "школе" писательского мастерства.

Ключевые слова:

И.А. Бунин, Г.Н. Кузнецова, чтение, французские писатели, русская литература, дневник, творческий импульс.

Интерес современной гуманитарной науки к эго-документам на протяжении последних десятилетий не ослабевает. "Эго-документ" – обобщающее именование таких документальных жанров, как дневники, записные книжки, письма, автобиографии, заметки, воспоминания и мемуары. "Грасский дневник" Галины Кузнецовой, как и некоторые другие материалы [7;8], на протяжении многих десятилетий рассматривался учеными исключительно как хроника "грасского" периода жизни и творчества И.А. Бунина, а также бытовой и интеллектуальной жизни парижской ветви русской эмиграции конца 1920-х – начала 1930-х годов. Заметим, что "Грасский дневник" активно использовался буниноведами в чисто утилитарном плане: как источник биографических и фактографических сведений [5;6]. По справедливому замечанию Ю.Л. Троицкого, личные дневники содержат несколько тематических линий: 1) фиксация и описание "внешних" событий, свидетелем которых был автор дневника: встречи, разговоры, споры, впечатления от путешествий; 2) описание так называемых "внутренних" событий: мысли, идеи, мечтания, душевные состояния и переживания; 3) обращения автора дневника к самому себе с целью самоизменения, само-совершенствования [4, 16]. Так вот, учитывая, что "фиксирование внешних событий превращает личный днев-

ник в важный источник для реконструкции тех или иных исторических явлений, свидетелем которых стал автор" [4, 17]. Буниноведы обращались только к "первой" из обозначенных линий. Нас же в данной статье будет прежде всего интересовать "третья линия", дающая представление о том, как вызревало в авторе желание творить. Но для этого важно "восстановить" и "личностную сущность ведущего дневник, заглянуть в его ментальный мир и реконструировать его самоощущения" [4, 17], что также будет сделано в настоящей работе. При этом избран особый ракурс – учет тех импульсов, которые автор получал от прочитанного. Это помогает развить тезис О.Р. Демидовой, утверждающей, что дневник Кузнецовой "при внимательном и непредубежденном чтении <...> предстаёт как история становления человеческой и творческой индивидуальности автора <...>, как хроника нелёгкого процесса обретения себя и обретения своего места в мире..." [2, 2]. В этой связи как неоспоримы мы принимаем посыл О.Г. Егорова, считающего, что "дневник – не произведение искусства в том смысле, что в нём менее всего "искусственного". Дневники не сочиняются, они ведутся. В них читатель не имеет дело с посредниками, а имеет дело с самой личностью автора. Дневник не отражает образ человека – он часть его самого" [1,3].

Мысль о ведении дневника посещала Кузнецову и прежде. Имеются сведения, что во время своего пребывания в Константинополе она вела дневник (местонахождение и сохранность неизвестны), записи которого впоследствии помогли ей воссоздавать канву своего "бегства" с родины при написании художественных произведений. Показательно, что вести записи в Грассе она начинает вести спустя три недели после приезда. Первая запись датируется 19 мая 1927 г. Совершенно очевидно, что Кузнецова приехала в первую очередь учиться у И.А. Бунина писать (следует напомнить, что и "до Бунина" Кузнецова уже публиковала стихотворения и рассказы в эмигрантской печати, но уже лет пять ходила в так называемых "начинающих авторах"), а не "записывать" факты, касающиеся жизни мэтра. Поэтому буквально первая же фраза "Грасского дневника" – это выраженное сожаление: "Написала всего два стихотворения, прозы же никакой". Кузнецова надеется на то, что природа южной Франции будет способствовать стабильному вдохновению, но, видимо, этого не происходит: "Всё хожу, смотрю вокруг, обещаю себе насладиться красотой окружающего как можно полнее, потом работать, писать, но даже насладиться до конца не удается. Пустынные сады, террасами лежащие вокруг нашей виллы, меня манят большей частью платонически" [2, 28]. Зато совсем "не платонически" воспринимаются ею книги, которые она постоянно читает, выбирая их по большей части по рекомендации Бунина и его друзей, но иногда явно руководствуясь и собственным выбором. И показательно, что и природа воспринимается ею через книгу: когда она смотрит на "дикие Моря" (горы – В.И., М.М.), память услужливо подсказывает: "в которых скитался Мопассан" [2, 28].

Кузнецова умеет подпитываться прочитанным: чтение и книги её вдохновляют. На страницах "Грасского дневника" присутствует немало суждений и замечаний по поводу прочитанных произведений классической и современной литературы. Это и Пушкин, Достоевский, А.Н.Толстой, Набоков (Сирин). А среди зарубежных – Марк Аврелий, Э.Золя, О.Хаксли (в написании того времени Гёксли), О.Мирбо, П.Луис и др. Она даже удивляется, как прочитанное может кого-то не волновать. Узнав, например, что французский писатель Пьер Лоти, "по собственному его признанию", "целыми годами не брал книги в руки", Кузнецова с изумлением восклицает: "Как же он писал?". Она приводит слова В.Н. Муромцевой о том, что у Лоти "была такая древняя культура в крови", что "внешняя ему уже была почти не нужна". Ее реплика на это суждение выдает внутреннее несогласие: "Все это хорошо, но все же..." [2, 66]. Т.е. для нее мир окружающий и мир книжный – равноценны, импульсы, идущие от книг, и наблюдаемое вовне одинаково важно. Кстати, имя Лоти неоднократно будет всплывать на страницах дневника: Иван Алексеевич в 1932 вслух будет читать его роман "Три дамы из Казбы" на французском языке и

тут же его переводить, причем, по замечанию Кузнецовой, "хорошо" (русский перевод этого романа звучал как "Три дамы из Казбаха" и был помещен в восьмом томе дореволюционного собрания сочинений Пьера Лоти в 12 томах, 1910–1911). Это чтение рождает у Кузнецовой желание "перечитать всего Лоти", и начинается она с "Исландского рыбака", замечая попутно: "<...> как все это просто и вместе с тем здорово, прелестно" [2, 278]. Её восхищает "простота" описания. К тому же она будет стремиться в своих произведениях, уходя от сюжетности и занимательности, сосредотачиваясь на бытовом и житейском. И это очевидно корреспондирует с оценкой Бунина, которая вырвалась у него при чтении "Размышлений" Марка Аврелия: "Но какая простота, благородство, и как это возвышает!" [2, 291]. Говоря о "простоте" и "благородстве", он имеет в виду запечатление "трещинок на хлебе", "нахмуренного чела льва", "колосьев и пены на лыках кабана" [2, 298].

У Кузнецовой довольно быстро вызревает решение воспользоваться возможностью, которую предоставляла ей судьба: наблюдать за выдающимся человеком не издали, а находясь вблизи, постигая его во всех проявлениях: житейских, бытовых, возвышенных, в различных состояниях духа, душевных движениях и пр. В связи с этим такое большое значение приобретают для нее дневники и мемуары и, конечно, те произведения, в которых так или иначе отражается взгляд на писателя со стороны. К таким можно отнести роман французского писателя Г. Норманди (G. Normandy) "Конец Мопассана" (La fin de Maupassant. Paris, 1927), который произвел огромное впечатление и на Бунина (он даже создал некий параллельный текст к этому произведению и даже назвал его так же, словно "вышил" по существующей канве свой узор). Кузнецова догадывается, что могло так заинтересовать русского писателя, который с юных лет задумывался о финале жизни. Эта хорошо знакомая ей особенность "передается" и ей – недаром и в ее художественных произведениях вечная тема завершения жизненного пути звучит особенно остро. Интерес ее к теме смерти подтверждается следующей записью: "В корзинке с книгами нашла Книгу о смерти Андреевского и читала её эти два дня". Причем важно, что книгу она читает после Бунина. Видит подчеркнутые его рукой места и утверждает в мысли, что "книга замечательная и местами написана с силой первоклассной" [2, 157].

Что же касается запечатления облика писателя, то можно предположить, какое значение имела для нее реплика Бунина по поводу "воспроизведения" образа Анатоля Франса в книге Поля Морана "Париж–Томбукту". Бунин осудил "мелочность" подхода автора к изображению великого человека: "И это всё, что он мог сказать об Анатоле Франсе? И зачем он вообще пишет о таких пустяках?" Она понимает, что и ей в своем дневнике следует избегать такого подхода, в устах Бунина обозначен-

ного, как "микроскоп и искусственность..." [2, 106, 107]. Думается, что значительно более полезным для нее оказывается знакомство с записями секретаря А.Франса Ж.Ж. Бруссоном, составившими его книгу "Anatole France en pantoufles" (Paris, 1923), переведенную в 1925 г. на русский язык как "Анатоль Франс в туфлях и халате". Возможно, неслучайно эту книгу читает ей и Верре Николаевне Бунин вслух. Вероятнее всего, ему импонирует сочетание доверительности, интимности и уважительности, которое определяет интонацию повествования. Недаром Кузнецова замечает: "Конец слушали с особым интересом. И.А. охрип, у меня горели щеки", – и с огорчением констатирует: "<...> ни один критик не заметил главного – талантливости книги" [2, 69]. Думается, что это и мнение самого Бунина, читавшего книгу вслух, подолгу, до хрипоты...Кузнецова знакомится и с другими биографиями писателей. Во всяком случае, как следует из записи от 6 октября 1931 года, она читала книгу А. Моруа о Байроне.

Очень выразительно в этом отношении упоминание о чтении книги Шестова: "Читаю Шестова. Много говорю о нём с И. А." [2, 127]. Предположительно это было философское сочинение "На весах Иова (Странствие по душам)", которое буквально захватывает ее, что подтверждается записью: "<...> сколько времени и как я живу его [Шестова. – В.И., М.М.] книгой!" [2, 129]. Она даже рассказывает Бунину одну из легенд о "зрячем ангеле", изложенную автором, которую писатель хочет включить в свой роман. Но если легенду она воспроизводит на страницах дневника в пересказе, то одну фразу записывает точно. И, видимо, она становится той путеводной нитью, которой Кузнецова руководствуется при ведении своего дневника. Вот эта фраза: "Порфирий, биограф и ученик Плотина, озабоченный – как и все биографы и преданные ученики, больше всего тем, чтоб обеспечить своему учителю благоговейное удивление потомства..." [2, 129–130]. Из этой фразы становится понятно, что она решает для себя быть тем "преданным учеником", который сохранит для потомства восхищение, внушенное ему учителем. Она с честью выполнила поставленную задачу. Но чувствуется еле заметная ирония в фиксации именно этой фразы, из чего можно заключить, что избранная роль и соответствующая этой роли модель поведения ей не по душе. На страницах "Дневника" будет заметно, как она пытается от этой роли освободиться. Но реальная свобода будет осуществлена не в творческом воплощении, а в жизни...

Знаменательно, что спустя всего 5 месяцев после приезда Кузнецова начинает читать "Жизнь Гете" (комментатор издания дневника предполагает, что это был двухтомник А.Бельшовского "Гете, его жизнь и произведения" в двух томах, вышедших соответственно в 1898 и 1908 гг.; но вполне возможно, что это была и какое-то другое биографическое сочинение), что подтверждает

наше предположение, что ей требуются образцы. Она дает прочитанному такую характеристику: "Какое здоровье природы! Мимо, мимо всего, все чувствуя, но не погибая от своих чувств, не растекаясь в напрасных сетованиях на судьбу, любя жизнь, беспрестанно возобновляясь, любя искусство, свою молодость, расцветая опять и опять!..." [2, 68]. В этом восхищении Гете, а она прямо и указывает на свое восхищение, чувствуется неявно выраженный упрек к тем, кто иначе воспринимает жизнь. К себе? К Бунину? Вполне можно допустить, что она уже начала понимать бунинский характер, в котором много есть от упоения и страстного наслаждения жизнью, но в сочетании с готовностью впасть в отчаяние при виде уходящей молодости, ощущая нелады со здоровьем и т.п. [она считает, что "у него ведь все от внушения" [2, 94] Однако и ей самой тоже свойственно раскисать и падать духом, хотя она сама и борется с этим свойством своего характера. Т.е. буквально каждое прочитанное произведение "примеряется" ею на себя и свое окружение.

В основном это происходит, когда она задумывается о своем творчестве, о своих способностях и начинает сомневаться, готова ли посвятить тяжелому писательскому труду свою жизнь. Чтобы понимать, что составляет суть существования писателя, она берется за книгу о жизни Альфреда де Виньи (конечно,) и неожиданно открывает для себя, что "в каждой из таких [писательских. – В.И., М.М.] душ есть одинаковые черты. Весьма знакомые и мне" [2, 81]. Обращение дневникам и письмам английской писательницы Кэтрин Мэнсфилд (Бунин по ее просьбе привез книгу, изданную в 1927 на английском языке, из Канн), можно считать, по-своему, симптоматичным. Она с предельной пристальностью в их строки, ища у нее аналогичных своим сомнений, обнаруживая "те же симптомы общей писательской болезни": стремление к одиночеству, с одной стороны, и "тягость одиночества", с другой. И вот итог, который она делает в процессе этого чтения: нужно "заниматься прежде всего воспитанием себя, себя, себя" [2, 289], не отвлекаясь даже на творчество. Кузнецову, конечно, привлекают в первую очередь женские мемуары и дневники. Ей важно уловить "женский взгляд" на события. По поводу мемуаров дочери Тютчева она замечает: "Как написана смерть Николая I-ого! Страшно делается" [2, 127]. Т.е. ее потрясает мастерство изобразительности, на которую способна женщина.

Вообще попадание той или иной книги в руки воспринимается Кузнецовой почти мистически. Вот что, например, она пишет об "Испанских письмах" Ж. Лакретеля, вышедших в свет в 1926 г.: "Замечательно, как люди, мучимые какой-либо тайной болью, нападают на книги, в которых говорится как раз об их боли" [2, 94]. Самораскрытие своих переживаний происходит, как видим, опосредованно, через характеристику книги. Следовательно

но, и "набрела" она на творчество Лакретеля неслучайно. Вот как о нем написано в "Литературной энциклопедии": "Ставя в большинстве своих произведений проблему столкновения личности-одиночки с обществом, он ищет ее разрешения на пути отказа от активной социальной практики. Стремясь уйти от действенной социальной борьбы, Л. культивирует в своих произведениях мотивы эротически окрашенного самосозерцания и самопознания, характерные для утонченного психологизма" [3, 37]. Наверное, и ей в это время близка позиция отрешенности и уединения, что помогает "самосозерцанию и самопознанию". Об этом писателе много говорилось в литературных кругах, и направление его творческих устремлений не могло не импонировать Кузнецовой. А постоянно ощущаемая Кузнецовой "боль" обусловлена и ее довольно-таки ложным положением в доме Буниных, и не до конца определившейся жизненной целью. Ведь, как известно, она все же в итоге отказывается от удачно складывающегося писательского поприща и уходит в "никуда". Но пока она живет в семье Буниных, ее, естественно, мучает создавшаяся ситуация: необходимость выстраивать сложную линию поведения с Верой Николаевной, принимать на себя, хотя бы частично, обязанности хозяйки дома. Поэтому и в книгах она ищет отзвук сложившихся обстоятельств. Показательна следующая запись: "Прочла залпом "Воспоминания" Ал. Толстой (Воспоминания дочери Л. Н. Толстого Александры Львовны опубликовались в журнале "Современные записки" в 1931 (№ 45. С. 5–54, № 46. С. 138–159, № 47, С. 182–223)). Ужасно тяжело стало! Жизнь так трудна. И вот и в этих записках, замечательно просто и смело написанных, видна эта мука и тяжесть целой семьи, такой неладной и несходной между собой" [2, 232]. Не менее важным становится для нее и чтение книги Полнера "Толстой и его жена. История одной любви" (1928). Не надеется ли она найти в ней разгадку бунинского отношения в Вере Николаевне и себе? Останавливает внимание записанная фраза: "Ей [Софье Андреевне. – В.И., М.М.] тоже [курсив наш. – В.И., М.М.] было тяжело <...>" [2, 98]. Так и напрашивается продолжение этой фразы: тоже тяжело, как и мне... Вчитывается она и в книгу "Живой Толстой". И все это на фоне беспрестанных разговоров о Лье Николаевиче, которые ведутся в Грассе: "Толстой неизменно живет с нами в наших беседах, в нашей обычной жизни" [2, 91], – и писания Буниным статьи о писателе для газеты "Последние новости". Как видим, традиционным в Грассе было "совместное чтение" с последующим обменом мнениями. "Гиппиус дала мне прочесть рассказ Сологуба "Жало смерти", с тем чтобы показать его значительность и пронзительность. Рассказ этот мы читали вслух вечером" [2, 142]; "За завтраком говорили о Толстом, Достоевском, К. Леонтьеве и Ходасевиче, о прозе Пушкина" [2, 233].

Не менее важным, чем чтение автодокументальной прозы, становится для нее и чтение беллетристики. При

выборе книг она ориентировалась, как уже говорилось, в первую очередь на художественные интересы и литературные предпочтения И.А. Бунина, прислушивалась к его рекомендациям, но что-то брала и для собственной "учебы". Так, из "Песен Билитис" П. Луиса она хочет перенять форму, которая "допускает большую свободу, чем стихотворения" [2, 81], а перечитывая "Красную лилию" А. Франса следит за "нитками, которыми автор вязал фабулу" [2, 158]. Много дало Кузнецовой чтение Пруста. Вот наиболее характерные дневниковые записи: "Совершенно погрузилась в Пруста" [2, 130]. Чуть позже почти дословный повтор: "Вчера И. А. весь день писал, а я читала в саду Пруста. Совершенно погрузилась в это чтение" [2, 135]. Пруст оказывается для нее настолько важен, что она начинает его переводить, хотя и недоумевает по этому поводу: "<...> зачем я это делаю?" И сама же отвечает себе: "Чтобы заставить прочесть это и И.А., и поговорить с ним об этом, и чтобы это стало отчасти и "моим, пропущенным через меня"" [2, 134]. И сразу же после этого умозаключения она переходит к размышлению о собственном переживании времени, которое "течет, однако, медленно, особенно в промежутки от завтрака до 4-х часов, наименее любимое мною время из всего дня из-за своего какого-то беспощадного, слишком резкого и трезвого света, от которого решительно некуда спрятаться <...>" [2, 134]. В этом пассаже сквозит явно прустовское сопряжение течения времени, освещения и эмоционального восприятия "связки" этих компонентов! Кузнецова читает книгу стихов (Вероятно, речь идет о книге "L'honneur de souffrir" (Paris: V.Grasset, 1927)) близкой к символизму Анны де Ноай (Anna de Noailles). Показательно, что книгу стихов Ноай покупает Кузнецовой Бунин, который обычно "громит" символистам: "Днём ходили с И. А. в город, и он купил мне книжечку стихов де Ноай" [2, 49]. На чем основан его выбор – неизвестно. А вот что могла знать Кузнецова об авторе: в 1897 г. Анна вышла замуж за маркиза де Ноай, их дом был центром светского и интеллектуального Парижа, она стала первой женщиной, принятой в Королевскую академию французской литературы и языка Бельгии, в 1910 г. французской академией была даже учреждена премия Анны де Ноай, а в 1921 г. она удостоилась Большой литературной премии Французской академии.

В начале своего пребывания в Грассе Кузнецова еще преисполнена амбициозных мечтаний, она еще не разочаровалась в обстановке и окружении и вполне готова примерить такое блестящее будущее на себя. И Бунин склонен вдохновлять ее на литературные подвиги. Она пока не считает Грасс заточением, а напротив, видит в нем в некотором роде место притяжения для интеллектуальной и художественной элиты русской эмиграции во Франции. А поскольку ей известно, что салон Ноай в Париже посещали П. Валери, П. Клодель, П. Лоти, Ф. Мистраль, она может сравнить этот цвет французской литературы с окружением Бунина. По крайней мере, ей мо-

жет казаться, что бунинский круг не уступает парижскому... И она, зная о судьбе этой поэтессы, надеется получить от нее заряд бодрости и некий импульс, который поможет и ей продвинуться по намеченному пути. Она так и записывает, что, хотя и не любит ее стихов, но в поэтессе "есть крупинки возбуждательного, а мне часто нужен какой-то крючок, с которого начинается писание" [2, 49].

Как видим, важную роль в формировании творческой индивидуальности Кузнецовой играют французские авторы. Автор "Грасского дневника" целенаправленно интересуется французской литературой, ведь именно во Франции происходит её формирование как литератора.

На страницах дневника отражены также факты чтения и/или обсуждения произведений самого Бунина, а также литературных, философских, научных и мемуарных произведений многих авторов. Приведём лишь некоторые примеры: "Читаю весь день "Петра I-го" Ал. Толстого. Зуров [Зуров Леонид Фёдорович (1902 – 1971) – русский прозаик, мемуарист. В ноябре 1929 г. по приглашению Бунина переехал во Францию, жил в Грассе и Париже.] говорит, что это лубок; но, по-моему, всё-таки талантливо. Чувствую тенденцию, освещение временами как будто издевательство над "заказом", но всё талантливо" [2, 156] (надо указать, что здесь заметна самостоятельность молодой писательницы в суждениях – ибо Бунин относится к "третьему" Толстому более сурово); "Пришло собрание сочинений Толстого <...>. Стала разрезать ту же хорошо знакомую мне "Анну Каренину" и опять потонула в первых же главах" [2, 232]. Здесь имеет значение не только известное ей преклонение Бунина перед Толстым, но и собственная увлеченность магией толстовской прозы. Вообще Л.Н.Толстой

занимает особое место в сознании Кузнецовой. Она перечитывает его повести о детстве и отрочестве, поскольку сама занята в это время вынашиванием замысла своего автобиографического повествования "Пролог", она читает свидетельства об его жизни, задумывается над его семейной драмой. И на фоне "приятия" Толстого нарастает отторжение от Достоевского: "Утром читала "Братьев Карамазовых". Только теперь по-настоящему понимаю Достоевского. Несет как Ниагара, утомляешься даже. Странно одно: как-то вдруг чересчур он мне стал ясен, понятна психология каждого героя, почти наверное знаю, что будет дальше, и это без враждебности говорю, а просто – знаю" [2, 238]. И вряд ли здесь сыграло свою роль неприятие Достоевского Буниным. Перед нами вполне зрелый и самостоятельный отзыв.

Таким образом, сквозной темой "Грасского дневника" можно считать творчество, ученичество и поиск своего личностного и творческого "я". Несмотря на то, что Бунин является главным персонажем дневниковых записей, нам представляется, что одновременно с этим не столько главным, сколько немаловажным связующим звеном дневникового повествования является динамичный образ его автора – Галины Кузнецовой. В динамике повествования угадывается становление ее личностных, литературных и творческих интересов и вкуса. Раскрывается, в конце концов, Галина Кузнецова как творческая личность – ведь все описываемые события, встречи, портреты и штрихи к портретам современников даются ею сквозь призму собственных переживаний и впечатлений, через описания состояний природы. А круг чтения и споры вокруг прочитанного становятся важным элементом мировоззрения и художественного постижения автором мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров О.Г. Дневники русских писателей XIX века. История и теория жанра. Исследование. – М.: Флинта: Наука, 2002
2. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. – СПб.: Изд. дом "Мир", 2009.
3. Литературная энциклопедия. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР, 1932.
4. Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Изд-во "АсПУр", 2014
5. Бабореко А.К. И.А. Бунин. Материалы для биографии. – М.: Худож. лит., 1967;
6. Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. Изд. 2-е. – М.: Молодая гвардия, 2009.
7. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст. и примеч. А.К. Бабореко. – М.: Вагриус, 2007;
8. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. – Frankfurt am Main: Посев, 1977–1982.

ВОПРОС О СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОГОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII-XIX вв.

THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF PREPOSITIONS IN RUSSIAN LANGUAGE IN THE XVIII-XIX CENTURIES

Gong Jingsong

Annotation

Structural features of prepositions in the works of Russian linguists in the XVIII-XIX centuries are established proceeding from the presence or absence of the word-formation relationship with this or that significant part of speech in Russian language for this type of function words, therefore, they are considered in connection with their etymology. In prerevolutionary linguistics was convincingly proved that the primitive prepositions in the Russian language, as a rule, are not word-formally related to the significant parts of speech, while the derived prepositions are formed from the significant parts of speech, in particular from adverbs, and which are viewed as the result of the phraseologization of the significant parts of speech. The article deals with the structural typology of prepositions in Russian language, presented in the scientific studies of the main Russian linguists in 18th and 19th centuries, and their word-forming and structural principles for the classification of considered linguistic units are illuminated.

Keywords: prepositions, direct prepositions, prepositions-adverbs, separate simple prepositions, separate complex prepositions, fused ancient prepositions, gerundive.

Гун Цзинсун

Московский педагогический
государственный университет

Аннотация

В трудах русских лингвистов XVIII-XIX вв. структурные особенности предлогов устанавливаются исходя из наличия или отсутствия у данного типа служебных слов словообразовательной связи с той или иной знаменательной частью речи русского языка и, следовательно, рассматриваются в связи с их этимологией. В дореволюционном языкознании было убедительно доказано, что первообразные предлоги в русском языке, как правило, словообразовательно не связаны со знаменательными частями речи, между тем как производные предлоги образованы от знаменательных частей речи, в частности от наречий, и рассматриваются как результат фразеологизации данных частей речи. В статье рассмотрена структурная типология предлогов в русском языке, представленная в научных исследованиях основных русских языковедов XVIII-XIX вв., и освещены их словообразовательный и структурный принципы классификации рассматриваемых языковых единиц.

Ключевые слова:

Предлоги, прямые предлоги, предлоги-наречия, отдельные простые предлоги, отдельные сложные предлоги, слитные древнейшие предлоги, деепричастие.

Морфологический состав предлогов весьма многообразен и сложен в связи с активным пополнением данной части речи, в основном, за счет наречий, имён существительных и деепричастий, при этом по мере образования новых видов предлогов постепенно обновляется и общий морфологический облик этой категории, поэтому для выявления ключевых факторов, определивших эти существенные изменения, необходимо обратиться к системному изучению прошлого состояния данного класса слов в русском языке.

Обратимся к истории изучения предлогов в структурном аспекте.

В Российской грамматике М.В. Ломоносова (1755 г.) на основании наличия или отсутствия словообразовательной связи с той или иной частью речи выделены две группы предлогов.

В первую группу попали так называемые "прямые предлоги" (т.е. "первообразные предлоги", согласно современному учебникам и академическим грамматикам), которые этимологически не связаны с другими частями речи и при этом способны либо раздельно употребляться с постпозитивным компонентом, либо сливаться с глаголом или производным от него словом в одно слово (отметим, что Ломоносов не разграничивает приставки и предлоги) Например: *выйду из дома/избываю; отпра-виться на море/нахожу в библиотеке*. Таких предлогов у Ломоносова насчитывается всего 24, к этой группе относятся *во/в, вы, воз, для, до, за, из, ко/к, меж, на, над, низ, о/об, от, по, под, пре, пред, при, про, ради, раз, со/с, у*.

Любопытно, что языковые единицы, рассматриваемые в современной грамматике русского языка как приставки, М.В. Ломоносов подвёл под класс предлогов. Вероятно, это обусловлено их препозитивным характером, свойственным и самим предлогам. Например: *воз, вы, на,*

низ, за, о/об, от, по, из, под, пре, над, у, пред, при, про, с/со и раз.

*Ср. На улице/начитаться; у парка/ уехать
По тексту/поход; под крышей/Подмосковье*

Ко второй группе Ломоносов отнёс так называемые "предлоги-наречия" (предложные наречия), за которыми закрепилась возможность употребления и с падежом, и в отдельности от последнего. Таковы единицы "прежде, внутри, вне, близко, против, около, подле (внизу), через, сквозь, после, кроме и мимо дела".

По мнению Ломоносова, конкретизация функции этих грамматических единиц происходит исключительно на синтаксическом уровне: в сочетании с падежной формой имени они фигурируют в качестве предлогов, а при употреблении вне сочетания с формой падежа слова данного класса приобретают функцию наречия. Например: *приехать после обеда / приехать после (в значении "позднее"); находиться внутри / находиться внутри автомобиля; Проехать мимо большого театра / не проходите мимо* [1].

А.М. Пешковский в своём научном труде "Русский синтаксис в научном освещении" отметил: "Предлоги очень часто происходят от наречий. Предлог кроме, например, в древнерусском языке мог быть и предлогом (Лежать кроме ограды монастырской, тяжко голове кроме плеч, худо телу кроме головы – из "Слова о полку Игореве") и наречием (яко упишался Деревляне, повела пойти на ня, а сама отъиде кроме, т. е. в сторону), которое само произошло, в свою очередь, из местного падежа слова *крома*=край (ср. современное уменьшительное *кромка*)" [2].

Исходя из этого А.М. Пешковский заявил, что наречия в русском языке употребляются, то как собственно наречия, то как предлоги; поскольку такие наречия ещё не успели стать собственно предлогами, их целесообразно называть "предложными наречиями".

Кроме наречий, в качестве производящей базы для образования предлогов, по мнению А.М. Пешковского, могут быть и деепричастия. В этом случае глагольное управление, которым обладало деепричастие, утрачивается; ср.: *прощаться с Машей, благодаря её за помощь / выздороветь благодаря Маше.*

А.Х. Востоков классифицирует предлоги, исходя из отдельности или слитности их написания с последующим компонентом и выделяет 1) предлоги, отдельно поставленные перед именами и местоимениями и 2) предлоги, слитно употребляемые с глаголами [Востоков: 90]. Кроме того, в качестве предлогов у А.Х. Востокова рассматриваются только слова "без, вз, в, вы, до, за, из, к, на, над, низ, о, от, па, по, под, пра, пре / перед, при, про, раз, роз,

с, у, чрез и через, от которых надо отличать наречия и другие слова (имеются в виду деепричастия и существительные в разных падежах, употребляемые в функции предлога, но не подводимые под категорию предлогов, поскольку они могут быть отделены какой-то вставкой от слов, которые за ними следуют, что несвойственно собственно предлогам). Например: *Благодаря же своей старшей сестре Тане удалось перевести сложный текст с русского языка на английский язык.* Однако нельзя сказать: *При же помощи сестры Тане удалось перевести сложный текст с русского языка на английский.*

Из приведенных примеров следует, что, в отличие от собственно предлога, т. е. первообразного, производное слово в функции предлога может быть отделено от последующего компонента предложения посредством какого-либо вставочного элемента, между тем как первообразные предлоги, в связи с высокой абстрактностью своего лексического значения, этим свойством не обладают, что и послужило для А.Х. Востокова основанием, на котором он отнёс к числу собственно предлогов только первообразные предлоги. [3]

Ф.И. Буслаев, так же как и А.Х. Востоков, подразделяет предлоги на отдельные и слитные.

"Отдельными" называются предлоги, которые, будучи поставлены перед каким-то словом (существительным или местоимением), им управляют и указывают на отношения между предметами. Таковы предлоги *без, в, для, до, из, к, на, над, о/об, от, по, под, пред, при, про, с и чрез.* Например: *без ручки, для удобства, на стадионе.* "Слитными" Ф.И. Буслаев называет такие предлоги, которые, будучи приставлены к глаголам и именам существительным, обозначают начало, конец, направление действия и так далее. Например: *выйти / выход; взлететь / взлёт.*

А.М. Буслаев предлагает различать отдельные простые предлоги типа *на, по, пре* и др. от отдельных сложных типа *на-д, по-д, пре-д* и др.; слитные древнейшие предлоги типа *па-, пра-,* сохранившиеся лишь в некоторых словах (*па-мять* и *пра-дед*) – от соответствующих им позднейших типа *по* и *пре/пере;* церковнославянскую форму предлогов *пре, пред, чрез* – от русской: *пере-, перед и чрез.*[4]

В.В. Виноградов в своей монографии "Русский язык (грамматическое учение о слове)" утверждает: "Морфологический состав предлогов очень сложен. Категория предлогов в русском языке быстро растёт за счёт главным образом наречий, имен существительных и деепричастий. Вместе с образованием новых типов предлогов меняется и общий морфологический облик этой грамматической категории" [5].

Итак, учёный выделяет пять структурных типов русс-

ких предлогов: первообразные, наречные, отыменные, отглагольные предлоги и сложные типы предложных словосочетаний.

В группу "первообразных" предлогов Виноградов включает без (безо), в (во), до, для, за, из (изо), к (ко), на, над (надо), о – об, от (ото), по, под (подо), пред (предо) – перед, при, про, с (со), у, чрез – через. Некоторые из них образуют парные предлоги, сливаясь в составные формы, например, непроизводные предлоги *по* и *над* образуют парный *по–над*, а *из* и *под* – *из–под*. По наблюдению учёного, подавляющее большинство непроизводных предлогов односложны, а их двусложность обусловлена полногласием (перед, через) или появлением так называемого "беглого" *о* (без – безо; из – изо; над – надо; об – обо; от – ото; под – подо; пред – предо).

"Наречными" В.В. Виноградов называет предлоги, которые совмещают в себе функции двух категорий – наречия и предлога. Он выделяет две разновидности наречных предлогов: 1) образованные от обстоятельственных наречий типа близ, вдоль, вне, внутри, внутрь, возле, вокруг, впереди, кругом, мимо, напротив, насупротив, около, окрест, поверх, позади, подле, впереди, после, посреди, прежде, против, поперек, сзади, сквозь, среди и др. и 2) образованные от качественных наречий типа *относительно, касательно, подобно, сообразно, соответственно, согласно, соответственно* и т.п.

"Отыменными" В.В. Виноградов называет предлоги, которые произошли непосредственно из простых форм имени существительного или из сочетаний существительного с предлогом. Все предлоги этого типа произошли из форм косвенных падежей существительного с простым предлогом: *по мере, по части, в части, по линии, насчет, наподобие, с помощью, по случаю, под видом, в пользу, в силу, ввиду, в течение, в продолжение, вследствие, по причине, при посредстве, в лице, вроде* и т.п.

Например: *Благосостояние общества повышается по мере развития науки и экономики.*

"Отглагольные" предлоги В.В.Виноградов понимает как слова, которые произошли из деепричастий, сохраняя при этом систему глагольного управления. Таковы, например, *исключая, включая, выключая, не считая (с род. п.), спустя, начиная (кем–чем или с чего, с кого), кончая (чем),* и др. Например: *Начиная с 1978–ого года Китай устанавливает дипломатические отношения с разными странами мира.*

"Сложными типами предложных словосочетаний" В.В. Виноградов называет сложные отыменные или отглагольные наречные предлоги, которые представляют собою фразеологические единства или идиоматизмы.

Они в своём большинстве составлены из формы косвенного падежа существительного (иногда с предлогом) или наречия и следующего за ними предлога или из деепричастия с предлогом. К числу таких сложно–составных предлогов следует отнести: независимо от, впредь до, в отношении к, применительно к, по отношению к, в связи с, согласно с, следом за, вслед за, по направлению к, глядя по, несмотря на, не взирая на, не говоря о и т.д. [5]

Например: *Согласно со статьёй 5 Федерального закона "О свободе совести и религиозных объединениях" каждый гражданин имеет право на получение религиозного образования по своему выбору, индивидуально или совместно с другими гражданами [НКРЯ]; Изрядное единомыслие обнаружили дизайнеры и в отношении к линиям и плоскостям [НКРЯ]; А все хозработы выполняли воспитанники, невзирая на возраст [НКРЯ].*

Таким образом, в трудах русских лингвистов 18–19 вв. структурные особенности предлогов рассматриваются в непосредственной зависимости от их происхождения. Следовательно, они определяются наличием или отсутствием у предлогов словообразовательной связи с той или иной частью речи русского языка.

Особенности их употребления связаны с функцией в тексте, обусловленной, в свою очередь, целевой установкой говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломоносов М.В. Российская грамматика. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-3892.htm>. ?Дата доступа: 30.05.2017
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
3. Востоков А.Х. Сокращённая русская грамматика. Издание второе. [в двух частях]. – СПб., 1839. ?355 с.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Издание пятое. [В 2–х частях]. ? М.: Издание братьев Салоевых, 1881. ?285 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ФРАЗООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР

Доладова Ольга Владимировна
Аспирант,

Самарский Государственный
социально-педагогический университет

SIMILARITY AND DIFFERENCE BETWEEN WORD-BUILDING AND PHRASE-BUILDING STRUCTURES

O. Doladova

Annotation

The article focuses on comparing word-building and phrase-building structures and finding out their similarity. The author shows that they are much more similar than it seemed before, that both words and phrases are characterized by idiomaticity and that they are constructed by similar or even the same patterns. The boundary between the fund of words and that of set phrases is indistinct due to indefiniteness of discrimination criteria between words and phrases, on the one hand, and words and morphemes, on the other. The units are generated by models that fall into a number of sub-models some of which are syntactic and some are word-forming. The author emphasizes the fact that even if there is no full lexicalization of an idiom, mutual attraction of its constituent words increases, which results in partial loss of the nominative function and in acquiring stability and impenetrability. The idioms are no longer phrases but not yet words. Their constituent parts are no longer words but not yet morphemes. The research is based on the English language material.

Keywords: word-building, idiom formation, generative model, the analytical structure of a language.

Аннотация

В статье сопоставляются словообразовательные и фразообразовательные структуры и демонстрируется их значительное сходство. Доказывается, что слова и фразеологизмы обладают свойством идиоматичности и образуются по сходным, а в ряде случаев по одним и тем же моделям. У английских слов и словосочетаний гораздо больше общего, чем представлялось ранее. В статье показано, что граница между корпусом слов и корпусом устойчивых словосочетаний английского языка размыта ввиду нечеткости критериев разграничения морфем и слов, с одной стороны, и слов и словосочетаний, с другой. Эти единицы порождаются по моделям, которые трудно однозначно отнести к числу слово- или фразообразовательных. Это, по существу, единые модели порождения языковых единиц; каждая из них существует в ряде субмоделей, часть которых относится к числу синтаксических, а другая часть – к числу словообразовательных. В статье отмечено, что даже если полной лексикализации не происходит, взаимное притяжение лексем-компонентов идиоматичного словосочетания под влиянием семантической целостности возрастает, что приводит к частичной утрате ими самостоятельной номинативной функции, к обретению словосочетанием устойчивости и непроницаемости. Это уже не совсем словосочетание, хотя еще не слово, а его компоненты – уже не совсем слова, хотя еще не морфемы. Исследование проведено на материале английского языка.

Ключевые слова:

Словообразование, фразообразование, генеративная модель, аналитический строй языка.

Проблемам словообразования и фразообразования в отечественной лингвистике уделялось пристальное внимание на протяжении всего XX века. При этом исследования в названных областях велись в значительной мере отдельно друг от друга, без достаточного учета общих закономерностей, характеризующих оба процесса. В соответствующих отраслях лингвистики сформировались понятийно-терминологические аппараты, которые в ряде аспектов дублировали друг друга, хотя многое в слово- и фразообразовании, особенно в языках аналитического строя, можно описать с помощью одних и тех же категорий.

В частности, в современном английском языке словообразовательные и синтаксические структуры обнаруживают сходство – прежде всего в тех словосочетаниях, в

которых слова объединены способом примыкания. Например, синтаксическая структура словосочетания *land rover* "странник" <N1 + N2> (где N – имя существительное) внешне не отличима от словообразовательной структуры сложнопроизводного слова *landrover* (R1 + R2) *er* (где R – лексический корень). Более того, совпадают и акцентные схемы этих языковых единиц ['land?rouvɛr] (сильное ударение + слабое ударение). Единственным различием остается написание (раздельное / слитное), которое нормой английского языка оставляется на усмотрение пишущего. Сходство этих единиц настолько велико, что на практике они считаются орфографическими вариантами одной и той же языковой единицы. Получается, что одна и та же единица разными вариантами принадлежит к разным уровням языковой системы. Один ее вариант – словосочетание, а другой – слово, и

притом это одна и та же единица. Каков же ее лингвистический статус? Постараемся найти ответ.

У английских слов и словосочетаний оказалось гораздо больше общего, чем представлялось ранее. Граница между корпусом слов и корпусом устойчивых словосочетаний английского языка предстала взору ученых как размытая – ввиду нечеткости критериев разграничения морфем и слов, с одной стороны, и слов и словосочетаний, с другой.

Эти единицы порождаются по моделям, которые трудно однозначно отнести к числу слово- или фразообразовательных. Это, по существу, единые модели порождения языковых единиц; каждая из этих моделей существует в нескольких субмоделях. Имеется немало переходных языковых образований.

По В.М. Савицкому [1996], генеративным началом знаковой системы является код. Код – это знаковая система, рассматриваемая в аспектах генерации текстов при порождении речи и регенерации смыслов при восприятии и понимании речи. Генеративная модель порождает речевые (неустойчивые) единицы, а языковыми они становятся на последующем этапе, когда обретают устойчивость. Получается, что как речевые, так и языковые единицы порождены с помощью одних и тех же моделей.

Поскольку код есть порождающий механизм языка, рассмотрение процессов образования языковых единиц естественным образом побуждает обратиться к понятию 'код'. Всякий код состоит из информационного компонента (набора элементарных единиц) и процедурного компонента (набора правил оперирования исходными единицами в целях создания производных единиц и текстов) [Новиков, 1989]. Упомянутые правила содержатся в генеративных моделях.

Естественной языковой код распадается на ряд субкодов – словообразовательный, фразообразовательный и др. – которые включают первичные модели, порождающие обычные речевые единицы по аддитивному принципу ("аддитивность – отношение между целым и его частями, при котором свойства целого полностью определяются свойствами частей; отношение аддитивности часто выражают формулой "целое равно сумме частей" [ФЭС 2009]), и вторичные модели, порождающие идиоматичные единицы по неаддитивному принципу (неаддитивность – отношение, при котором целое больше суммы частей). Первые представляют собой строгие, а вторые – нестрогие (эвристические) алгоритмы.

Лингвисты полагали, что все слова (за редким исключением) образуются по моделям, в то время как семантически транспонированные (переосмысленные) словосочетания, в отличие от буквальных, не моделированы во-

обще или, по крайней мере, не моделированы в аспекте порождения. Однако в конце XX века было доказано, что далеко не все слова образуются по строго-алгоритмическим моделям и что все семантически транспонированные словосочетания образуются по моделям, хотя и не строго-алгоритмическим. Оказалось, что в этом отношении одни слова подобны буквальным словосочетаниям, а другие – транспонированным словосочетаниям. Первые образуются по строгим, а вторые – по нестрогим алгоритмам порождения.

Л. Блумфилд [1968] назвал слова свободными, а морфемы – связанными формами в том смысле, что слова функционируют в речи самостоятельно, а морфемы – только в составе слов. Развивая этот взгляд, М.В. Никитин [1983] подошел к этим языковым единицам с функциональных позиций, назвав слова номинаторами смысла, способными самостоятельно активировать в сознании концепты, а морфемы – фиксаторами смысла, закрепляющими за собой концепты, но не способными самостоятельно активировать их в сознании. В общетеоретическом плане это хороший критерий их разграничения, но на практике в ряде случаев трудно определить, насколько номинативно самостоятельна та или иная языковая форма и, соответственно, является ли она словом или морфемой, а та форма, в которую она входит, – словосочетанием или словом.

В языках синтетического строя (особенно флективных) разбиению звукового потока на слова в ходе дистрибутивного анализа способствует морфологическая оформленность знаменательных слов. Ясно, что формант завершает собою слово, а далее начинается следующее слово. В случае с языками аналитического строя, где знаменательные слова беднее оформлены аффиксами и нередко являются корневыми, речевой поток изобилует единицами, имеющими неопределенный статус – то ли словосочетания, то ли сложные слова с разной степенью устойчивости. Степень их семантической целостности и цельнооформленности определяется тем, насколько общее значение отличается от "суммы значений частей".

Неполная аддитивность значений, амбивалентность акцентной структуры и двоякое написание подтверждают неопределенность статуса этих единиц и их компонентов.

Перечислим виды английских языковых единиц с неопределенным статусом.

1) Некоторые субстантивные биномы.

Сопоставим их с буквальными словосочетаниями и со словами. Так, единица bull hide "бычья шкура" имеет аддитивное значение и, значит, является словосочетанием, а ее компоненты – словами. Единица bullshit (букв. "бычий навоз", трансп. "вздор") имеет значение, резко отличающееся от буквального, и, в силу идиоматичности и происходящей из нее семантической целостности, является

словом, а ее компоненты – морфемами. Но между этими полюсами располагается немало единиц с неопределенным статусом:

- bull fight / bull-fight*
(букв. "бычий бой", трансп. "коррида")
bull ring / bull-ring
(букв. "бычий круг", трансп. "арена для корриды")
bull whip / bullwhip
(букв. "бычий кнут", трансп. "любой кнут")
bull box / bull-box
(букв. "бычий бокс", трансп. "стойло")

В этой связи Л.В. Сахарный справедливо отметил: "Синтаксичность словообразовательных процессов есть универсальное, фундаментальное свойство, определяющее их характер и типологию и, в конечном счете, структуру производных слов. Новое производное слово всегда соотносимо с синонимичным ему словосочетанием, отражающим его внутреннюю форму, и может быть интерпретировано с помощью такого словосочетания. Процесс образования такого слова естественно рассматривать как преобразование некоторого словосочетания... в слово" [Сахарный, 1977, с. 163].

2) Некоторые единицы с посессивной формой:

- crane's bill / crane's-bill*
(букв. "журавлиный клюв", трансп. "герань")
dog's nose / dog's-nose
(букв. "собачий нос", трансп. "смесь джина с пивом")
maiden's delight / maiden's-delight
(букв. "девичий восторг", трансп. "кола")

Транспонирование значения и, как следствие, появление семантической целостности привело к лексикализации этих словосочетаний, проявляющейся в переходе от раздельного к дефисному написанию и от фразовой схемы ударений к словесной. Остается неясным, как квалифицировать структуру этих сложных слов: синтаксической структуры внутри слова быть не может, а словообразовательные структуры с флексией притяжательного падежа внутри них выглядят странно. При этом у таких единиц сохранилась живая образная мотивированность, что не позволяет говорить о "замороженности" их синтаксической структуры. Вопрос о ее характере открыт.

3) Некоторые адъективно-субстантивные единицы:

- grey beard / greybeard*
(букв. "седая борода", трансп. "старик")
green light / greenlight
(букв. "зеленый свет", трансп. "благоприятствование")
red bird / redbird
(букв. "красная птица", трансп. "иволга")

В русском языке нечто подобное наблюдается в сфере единиц, которые можно трактовать как адвербиально-адъективные словосочетания или как сложные прилагательные. Так, единица многообещающий – это, несо-

мненно, сложное слово, т.к. она, в отличие от словосочетания много обещающий, означает не буквально "дающий много обещаний", а фигурально "перспективный" и, следовательно, имеет неаддитивное значение, способствующее слиянию словосочетания в сложное слово. Но единицу социально активный / социально-активный, которая в обоих вариантах имеет буквальное неаддитивное значение, можно причислить как к сочетаниям слов, так и к сложным словам, ее компоненты – как к словам, так и к морфемам, а элемент –о– можно считать как наречным окончанием, так и соединительной гласной.

4) Некоторые единицы с синтаксической внутренней структурой, переходящей в словообразовательную:

- mother of pearl / mother-of-pearl* "перламутр"
son of a bitch / sonovabitch "мерзавец"
cat o' nine tails / cat-o'-nine-tails "плетка-девятихвостка"
sop in the pan / sop-in-the-pan "гуляш"
moo and cackle/ moo-and-cackle "омлет"
cackle with grunt/cackle-with-grunt "яичница с беконом"

Эти единицы во фразеологических словарях трактуются как субстантивные сочетания лексем, а в лексических – как сложные существительные. Как следует трактовать их структуру, остается не вполне ясным.

5) Единицы, у которых две лексемы оформлены одним суффиксом. Несмотря на их раздельное написание, ряд лингвистов рассматривает их как сложнопроизводные слова, образованные от словосочетаний:

- high jump* "высокий прыжок" →
(high jump)er "прыгун в высоту"
black list "черный список" →
(black list)ing "занесение в черный список"
water polo "водное поло" →
(water polo)ist "игрок в водное поло"

К этой же группе явлений относятся единицы, целиком оформленные флексией притяжательного падежа:

- (the Sultan of Turkey)'s harem*
"гарем турецкого султана"
(the officer on duty)'s functions
"обязанности дежурного офицера"
(the woman in white)'s confession
"признание женщины в белом"

и составные определения к именам существительным, превратившиеся в окказиональные и узувальные сложные слова:

- at breakneck pace* "сломя голову"
a turtable discussion "жаркая перепалка"
a cock-and-bull story "небылица"
a trusting-little-woman look "взгляд доверчивой маленькой женщины"
the very-last-minute revision
"проверка, проводимая в последний момент"
a between-the-lines talker
"человек, говорящий намеками"

В качестве составных определений могут выступать не только словосочетания, но порой и целые высказывания:

a do-me-a-favour person

"человек, постоянно просящий об услугах"

a welcome-home-for-the-summer present

"каникулярный подарок" (J. Rowling)

She had the thank-you-I-am-not-that-sort-of-girl stiffness about her "чопорность, присущая недомроге" (R. Aldington)

К этой же группе явлений относятся языковые образования со структурой <N + Clause^{attr}> (где N – существительное, Clause^{attr} – придаточное определительное), имеющие раздельное написание, но целиком оформленные флексией притяжательного падежа:

(the girl he goes about with)'s mother

(the man who called yesterday)'s phone number

(the guy who lives next door)'s garage

б) Устойчивые идиоматичные коллокации <V + Adv> (где V – глагол, Adv – наречие), иногда рассматриваемые как слова (составные глаголы):

to slop over

(букв. "плескаться поперх", трансп. "досаждать")

to fall out

(букв. "распасться", трансп. "поссориться")

to take up

(букв. "подобрать", трансп. "заняться")

Как видим, интеграция языковых единиц в плане сохранения (появление семантической целостности) иногда приводит к их интеграции в плане выражения (появлению цельнооформленности, то есть лексикализации словосочетаний). Это важный фактор превращения единиц более высокого уровня иерархии (словосочетаний) в единицы более низкого уровня (слова).

Но даже если полной лексикализации не происходит, взаимное притяжение лексем-компонентов идиоматичного словосочетания под влиянием семантической целостности возрастает, что приводит к частичной утрате ими самостоятельной номинативной функции, к обретению словосочетанием устойчивости и непроницаемости. Это уже не совсем словосочетание, хотя еще не слово, а его компоненты – уже не совсем слова, хотя еще не морфемы.

Но идиоматизация словосочетаний – не единственный фактор, приводящий к их лексикализации. Иногда даже те словосочетания, которые имеют аддитивное буквальное значение, тяготеют к превращению в слово.

Так, словосочетание *sea ship* "морской корабль" в ряде словарей приводится в слитном написании (*seaship*), как сложное слово, хотя оно имеет аддитивное буквальное значение.

Ср. также:

sea fish / seafish

book shelf / bookshelf

ship wreck / shipwreck

head ache / headache

В некоторой мере это связано с регулярностью употребления, превращающей значения таких словосочетаний в устойчивые семантические единицы, а сами эти словосочетания – в сложные слова. Но имеется и более существенная причина обретения ими устойчивости и семантической целостности. "Сочетание слов дает смысл больший, чем простая сумма отдельных слов", ? писал Б.А. Ларин [Ларин, 1965, с. 36]. Это характерно не только для идиом, но и для неидиоматичных словосочетаний. Но у неидиом значения однозначно выводятся из "суммы значений частей", а у идиом приращенный смысл отчасти конвенционален, что затрудняет угадывание значений идиом.

Сравним три случая.

1) Значение сочетания *black suitcase* не содержит конвенционального компонента и вообще никакого компликативного компонента (приращенного смысла). Оно аддитивно: [черный] + [чемодан] = [черный чемодан]. Данное словосочетание обозначает любой предмет, обладающий этими двумя признаками. Приращенного смысла у него нет, общее значение полностью выводится из суммы значений частей. Иными словами, номинальное и реальное значения у него тождественны. Внутренняя форма идентифицирует и дефинирует денотат. Потому данная языковая единица не только не идиоматична, но и не устойчива. Ее лингвистический статус – переменное словосочетание – не вызывает сомнений.

2) Рассмотрим далее словосочетание *black bear*. Оно обозначает не просто медведя черного цвета, а барибала – вид медведя с целым комплексом признаков, придающих ему качественную определенность, среди которых черный цвет – лишь один из многих.

В отличие от *black suitcase*, значение словосочетания *black bear* – не аддитивное.

Вышеупомянутый комплекс признаков составляет приращенный смысл этого словосочетания, но он не условно приписан ему, а однозначно выводится из суммы значений лексических компонентов и фоновых знаний. Это не идиоматичный смысл, а данное словосочетание – не идиома; ведь данный вид животного – действительно медведь, и он действительно черный.

Но, хотя приращенный смысл в данном случае не носит идиоматического характера, он всё же доминирует над значениями лексических компонентов словосочетания *black bear* и в определенной мере способствует его семантической интеграции, приводящей если и не к его

лексикализации, то, по крайней мере, к тому, что оно обретает устойчивость. Лингвистический статус английского наименования *black bear* является несколько менее определенным, чем в предыдущем примере: это неидоматичное устойчивое словосочетание, по некоторым структурно-семантическим показателям сближающееся со сложным словом.

3) Обратимся теперь к языковой единице *black box* "объект, внутреннее строение которого недоступно наблюдению". Ее фигуральное значение коренным образом отличается от буквального.

Степень семантической интеграции в данном случае еще выше, чем в предыдущем. По этой причине данная языковая единица имеет статус идиоматичного устойчивого словосочетания, проявляющего мощную тенденцию к лексикализации.

В завершение подчеркнем еще раз, что слова и словосочетания в английском языке проявляют гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд, и многие из них построены по одним и тем же моделям, что приводит к трудностям при их разграничении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блумфилд Л. Язык М., 1968.
2. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1956. № 198. Вып. 24.
3. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М., 1983.
4. Новиков А.И. Знание в системах общения // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ / под ред. Ю.Н. Марчука. – М., 1989.
5. Савицкий В.М. Проблема моделирования во фразеологической системе языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук М., 1996.
6. Сахарный Л.В. Структура слова-универба и контекст // Словообразование и семантико-синтаксические процессы в языке: Сб. науч. тр. Пермь, 1977.
7. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Губский (ред.-сост.). – М., 2009.

© О.В. Долодова, (Doladov@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Самарский Государственный социально-педагогический университет

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН - "ЖУРНАЛИСТ В ЛУЧШЕМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА" (Анализ публицистической деятельности великого сатирика в контексте эпохи второй половины XIX века)

**M. E. SALTUKOV-SHCHEDRIN -
"JOURNALIST IN THE BEST SENSE
OF THE WORD"**

**(The analysis of the journalistic work
of the great satirist in the context of the era
of the second half of XIX century)**

E. Zheludeva

Annotation

In the article devoted to the great satirist, in the background during the second half of the nineteenth century analyzes his journalistic activities. The estimation of the consummate skill of an outstanding artist of words. Marked "paradox" of the relationship in his works of such phenomena as the magnitude of the pull of the epic and "etude", which became part of the unified ideological and thematic plan and purchased the form of cycles. In the analysis of works of M. E. Saltykov-Shchedrin noted unique today, both in domestic and in world literature, the fusion of contradictory tendencies in the dynamics of his literary process: "slow" and the bulk form of the narrative and the author's immediate journalistic response on a nine days wonder. Considered a cyclic phenomenon when the works of Saltykov-Shchedrin as within the cycle and between cycles, which consists in the unity of the subject, the genre, the personality of the narrator, actors, artistic tone. The author draws our attention to the enduring value of professional journalistic experience Saltykov-Shchedrin for the current generation of journalists. Detailed and thorough analysis of the themes in his works, their connection with everyday life against the background of problems on a global scale, the use of elements of "casus" folklore, "verbal formulas" and "converted" idioms has not lost its relevance today. The style of the journalist N. Shchedrin (pseudonym of the writer) is a Prime example of not just a talented journalistic prose, but a real textbook, useful for the novice and freshman journalism and venerable author.

Keywords: journal-publicistic creativity, plot hypothesis, humor, irony, verbal formulas, style, folk elements

*Желудева Елена Вадимовна
К.ф.н., Московский государственный
гуманитарно-экономический
университет*

Аннотация

В статье, посвящённой творчеству великого сатирика, на фоне эпохи второй половины XIX века проанализирована его публицистическая деятельность. Дана оценка непревзойдённому мастерству выдающегося художника слова. Отмечен "парадокс" взаимосвязи в его произведениях таких явлений как масштабность, тяга к эпосе и "этюдность", ставших частью единого идейно-тематического плана и приобретших форму циклов. В ходе анализа произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина отмечено уникальное на сегодняшний день, как в отечественной, так и в мировой литературе, слияние противоречивых тенденций в динамике его литературного процесса: "медлительная" и объёмная форма повествования и потребность автора в немедленном журналистском отклике "на злобу дня". Рассмотрен феномен циклической связи произведений Салтыкова-Щедрина как внутри самого цикла, так и циклов между собой, заключающийся в единстве тематики, жанра, личности рассказчика, действующих лиц, художественной тоналности. Автор обращает наше внимание на непреходящую ценность профессионального публицистического опыта Салтыкова-Щедрина для нынешнего поколения журналистов. Подробный и тщательный анализ тем сюжетов в его произведениях, их связи с повседневностью на фоне проблем глобального масштаба, использование элементов "казуса", фольклора, "словесных формул" и "преобразованных" фразеологизмов не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день. Стиль журналиста Н. Щедрина (псевдоним писателя) – это яркий пример не просто талантливой публицистической прозы, а настоящее методическое пособие, полезное и для начинающего первокурсника журфака, и для маститого автора.

Ключевые слова:

Журнально-публицистическое творчество, сюжет-гипотеза, юмор, ирония, словесные формулы, стиль, фольклорные элементы.

Хронологические рамки журналистской и литературной деятельности Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826–1889) пришлись на один из самых значительных периодов в истории России: в начале его общество находилось под не изгладившимся ещё впечатлением 14 декабря 1825 года, а конец совпал с кануном возникновения в стране массового рабочего движения.

Широта и глубина творческого размаха этого писателя и по масштабности, и по силе таланта поистине феноменальны. Являясь непревзойдённым художником слова, он занимает особое место в русском классическом реализме, а его публицистическая деятельность представляет собой неисчерпаемый кладёз не только для исследователей истории отечественной журналистики, но и для нынешних и будущих поколений журналистов, поставив-

ших перед собой цель стать подлинными профессионалами своего дела.

Оригинальность и непреходящее значение его литературного наследия определили особое место Салтыкова-Щедрина в плеяде выдающихся мировых классиков. И потому нам особенно важно "разглядеть" особенности его художественного мастерства, обратить внимание на те черты его публицистического творчества, которые могут разгореться "божьей искре" в процессе становления и совершенствования журналиста XXI века.

Высокие требования, предъявляемые Салтыковым к художественной литературе и к личности журналиста и писателя, запечатлены в его собственной литературной деятельности.

Получив домашнее начальное образование, в десятилетнем возрасте Миша Салтыков поступил в третий класс Московского дворянского института, где в свое время учились Жуковский, Грибоедов, Лермонтов. Через два года его за отличные успехи перевели в Царскосельский лицей – "рассадник министров", готовивший дворянских детей для службы на высоких государственных должностях. Атмосфера поэтических настроений в лицее помогла пробудиться литературным талантам юного Салтыкова. После его окончания в 1844 году он становится чиновником военного министерства, посещает кружок М. В. Петрашевского, увлекается идеями утопического социализма Ш. Фурье, так навсегда и оставаясь в душе его приверженцем, несмотря на пересмотр в дальнейшем собственных взглядов.

Его первые литературные опыты сороковых годов – рецензии на книги для детей, что свидетельствует о серьезном отношении писателя к воспитанию подрастающего поколения, – проникнуты духом учения В. Г. Белинского, литературными выступлениями А. И. Герцена, трудами Л. Фейербаха. Молодой Салтыков горячо пропагандирует принципы воспитания гармонически развитой личности, публикует две свои первые повести – "Противоречия" (1847) и "Запутанное дело" (1848), в которых выступает решительным противником социального неравенства. В "Запутанном деле", напечатанном в журнале "Отечественные записки", в свете событий февральской революции во Франции идеологи реакции увидели проповедь "гильотины для всех богатых", и в апреле 1848 года Салтыков был сослан на службу в Вятку, оказавшись внезапно выброшенным из столицы в глухой провинциальный город.

Продолжавшаяся около восьми лет служба стала для писателя "великой школой жизни". Будучи человеком умным и деятельным, он получил место чиновника особых поручений в губернской администрации. Постоянные разъезды по отдаленным и глухим местам Вятской и соседних губерний дали ему возможность всесторонне познать жизнь самых разных социальных слоёв населения, что имело большое значение для его литературной деятельности, возобновившейся после ссылки. Возвращение в Петербург в начале 1856 года стало возможным после смерти Николая I, когда самодержавие было вы-

нуждено пойти на смягчение политического режима, заявив о приближающейся отмене крепостного права.

На основе богатых впечатлений от вятской ссылки Салтыков создает свои знаменитые "Губернские очерки" (1856–1857), напечатанные в журнале "Русский вестник" под псевдонимом Н. Щедрин.

Они принесли своему создателю большой успех, сделали его имя известным для всей читающей России. О Щедрине стали говорить как о писателе, воспринявшем реалистические традиции Гоголя и ставшего на путь даже более смелого осуждения социального зла. Прочитав "Губернские очерки", великий поэт Тарас Шевченко писал: "Я благоговею перед Салтыковым. О, Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих" [13, с. 114].

В "Губернских очерках" публицист без прикрас обличает неограниченный произвол властей, их надругательства над бесправной массой. Паразиты и насильники, клеветники и вымогатели, казнокрады и бездельники, грабящие народ, изображены как неизбежное порождение самодержавно-крепостнического строя.

Одна из основных тем "Губернских очерков" – взяточничество – вопреки устоявшейся либеральной концепции, получает у публициста Салтыкова совсем неожиданное для того времени звучание. Взятничество, по его утверждению, не является порождением злой воли отдельно взятых нравственно испорченных чиновников административного аппарата, нарушающих законность. Критика природы взяточничества у него совсем иная. Она затрагивает основы самодержавного режима, указывая, таким образом, на действительно первоисточник бедствий, терзавших общество.

Так, в одном из "Губернских очерков" ("Приютное семейство") писатель с иронией излагает административно-юридическую программу обличения взяточничества в виде поучений губернатора князя Чебылкина, который соглашается, что "нехорошо взятки брать", и не возражает против обличений, но рекомендует делать это так, "чтоб читателю приятно было; ну, представь взяточника, и изобрази там... да в конце-то, в конце-то приготовь ему возмездие, чтобы знал читатель, как это не хорошо быть взяточником...". "Вот, например, – продолжает князь, – я составил проект комедии, выслушайте и скажите свое мнение. На сцене взяточник, он там обирает, в карманы лезет – можно обрисовать его даже самыми черными красками, чтобы, знаете, впечатление произвести... зритель увлечен; он уже думает, что личность его не безопасна, он ощупывает свои собственные карманы... Но тут-то, в эту самую минуту, и должна проявиться благонамеренность автора... В то самое время, как взяточник снимает с бедняка последний кафтан, из задней декорации вдруг является рука, которая берет взяточника за волосы и поднимает наверх... В этом месте занавес опускается, и зритель выходит из театра успокоенный и не застегивает даже своего пальто..." [5, с. 99].

Салтыков обличает "строгих блюстителей законопо-

рядка", которые якобы радеют за страну и борются со взяточничеством; он глубоко вскрывает первопричины этого порока. В его очерках взяточничество изображается как массовое явление, один из неизбежных спутников социально-политического строя. Оно затягивает в свои сети не только бюрократические низы заурядных чиновников-исполнителей, о чём так "смело и беспощадно" писала тогда официальная пресса, всю выражая своё "гражданское" негодование. Писатель не согласен с доводами о том, что чем выше звание и должность чиновника, тем полнее должны быть в нём представлены добродетели. Журналист Щедрин прежде всего анализирует мотивы поведения человеческих образов, искалеченных жизненными обстоятельствами.

Низшее чиновничество является в "Губернских очерках" в собирательном образе "бедного труженика, крохой жертвы свирепой бюрократии" ("Христос воскрес!"), в образе "из мелких мельчайшего" канцеляриста Техоцкого ("Княжна Анна Львовна"), в образе представителя "крапивного семени" Дернова, который хочет поправить свое бедственное положение выгодной женитьбой ("Выгодная женитьба").

"Никто, кажется, исключая г. Щедрина, не вздумал заглянуть в душу этих чиновников – злодеев и взяточников, да посмотреть на те отношения, в каких проходит их жизнь, – написал в 1861 году в своей статье "Забитые люди" литературный критик Н. А. Добролюбов, высоко оценивший гуманизм Щедрина. – Никто не приступил к рассказу об их подвигах с простою мыслью: "Бедный человек! Зачем же ты крадешь и грабишь? Ведь не родился же ты вором и грабителем, ведь не из особого же племени вышел, в самом деле, это так называемое крапивное семя?" Только у г. Щедрина и находим мы по местам подобные запросы, и зато он до сих пор остается не только выше всех своих сверстников по обличительной литературе, но и вообще выше многих из литераторов наших, увлекавших нашу публику рассказами с претензией на широкое понимание жизни" [2, с. 244].

Интерес к жизни всего общества в целом заставлял выходить Щедрина-публициста за рамки рассказа, повести, романа. Тяготая по масштабам своих проблемных замыслов к эпопее, он создавал отдельные произведения "в качестве этюда к большой картине". И, являясь частью единого идейно-тематического плана, соблюдаемого в ряде произведений, они приобретали форму циклов, вошедших в себя две противоречивых тенденции: "медлительную" и объёмную форму повествования и потребность автора в немедленном журналистском отклике "на злобу дня".

Подобная циклизация объединяла тесно связанные между собой рассказы и очерки, которые одновременно освещали общественную жизнь и незамедлительно в неё вмешивались.

Ежемесячные беседы с читателем на страницах журнала для публициста Салтыкова-Щедрина были органической потребностью. Он не мог только создавать произведения, не выступая в печати, и крайне болезненно пе-

реживал даже небольшие перерывы.

"Журнализм Щедрина, явившись следствием присущего сатирику стремления к немедленному вмешательству в ход общественной борьбы, в свою очередь стимулировал циклические художественные построения. Каждое отдельное выступление в журнале, если оно даже заранее мыслилось как часть целого, должно было иметь характер относительной самостоятельности, иметь некоторую идейно-тематическую завершенность" [1, с. 90].

Определив для себя какую-то проблему, Щедрин разрабатывал её самым всесторонним и исчерпывающим образом, развивал, уточнял, изменял замысел, учитывая ход общественной жизни. Его рассказ становился началом цикла, растягивающегося порою на ряд лет, и в котором можно было проследить все существенные фазы развития того или иного типа или явления.

Феномен связи произведений Салтыкова-Щедрина внутри цикла, а циклов между собой заключается в единстве тематики, жанра, личности рассказчика, действующих лиц, художественной тональности. Порою эти соединения проявляются совокупно, порою некоторые из них могут отсутствовать.

Надо отметить, что М. Е. Салтыков-Щедрин Щедрин в своей литературной деятельности отдавал сознательное предпочтение циклу рассказов перед романом, признавая, что циклизированные рассказы более подходят его идейным замыслам и условиям журнальной работы, чем произведения в жанре монументального романа, не поддающегося свободному членению на самостоятельные части. С подобным утверждением можно согласиться, рассмотрев творческую историю "Господ Головлёвых". Так, каждый из первых четырех рассказов об Иудушке Головлёве, печатавшихся в 1875 году в журнале "Отечественные записки" под рубрикой "Благонамеренные речи", писался без мысли о продолжении. Но многоплановое психологическое содержание темы, а также положительные отзывы авторитетных литературных критиков и ценителей (Некрасова, Тургенева, Анненкова, Гончарова) побуждали Щедрина к дальнейшей разработке картины разрушения головлевского семейства. Поощряемый положительными отзывами и убеждаясь в том, что тип Иудушки требует последующего развития психологических деталей, автор шел от рассказа к рассказу и в итоге решил обособить "головлевские эпизоды" "Благонамеренных речей" в самостоятельное произведение [1, с. 92].

Отдельного разговора заслуживает тема сюжетов в произведениях Щедрина-сатирика. Важнейшая их особенность состоит в том, что "они призваны раскрыть обезчеловеченность изображаемых персонажей в действии, в поступках" [3, с. 195]. Но и здесь главное внимание публицист Щедрин уделяет так называемой жизненной комедии, которую дополняет смехом сатиры.

Будучи непревзойденным выдумщиком сатирических сюжетов, он мгновенно схватывал те комические ситуации, с которыми сталкивался в жизни, умело и целенаправленно заостряя их и подчиняя решению определенных творческих задач. Его фантазия отталкивалась от кон-

кретных фактов действительности и начинала тут же активно работать, создавая новые смешные эпизоды, наглядно раскрывающие внутреннюю комичность и нелепость отображаемых жизненных коллизий.

В начале своей публицистической деятельности Щедрин, как и Гоголь, любил прибегать к анекдоту, казусу и нередко использовал ту или иную анекдотическую ситуацию в качестве основы сюжета: подтверждение тому "Губернские очерки", в первых главах которых особенно много анекдотических случаев и сцен.

Вятская "школа жизни" дала чиновнику Салтыкову огромное количество смешных эпизодов и фактов, характеризующих провинциальное чиновничество и которые Салтыков-сатирик активно использовал в своих произведениях.

Показателен в этом отношении "Первый рассказ подъячего" из "Губернских очерков". "Много было у меня в жизни случаев, доложу я вам, случаев истинно любопытнейших", – повествует рассказчик [5, с. 17]. И далее излагает истории, главным героем которых является уездный лекарь Иван Петрович.

Приехав на вскрытие утопленника или какого-либо иного "мертвого тела", он заставлял понятых держать покойника за нос. Те, разумеется, просили освободить их от этого. И Иван Петрович великодушно освобождал, естественно, "за посильное приношение".

Даже такую вещь, как оспопрививание Иван Петрович превратил в источник дохода. "Приедет, бывало, в расправу и разложит все эти аппараты: токарный станок, пилы разные, подпилки, сверла, наковальни, ножи такие страшнейшие, что хоть быка ими резать; как соберет на другой день баб с ребятами – и пошла вся эта фабрика в действие: ножи точат, станок гремит, ребята режут, бабы стонут, хоть святых вон понеси. А он себе важно этак похаживает, трубочку покуривает, к рюмочке прикладывается да на фельдшеров покрикивает: "Точи, дескать, быстрее"" [5, с. 22]. И платили "глупые бабы" уездному лекарю по целковому, чтобы избавить своих ребят от столь страшного оспопрививания.

Но, в отличие от Гоголя, анекдоты Щедрина носят иной характер: они не только смешны, но и драматичны. И если Гоголь извлекает из смешной истории все её потенциальные возможности для полного выявления характеров, то Щедрин излагает сразу несколько таких случаев, как бы нанизывая их на невидимый стержень, название которому – перечень "расейских" бед: взяточничество, вымогательство, произвол представителей власти.

В ранних произведениях писателя, благодаря "казусу" персонажи раскрываются перед читателем лишь стороной, олицетворяющей определенное явление. И здесь сюжет еще не становится средством исследования характеров; он призван "проиллюстрировать" определенную мысль казусными фактами. В дальнейшем же сатирик призывал к тому, чтобы писатели сосредоточивали внимание на таких комических ситуациях, которые помогают обнажению социальных и политических коллизий. Сам Щедрин неизменно использовал анекдоты и курьезы

именно таким образом.

Но сюжеты великого сатирика вырастали не только на основе фактов реальной действительности, не выходя за рамки жизненного правдоподобия. Порою они представляли собою нечто невероятное и фантастическое: сюжеты–предположения, сюжеты–гипотезы, позволявшие представить читателю не только те поступки героев, которые они совершали сегодня, но и те, которые могли совершить завтра.

Смех являлся главным оружием журналиста и сатирика Щедрина в борьбе со злом жизни. "Это оружие, – подчеркивал писатель, – очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех" [7, с. 509]. Развенчать порочное и злое, сделать его в глазах читателя презренным и несостоятельным – такой была творческая задача сатирика и публициста, и решить её было невозможно без глубокого, органического чувства юмора.

В одном из писем, отвечая на "упреки в фельетонности и водевильности" его сочинений, Салтыков признавался: "Не могу я к таким явлениям относиться с "надлежащей серьезностью", ибо ничего, кроме презрения, к ним чувствовать нельзя, да и не должно. Для меня еще... счастье, что у меня большой запас юмору" [9, с. 246]. В другом письме, написанном в конце жизненного пути, он констатирует: "Юмор... всегда был моею главною силой" [10, с. 373].

Сатирическую же основу стиля Салтыкова–Щедрина составляют остроумие и ирония: в них наиболее отчетливо и ясно проявилась активность его ума, смело анализирующего противоречия жизни. Беспощадная сила насмешки Щедрина нередко достигала своей крайней степени, превращаясь в язвительный сарказм – эмоцию необычайно сильной концентрации. В этих случаях к смеху примешивались горечь, злость и яд.

Гоголь в "Мертвых душах" отмечает, что гости на балу у губернатора ходили на мух, слетевшихся на сахар. Щедрин в "Губернских очерках" сравнивает чиновников с рыбами. Казалось бы, сравнение это лежит в той же плоскости, что и гоголевское. Однако под пером Щедрина оно приобретает более резкую сатирическую направленность. "...Чиновник, – говорит писатель устами одного из персонажей, – понятие генерическое, точно так же, как, например, рыба; ...есть чиновники–осетры, как его сиятельство, и есть чиновники–пискарки. Бывает и еще особый вид чиновника – чиновник–щука, который во время жора заглатывает пискарей..." [5, с. 86].

"Великолепный, чисто народный, меткий слог" Щедрина органически связывал его с любым сословием необъятной Российской империи. Великолепно зная устное народное творчество русского народа, писатель сознательно опирался на его традиции. В его рассказах и очерках присутствуют фольклорные герои; его произведения блистают словесными "формулами", известными пословицами и поговорками. Писатель тонко чувствует возможности русского языка, виртуозно владеет приемами работы со словом.

Журналист Н. Щедрин любит лексические "подмены", на первый взгляд кажущиеся неискнутому читателю абсолютно "невинными". Так, в цикле "Убежище Монрепо" он описывает действия своего героя: чтобы окончательно убедить станowego в своей благонадежности, тот "отвел в доме квартиру для полицейского чина, истребил все книги, вместо газет выписал "Московские ведомости" и купил гитару" [12, с. 379]. Надо вроде бы сказать: "из газет выписал "Московские ведомости", но у Щедрина – "вместо газет выписал "Московские ведомости". Всего одно слово подмены и такой сокрушительный сатирический удар по изданию Каткова.

Любит Щедрин комически переосмыслять известные пословицы, поговорки, крылатые слова и фразеологические выражения. Например, характеризуя одного из своих сатирических героев, писатель употребляет такой оборот: "Потехе время и делу час!" [6, с. 417]. При описании другого персонажа перефразирует популярную поговорку: "с голого по нитке – проворному рубашка" [11, с. 156]. Даже знаменитую фразу Цезаря – "Пришел, увидел, победил" – он сатирически видоизменяет. Его герой "налетел, нагрязнул, ушиб"; "ухватил, смял, поволок..."; "пришел, ни слова не сказал, пошевелил глазами, забрал в охапку и ушел..."; "пришел, распорядился и ушел!.." [4, с. 81].

Сочинения Щедрина "искрят" словесными находками: "юные старцы", "безазбучное просвещение", "многословная краткость", "достоверные лжесвидетели", "деловое

бездельничество", "благонамеренный крамольник". Над каждым своим произведением писатель упорно и терпеливо работал, добываясь все большей стилистической выразительности. "Трудно, очень трудно пишется мне, милейший Павел Васильевич, – признавался Салтыков в письме к критику Анненкову, – и хотя многим кажется, что писать в этом жанре сушие пустяки, но, в сущности, это едва ли не самый трудный род литературы. Представьте себе, что тут надо каждое слово рассчитать, чтоб оно не представляло диссонанса, чтоб оно было именно то самое, какое следует" [8, с. 179].

В своих воспоминаниях его коллега по "Отечественным запискам" Г. З. Елисеев написал: "Михаил Евграфович по своему темпераменту и призванию был журналист в лучшем смысле этого слова, и трудно сказать, что в нем преобладало: поэтическая ли способность или строгая логическая мысль" [14, с.393].

Сатира Щедрина насыщена публицистикой, и его рассуждения приобрели философско-исторический характер, поскольку могут быть отнесены не только к "злобе дня", но и к "злобе века". "Журналист в лучшем смысле этого слова", он и через столетия будет поражать человечество своим энциклопедическим размахом кругозора, гражданским бесстрашием и талантом. А его творчество станет настольной книгой, незаменимым учебником для всех поколений журналистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушмин А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. – М.: Современник, 1976. 253 с.
2. Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. – Т. 7. М.–Л.: Гослитиздат, 1963.
3. Николаев Д. П. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики. – М.: Советский писатель, 1988. 400 с.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Господа ташкентцы // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1970. – Т. 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_10/01text/0311.htm (дата обращения 04.03.2016).
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_02/01text/0035.htm (дата обращения: 13.03.2016).
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Дневник провинциала // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1970. – Т. 10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_10/01text/0321.htm (дата обращения 04.03.2016).
7. Салтыков-Щедрин М. Е. Круглый год // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1972. – Т. 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_13/01text/0397.htm (дата обращения 04.01.2016).
8. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма (1876–1881) // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 19, кн. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_19_1/01text/1281.htm (дата обращения 05.03.2016).
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Письма (1881–1884) // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 19, кн. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_19_2/01text/1556.htm (дата обращения 05.03.2016).
10. Салтыков-Щедрин М. Е. Письма (1884– 1889) // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_20/01text/2018.htm (дата обращения 05.03.2016).
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Современная идиллия // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1973. – Т. 15, кн. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_15_1/01text/0448.htm (дата обращения 01.03.2016).
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Убежище Монрепо // Собрание сочинений: в 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Худож. лит., 1972. – Т. 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/01text/vol_13/01text/0388.htm (дата обращения 04.03.2016).
13. Шевченко Т. Г. Собр. соч. в 5-ти томах. – М.: Худож. лит., 1965. – Т. 5.
14. Шестидесятые годы. Воспоминания М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева. – М.–Л., "Academia", 1933. С. 393.

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ "ОДЕЖДА", ОБУСЛОВЛЕННАЯ МОЛОДЕЖНЫМ СЛЕНГОМ

DISTINCTIVE FEATURES OF THE "CLOTHES" CONCEPT SPHERE CONNECTED WITH THE YOUTH SLANG

D. Kaverina

Annotation

The article deals with consideration of development of the English language "clothes" concept sphere due to various types of morphological word formation as well as semantic derivation. It refers to the term "concept sphere", which can demonstrate the current trends of the slang and general use vocabulary conceptual picture of the world changes. It is devoted to the question, which types of morphological word formation and semantic derivation appear to be on the highest demand in the youth slang nowadays. We also take into consideration such an issue, what is the most common way for a slang word to overcome age and social dependence and become a part of the general use vocabulary.

Keywords: concept sphere; semantic derivation; metaphor; metonymy.

Каверина Дарья Александровна
Ассистент,
Российский Университет
Дружбы Народов

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению специфики развития концептосферы "одежда" в современном английском языке, связанной как с использованием различных приемов морфологического словообразования, так и семантической деривации. Данная работа опирается на понятие "концептосфера", с которым связана направленность меняющейся концептуальной картины мира, представленной молодежным сленгом. В данной статье поднимаются также вопросы, какие приемы морфологического словообразования и какие приемы семантической деривации оказываются наиболее востребованными в современном молодежном сленге, как современный молодежный сленг преодолевает возрастные и социальные барьеры и оказывается частью общеупотребительной лексики.

Ключевые слова:

Концептосфера, семантическая деривация, метафора, метонимия.

Использование сленга в рамках той или иной области концептуальной картины мира (концептосферы) в большинстве случаев продиктовано желанием говорящего придать особую эмоциональность и экспрессивность своему высказыванию [2].

Концептосфера одежды, понимаемая нами максимально широко (все, что одевает и носит человек, включая обувь и различные аксессуары, например, очки или зонт) очень широко представлена в современном английском молодежном сленге.

Даже самое общее понятие "одежда" представлено в английском молодежном сленге самыми различными лексико-семантическими средствами.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть сущность, структуру и развитие концептосферы, связанной с понятием одежды, а также основные способы формирования сленгизмов этой концептосферы.

Следует учитывать, что данные лексические единицы стилистически не нейтральны, имеют богатую коннотацию, связаны с выражением широкой гаммы имплицитных смыслов, стимулирующей активную вербализацию

данных сленгизмов, расширение сферы употребления данных сленгизмов среди представителей как младшего, так и старшего поколений [1].

Так, например, использование лексемы *clobber* связано с эмотивностью и отрицательной оценкой одежды.

clobber - 1. 1) одежда, тряпье

2) мусор, хлам, утиль

(снасти, оборудование, приспособления)

2. одеваться, наряжаться

I'll just get my clobber, then I'll be ready to go. - Минутку, я

только возьму свое барахло и буду готов поехать с вами.

I like your new clobber.

- Мне нравится твоя новая одежда. [6]

Следует отметить, что посредством конверсии от данного существительного образовался глагол, имеющий сходную семантику, который также с течением времени все чаще рассматривается как составная часть общеупотребительной лексики сленгового происхождения.

I must go there decently clobbered. - Я должна прилично одеться, чтобы пойти туда. [6]

Отрицательная оценка характерна и для лексемы *duds*, экспрессивность которой связана с выражением

пренебрежения к одежде, которая с точки зрения адресанта не имеет высокого качества, не является престижной или модной.

Are these new duds? - Это у тебя новые шмотки? [6]

Отсутствие этого сленгизма в словарях общеупотребительной лексики во многом указывает на то, что данный сленгизм еще может расширить диапазон своего использования языковой личностью или же оказаться невостребованным, проиграв в конкурентной борьбе с другими лексемами, имеющими сходную семантику.

Не менее экспрессивно и сленговое выражения *rig-out* \ *rig out*, использующееся при наличии неумеренности человека в одежде, его одержимости украшать свое тело различными нарядами, преследовании человеком каких-либо специальных целей в использовании одежды (обычно понравиться другим или продемонстрировать свое богатство).

rig-out - одежда, платье, внешний вид человека

You can't go out in that rig-out. - Как ты выйдешь на улицу в таком виде?

rig out (to dress)

1) снаряжать, экипировать

2) наряжать

rigged out - разодетый

As winter gets near, we have to rig the whole family out with warm clothing. - Приближается зима, нам надо снабдить теплой одеждой всю семью.

People came to the party rigged out as characters from stories, fairies, animals, and other creatures. - Люди пришли на вечеринку одетые персонажами из сказок - феями, животными и многими еще. [7]

Данная лексема этимологически связана со словом *rig* (1. 1) оснастка; парусное вооружение, рангоут и такелаж 2) обмундирование, экипировка, оборудование, снаряжение (для каких-либо специальных целей)) [4] и представляет собой метафорическое переосмысление последнего, в связи с чем появляется дополнительный имплицитный смысл, связанный с тем, что одежда (*rig-out*) дает человеку преимущество перед другими людьми, лишенными аналогичной одежды.

Различные виды одежды в разной степени представлены в современном молодежном сленге. Наиболее наглядно представлена нижняя одежда, поскольку разговор о ней требует неформального коммуникативного отношения, выражения оценочности, эмотивности и экспрессивности, связанной с сексуальной привлекательностью как нижнего белья, так и человека, которому оно принадлежит [3].

Нижнее белье вне зависимости от его гендерной специфики представлено такими словами, как:

◆ *smalls* - *underclothes* (нижнее белье)

Данное наименование представляет собой семантическую деривацию прилагательного *small*, в основе которой лежат общие свойства (нижнее белье – как правило, небольшого размера, во всяком случае при сравнении с штанами (*pants* – *underpants*). В данном слове находит свое выражение и семантическая категория диминутивности, широко представленная в русском языке на примере уменьшительно-ласкательных суффиксов, в английском же языке в большей степени – с использованием прилагательных, связанных с выражением небольшого размера *small*, *little*, *tiny*, etc.

◆ *undies* - *underwear* (нижнее белье)]

Данное сленговое выражение представляет собой сокращение от *underclothes*. Использование сокращения, большая емкость сленга обеспечивает ему экспрессивность и эмотивность.

◆ *unmentionables* - *trousers, underwear*. (букв. 'невыразимые')

Данное существительное образовано по конверсии от прилагательного *unmentionable* (неприличный, нецензурный, запретный) [4], использование которого связано с нормами речевого этикета, запрещающими обсуждение всего, что связано с сексом, а нижнее белье в силу его специфики в большинстве случаев связано с эротикой.

Нижнее женское белье представлено следующими ЛСЕ:

◆ *bikini* – *ladies' bathing-costume in two pieces* (бикини (женский купальный костюм))

◆ *bra* – *brassiere* (бюстгальтер)

Опять на лицо использование сокращения, способствующего большой экспрессии нового слова по сравнению со словом общеупотребительной лексики, от которого данное сленговое выражение образовано.

◆ *frillies* – *feminine underwear* (нижние юбки с оборками)

Данное существительное образовано по конверсии от прилагательного *frilly* (1) отделанный оборками, рюшем и т.п. 2) разукрашенный, цветистый; вычурный) [4] и связано с данным прилагательным выражением аналогичных свойств (для нижнего женского белья характерна красочность и отделка).

◆ *roll-on* – *feminine undergarment*

Данное слово образовано по конверсии от глагола *roll on*, имеющего значения:

а) быть холмистым (о местности)

б) волноваться (о море, которое покрывается неровностями в виде волн, ряби)

в) течь, катить волны [4].

◆ *scanties* - *flimsy female underwear* (мини-трусики (женские; трикотажные))

Данное существительное находится в отношениях по конверсии с прилагательным scanty (недостаточный, ограниченный, скудный) [4], значение которого находит свое подтверждение при соотнесении с нижним бельем, которое все в большей степени стремится к минимализму использования ткани, прикрывает лишь самые неприличные места, тем самым, провоцируя интерес, связанный с выражением сексуальности.

Именно неровность нижнего белья, наличие в нем своеобразных волн при ходьбе или любом движении ног мотивировало метафорический перенос, обусловивший использование данной основы для обозначения нижнего белья, связанного с выражением экспрессии.

Нижнее мужское белье также представлено в сленге:

◆ *briefs - men's underpants or shorts (короткие трусы или подштанники; шорты)*

Данное существительное, как и многие предыдущие образовано по конверсии от прилагательного brief (короткий) [4], признаковое значение которого характерно для данного референта.

◆ *longjohns / long johns - men's underwear with long legs (and perhaps sleeves) (теплые кальсоны)*

Данное слово образовано при помощи словосложения прилагательного long (длинный) и существительного *johns* (бриджи, панталоны) [4] и как многие другие существительные, входящие в семантическую группу "нижнее белье", является *pluralia tantum* (не имеет формы единственного числа).

Willoughby heaved a deep sigh, gathered the papers, locked the briefcase, and stowed it away among his long johns in his pack. (S. Neym, 'The Crusaders', book VI, ch. 8) - Уиллоуби глубоко вздохнул, собрал документы, закрыл портфель и запрятал его в ящик среди теплого белья.

Использование данного сленгизма в тексте художественной литературы во многом стимулирует его переход в общеупотребительную лексику и фразеологию с течением времени.

При помощи словосложения образован и такой сленгизм, как *jockstrap*, в различных случаях имеющий различные варианты своего написания.

jockstrap \ jock-strap \ jock strap - tightly-fitting piece of male underwear to support private parts (usu. in sporting activity).

jock 1) = penis 2) = testicle
strap 1) a long strip of leather or similar material, for binding trunks, baggage, or other objects
2) (Irish derogatory slang) a shameless or promiscuous woman >>> creature >>>man

Помимо нижнего белья данное сленговое выражение имеет также значение "крепкий парень, "качок", связан-

ное с тем, что данное нижнее белье используется в спорте и потому человек, носящие его не может быть "хлюпиком" (на лицо использование метонимии: нижнее белье, человек [=спортсмен], одетый в это нижнее белье).

He's the best jockstrap on our team. - Он самый лучший игрок в нашей команде. [6]

На наш взгляд семантика данного сленгизма обусловлена сленговым значением лексемы *strap*, позволяющим интерпретировать *jockstrap* как *a shameless or promiscuous woman with penis or testicles >>> a shameless or promiscuous man (a muscled sportsman, for example, bodybuilder).*

С точки зрения семантической деривации образование данного сленгизма связано как с метафорическим переосмыслением, так и с гипонимией и гиперонимией.

Гипонимия – семантическая деривация, ведущая к образованию другого, более общего понятия. Гиперонимия – семантическая деривация, связанная с образованием другого, более частного понятия [5].

Следует отметить, что от этого существительного по конверсии образован глагол сходной семантики.

He made a lot of money jockstrapping. - Он заработал кучу денег, выступая как профессиональный спортсмен. [6]

Верхнее белье в силу его большей вариативности представлено в сленге еще более широко:

◆ *bags - trousers*

Данное сленговое выражение представляет собой семантическую деривацию существительного *bag* и находится в отношениях по конверсии с глаголом *bag*, ЛСВ которого "иметь выпуклость, отвисать как мешок" и мотивирует данное сленговое выражение

◆ *black tie - dinner suit (строгий вечерний костюм).* Данное сленговое выражение, которое можно рассматривать как сложное слово, образовано при помощи семантической деривации на основании метонимии (черный галстук (буквальное значение данного словосочетания) является обязательным атрибутом мужского вечернего костюма).

◆ *bobble-hat - close-fitting woollen hat with pompon.* Данное слово образовано при помощи словосложения: *bobble* (кисточка (украшение)) + *hat* (шляпа).

◆ *boiled shirt - stiff white shirt worn with tails (крахмальная рубашка).*

Данное слово имеет и другое значение – "надутый, чопорный человек", метонимически связанное с данным видом одежды (крахмальная рубашка носится сотрудниками офиса, которые во время своей работы отличаются надутостью и чопорностью).

◆ *bowler - hard felt hat with rounded crown (usu. worn by businessmen) (котелок)*

◆ *cat-suit - same as jump-suit, but usu. worn by women and children ("кошечка" (женский нарядный костюм типа комбинезона, облегающий))).*

Данное слово образовано при помощи словосложения и метафорически связано со шкурой кошки.

◆ *jump-suit - tightly fitting suit (or trousers and matching upper garment), male or female. (1) обмундирование парашютиста 2) костюм типа комбинезона (мужской или женский) 3) спортивный костюм)*

◆ *choker - neck-scarf (общее название для предметов туалета, плотно облегающих горло или шею; например, шейное украшение, стоячий воротник, галстук и т.п.).*

Данный сленгизм образован от глагола *choke* (душить, сдавливать горло; "перекрывать кислород"; пережимать (трубу и т.п.)) [4] при помощи суффикса *-er* и имеет метафорическое переосмысление: тесно прилегает к горлу = душист.

◆ *dog-collar - clergyman's stiff collar (белый пасторский воротник с застёжкой сзади)*

Данный сленгизм образован при помощи семантической деривации сложного существительного *dog-collar* (ошейник) [4] на основе метафоры.

◆ *drain-pipes - trousers with narrow leg*

Налицо семантическая деривация ЛСВ *drain-pipe* (водоотводная труба) на основе метафоры и признака, положенного в основу наименования (узкий).

◆ *flannels - flannel trousers ((шерстяные) фланелевые брюки (белые; часть традиционной спортивной формы игроков в крикет)*

Налицо семантическая деривация на основе метонимии (ткань – одежда из этой ткани).

◆ *longs - normal trousers, as distinct from shorts.*

Налицо конверсия и семантическая деривация значения прилагательного *long* на основе признака, положенного в основу наименования (узкий) и необходимости выражения антонимии не только в значении прилагательных *long / short*, обозначающих размер, но и в значении существительных, обозначающих одежду большей и меньшей длины – *longs* (брюки, штаны)/*shorts* (шорты, трусы).

◆ *nightie - or nighty night-dress (вечернее платье)*

Данный сленгизм образован при помощи суффиксации *night + -ie* и гипонимии (не любой вид вечернего туалета, а вечернее платье).

Таким образом, мы убедились, что концепт "одежда" широко представлен в сленге, причем использование слов, связанных с выражением данного концепта в составе сленга не обязательно, а их использование вовсе не подразумевает, что идиоматическое значение идиоматического сленгового выражения будет связано семантически с данным концептом.

Сленгизмы, связанные с концептом "одежда" образуются самыми различными способами: при помощи сложения слов, аффиксации, конверсии, семантической деривации.

Семантическая деривация так или иначе присутствует в каждом из случаев, что связано с метафорическим, метонимическим, гиперонимическим и гипонимическим переосмыслением сленга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарченко Т.Е. Английский и американский сленг. – М., Владимир: АСТ Астрель ВКТ, 2009. – 478с.
2. Колпакчи М. Авторство в сленге. – М.: Прогресс, 2002. – 286 с.
3. Кочеткова М.А. Культурологические аспекты сленга: сленг американских студентов. – Нижний Новгород: НГГЛУ, 2008. – 139 с.
4. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 2000. – 672с.
5. икитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 1997. – 812с.
6. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь около 20 000 слов и фразеологизмов. – М.: АСТ Астрель, 2009. – 1102с.
7. Черниговская Н.О. Современные английские слова и выражения + сленг. – М.: Эксмо, 2013. – 493 с.
8. Coleman J. The life of slang. – Oxford etc.: Oxford univ. press, 2012. – XI, 354 p.
9. Danesi M. Forever young. The teen aging of modern culture. – Toronto, Buffalo, L.: Univ. of Toronto Press, 2003. – 139p.
10. Davidson D. What Metaphors Mean. // Pragmatics. – New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1991. – P.495 – 506.
11. Delzel T. Flappers 2 Rappers: American Youth Slang. – Springfield, Md: Merriam-Webster Inc., 1996. – 287p.
12. Jespersen O. Mankind, Nation and Individual from a Linguistic Point of View. – Oslo, 1925. – 165p.
13. Libben G., Jarema G. The Representation and Processing of Compound Words. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 242p.
14. Schrum K. Some wore Bobby sox. The emergence of teenage girls' culture, 1920–1945. – NY: Palgrave Macmillan, 2004. – 209p.
15. Warren B. Semantic Patterns of N–N Compound. – Gothenburg Studies, 1978, vol. 41. – 243p.

АНТИТЕЗА: ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ

ANTITHESIS: CONTRAPOSITION AND JUXTAPOSITION

*E. Matveeva
T. Ma*

Annotation

The paper deals with categories of contraposition and juxtaposition used to determine the notion of antithesis and viewed, by different authors, as obligatory or alien to its nature. The cognitive approach may help to solve the problem under study.

Keywords: antithesis, cognitive, contraposition, juxtaposition, category, value judgment.

*Матвеева Елена Владимировна
Ма Татьяна Юрьевна
Амурский государственный
университет, г. Благовещенск*

Аннотация

В данной статье с позиций когнитивного подхода рассматриваются категории противопоставления и сопоставления, положенные в основу определения понятия "антитеза", роль которых в возникновении антитезного эффекта учеными трактуется неоднозначно.

Ключевые слова:

Антитеза, когнитивный, противопоставление, сопоставление, категория, оценка.

Представленное исследование выполнено в рамках когнитивного подхода и посвящено рассмотрению определений понятия "антитеза", в основу которых положены такие категории как противопоставление и сопоставление. Новизна данной работы обусловлена фактом обращения авторов к понятийной стороне проблемы определения антитезы как когнитивного феномена, в котором отношения противопоставления и сопоставления становятся предметом научного рассмотрения с онтологических позиций.

Антитезные отношения являются одними из основных ментальных конструктов, с которыми человек сталкивается в процессе восприятия окружающего мира, поскольку противопоставление как когнитивный феномен находит отражение во всех сферах человеческой жизни.

В данной статье ставится вопрос о том, являются ли отношения противопоставления единственным критерием, определяющим возможность существования антитезы как стилистического приема, ведь большинство исследователей рассматривают данный феномен с этой позиции. Например: "антитеза – резкое противопоставление понятий и образов" (Арнольд И.В.), "стилистическая фигура, основанная на резком противопоставлении образов и понятий" (Кожевников В.М.), "стилистическая фигура, служащая для усиления выразительности речи путем резкого противопоставления понятий, мыслей, образов" (Розенталь Д.Э.) и др. [1, с. 104], [7, с. 28], [14, с. 15].

В то же время в работах П.И. Лебедева–Полянского, Н.Л. Бродского и других авторов главным критерием, положенным в основу определения антитезы, является сопоставление: "антитеза – один из приемов стилистики, заключающийся в сопоставлении конкретных представлений и понятий, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом" (Лебедев–Полянский П.И.), "фигура, состоящая в сопоставлении логически противоположных понятий или образов" (Бродский Н.Л.) [10, с. 9], [2, с. 5], [11].

В ряде определений антитезы использованы оба понятия: и противопоставление, и сопоставление. Например, у А.П. Квятковского антитеза – это "резкое противоположение в художественной или ораторской речи понятий или сравнений в целях усиления", у Л.П. Крысина – "противопоставление, противоположность; стилистическая фигура, состоящая в сопоставлении слов или словосочетаний, резко различных или противоположных по смыслу" [6, с. 24], [9, с. 20]. У М. Попова подчеркивается мысль о том, что антитеза есть "противоположение, соединение, сопоставление двух противоположных, но связанных общей точкой зрения мыслей или образов для большей наглядности" [13, с. 136].

В результате возникает проблема понимания взглядов исследователей на природу антитезы как результата внутренних противоречий, существующих между явлениями, и того, как эти противоречия объективируются в языке посредством данного стилистического приема.

Поскольку в статье поставлен вопрос о критериях, положенных в основу определения понятия "антитеза", представляется необходимым прежде всего рассмотреть значения слов "противопоставление" и "сопоставление", данные в толковых словарях.

Идеографический словарь русского языка характеризует противопоставление как сопоставление противоположностей. В других источниках противопоставление рассматривается как действие по значению глагола "противопоставить": сопоставить, подчеркнув несходство какого-нибудь лица или предмета; сравнивая, отдавать предпочтение кому-либо, чему-либо; выдвигать как равное, замещающее или превосходящее (по своим свойствам, достоинству) [5, 2, 4, 12, 15, 16].

В соответствии с приведенными выше определениями противопоставляются объекты, предметы, процессы с целью выявить в их свойствах отличия, несходства. То есть, сопоставляются объекты, принадлежащие к одной категории как классу схожих явлений, например, "добро" и "зло" – основополагающие понятия морали, – но разным категориям с точки зрения их оценочной направленности: "хорошо" и "плохо".

Несмотря на тот факт, что в некоторых источниках именно признак сопоставления полностью или частично актуализируется в определениях понятия "антитеза", ряд специалистов исключают его, аргументируя это тем, что при таком подходе проявляется смысл соединения, а не противопоставления: "Ни контекст, реализующий отношения соединения, ни контекст, отражающий отношения сопоставления, не могут быть иллюстрацией антитезы, поскольку этот прием выразительности основывается на противопоставлении" [8, с. 302].

Однако логика противопоставления демонстрирует обратное: если понятие противопоставление является в известной мере синонимом антитезы и составляет ядро ее определения, то, следовательно, идея сопоставления, содержащаяся в понятии противопоставления, не может не отражать суть антитезы, а отношения противопоставления нельзя рассматривать как единственный критерий, который может быть положен в основу определения антитезы.

Рассмотрим понятие сопоставления. У некоторых авторов сопоставление определяется по значению глагола "сопоставлять": взаимно соотнеся, сравнивать с чем-л. или между собою (Ефремова Т.Ф.); что-то ставить вместе (рядом), сравнивать, сличать (Даль В.И.); соотнести, сравнить что-либо с чем-либо с целью умозаключения (Ожегов С.И.) [4, 3, 12]. Важно, чтобы сопоставляемые объекты "находились рядом", их можно было сравнить, они могли быть соотнесены друг с другом как принадле-

жащие к одной категории: "и ненавидим мы, и любим мы случайно" (чувства), "Война и мир" (категории военно-научного знания), "Преступление и наказание" (категории права) и др.

Если в ходе сравнения выявляется противоположная оценочная направленность двух членов одной категории – их отнесенность к разным оценочным категориям, – то можно говорить о наличии у них внутреннего противоречия, об их противоположности, "противопоставленности". Когда противопоставление основано не только или не столько на рациональной, сколько на эмоциональной оценке ("Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой"), когда противоположные явления сравниваются на оценочной шкале и оказываются наделенными "полярными" эмотивными значениями или смыслами, актуализируемыми в пределах одного высказывания, можно говорить о резком противопоставлении, или антитезе.

Антитеза подчеркивает диалектическое единство и борьбу противоположностей в силу своей категориальной природы. Явления, принадлежащие определенному классу или типу объектов или явлений, должны быть сопоставлены, а затем противопоставлены на оценочной шкале. При этом оценка определяется позицией говорящего, а ее направленность может меняться на противоположную в определенной коммуникативной ситуации. В рамках таких оценочных категорий часто актуализируется ситуативно обусловленный антитезный смысл, выражаемый посредством контекстуальных антонимов.

Таким образом, антитеза – это стилистический прием, в основе которого лежит не только противопоставление, но и сопоставление, не только борьба, но и единство противоположностей, определяемое их принадлежностью к одной категории. В этом, де факто, проявляется когнитивная природа антитезы как фигуры мысли, вскрывающей внутренние противоречия явлений действительности или художественных образов.

Антитеза, как правило, объективируется в речи открыто, через слова-антонимы. Однако это не единственная форма "существования" антитезы. Антитезный смысл часто обусловлен контекстуально, и резко противопоставленными по замыслу автора могут оказаться явления, объекты и образы, не относящиеся, на первый взгляд, к одной категории или разным оценочным категориям, лишенные внутренних неразрешимых противоречий.

Рассмотрим в качестве иллюстрации сказанного фрагменты из выступления афроамериканского религиозно-политического лидера Малкольма Икса "Message to the Grassroots", в которой он призывает чернокожее

население США объединиться в борьбе против расизма: "You didn't come here on the "Mayflower." You came here on a slave ship – in chains, like a horse, or a cow, or a chicken" [17, с. 1].

Понятия ""Mayflower"" и "a slave ship" сопоставляются как объекты, принадлежащие к одному классу – морских судов, которые оказываются контекстуальными антонимами. Корабль Мэйфлауэр выступает как символ свободы, поскольку первые поселенцы прибыли на нем к берегам Америки и обрели независимость, а корабли, на которых перевозили африканцев, – как символ рабства. У слова "Mayflower" в контексте высказывания усиливаются положительные оценочные коннотации, у словосочетания "a slave ship" – отрицательные. В результате взаимодействия трех категорий – категории объектов (морских судов), категории положительно оцениваемых объектов, категории отрицательно оцениваемых объектов – возникает эффект противопоставления, или антитезы.

В следующем примере автор использует прием антитезы с целью противопоставления двух типов афроамериканцев и их отношения к социальной действительности: "There were two kinds of slaves. There was the house Negro and the field Negro. The house Negroes – they lived in the house with master, they dressed pretty good, they ate good 'cause they ate his food – what he left... On that same plantation, there was the field Negro. The field Negro – those were the masses. There were always more Negroes in the field than there was Negroes in the house. The Negro in the field caught hell. He ate leftovers. In the house they ate high up on the hog" [17, с. 2].

Антонимичный характер сочетаний "the house Negro" и "the field Negro" раскрывается в процессе детализации автором описания привычного уклада жизни рабов: одни работали в доме, другие – на плантациях. С позиции оратора первая категория рабов как ментальный конструкт наделена отрицательной оценкой, вторая – положительной. Резко противопоставленными в контексте высказывания становятся слова "house" и "field", определяющие форму существования и качество жизни находящихся в неволе людей.

Данная мысль получает логическое продолжение в следующем примере: "The field Negro was beaten from morning to night. He lived in a shack, in a hut; He wore old, castoff clothes. He hated his master. I say he hated his master. He was intelligent. That house Negro loved his master" [17, с. 3].

Антитеза объективируется в контексте высказывания посредством антонимов "hate" и "love". Сравнению подлежат те чувства, которые испытывают рабы по отношению к хозяевам, но эти чувства резко противопоставле-

ны. Любовь и ненависть передают противоположные эмоциональные реакции, то есть относятся к разным оценочным категориям. Как и в первом примере, взаимодействие категорий актуализирует антитезный смысл, в основе которого лежит как сопоставление, так и противопоставление явлений.

В следующем примере антитеза выражена через слова-антонимы и усилена благодаря синтаксическому параллелизму и приему сравнения: "...It's just like when you've got some coffee that's too black, which means it's too strong. What you do? You integrate it with cream; you make it weak. If you pour too much cream in, you won't even know you ever had coffee. It used to be hot, it becomes cool. It used to be strong, it becomes weak. It used to wake you up, now it'll put you to sleep" [17, с. 4].

Автор сравнивает афроамериканцев, отказывающихся бороться за свои права, с кофе, который разбавляют сливками. Раньше они были горячими и крепкими, как настоящий черный кофе. Но общение с белыми сделало их слабыми и пассивными. Они должны были отстаивать свои позиции, и черный цвет кожи придавал бы им силы, однако повинование хозяину усыпило их бдительность, превратило в послушных рабов.

Слова-антонимы "hot" и "cool", "strong" и "weak", антонимичные глагольные сочетания "wake up" и "put to sleep" – примеры использования стилистического приема антитезы как средства усиления выразительности высказывания, которые также основаны на сочетании противопоставления и сопоставления. Автор сопоставляет однородные объекты, явления, относящиеся к определенной категории, и противопоставляет их по оценочному признаку. Причем оценка в данном случае определяется позицией говорящего и передается на основе метафорического переноса с неодушевленного объекта на одушевленный: хорошо, что кофе горячий и крепкий; плохо, что афроамериканцы, подобно "слабому" кофе, не способны действовать в своих интересах.

Итак, рассматривая антитезу как стилистический прием с позиций когнитивной науки, приходим к выводу, что в основе возникновения антитезного эффекта лежит как противопоставление, так и сопоставление логически противоположных понятий, явлений, образов. Противоположные понятия, явления или образы должны быть сопоставлены, то есть, априори относиться к одному классу объектов, одной категории, а затем противопоставлены по оценочному признаку "хорошо" и "плохо".

Антитезный смысл возникает тогда, когда в процессе сопоставления и противопоставления объектов, явлений, образов вскрываются внутренние противоречия между ними, их отнесенность к разным оценочным категориям,

при этом содержание и направленность оценки, особенно эмоциональной, зависят от позиции человека–наблюдателя и объективируются в речи в разных языковых единицах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 8-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 384 с.
2. Бродский, Н., Лаврецкий, А., Лунин Э. [и др.] / Н. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин [и др.] / Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов : в 2 т. ? Москва ; Ленинград : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – Т. 1. – 1925. – 544 стб.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В.И. Даль. – Режим доступа: <http://www.classes.ru> (дата обращения 30.05.2017).
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т.Ф.Ефремова . Толково-словообразовательный. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (дата обращения 26.02.17).
5. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс]: "ОНЛАЙН СЛОВАРИ". – Режим доступа: onlineslovari.com (дата обращения 26.02.17).
6. Квятковский, А. П. / А. П. Квятковский / Словарь поэтических терминов. Под ред. С.М. Бонди. Изд.2-е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – С. 240.
7. Кожевникова, В. М., Николаева, П. А. Литературный энциклопедический словарь / В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
8. Корюкина, Е. С. Проблема определения антитезы в терминологических словарях и справочниках / Е. С. Корюкина // Вестник ННГУ. – № 5. – 2012. – с. 300 – 303.
9. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
10. Лебедев–Полянский, П.И. Литературная энциклопедия: в 11 томах [Текст] / П. И. Лебедев–Полянский [и др.]. ? М. : Художественная литература, 1929?1939. – Т. 11. – С. 9 – 824.
11. Новый словарь иностранных слов – by EdwART [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : [http:// dic.academic.ru](http://dic.academic.ru) (дата обращения 25.05.2015)
12. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/> (дата обращения 26.02.17).
13. Попов, М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке / М. Попов. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во И. Д. Сытина. ? 1906. ? 458 с.
14. Розенталь, Д. Э. Словарь–справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е. – М. : Просвещение, 1985. – 400 с.
15. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm> (дата обращения 26.02.17).
16. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.classes.ru/> (дата обращения 26.02.17).
17. Malcolm X. Message to the Grassroots [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://teachingamericanhistory.org/library/document/message-to-grassroots> (дата обращения 04.04.17).

© Е.В. Матвеева, Т.Ю. Ма, (matveeva_555@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МИФОРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ "ПРЕКРАСНАЯ ДАМА" В СТРУКТУРЕ АВТОРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на материале дневников А.А. Блока)

MYTHOREALISTIC CONCEPT OF 'BEAUTIFUL LADY' IN THE STRUCTURE OF THE AUTHOR'S IDENTITY (based on the diaries of Alexander Blok)

*D. Minets
A. Gorushkina*

Annotation

In the framework of this article discusses the diaries of A. Blok 1901–1921., reflecting the process of self-identification of the writer. The basis of the personal identity of the author in the text, constitute the conceptual dominant of the "Beautiful Lady", "Art" ("Creativity"), "Intelligentsia", with the first being the basis of vital-creative strategy, gipertonicescomu performs the function of determining the attitude to the other. For 20 years under the influence of various socio-cultural situations of Blok's "self-concept" is undergoing significant changes. The vector of these changes demonstrates the complex evolution of the author's "I". The model of the author's identity is defined by the following bi-directional communication vectors: 1) "I" – "It", "I" – "Other" as a marker of social position obstreperousness Blok (single => group => ontological opposition); 2) "I" – "another me" as a marker reflective of autocommunication; 3) "I" – "We" as a marker of group self-categorization.

Keywords: social and personal identity, avtodokument, diary, vital-creative strategy, concept.

*Минец Диана Владимировна
К.филол.н., доцент,
Череповецкий государственный
университет
Горушкина Анна Валентиновна
Аспирант,
Череповецкий государственный
университет*

Аннотация

В рамках настоящей статьи рассматриваются дневники А.А.Блока 1901–1921 гг., отражающие процесс самоидентификации пишущего. Основу персональной идентичности автора в тексте составляют концептуальные доминанты "Прекрасная Дама", "Искусство" ("Творчество"), "Интеллигенция", причем первая, будучи основой жизнотворческой стратегии, выполняет гипертоническую функцию, определяя отношение и к остальным. В течение 20 лет под влиянием различных социокультурных ситуаций блоковская "Я-концепция" претерпевает существенные изменения. Вектор этих изменений демонстрирует сложную эволюцию авторского "я". Модель авторской идентичности определяется следующими разнонаправленными коммуникативными векторами: 1) "Я" – "Она", "Я" – "Другие" как маркер позиционной социальной абстрагированности Блока (единичная => групповая => онтологическая оппозиции); 2) "Я" – "другой Я" как маркер рефлексивной автокоммуникации; 3) "Я" – "Мы" как маркер групповой самокатегоризации.

Ключевые слова:

Социальная и персональная идентичность, автодокумент, дневник, жизнотворческая стратегия, концепт.

Дневники Александра Блока 1901 – 1921 гг. неоднородны по своей структуре. Кроме собственно дневниковых записей, туда входят фрагменты записных книжек, черновики неотправленных писем. В дневниках поэта нашли отражение события литературной жизни того времени, личная драма, а также творческие идеи и наработки новых произведений. Обывателю поэт известен прежде всего циклом "Стихи о Прекрасной Даме", главным текстом его жизни, состоящим из стихотворений 1899–1902 гг. и отражающим романтически возвышенное мироощущение автора, находящегося в мистическом ожидании встречи с прекрасной возлюбленной, Вечной Женственностью, Прекрасной Дамой, эстетическим протоидеалом которой стала Л.Д. Менделеева, крайне мифологизированный и опозитизи-

рованный образ русской лирики.

Продолжительный временной диапазон автодокумента позволяет не только воссоздать контекст эпохи, но и проследить изменение его восприятия автором, увидеть эволюцию внутреннего мира поэта [4, с. 5]. Фрагментарность дневников выражается и в разного рода интервалах между записями (от нескольких дней до нескольких лет), и в жанровом формате записей (публикационные фрагменты, письма, непосредственно дневниковые записи), и в нарушении хронологического порядка (сосуществование в пределах нескольких страниц фактов реального для автора времени и явлений прошлого, зафиксированных в виде воспоминаний). Эта чисто внешняя черта, отражающая закономерность оформления текстового материала, в определенной сте-

пени также может являться способом репрезентации авторского начала [7, с. 113; 15, с. 5]: стихийный характер записей как свидетельство внутренней дисгармонии пишущего.

Основу персональной идентичности автора в тексте составляют следующие концептуальные доминанты: "Прекрасная Дама", "Искусство" ("Творчество"), "Интеллигенция". Наиболее частотными способами самоидентификации авторского "я" являются взаимоотношения с Л.Д. Менделеевой и отношение к искусству, творчеству.

Прекрасная Дама как воплощение божественного начала и Вечной Женственности во многом определила мироощущение поэта. В дневниках этот конструкт не остается неизменным, а подвергается трансформации – от Вечной Женственности, Вечной Жены до его конкретного, очеловеченного эквивалента. Л.Д. Менделеева (Прекрасная Дама) – важный маркер самоидентификации А. Блока.

Первые дневниковые записи 1901 – 1902 гг. соответствуют начальному этапу взаимоотношений А.Блока и Л.Менделеевой. Именно поэтому не является случайным использование лексических единиц с семантикой "неполнота проявления признака", "уменьшительность" (диминытивы, иначе – слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами), "детальность", доминируют лексемы с "символистскими" коннотациями: "Показывалась Ваша фигура – Ваши линии, так давно знакомые во всех мелочах, изученные, с любовью наблюденные. На Вас бывала, должно быть, полумодная шубка с черным мехом, не очень новая; маленькая шапочка, под ней громадный, тяжелый золотой узел волос – ложился на воротник, тонул в меху. Розовые разгоревшиеся щеки оттенялись этим самым черным мехом. Вы держали платье маленькой длинной согнутой кистью руки в черной перчатке – шерстяной или лайковой. В другой руке держали муфту, и она качалась на ходу. Шли быстро, немного покачиваясь, немного нагибаясь вправо – влево, смотря вперед, иногда улыбаясь..." [3, 29 августа 1902г.]. "Менделеевский" нарратив на этом этапе – это "Вы"–дискурс. Для него их встречи – нечто необыкновенное, очень важное, для нее же – "мимолетны" [3, 29 августа 1902г.]. На диминытивах следует остановиться особо: они – неотъемлемая часть женской идентичности возлюбленной [1, Р. 7467].

А.Блок именует себя рабом Прекрасной Дамы, нарочито демонстрируя свою зависимость от нее: "Я стремлюсь давно уже как-нибудь приблизиться к Вам (быть хоть Вашим рабом, что ли, – простите за тривиальности, которые не без намеренья испещряют это письмо)" [3, 16 сентября 1902г.]. В дневниковых посланиях к ней доминируют глаголы уничижительной семантики: "Мне было бы страшно остаться с Вами. На всю жизнь – тем более. Я и так иногда боюсь, и дрожу при Вас незримой. Могу или лишиться рассудка, или самой жизни", "И все больше дрожу и дрогну" [3, 16 сентября 1902г.]. Перифрастические номинации, использованные в записях

периода 1901–1909 гг., – яркая иллюстрация общесимволистского мистического контекста, обусловленного влиянием идеалистической философии: "земное воплощение пресловутой Пречистой Девы или Вечной Женственности" [3, 16 сентября 1902г.]; "прошедшее, святое место души" [3, 23 сентября 1909г.]. Иными словами, этот период примечателен для Блока тем, что "вспыхнувшее в нем с огромной, всепоглощающей, страстно-напряженной силой любовное чувство к Л.Д. Менделеевой сочеталось с мистической настроенностью, с увлечением идеалистической философией, учением Платона, воспринятым в духе высказываний Владимира Соловьева <...> В поэзии Вл. Соловьева "вечно женственное" трактуется как явление космического масштаба и осмысляется как новый религиозный культ, что полностью отвечало взглядам и переживаниям юно-го Блока" [13, с. 15]. Эта мысль находит подтверждение в дневниковых записях: "Собирая "мифологические" матерьялы, давно уже хочу я положить основание мистической философии моего духа. Установившимся наиболее началом смело могу назвать только одно: женственное <...> Я, как мужской коррелят "моего" женственного [3, 26 июня 1902г.].

Таким образом, уже записи 1901–1902 гг. содержат семантическую оппозицию "Я" – "Она", обусловленную противопоставлением автора и его возлюбленной по бинарному критерию "земное – божественное". В этих записях женское начало – символ таинственного, мистического, вечного: "В знаменье видел я вещей сон. Что-то порвалось во времени, и ясно явилась мне Она, иначе ко мне обращенная, – и раскрылось тайное. <...> А она все протягивала руки, и занялось сердце. И в эту секунду, на грани ясновиденья, я, конечно, проснулся" [3, 26 сентября 1901г.]. Доминирующая эмоциональная тональность – преклонение, благоговение, священный трепет, но – как следствие – и осознание невозможности сближения с объектом. Автор нарочито подчеркивает дистанцию между собой и Прекрасной Дамой.

Радикальное изменение ситуации отмечается с 1909 г. Разочарование в культе Прекрасной Дамы приводит не только к утрате романтического ореола, созданного вокруг Л.Менделеевой, но и к разрушению созданной А.Блоком житнетворческой стратегии, что приводит к осознанию себя обманутым и обманувшимся, разуверившимся в своем идеале человеком: "Когда я влюбился в те глаза, в них мерцало материнство <...>. И все это было обманом" [3, 11–12 июня 1909г.].

С 1910 года в текстах наблюдается нарочитое семантическое снижение образа, совпадающее с известными событиями в биографии А. Блока и Л. Менделеевой. Отныне она уже просто "Люба" или же "Любанька", реже – просто "милая". Лексика поэтического стиля с мистическими коннотациями уступает место бытовой, причем эта тенденция распространяется и непосредственно на образ Л.Д. Менделеевой: "Люба в новой лиловой бархатной шубке"; "Растрепа, совершенно гряз-

ные ручонки"; "Моя милая вечером в белом купальном халатике, тихонькая, пила со мной чай".

Постепенно в текстах начинают доминировать глаголы, акцентирующие негативные проявления тех или иных признаков у некогда Прекрасной Дамы: "Люба довела маму до болезни. Люба отогнала от меня людей, Люба создала всю ту невыносимую сложность и утомительность отношений, какая теперь есть. Люба выталкивает от себя и от меня всех лучших людей, в том числе – мою мать, то есть мою совесть. Люба испортила мне столько лет жизни, измучила меня и довела до того, что я теперь" [3, 18 февраля 1910г.]. Данная и многие другие однотипные с ней сложные синтаксические конструкции состоят из ряда двусоставных предложений с прямым порядком слов, отчего высказывания приобретают констатирующий, утвердительный, безапелляционный характер.

Теперь это уже не Прекрасная Дама, не идеальная женщина: "Люба, как только она коснется жизни, становится сейчас же таким дурным человеком, как ее отец, мать и братья. Хуже, чем дурным человеком, – страшным, мрачным, низким, устраивающим каверзы существом, как весь ее поповский род" [3, 18 февраля 1910г.]. Градация в пределах одного сложного синтаксического целого ряда однородных членов с отрицательной оценкой разрушает сформированный дневниковыми записями начального периода знакомства А.Блока с Л.Менделеевой образ Вечной Женственности.

Прекрасная Дама обретает зримые черты, и в основе отторжения поэта лежит невозможность принять земное существо возлюбленной: "Я вне себя уже. Пью коньяк после водки и белого вина. Не знаю, сколько рюмок коньяку. Тебе назло, трезвый (теперь я могу говорить с тобой с открытым лицом – узнаешь ли ты меня? Нет!!!)" [3, 20 января 1910г.]. Данный фрагмент отражает наивысшую точку напряжения в личных взаимоотношениях А.Блока и Л.Менделеевой: реализм начинает доминировать над мистикой и символизмом. Разрыв взаимоотношений с Л.Д. Менделеевой меняет авторскую позицию по отношению к действительности, в письме к Н.Н.Волоховой он напишет: "...Я пишу Вам бесконечно усталый, эти дни – на сто лет старше Вас" [3, 4 декабря 1911г.]. Локальная дихотомия "я – Она" расширяется до онтологических и метафизических "я – другие", "я – мир": "В душе у меня есть темный угол, где я постоянно один, что иногда, в такие времена, как теперь, становится тяжело" [3, 4 декабря 1911г.].

Взаимоотношения между А.Блоком и Л.Менделеевой нестабильны, изменчивы, что находит и текстовое воплощение [14, с. 2016: 583–584]. Сам Блок определяет их оценочным прилагательным "ужасные"; процессуальные характеристики (в том числе – выстроенные по модели отрицания) усугубляют эту оценочность: "Люба опять обманывает меня", "Люба все уходит из дому – часто", "Люба продолжает относиться ко мне дурно" [3, 11 октября 1912г.]. Любви Дмитриевне неприятен даже

тот факт, что в заметке газеты "Речь" о Териокском предприятии она упомянута как "жена поэта" [3, 28 мая 1912г.]. Сам поэт в дневнике запишет: "7-го ноября вечером меня "с супругой" зовут в "Аполлон" слушать чтение стихов "Цеха поэтов"". Закавыченный перифраз подчеркивает, насколько сильно трансформировался как исходный идеал, так и его земное воплощение (согласно версии А.Блока, Л.Д.Менделеева не выполняет роли добропорядочной жены, супруги, впрочем, как и он сам). Он мало времени уделяет жене, предпочитая проводить время с другими женщинами, нередко появлялся дома лишь под утро, а Л.Д. Менделеева в свою очередь уходит к Андрею Белому. В то же время в записях этого же периода Блок не отрицает нежных чувств к ней: "Может быть, только я один люблю мою милую, но не умею любить и не умею помочь ей". И в пределах все того же текстового фрагмента он пишет, что она "мучит и разрывает" его. Контрастная оценочность на текстовом уровне подтверждает факт грядущей драмы семьи Блок-Менделеева.

В записях 1914 года Блок начинает ностальгировать о прошлых чувствах, которые вызывала в нем Л.Д.Менделеева: "Перевожу, хожу по тем местам, где я когда-то, в молодости, тосковал о Любе, а после – скучал с ней. Как сладостно" [3, 16 июня 1914г.]. В таких фрагментах вновь начинает доминировать исчезнувшая к 1913–1917гг. поэтическая лексика соответствующей тональности. К 1916 г. А.Блок окончательно устает от сложностей, возникших в отношениях с Л. Менделеевой: "Ночью: из комнаты Любы до меня доносится: "Что тебе за охота мучить меня?..". Я иду с надеждой, что она – сама с собой обо мне. Оказывается – роль. Безвыходно для меня. Устал, довольно" [3, 1 июля 1916г.]. Модальный и глагольный ряд требует логического завершения сюжета, фрагмента и синтаксической конструкции, однако в записях 1917 г. вновь появляется тень Прекрасной Дамы, что была прежде: "Как мне в такие дни нужна Люба, как давно ее нет со мной. Пожить бы с ней; так, как я, ее все-таки никто не оценит – все величие ее чистоты, ее ум, ее наружность, ее простоту" [3, 21 мая 1917г.].

Из тяжелого психологического состояния поэта не выводят ни связи с другими женщинами, ни творчество. Переживание исходного состояния вновь приводит поэта к восстановлению картины взаимоотношений с той, что была Прекрасной Дамой, однако теперь – без пламенного восторга, более сдержанно. Для записей 1918г. характерен высокий процент субъективности в сравнении с фактологичностью записей прошлых лет. Воссоздавая историю любви, автор возвращается кначальному периоду взаимоотношений с Менделеевой (1987 – 1901 гг.): "К концу 1900 года растет новое. Странное стихотворение 24 декабря ("В полночь глухую..."), где признается, что Она победила морозом эллинское солнце во мне (которого не было). <...> В конце января и начале февраля (еще – синие снега около полковой церкви, – тоже к вечеру) явно является Она. <...> И Она уже в дне,

т.е. за ночью, из которой я на нее гляжу. То есть Она предана какому-то стремлению и "на отлете", мне же дано только смотреть и благословлять отлет]" [З, 30 августа 1918г.]. В этих фрагментах записных книжек зримая фигура Менделеевой появляется в предпоследний раз.

В записях 1919г. Блок де-факто ставит точку в отношениях с Любовью Дмитриевной, подводя итог почти двадцатилетнему мистическому опыту: "Да, когда я носил в себе великое пламя любви, созданной из тех же простых элементов, но получившей новое содержание, новый смысл от того, что носителями этой любви были Любовь Дмитриевна и я – "люди необыкновенные"; когда я носил в себе эту любовь, о которой и после моей смерти прочтут в моих книгах, – я любил прогарцевать по убогой деревне на красивой лошади; я любил спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мужика, чтобы "пофорсить", или у смазливой бабенки, чтобы нам блеснуть друг другу мимоходом белыми зубами, чтобы ёкнуло в груди так себе, ни отчего, кроме как от молодости, от сырого тумана, от ее смуглого взгляда, от моей стянутой талии, и это ничуть не нарушало той великой любви (так ли?) а, напротив, – раздувало юность, лишь юность, а с юностью вместе раздувался тот "иной" великий пламень..." [З, 6 января 1919г.]. Этот объемный текстовый фрагмент крайне важен для понимания блоковской концепции Прекрасной Дамы: в нем намеренно сталкиваются лексика разных стилей, разных коннотаций, разной экспрессивной тональности. "Великий пламень любви" и "люди необыкновенны" в пределах периода соседствуют с шутивными "прогарцевать", "пофорсить", "блеснуть". Вставочная конструкция, являющая собой по структуре риторический вопрос (основной вопрос творческой биографии Блока: "так ли?"), наглядно демонстрирует, насколько ошибочной была эта жизнетворческая концепция поэта: текстовая модель Прекрасной Дамы продемонстрировала свою несостоятельность раньше реальной еще в поэзии, а автодокумент лишь зафиксировал развенчание последней.

Рассматривая дневники как единый монолитный текст, можем интерпретировать образ Прекрасной Дамы как ключевой, лежащий в основе замкнутого композиционного круга: это обусловлено возвращением к начальному образу Души Мира. Сам А.Блок оказывается в этом замкнутом пространстве, что в очередной раз подчеркивает его фатальную зависимость от Прекрасной Дамы даже после того, как ее мифический образ был им же развеян. Это в свою очередь отразилось и на авторской самоидентификации.

Вторым наиболее актуальным маркером авторской идентичности в дневниках является отношение Блока к искусству. Следует обратить внимание на то, что в блоковских записях нередко концепты "Женщина" и "Искусство" ("Творчество") образуют некий синтез, в котором трактовка одного компонента становится невозможной без учета другого: "Сегодня я буду у Мережков-

ских. Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию. <...> Что ж, расплывусь в боге, разольюсь в мире и буду во всем тревожить Ее сны" [З, 2 апреля 1902г.]. Авторская рефлексия проявляет себя в двух векторах профессиональной идентичности: 1) через анализ собственного творчества; 2) через выражение личного отношения к творчеству других художников.

В первом случае дневниковые записи характеризуются повышенным уровнем авторефлексии. Эта тенденция наиболее характерна для ранних записей. Так, в дневниках 1906г. он отмечает: "Со мною бывает часто, все чаще физическое томление. Вероятно, то же у беремененных женщин: проклятие за ношение плода; мне проклятие за перерождение" [З, 21 декабря 1906г.]. Трактовка творческого процесса как мучения, проклятия и в то же время акта материнства была свойственна многим художникам, Блок в этом смысле не был исключением. Кроме того, данная запись отличается значительной долей самокритики: "Стихами своими я недоволен с весны. <...> Стихи уж писал так себе, полунужные" [З, 21 декабря 1906г.]. Самокритика станет важным вектором самопрезентации пишущего. В записи 1911 г. Блок записывает: ""Честным" трудом литературным прожить среднему и требовательному писателю, как я, почти невозможно. Посоветуйте же мне, милые доброжелатели, как зарабатывать деньги; хоть я и ленив, я стремлюсь делать всякое дело как можно лучше. И, уж во всяком случае, я очень честен" [З, 15 октября 1911 г.]. Личностная (персональная) и социальная (профессиональная) идентичность в последних записях примет однонаправленный нисходящий характер развития: "Свежесть уже не та, не первоначальная. <...> Лучшими останутся "Стихи о Прекрасной Даме". Время не должно тронуть их, как бы я ни был слаб как художник. <...> Поэма остается неоконченной. Техника того, что написано последним, слабовата уже" [З, 28 июня 1916г.].

Модель социальной идентичности автора строится на дихотомии "я – другие". Впервые это фиксируют записи 1909г.: "...Я думаю о том, что вот уже три-четыре года я втягиваюсь незаметно для себя в атмосферу людей, совершенно чужих для меня, политиканства, хвастливости торопливости, гешефтмахерства"; "Хотел бы много и тихо думать, тихо жить, видеть немного людей, работать и учиться. Неужели это невыполнимо?" [З, 11-12 июня 1909г.]. Неприятие литературного окружения Блоком может быть обусловлено его разрывом с символизмом. В дальнейшем это отношение становится более экспрессивным.

За довольно значительный временной интервал творчество А. Блока переживает сложную эволюцию. От символизма и мистики стихов о Прекрасной Даме, которые автор считал лучшими в своем творчестве, он постепенно приходит к осмыслению реальной действительности, нарочито противопоставляя себя той писательской среде, что в период активизации революцион-

ных настроений пыталась уйти в "надмирные" сферы искусства. Такая позиция ведет его к тому, что он, будучи одним из представителей символизма, отказывается от него, отдавая предпочтение реалистическому осмыслению действительности: "Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше один, отвечаю за себя, один – и могу еще быть моложе молодых поэтов "среднего возраста", обремененных потомством и акмеизмом" [3, 10 февраля 1913г.]. Маркером окончательного разрыва с творческой средой и максимального абстрагирования от действительности является запись 1916г.: "С "литературой" связи я не имею, и горжусь этим. То, что я сделал подлинного, сделано мною независимо <...> Драма о фабричном возрождении России ... завещается ... такому же, как я, неприкаянному" [3, 28 июня 1916г.].

Таким образом, на протяжении 1909–1916гг. творческая изоляция автора усиливается. При этом надо отметить, что стратегия социальной категоризации [2, Р. 77–121] в дневниковых записях с 1901–1920 гг. обнаруживает себя всего 4 раза. Первое упоминание связано с актуальным для Блока вопросом о судьбе интеллигенции и предваряет появившуюся значительно позже статью "Интеллигенция и революция". Однако существенная разница когнитивных сценариев названных текстов заключается в том, что в дневнике, в отличие от публицистической статьи, фиксируется подчеркнутая принадлежность Блока к классу интеллигенции, определенная и соответствующее отношение к положению этой социальной страты в период революционных событий: "Я знаю, что здесь соберутся цвет русской интеллигенции и цвет церкви, но и я интеллигент <...>. Я хочу, чтобы зерно истины, которое я, как один из думающих, мучающихся и т.д. интеллигентов <...> И главное, что я хотел сказать, это то, что нам, интеллигентам, уже нужно торопиться..." [3, 29 октября 1908г.].

Во втором упомянутом нами случае местоимение "мы" определяет круг современников и не включает в себя иных коннотаций: "Весьма вероятно, что наше время – великое и что именно мы стоим в центре жизни..." [3, 17 октября 1911г.].

Третья запись подобного рода отличается большей экспрессивностью и отражает авторское обоснование отмежевания от символизма: "'Символическая школа' – мутная вода... Когда мы ("Новый путь", "Весы") боролись с умирающим, плоско-либеральным, псевдореализмом, это дело было реальным, мы были под знаком Возрождения. Если мы станем бороться с неопределенным и, может быть, своим (!) Гумилевым, мы попадем под знак вырождения. <...> Мы русские" [3, 17 апреля 1912г.]. Финальная реплика эксплицирует национальную (этническую) идентичность, нейтрализует различия профессиональных субидентичностей.

Последняя запись, тематически соотносимая с приводимой выше, также основывается на стратегии социальной категоризации, но приобретает негативную

оценку: "Мы – дрянь, произведения буржуазии... Мы не имеем понятия о деньгах (обеспечены). Полная непригодность к жизни. Нас – меньшинство, но мы – распоряжаемся (в другом лагере современной молодежи) ..." [3, 31 января 1918г.].

Действие "Мы-концепции" охватывает в первую очередь социальную, политическую и культурно-историческую сферы в сегменте классовой принадлежности ("мы – интеллигенты"), национальной идентичности ("мы – русские"), темпоральной ("мы – свидетели времени") и профессиональной отнесенности (журналы "Весы" и "Новый путь" как метонимические перифразы символистского течения). Семантическая оппозиция "Я" – "Мы" по количеству репрезентаций значительно уступает выше рассмотренным "Я" – "Она" и "Я" – "Другие". Этот факт является еще одним свидетельством подчеркнутой "выключенности" автора из культурного и социального контекста в последние годы жизни: "Я – "одичал": физически (обманчиво) крепок, нравственно расшатан (нейрастения – д-р Каннабих). Мне надо заниматься своим делом, надо быть внутренне свободным..." [3, 14 апреля 1917г.]. Кризис идентичности (социальной и личной) фиксируют записи, подобные следующей [16]: "Я каждые полгода собираюсь самоубиться" [3, 31 января 1918г.].

Таким образом, модель авторской идентичности определяется следующими разнонаправленными коммуникативными векторами (Minets 2016: 7473):

1. "Я" - "Она", "Я" - "Другие" как маркер позиционной социальной абстрагированности Блока (единичная => групповая => онтологическая оппозиции);
2. "Я" - "другой Я" как маркер рефлексивной коммуникации;
3. "Я" - "Мы" как маркер групповой самокатегоризации.

В статистическом отношении два первых коммуникативных вектора преобладают над третьим: см. **Рис. 1**.

Таким образом, дневники А. Блока 1901 – 1921 гг. представляют собой уникальный документ: в них находят отражение процесс самоидентификации пишущего. Основу персональной идентичности автора в тексте составляют концептуальные доминанты "Прекрасная Дама", "Искусство" ("Творчество"), "Интеллигенция", причем первая, будучи основой жизнетворческой стратегии [8, с. 178–183], выполняет гиперонимическую функцию, определяя отношение и к остальным. В течение 20 лет под влиянием различных социокультурных ситуаций блоковская "Я-концепция" претерпевает существенные изменения. Вектор этих изменений демонстрирует сложную эволюцию авторского "я" от символиста до реалиста, от кумира поколения до одинокого и большого человека, чья жизнетворческая концепция оказалась ошибочной. Текстовая модель Прекрасной Дамы проде-

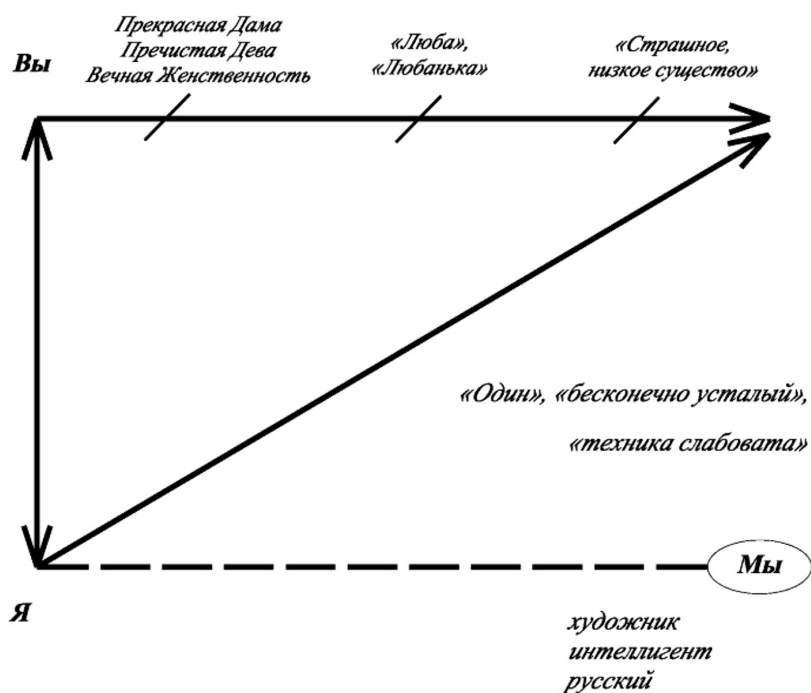

Рисунок 1. Модель идентичности А. Блока в дневниках 1901-1921гг.

монстрировала свою несостоятельность раньше реальной еще в поэзии, а автодокумент лишь зафиксировал

развенчание последней и вместе с ней и кризис авторской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Minets D. Mythorealistic Concept of 'Beautiful Lady' in the Structure of the Author's Identity (Based on the Diaries of Alexander Blok) // International Journal of Environmental and Science Education, 2016, № 11(15). P. 7465–7475.
2. Turner J. Social Categorization and Self-concept: A social cognitive theory of group behaviour // Advances in group processes. London, 1985. P. 77–121.
3. Блок А.А. Собр. соч. в 6 томах / Под общ. ред.: М.А. Дудина, В.Н. Орлова, А.А. Суркова. Т.5: Лирическая проза. 1906–1921. Автобиография. 1915. Из дневников и записных книжек. 1901–1921. Последние дни имперской власти. 1918 / Сост. В. Орлова; примеч.: И. Исакович, В. Орлова; подгот. текста И. Исакович. Л., 1982.
4. Звонарева Ю.В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск: ЧГУ, 2013.
5. Концептуализация языковой личности в различных типах дискурса: Коллективная монография / С.Ю. Лаврова, Д.В. Минец, Е.О. Бирюкова, К.А. Елистратова; отв. ред. С.Ю. Лаврова. Череповец: ЧГУ, 2012.
6. Кутковая Е.С. Сравнительный анализ дискурсивного и нарративного подходов к исследованию идентичности: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2016.
7. Лицук Ж.В. Серебряный век в мемуарах и автобиографиях современников / Ж. В. Лицук // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки, 2012. № 3 (106). С. 112–126.
8. Минец Д.В. Концепты идентичности в "Сводных тетрадах" М.И. Цветаевой: гендерный аспект // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2012. № 2. С. 178–183.
9. Мухина В.С. Проблемы генезиса личности. М., 1985.
10. Радзиевская Т.В. Ведение дневника как вид коммуникативной деятельности // Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 112–119.
11. Савкина И. Л. "Пишу себя...": Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere, 2001.
12. Савкина И. Теории и практики автобиографического письма // Новое литературное обозрение, 2008. № 92. С. 284–289.
13. Соловьев Б.И. Александр Блок / Вступит. статья // А.Блок. Собр.соч. в 6-ти т. М., 1971. Т.1. С. 5–36.
14. Тарасова И.В., Минец Д.В. Лексико-семантические трансформации образа Л.Д. Менделеевой в дневниках А.А. Блока / Тарасова И.В., Минец Д.В. // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции (Вологда, 20–21 апреля 2016 г.): в 3 т. / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [отв. ред. А. А. Сеницын]. Вологда: ВоГУ, 2016. Т.2. С. 583–584.
15. Шлыкова Ю.Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар: КГУ, 2006.
16. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.

ЭКСПЛИКАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ АТАРАКСИИ В РОМАНЕ И. ГОНЧАРОВА "ОБЛОМОВ"

EXPLICATION AND CONCEPTUALIZATION of ATARAXIA IN the NOVEL by I. GONCHAROV "OBLOMOV"

Sun Lizhen

Annotation

This article examines a form of explication and conceptualization of Ataraxia in the art, the example of I. A. Goncharov's novel "Oblomov". Identified impersonated the archetypal problem of aesthetics Ataraxia in I. A. Goncharov's novel "Oblomov".

It is proved that Ilya Ilyich was a true epicurean, that skepticism Oblomov is the transcendental despair, psychologically is a state of Ataraxia, no rebellion, inaction is an act, not a spiritual death, and peace.

Keywords: Ataraxia, harmony, aesthetic activities, the individual, the Epicureanism.

Сунь Личжэнь

К.филол.н., доцент,
Суйхуаский университет,
г. Суйхуа, Китай

Аннотация

В статье исследуется форма экспликации и концептуализации атараксии в искусстве на примере романа И. А. Гончарова "Обломов". Выявлена олицетворенная архетипическая проблема эстетики атараксии в романе И. А. Гончарова "Обломов".

Доказывается, что Илья Ильич был настоящим эпикурейцем, что скепсис Обломова является трансцендентальным отчаянием, психологически – это состояние атараксии, отсутствие мятежности, бездействие как деяние, не духовная смерть, а покой.

Ключевые слова:

Атараксия, гармония, деятельность эстетическая, индивид, эпикуреизм.

Исследование проблемы атараксии совершенствуется понимание осуществления индивидуально-субъективной формы переживаний человеком окружающей объективной действительности в эстетической сфере общественного бытия.

Атараксия – душевное спокойствие, невозмутимость, безмятежность, по мнению некоторых древнегреческих философов, достигаемая мудрецом. [1]

Анализ атараксии можно сделать с привлечением работ, которые не разрешают непосредственно проблеме атараксии, а посвящены исследованию внутреннего состояния человека. Свообразным наглядным пособием по проблеме атараксии служит произведение И. А. Гончарова "Обломов", в котором проблема атараксии раскрывается посредством образных литературных средств, а не понятийного аппарата философии.

Человек ищет свою истину не только в философии, но и в искусстве. Едва ли не наибольшие возможности из всех видов искусства в познании человека в поиске гармонии, меры и эвритмии с миром имеет художественная литература. Проблема гармонии во все времена волновала писателей.

Художественная литература постоянно ставила "извечные" философские вопросы. Философичность лите-

ратуры может проявляться в различных формах. В одних произведениях она представлена в открытой форме, через высказывания героев, которые могут быть включены в литературные произведения, поскольку они несут в себе какую-либо философскую мысль. Философичность можно выразить и по-другому: в этом случае читатель или узнает знакомые для него идеи или ощущает их философичность. Однако, чтобы философичность стала ощутима, философская идея, переданная в произведении, должна отвечать следующим требованиям: быть более или менее инвариантной, глубоко укоренившейся в человеческий опыт, иметь архетипический характер.

Такой архетипический характер имеет идея гармонии человека и мира, душевной гармонии личности. Эта идея присуща не только философии, но и искусству. Потому и литературные произведения, которые отражают и предлагают пути нахождения индивидуальной гармонии столь долговечны. Мы говорим о таком произведении классической литературы, как "Обломов" И. А. Гончарова, поскольку считаем, что в нем, как ни в каких других произведениях русской литературы, затронуты проблемы вечные и вневременные, а главное, касающиеся нашего исследования атараксии с точки зрения гармонии, меры и уравновешенности.

В самом деле, здоровый человек постоянно разлежся на диване: спит, ест, снова спит, и запоминается только

это, даже если роман до конца не дочитан – то, что лежит, запомнилось на всю жизнь.

Илья Ильич как настоящий эпикуреец находил для себя утешение в бескорыстном и чисто эстетическом любовании предельными идеалами замкнутой в себе и сосредоточенной в себе безмятежности. Он отличается чрезвычайно благородным, спокойным, уравновешенным и созерцательным характером. Так почему мы помним этого эпикурейца? Почему его поведение нас так задевает?

И.А. Гончаров в романе "Обломов" поднимает архетипический вопрос, по сути, вопрос поиска индивидом гармонии действия и созерцания, действия и рефлексии. Возможно ли гармоничное сочетание деятельности "на благо" человека с последствиями этой деятельности, порой страшными, суетливой борьбой за власть и блага с душевными равновесием и счастьем?

И. А. Гончаров, как и любой интеллигент середины XIX века, был хорошо знаком с работами немецких философов-рационалистов Канта, И.-Г. Фихте, Ф.-В.-Й. Шеллинга, их идеи нашли отражение в творчестве писателя. Роман "Обломов" не дает конкретных ответов на смысловые жизненные вопросы, И. А. Гончаров не ведет пространственных философских рассуждений о роли и назначении человека. Это не чисто философский роман. Однако, это и не просто набросок действительности, в котором сведены вместе несколько помещиков для типизации главного героя.

Образ Ильи Ильича становится "вечным образом" – персонажем, который вышел за пределы романа, которого можно встретить в различных литературных произведениях. Имена таких персонажей становятся нарицательными, нередко употребляются как эпитеты, характеризуют какие-то качества личности человека или другого литературного персонажа. Эти персонажи потеряли свое чисто литературное значение и приобрели общечеловеческое. Обломов – вечный образ, потому что все мы немного Обломы, хотя и каждый на свой лад. [2]

Ранее было отмечено, что главного героя воспринимают не иначе, как сонного ленивца. Но "сон" Обломова, его "активное" бездействие надо объяснить.

Мы рассматриваем атаксию как гармонию, меру и уравновешенность в контексте мироотношения, а, как известно, человек деятельностью либо отсутствием таковой в состоянии привести окружающий мир и собственное душевное состояние к гармонии либо к дисгармонии.

Как известно, деятельность – это "не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение,

собственные внутренние переходы и превращения, собственное развитие" [3, 82]. Со времен немецкой классической философии европейская культура восприняла новую концепцию личности, для которой были характерны рациональность, инициатива и активность в различных направлениях. Тогда же возникли предпосылки понимания деятельности как основы культуры в целом, утвердилось понятие деятельности как мировоззренческого, или объяснительного принципа [4]. Первые шаги к такому видению сделал Кант, но статус общего основания культуры деятельности придал И.-Г. Фихте. То, что Кант считал присущим божественному интеллекту – создание бытия одним лишь актом его созерцания, – у Фихте приобретает атрибут самосознания. Природу, которая принадлежит нам как независимая от нас данность, по Фихте, надо понимать как продукт "Я" личности. Этим философ расширяет постулаты кантовской философии, придавая им универсальность и конструируя предпосылки для гегелевской философии тождества мышления и бытия.

Фихте разрабатывал монистическую систему, в которой деятельность предстает как единое начало, из которого должно происходить все сущее. Реально существующей может быть лишь деятельность, составляющей которой – причину и следствие – следует понимать с помощью синтетического единства как единое целое. Откуда вытекает вывод, что хуже всего, по Фихте, – отсутствие деятельности, бездействие, инерционность, от которых рождаются подлость и лицемерие. Философ считал, что вся история человеческого рода – это вечное стремление к идеальной гармонии, и лишь деятельность, вкупе со способностью к рефлексии могут создать духовную гармонию. В идеале творческая деятельность является главной защитой личности от духовного опустошения, никчемности и однообразия бытия. Деятельность в любой форме, даже простая физическая активность, являются попыткой преодолеть беспокойство, которое образует неявный фон любой человеческой деятельности. [5]

Как известно, человеческое развитие тесно связано с духовным беспокойством личности, которое нередко становится привычкой, поведенческим и мыслительным стереотипом, что, как правило, сводит на нет все духовные достижения индивида. Вот тут-то и вступает в дело рефлексия, позволяющая человеку подняться над ответственностью его побуждений, подчинить природные наклонности волевому усилию. Помимо этого, рефлексия формирует представления о должном, рождает мечты, которые способствуют душевной стойкости, и, в конце концов, сама становится двигателем творческой деятельности. Именно поэтому Фихте постоянно противопоставляет рефлексии деятельности, чтобы каждый раз возникал новый синтез, следствием которого становилась новая гармония, как наивысшая форма деятельнос-

ти, не сводящаяся к предыдущему уровню беспокойства.

Возвращаясь к роману, можем сказать, что Илью Ильич и его "золотое" сердце – лучшее порождение окружающей героя среды. Обломова недаром сравнивают с Гамлетом, который, как и Обломов, был всегда в поисках какого-то идеала. Обоих не устраивает текущая жизнь, оба хотят чего-то большего, стремятся к неведомому идеалу, который далеко, – и погибают. [6]

Попробуем выделить общие причины бездействия Обломова. Первая из них – собственно "обломовщина", или совокупность панства, лени, отсутствия навыков самообслуживания, привычки жить за счет слуг, незнания жизни, стремления отгородиться от всего. Обломов осознает все перечисленное и страдает.

Другая причина – глубже, объясняет первую – желание находиться в том беззаботном, безмолвном спокойствии души, при котором размеренное удовлетворение потребностей организма привело бы к полному отсутствию всяческих страстей и сложностей.

Для Обломова как для настоящего эпикурейца слишком скучными являются дела и занятия, любая активность – политическая, общественная, личная. Ему дорого только спокойствие, только внутреннее спокойствие самоудовлетворения, счастливая пустота от любых страстей и дел. Это наслаждение спокойствием требует огромной аскезы, воздержания от всего беспокойного. Не надо ни чем заниматься – ни наукой, ни искусством, – потому что такие занятия приносят заботы, неудачи и всевозможные волнения в жизни души, которая мечтает лишь погрузиться в себя и позабыть про остальное. Тем более не стоит заниматься общественными делами, а только безмолвным эстетическим самонаслаждением, лежа на диване.

Главное для эпикурейца Обломова – это внутренний покой его личности, равномерно самонаслаждающейся данным ее бытием. Но Илья Ильич под влиянием Штольца действительно ведет трагическую борьбу с обломовщиной в самом себе. У героя богатая натура, много потенций, силы. Недаром некоторые критики сравнивают его с Ильей Муромцем. В отношении к жизни и людям у обоих в наличии схожие черты: доброта, милосердие, незлобивость. И тот, и другой сидят "без движения" до "возраста Христа", когда оказываются вовлечены в какие-либо события. [7]

У Обломова есть внутренние, субъективные переживания, но отсутствует трагизм внутренней борьбы. Все происходящее с ним происходит только под внешним воздействием, а, как известно, что источником развития может стать лишь внутреннее противоречие.

Однако, мир несовершенен и исправить его не удастся, потому нет повода и пытаться – вот прекрасное оправдание бездействия и постоянного пребывания в неге. Такое мнение было особенно популярно в годы, которые публицистика называет "застойными", когда образ Обломова не раз трактовали как положительный, в котором выражено "кредо недеяния": "За бездействием Обломова видим не только природную лень, воспитанное с детства иждивенчество, но и апатию – результат разочарования разумного и честного человека в самой возможности этой деятельности" [8, 38–39].

Столичный фронт Волков, чиновник и карьерист Судьбинский, желчный литератор и вульгарный обличитель Пенкин тоже пытаются "разбудить" Обломова. Вот такое окружение могло быть в жизни Обломова, если бы он "пробудился". И его жизнь была бы наполнена пустым и суетливым движением – светские развлечения, погоня за карьерой, извечная беготня наперегонки, вечная игра дурных страстей, особенно жадности, сплетни, пересуды.

Обломов, прекрасно осознавая собственное бессилие и нежелание что-либо изменять в существующей действительности, принял позицию невмешательства. Ему не присущи мучительные душевные переживания, он добр и ласков, обладает "золотым сердцем", за которое его и полюбила Ольга. Отношения с внешней средой у Ильи Ильича также довольно устойчивые. Как ни старались Штольц и Ольга повлиять на него, итогом оставался прежний знаменитый халат и возлежание на диване – том самый знаменитый образ круга, который характеризует гармонию меры. Стремление к "точке покоя" – так выстроена композиция романа.

Казалось бы, является гармоничной личностью именно Штольц, с его бурной деятельностью, обладатель рационального ума и практичности, который, к тому же, и сам утверждает, что он счастлив. Но постоянное включение в деятельность, не одушевленное пониманием ее содержания, грозит обесцениванием жизни и даже немного циничным отношением к ней.

Как бы там ни было, Обломове предстает перед нами не только как помещик, а, в первую очередь, как человек. Человек, который не находит гармонию в жизни, предьявляет своему другу обоснованные обвинения, порой ставя его последнего в тупик наивными, но по сути извечными вопросами о смысле деятельности, о ее моральной, гуманной цели, о ее направленности на человека. Но рефлексия Обломова не приводит к активной деятельности, а активная деятельность Штольца не является рефлексивной.

Возвращаясь к роли деятельности в гармонизации человеческого бытия, следует отметить, что бездействие может привести к гармонии, если ее понимать согласно

китайской философии, в которой недеяние – это не просто отказ от действия, но отказ от насилия как над собственной природой, так и природой в целом. Недеяние – это вечная готовность поиска собственного пути в бытийном потоке, а не бездумное бросание в омут деяний. [9]

Стержень самобытной философии недеяния – в призыве соблюдать мировую гармонию. И в этом смысле недеяние можно расценивать не как реальное бездействие, а как несогласие с общепринятой имитацией деятельности, стремление выскользнуть из круговерти бессмысленной суеты. Для чего ломать стену, если к каждой двери существует тайный ключ? Для чего рубить "гордые узлы" там, где лучше просто отложить меч, либо вообще не брать его в руки? Это не только позиция, это – протест.

Обломов не хочет действовать в ущерб собственному нравственному достоинству. На что Штольц категорически заявляет, что это не жизнь, что это – обломовщина. Обломов в ответ, защищаясь, говорит, что не все ли добиваются того же, о чем он мечтает? И цель всего – страстей, войн, торговли, политики – разве не нахождение покоя, не стремление к обретению утраченного рая?

Обломов не воспринимает "петербургскую жизнь",

которая для него слишком холодна, лишена души, направлена на карьеру и деньги. У него совсем иные идеалы, а потому он для себя решает, что лучше остаться тем, кто он есть, сохранив человечность и сердечную доброту, и не став черствым и бессердечным суетным карьеристом.

Обломовщина звучит упреком такому устройству жизни. Все надежды, тревоги, ожидания, море страстей и чувств Обломов отклоняет. Он умирает один, без борьбы и надежды, без победы и поражения. Эпикурец не имеет нигде пристанища, он оставлен на самого себя, все его радости – в нем самом. Он спокоен, когда все вокруг шумит, волнуется и не знает своего смысла. В бурном море жизни он спокойно чувствует свою внутреннюю свободу и независимость.

Печать трагической безысходности лежит на обломовском скепсисе. Он хотел достичь высоты, бесстрастия, величавого покоя, к которому так стремились античные философы. Можно сказать, что скепсис Обломова является философией отчаяния, следствием мировой духовной катастрофы. Психологически, это состояние атараксии, отсутствие мятежности, бездействие, не духовная смерть, а покой. Метафизически здесь не состоялось нечто большое, внутренняя оживляющая сила ушла из мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солопова М. А. Атараксия // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Мысль, 2010.
2. Федяев Д. М. Литературные формы приобщения к бытию: монография / Д. М. Федяев. ? Омск : Издво ОмГПУ, 1998. ? 141 с.
3. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во политической литературы, 1977. – 304 с.
4. Бур М. Притязание разума. Из истории немецкой классической философии и литературы / М. Бур, Г. Иррилиц. – М. : Прогресс, 1978. – 322 с.
5. Гайденок П. П. Парадоксы свободы в учении Фихте / П. П. Гайденок. – М.: Наука, 1990. – 128 с. – (Немецкая классическая философия. Новые исследования).
6. Дружинин А. В. Обломов / А. В. Дружинин // Роман И. А. Гончарова в русской критике: Сб. статей. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – С. 106–125.
7. Орехов С. И. Метафизика возможного мира в русской художественной литературе / Б. В. Емельянов, С. И. Орехов // Грани русской философии: поиски смыслов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 140–144.
8. Краснощекова Е. А. "Обломов" И. А. Гончарова / Е. А. Краснощекова. ? М. : Художеств, лит., 1970. ? 95 с.
9. Лосев А. Ф. Русская философия / А. И. Введенский, А. Ф. Лосев, Э. Л. Радлов, Г. Г. Шпет // Очерки истории русской философии. ? Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. ? 592 с.

© Сунь Личжэнь, (slzshxy@163.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

К ВОПРОСУ О КЛЮЧЕВЫХ КРИТЕРИЯХ СМ-ТЕКСТА КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

TO THE QUESTION OF THE KEY CRITERIA OF THE CM-TEXT AS A TOOL OF SOCIAL MARKETING IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

N. Chesnokova

Annotation

The article is devoted to the definition of the main priority criteria, which should correspond to the texts accompanying the implementation of the social marketing program in education. The author sets a task to identify key criteria for texts that ensure the effectiveness of social marketing programs in educational activities, conduct a detailed analysis of the work of domestic and foreign researchers in social and educational marketing, substantiate the importance of social marketing programs in education and determine the most significant characteristics and criteria for social marketing texts, which it refers to as SM-texts. Then the author offers key characteristics of the CM-text: strength, directivity, factuality, competence, compatibility and prospects. As a result, the author comes to the conclusion that the implementation of the ideas of social marketing in education is based on the development of an educational social marketing program and the formation of the necessary package of special CM-texts.

Keywords: social marketing, social idea, education, social marketing program, social marketing text.

Чеснокова Наталья Ивановна
Аспирант,
Российский университет
дружбы народов, Москва

Аннотация

Статья посвящена определению основных приоритетных критериев, которым должны соответствовать тексты, сопровождающие реализацию программы социального маркетинга в образовании. Автор ставит задачу – выявить ключевые критерии текстов, обеспечивающих эффективность программ социального маркетинга в образовательной деятельности, проводит подробный анализ работ отечественных и зарубежных исследователей по социальному и образовательному маркетингу, обосновывает значимость программ социального маркетинга в образовании и определяет наиболее значимые характеристики и критерии текстов социального маркетинга, которые он обозначает как СМ-тексты. Затем автор предлагает ключевые характеристики СМ-текста: сила, директивность, фактологичность, компетентность, совместимость и перспективность. В результате автор приходит к выводу о том, что реализация идей социального маркетинга в образовании опирается на разработку образовательной социальной маркетинговой программы и формирование необходимого пакета специальных СМ-текстов.

Ключевые слова:

Социальный маркетинг, социальная идея, образование, программа социального маркетинга, социально-маркетинговый текст.

Образовательная среда в России находится сегодня в состоянии реформирования и модернизации. Общество продолжает испытывать потребность в грамотных специалистах, образование которых соответствовало бы сегодня изменяющимся требованиям и новым вызовам. В этих условиях крайне важно сформировать в обществе общее понимание образования как важной социальной идеи, имеющей большое значение для дальнейшего успешного развития России. Образовательную деятельность государство рассматривает как "повышение социальной направленности (ответственности) системы образования, в том числе за счет создания и реализации программ формирования у молодого поколения культуры, здорового и безопасного образа жизни" [7]. В целом социальная ориентированность становится принципиальным фактором выполнения поставленных государством задач по

развитию образования. По мнению Е.А. Старковой, для эффективного развития современного российского образования необходима "модернизация самих основ функционирования общественных отношений" [12]. Л.Я. Хоронько подчеркивает, что "в информационном обществе образование пересекается с экономической сферой и образовательная деятельность становится важнейшей составляющей экономического развития. В таких условиях существенно возрастает роль университетов, призванных формировать новую парадигму, ориентированную на сохранение жизнеутверждающих ценностей" [14].

Маркетинг как экономическое понятие исследован всесторонне и обстоятельно. Однако социальный подход к маркетингу еще не используется в России должным образом, хотя в зарубежных теориях социального мар-

кетинга содержатся идеи, которые могут быть полезными в реализации современной образовательной политики в образовательной деятельности. Одна из актуальных назревших сегодня задач, требующих научного решения, – это выявить ключевые критерии текстов, обеспечивающих эффективность программ социального маркетинга в образовательной деятельности. В условиях глобализации и потребности в международном признании российского образования эти идеи должны сыграть свою положительную роль, и реализация образовательной стратегии социального маркетинга с учетом российской специфики может опираться на комплексный портфель текстов, способствующих модернизации высшего образования в России.

Ф. Котлер, основоположник социального маркетинга, определяет это понятие как "понимание людей и такое с ними общение, которое ведет к усвоению ими новых взглядов ... разработка, претворение в жизнь и контроль над выполнением программ, имеющих целью добиться восприятия целевой группой социальной идеи, движения, практики" [15]. Известный маркетолог Д.Р. Лозек идет еще дальше в своем определении маркетинга как явления не экономического, а социального: "Маркетинг – это социальный процесс, направленный на удовлетворение потребностей и желаний людей и организации путем обеспечения свободного конкурентного обмена товарами и услугами, представляющими ценность для покупателя" [16]. Доктор Э. Роберто, опираясь на идеи Ф. Котлера, вводит понятие общественно-ориентированного социального маркетинга и отмечает, что только таким образом организация может выявлять и разделять интересы общества, причем необходимость общественной ориентации постоянно усиливается" [17].

Вслед за Ф. Котлером В.Э. Гордин трактует социальный маркетинг как маркетинг идей. Аргументируя потребность общества в социальном маркетинге, он выходит за рамки узкой направленности на целевую группу и считает, что регулирование обществом социальных перемен методами убеждения, различного рода стимулирования соответствует маркетинговому инструментарию в связи с усилением роли неприбыльного сектора в решении большинства социальных проблем и проникновением рыночных отношений во все сферы жизни общества [4]. По мнению В.А. Котенева и А.В. Кузьмина, которые исследуют ряд стратегических документов об образовании, "современные подходы к новой социальной политике в Российской Федерации учитывают необходимость всемерного содействия формированию человеческого капитала" [8]. С.Н. Трунин в работе, посвященной маркетингу качества жизни в условиях социально-ориентированной рыночной экономики, подчеркивает, что социальный маркетинг выражает интересы целевой группы потребителей, защищая при этом интересы других участников процесса жизнедеятельности органи-

зации, на которых оказывает влияние процесс и результаты обслуживания целевой группы потребителей" [13]. В 2009 г. была опубликована коллективная монография о проблемах реализации концепции социального маркетинга на локальных уровнях [11]. В то же время В.М. Мелиховский обращает внимание на то, что социальный маркетинг – это "формирование комплекса условий эффективного функционирования фирм (организаций), которые могут удовлетворить потребности граждан в социальных услугах. Их цель – удовлетворение потребностей в социальных услугах, причем ведущим критерием степени развития является уровень достижения соответствующих социальных норм", а различие между ними состоит в том, что "социальный маркетинг изначально ставит потребности людей на первое место по сравнению с потребностями производства" [10].

Большое внимание в последнее время уделяется вопросам маркетинга в образовании. Так, И.А. Доница рассматривает образовательный маркетинг как современный этап маркетинга взаимоотношений, на котором происходит усложнение продуктов и услуг, "ключевыми факторами общественного развития начинают выступать образованность, компетентность и профессионализм, что делает образовательные услуги ценным самостоятельным продуктом, который рассматривается как вложение в человеческий капитал" [6]. Ей же принадлежит попытка дать определение образовательного маркетинга как философии современного управления, заключающейся в создании и развитии долговременных взаимовыгодных отношений между объектами и субъектами рынка за счет проникновения образовательной составляющей в стратегию и во все элементы расширенного комплекса маркетинга" [6]. Все эти задачи справедливы, а успешность их решения во многом зависит от улучшения качества жизни за счет социальных изменений и является задачей и целью социального маркетинга.

Понимание социальной идеи как продукта обмена развивает Н.В. Красноставская, подчеркивая "обязательность предложения ценностной модели "правильного" поведения в основе социальной идеи" [9]. Подобная модель обязательно имеет свое языковое воплощение, особые жанровые и стилистические признаки.

Образование рассматривается сегодня не только в России, но и во всем мире "в качестве важнейшего компонента культурного, социального и экономически устойчивого развития людей, сообществ, наций" [3]. В материалах Государственного Совета Российской Федерации говорится о новых социальных требованиях к системе российского образования, которые состоят в социальной адресности и сбалансированности социальных интересов [5]. В докладе рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по во-

просам реформы образования "Образовательная политика России" целый раздел посвящен усилению социальной направленности системы образования. Все обозначенные в нем позиции учитываются при формировании информационной политики образовательного учреждения.

СМ-тексты также должны отражать жизнь и деятельность вуза и быть направленными на массовую аудиторию. Однако, их непосредственная задача – формировать "правильное поведение на основе социальной идеи, объяснять преимущества предлагаемых услуг с точки зрения общественного блага, в обсуждении значимости получения образования как общечеловеческой ценности. Такие тексты и становятся действенным инструментом социального маркетинга в образовании и могут быть определены как СМ-тексты (социально-маркетинговые тексты).

В материалах Государственного Совета Российской Федерации ключевым моментом образовательной политики России на современном этапе обозначено обновление образования как "решающее условие формирования у россиян системы современных социально значимых ценностей и общественных установок" [5]. Такими социально значимыми ценностями в образовательной сфере в связи с заявленным возрастанием роли человеческого капитала и являются доступность, качество и эффективность образования. Социальная ориентированность современного российского образования определяет необходимость того, чтобы и PR-деятельность вуза была социально маркирована.

Специфика маркетинга образовательных учреждений заключается в необходимости анализа личности обучающегося, которая играет фактически определяющую роль в рыночном выборе образовательного учреждения, в т. ч. технологий и условий их оказания, активно участвует в самом процессе оказания образовательных услуг и в разработке маркетинговых стратегий. Так, Л.И. Воронина считает, что "для субъектов социального маркетинга характерны отношения, потребности, способы их удовлетворения, детерминированные спецификой конкретных социальных институтов" [2], одним из которых, несомненно, является образование. Но для того, чтобы набрать необходимый контингент абитуриентов и сделать их высококвалифицированными специалистами, требуется немало усилий и средств. Социальный маркетинг основан на трех радикальных постулатах: сфера применения маркетинга должна быть расширена за пределы коммерческого сектора; разницы между маркетингом в коммерческом и некоммерческом секторах нет; принципы маркетинга универсальны и нейтральны. Следовательно, и тематика СМ-текстов должна быть расширена за счет увязки вопросов образования с обсуждением важнейших проблем развития человечества.

С помощью традиционных методов коммерческого маркетинга социальный маркетинг делает необходимые услуги доступными и приемлемыми по цене для малообеспеченных слоев населения, и в то же время способствует принятию более здоровых моделей поведения. В этом смысле СМ-тексты социального маркетинга могут сформировать устойчивое понимание образовательных потребностей государства. Такие тексты, направленные на социальные изменения, должны убедить целевую аудиторию принять или изменить конкретную идею, манеры поведения, попытки либо действия, либо отказаться от них. Язык и стиль этих текстов должен способствовать усилению и привлечению внимания к образовательной услуге. Каждый элемент СМ-текста должен быть тщательно продуман и работать на общую задачу воздействия на аудиторию.

Вслед за Г. Вибе, выделяемые им пять факторов успешно распространить на тексты, ее сопровождающие [цит. по 1]:

- ◆ СМ-текст должен обладать силой (the force). После доставки сообщения получателю важно понять, насколько сильно оно его заинтересовало. Готов ли реципиент совершить какие-либо действия по достижению, поставленной в сообщении цели? То есть, в целях эффективности социальной маркетинговой программы необходимо превентивно предусмотреть уровень заинтересованности потенциальной аудитории в сообщении;
- ◆ СМ-тексту должно быть присуще свойство директивности (the direction), то есть понимание, как и в каком направлении должна развиваться социальная маркетинговая программа в различных условиях;
- ◆ СМ-текст должен быть фактологически насыщенным, содержать конкретные сведения о механизме (the mechanism) реализации идеи, цели и задач социальной маркетинговой программы;
- ◆ Текст должен отвечать требованию компетентности и совместимости (adequacy and compatibility), быть неотъемлемой составной частью всей социальной маркетинговой программы;
- ◆ Наконец, СМ-текст должен быть перспективным (distance), так как необходимо понимать, насколько результативна будет социальная маркетинговая программа.

Следовательно, в тексте должна содержаться социально значимая идея, на основе которой может быть разработана стратегия общественного поведения (на данный момент, в данном обществе, на данном уровне). В этом смысле СМ-тексты призваны выявлять социальные приоритеты в общественном мнении и выступают в качестве инструмента управления. Образование, безусловно, является сегодня в России такой социально-значимой идеей, которая может способствовать развитию бизнеса, повышению качества жизни и деятельности российского

общества, усилению эффективности производства и развитию гражданского общества в России.

В основе любой социальной маркетинговой программы заложен сценарный подход. Сценарий в данном случае есть описание предполагаемого развития той или иной социальной программы в будущем, определяемой на основе тенденций этого развития. Таким сценарием и должен стать пакет СМ-текстов, направленных на реализацию важной социальной программы в образовании. Задачами СМ-текстов становится получение результата в виде убеждения (например, образование – это социальное благо), социальной практики (побудить к получению образования) и социального продукта (повышение образовательного уровня нации).

В "продаже" социальных услуг социальный маркетинг использует тот же набор инструментов, что и коммерческий. Н.К. Вайнрих определяет четыре основных принципа коммерческого маркетинга, которые называются "4P" [18]:

- ◆ P1 – Product (продукт). В социальном маркетинге продуктом может являться изменение поведения или отношения к чему-либо;

- ◆ P2 – Price (цена). В социальном маркетинге ценой является плата за изменившееся поведение;

- ◆ P3 – Place (место). Чтобы цель социального маркетинга была достигнута, условия, важные для потребителя (например, место проведения) необходимо сделать максимально легкими и доступными;

- ◆ P4 – Promotion (продвижение). Это пути, используемые, чтобы рассказать людям о сообщениях какой-либо социальной кампании. Реклама – один из методов по достижению этой цели. Промо-кампания состоит из большого количества сообщений различного рода о том, что нужно сделать, чтобы добиться необходимого результата.

По мнению той же исследовательницы, социальный маркетинг опирается ещё на четыре "P", которые отсутствуют в коммерческом маркетинге [18]:

- ◆ P5 – Publics (общественность). Для достижения наибольшей эффективности при планировании и управлении социально-маркетинговой кампанией необходимо принять во внимание всех людей, которые могут повлиять на успех программы. Сюда входит не только целевая аудитория, но и контактные группы: СМИ, инвесторы, конкуренты, коллеги и т.д.;

- ◆ P6 – Partnership (сотрудничество). Многие вопросы социального маркетинга настолько глобальны, что одна организация не может справиться с ними в одиночку. (Образование как раз и является такой глобальной задачей);

- ◆ P7 – Policy (политика или правила поведения). Это намерение влиять на политику, которое не будет карательным, но будет способствовать положительному изменению поведения;

- ◆ P8 – Purse strings (материальные связи) В отличие от коммерческих кампаний, многие некоммерческие организации не в состоянии автоматически выделить определенный процент от их дохода для маркетинговой деятельности. Социальные маркетологи должны быть творческими и активными в поиске средств для финансирования социальных кампаний. Денежная поддержка может поступать от корпоративных партнеров, фондов, пожертвований или государственных учреждений.

Успешная реализация всех этих принципов в образовательной социальной маркетинговой программе во многом зависит от качества СМ-текстов.

Таким образом, образовательный социальный маркетинг направлен на развитие и интеграцию принципов коммерческого маркетинга с целью влияния на поведение, чтобы предоставлять пользу отдельному человеку или сообществу в целом. Социальный маркетинг стремится объединить внутри себя исследование, передовую практику, теории, целевую аудиторию и понимание партнерства, для того, чтобы определить наиболее эффективную, равноправную и стабильную социальную программу. Ключевое место в реализации такой программы занимает разработка и реализация СМ-текстов.

Зарубежные и отечественные современные ученые приходят к единой мысли о том, что образовательный маркетинг становится явлением не столько экономическим, сколько социальным. Тенденции социализации, безусловно, затрагивают и образовательную деятельность, что и дает нам право утверждать, что социальный маркетинг в образовании является весьма перспективным направлением. Реализация же идей социального маркетинга в образовании неизбежно опирается на разработку образовательной социальной маркетинговой программы и на и формирование необходимого пакета СМ-текстов, направленных на массовую аудиторию и создаваемых по определенной жанрово-стилистической и языковой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсен К. Маркетинг для современных Робин Гудов. – М.: ЭКСМО. 2008. – 280 с.
2. Воронина Л.И. Социальный маркетинг в деятельности государственной службы занятости населения кандидат социологических наук Екатеринбург [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnyi-marketing-v-deyatelnosti-gosudarstvennoi-sluzhby-zanyatosti-naseleniya> (дата обращения 3.10.2016)

3. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры: заключ. докл. Всемир. конф. по высш. образованию ЮНЕСКО. Париж, 5–9 окт. 1998 г. – 22 с.
4. Гордин В.Э. Социальная политика и социальный маркетинг. – СПб.: Нева, 1993. – 285 с.
5. Доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформы образования "Образовательная политика России" [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21905> (дата обращения – 03.02.2017)
6. Доница И.А. Образовательный маркетинг – современный этап маркетинга взаимоотношений // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4–1. – С. 158–161.
7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения – 02.02.2017)
8. Котенев В. А., Кузьмин А. В. Государственная политика в области образования в России на современном этапе // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. 2015. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-obrazovaniya-v-rossii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 15.05.2017).
9. Красноставская Н.В. Методы маркетинговых коммуникаций для продвижения социальных идей // Автореф. дисс. ... канд.экон.н. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii-ekonomika/a193.php> (дата обращения 13.02.2017)
10. Мелиховский В.М. Социальный маркетинг. – Ярославль: изд-во ЯрГУ, 1996. – 296 с.
11. Реализация концепции социального маркетинга на локальных уровнях: монография/Д.В. Богданов, У.А. Волосатова, Ж.В. Горностаева; ГОУ ВПО "Южно-Рос. гос. ун-т экономики и сервиса", 2009.–164с.
12. Старкова Е.А. Приоритетный национальный проект "Образование": понятие, содержание и цели // Science Time. 2014. №11 (11). [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnyy-natsionalnyy-proekt-obrazovanie-ponyatie-soderzhanie-i-tseli> (дата обращения: 15.05.2017).
13. Трунин С. Н. "Маркетинг качества жизни в условиях социально-ориентированной рыночной экономики" // дисс. ... канд.экон.наук, Волгоград – 2008. – 178 с.
14. Хоронько Л.Я. Российское образование в поиске стратегии развития // Культурная жизнь Юга России. №2 (36), 2010. С. 23–25
15. Kotler, Philip, Ned Roberto and Nancy Lee. Social Marketing: Improving the Quality of Life, SAGE, 2002 – 540 p.
16. Loseke, D.R. Thinking about social problems: an introduction to constructionist perspectives Text. //Donileen R. Loseke. 2nd ed. – Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003. – 224 p.
17. Roberto Eduardo L. Social marketing : Strategies for changing publ. behavior / Philip Kotler, Eduardo L. Roberto. – New York : Free press ; London : Collier Macmillan, Cop. 1989 – pp. 14–25
18. Weinreich N. K. What is Social Marketing? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.social-marketing.com/Whatis.html> (дата обращения 10.04.2017)

© Н.И. Чеснокова, (gnt@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Российский университет дружбы народов, Москва

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ ЗЕМЛЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 19 ВЕКА

Чжан Сяолин

Аспирант, Московский
Педагогический Государственный
Университет, г. Москва

THE FUNCTIONING OF THE LEXEMES LAND IN THE RUSSIAN POETRY OF THE 19TH CENTURY

Zhang Xiaolin

Annotation

This article describes the functioning of the lexemes land in the Russian poetry of the 19th century. The values of the tokens of earth and their reflection in the works of Russian poets of the 19th century. In the comprehension of all the levels of the meaning of the work of art, an important role belongs to the analysis of language, key words. The large semantic volume of the key token of the earth in Russian poetry of the 19th century is closely related to the change of seasons in nature, because the earth is a universal reality, always present in the human consciousness. In this regard, this lexeme is revealed with the context of pagan world outlook, and at the same time incorporates Christian traditions, thus preserving information about the culture and way of life of the people.

Keywords: lexeme, the earth, poetry of the 19th century, semantics.

Аннотация

В настоящей статье рассмотрено функционирование лексемы земля в русской поэзии 19 века. Определены значения лексемы земля и их отражения в произведениях русских поэтов 19 века. В постижении всех ступеней смысла художественного произведения важная роль принадлежит анализу языковой ткани, ключевых слов. Большой семантический объем ключевой лексемы земля в русской поэзии 19 века тесно связан со сменой времен года в природе, поскольку земля является универсальной реальностью, всегда присутствующей в человеческом сознании. В связи с этим данная лексема раскрывается с контексте языческого миропонимания, и вместе с тем вбирает в себя и христианские традиции, сохраняя, таким образом, информацию о культуре и быте народа.

Ключевые слова:

Лексема, земля, поэзия 19 века, семантика.

Лексема "Земля" в поэзии второй половины 19 века является достаточно объемным семантическим объединением, в котором монолексемы, относящиеся к различным частям речи, и полилексемные единицы объединяются общим содержанием и в связи со своей собственной семантикой отражают общую понятийную сферу.

Структура лексемы "земля" состоит из ядра, центра поля и периферии. Ядро поля образовано лексемой земля, семантически более простой и выражающей общее значение этого семантического объединения в целом, чем обусловлено ее способность группировать вокруг себя лексический материал. Исходя из данных толковых словарей [1, 3], следует рассматривать землю в качестве первоэлемента, являющегося основой всех природных явлений. Данной лексеме свойственна высокая частота употребления, наименьшая зависимость от контекста. Эта лексема также обладает простым морфологическим составом. Центральная часть поля представлена наименованиями, которые используются для отражения тех или иных категориальных значений и являются наиболее используемыми, в количественном выражении на долю центральных лексем приходится 14% (край, яма, долина, камень, берег, лес, поле, растение, ветвь, корень

и т.д.). Периферию составляет преобладающее число единиц (86%), в определенных контекстуальных условиях реализующие семантику лексемы земля в поэтических текстах А.С. Пушкина, С.А. Есенина, Ф.И. Тютчева (околица, булыга, злато, изумрудина, жемчужина, рощица, джунгли, трилистничек, смородинник, кувшиночка и т.д.). Они характеризуются экспрессивностью, стилистической маркированностью, многие отличаются меньшей частотностью [4, с.187].

"Русский тезаурус" выделяет ряд существительных, связанных с землей: обозначающие поверхность (суша, твердь, берег), твердое вещество (скала, камень, песок), природные факторы выражения земли (равнина, холм, пустыня, гора), "рассеивание" земли в иных стихиях (прах, пыль).

В поэтическом словаре Ф.И. Тютчева у лексемы земля выделяются 5 значений, которые демонстрируют своеобразия употребления существительного. Наполненным метафоричностью оказывается первое значение – "планета, место жизни людей": ...Горе, как божества родные, / Над издыхающей землей... ("Снежные горы") [5, с.84].

Здесь, где так вяло свод небесный / На землю тощую глядит... ("Здесь, где так вяло свод небесный...") [5, с. 86].

И новый царский гость в Кремле, / Ты в этот час дарован был земле ("17-е апреля 1818") [5, с. 87].

Земле приписываются свойства и признаки живого существа, причем, скорее, животного, чем человека: она тощая, издыхающая. Основное направление характеристики предмета – внешний вид, нездоровое состояние, вызванное ощущение упадка мира и всеобщего порабощающего хаоса. В стихотворении "17-е апреля 1818" даром земле, которая, к слову, способна осознать его значимость (то есть, наделена возможностью думать и понимать), является царский сын, будущий император Александр II. Таким образом, первое тютчевское значение сконцентрировано на оживлении земли, понимании ее слабости пред своеобразной отстраненности от человека. Не менее интересно и второе значение ПСТ – "страна, государство" [1, с. 250]: ...Земля благословенна... ("Урания") [5, с. 83];

Сия земля, клеймленная судьбою / Под чуткою стопою / Дрожит еще невольно и поныне... ("Байрон. Отрывок из Цедлица") [5, с. 86];

Вспомнил о былом печальной сей земли... ("Через ливонские проезжал я поля...") [5, с. 89].

Несмотря на изменение ядерной семы, коннотативные отношения остались тождественными первому значению: земля по-прежнему очеловечивается, наделяется эмоциональными делаящими образ более близким, понятным, но постепенно стирается. Наделение характеризующим определением прочно основывается на объективно-авторском отношении к описываемому объекту: Италия названа благословенной землей, в то время как бывшие ливонские территорий печальны. Широта семантики показана и существованием совмещенных значений: Нашу персть – земля возьмет... ("Через ливонские я проезжал поля...") [5, с. 71] – отражено и значение "Вселенная", и значение "верхний слой земли".

Именно при совмещении семантических признаков абстрактного и конкретного объекта появляются возможности для присоединения и коннотативной антропоморфной семы. Образование в контексте антропоморфной метафоры вызвано желанием поэта продемонстрировать стихийные силы земли, ее способность к изменению и в то же время к сохранению наследия (в значительной мере, чем иные объекты, подвластные разрушению временем) [2, с. 81].

С.А. Есенин представляет единым целым мать-землю и мать-женщину. Поэт с большой теплотой пишет о своей матери, и помещает ее в привычную обстановку. Почти во всех поэтических произведениях 10-х годов выражена тема матери – земли, России, природы, матерей человеческих, матери поэта, даже в образах предметов, которые их окружают. Такое многообразие подходов к его выражению связано с тем, что на лирику Есенина оказали влияние две традиции: литературная, доставшаяся ему от символистов, в рамках которой софийность

мира подчеркивает присутствие в нем Богоматери – хозьяйки прекрасного мира, и фольклорная, которая тоже характеризуется представлением о священности земных сил, в основе которой лежит неразрывная связь божественного и природного миров. Творчество Есенина характеризуется стремлением к объединению этих двух начал в единое целое. Максимально полно это реализуется в стихотворениях о России, в которых слились воедино образы земли-матери, женщины, природы и родины.

Лексема земля в понимании матери представляет собой модификацию древней мифологемы мать-земля и родина, представленную устойчивыми словосочетаниями – мать-(сыра)-земля, мать-природа, матушка-Русь. В качестве объединяющего признака материнского начала выступает способность к порождению, воспроизведению, плодородие: мать-земля и рождает, и кормит. Так у Н.А. Некрасова: родина; мать – убогая, бессильная, могучая, обильная.

Таким образом, материнская метафора относительно земли обладает двумя аспектами проявления: в первом случае земля является стихией, природным феноменом – мать-сыра-земля, близким по биологическим функциям к женщине-матери. Во втором случае земля – это некий социально-территориальный маркер, объединяющий "своих" и отграничивающий от "чужих". В подобном аспекте понимания происходит актуализация социальных функций феномена матери, ее роли в семье. Этим же пониманием обусловлена традиция почитания и уважения матери-земли как старшей в роду [4, с. 186].

В числе ряда значений самым частотным в индивидуально-авторской модели мира поэтов 19 века является понимание земли как места жизнедеятельности человека и почвы, дающей урожай. Доминирование именно этих смыслов обусловлено, скорее всего, тем, что земле принадлежит совершенно особая роль в мировосприятии личности, которое возвращает человека к некогда устаревшему восприятию земли в качестве одного из субстанциональных первоначал, занимающих первостепенное место в земной жизни каждого человека и его связи с природным началом.

Лексема земля, которая репрезентирует стихию земля в толковых словарях [1,3], показывающих современное состояние лексико-семантической системы русского языка, имеет сложную семантику, обусловленную, в первую очередь, древностью существования данного слова в языке.

Лексема земля представляет собой один из ключевых фрагментов русской языковой картины мира, выражающей национальный менталитет носителей языка, проявление чего наблюдается на уровне парадигматики и синтагматики. Поэтический язык расширяет сочетаемостные возможности слова, определяемые индивидуально-авторскими ассоциациями, в силу чего возрастает семантический объем лексем [2, с.230].

Образ земли, который получил различное количество интерпретаций в разных видах искусства – живописи, художественной литературе и других, представляет собой один из центральных образов мировой культуры. В литературном творчестве поэтов 19 века лексема земля фактически является макрообразом, для которого характерны величие и мощь, начало которых берётся из русского национального сознания и выражающийся в оригинальных авторских трактовках.

Как одну из наиболее устойчивых традиций изображения земли, которая отражается в поэтическом языке поэтов девятнадцатого века, можно выделить особенности персонификации рассматриваемой лексемы, которые подчеркивают ее действенное начало, а также отмечают созидательную сущность восприятия земли как Матери.

Также можно проследить, что поэты придерживаются традиций национального мировосприятия при изображении земли в человеческом облике, а именно в ипостаси женщины. Уподобление человеку земли, в соответствии с сформировавшимися канонами, выражают имеющее у носителей языка стремление обретения духовного контакта с культурупорождающим первоначалом. Благодаря яркости и оригинальности воображения поэты отображают детальный, развернутый портрет земной стихии.

Перцептивные репрезентанты, в которых отражается наглядно-чувственное восприятие земной субстанции в поэтическом языке 19 века, используют разнообразные номинативные и предикативные конструкции. Это связано со специфичностью образа земля, как олицетворения духовной сущности русского народа, в качестве многогранного образа. Также стоит обратить внимание на тот факт, что при создании чувственного и зрительно-образного образа земли, могут использоваться характеристики, противоречившие друг другу, и также иметь как мелиоративную, так и пейоративную оценку [4, с. 187].

Поэтический язык авторов девятнадцатого, как и в

представлении древних славян, подчиняется тому факту, что Матери-земле присуще те же проявления, что и человеку, это возможно выявить, в первую очередь, через синтагматические отношения слова земля с глагольными формами. В поэзии земля приобретает разум, волю, становится способна проявлять различные чувства и эмоции. Посредством лексических указателей происходит репрезентация различных поведенческих характеристик и проявлений психо-эмоционального мира Матери-земли.

Многие поэты используют лексему земля в значении "родная" или русская", подразумевая тем самым под землёй родину. Так, в поэтических произведениях М. Ю. Лермонтова можно встретить использование лексемы земля в следующих значениях:

◆ родная земля: "Пришел – с гусями за спиной – / Былую песню заиграл... / Напрасно! – князь земли родной / Приказу ханскому внимал..." ("Песнь барда") [5, с.53].

◆ русская земля: "Горе тебе, русская земля, / Атаман между ними сидит. / Хоть его лихая семья, / Как волны, шумна – он молчит" ("Атаман") [5, с.54].

Помимо этого, лирика Лермонтова выражает противопоставление земли душе. Фактически душа, согласно различным представлениям, является противоположной земле и земным страстям. У Лермонтова душа становится антиномична земле, так как она представляет собой связь героя с небом: "Душа моя должна прожить в земной неволе" [5, с.48].

В период формирования русского романтизма лексема земля имела особое значение, находя своё отражение в романтической поэзии Жуковского, Батюшкова, в особенности Пушкина и Лермонтова. Одними из главных элементов русской пейзажной лирики поэтов 19 века становятся образы земли, приобретая зачастую нехарактерные для данной лексемы значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
2. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2008.
4. Петрова С.В. Образ земли в мифологии и поэтическом дискурсе / С.В. Петрова // Науки о культуре в новом тысячелетии: материалы I Международного коллоквиума молодых ученых. – М.: Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. – С. 186–188.
5. Родные поэты. Стихотворения русских поэтов-классиков XIX и начала XX века/ автор-составитель: Н. Шер. – М.: Детская литература, 1987.

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПАРЕМИЙНЫХ ТРАНСФОРМАНТОВ

STRUCTURE AND SEMANTICS OF PROVERBIAL TRANSFORMANTS

*S. Shustova
T. Erofeeva
E. Platonova*

Annotation

The current paper deals with structural-semantic organisation of proverbial transformants. Unlike proverbs themselves, their transformants depend on the context of use because their modification is realised in a particular context. Proverbial transformants serve as one of the means of a language game. Transformations of proverbs are motivated by native speakers who actively use them.

Keywords: proverb, proverbial transformant, structure, semantics, modification, language game.

Шустова Светлана Викторовна

Д.филол.н., профессор,

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Ерофеева Тамара Ивановна

Д.филол.н., профессор,

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Платонова Елена Анатольевна

К.филол.н., ст. преподаватель,

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся структурно-семантической организации паремийных трансформантов. В отличие от паремий, паремийные трансформанты зависимы от контекста употребления, поскольку модификация актуализируется в определенном контексте, и выступают в качестве одного из средств в языковой игре. Трансформации паремий обусловлены их активным употреблением носителями языка.

Ключевые слова:

Паремия, паремийный трансформант, структура, семантика, модификация, языковая игра.

Паремиологический фонд представляет собой совокупность различных по времени происхождения и различных по степени востребованности в современной речевой практике народных изречений, различающихся структурными и семантическими особенностями и объединенных рядом специфических признаков (естественность происхождения, устойчивость в воспроизведении в речи в тот или иной исторический период) [1, с. 244]. Текст паремии фиксирует достаточно сложную форму человеческого мышления <...> где предстают в образно-символическом моделировании и оценочном комментарии типическая жизненная ситуация или сущностные отношения между людьми [10, с. 152].

Паремии: 1) связаны с народным миропониманием и мировидением; в этой связи гносеологический смысл выступает ведущим свойством; 2) вторичный языковой знак; 3) замкнутая устойчивая фраза; 4) маркер прототипической ситуации; 5) лаконичное, метафорическое выражение исходного знания [7, с. 24; 10, с. 152; 12, с. 3]. Паремии имеют относительную независимость значений от контекста употребления и способны сохранять "про-

зрачность" внутренней формы высказывания в условиях разных событийных фонов; в паремиях отсутствует конкретное лицо, осуществляемое действие, и указание на время этого действия; паремии выступают в качестве средства в языковой игре [2; 5; 9; 13, с. 44]. Живое употребление языковых единиц стимулирует их варьированность. Все единицы языка представлены в виде множества вариантов, это обусловлено присущим им свойством "экземпляльности". Каждая единица существует в виде множества экземпляров, оставаясь при этом собой. Само бытие отдельной единицы языка есть её варьирование, сосуществование множества ее вариантов [14, с. 81].

К. Ажеж указывает на необходимость учета вариативного потенциала языковых единиц в разных языках. Эта мысль была высказана в отношении концепции Ф. де Соссюра и Н.А. Хомского, подвергая их критике за попытку и того и другого создать гомогенный объект науки: "... после устранения индивидуальных вариантов остается один лишь код, общий для всех членов одной и той же языковой общности". Мы разделяем позицию К. Ажежа относительно того, что "тексты – это конечные

результаты, и их нельзя отделить от того, результатом чего они являются, – от кода. И, наоборот, код находит свое проявление в оперативной деятельности человека филологического. Именно в ней код конституируется как таковой в ходе истории, и причина его периодических изменений кроется в самом его использовании" [1, с. 216, 217].

Ярким примером модификации кода являются паремийные трансформанты [3, 4, 6, 8, 11, 16, 21].

В паремийных трансформантах фиксируются разноуровневые модификации, например:

1) Полисемия:

Чешский Бог троицу не любит (Czech God does not love trinity) (Российская национальная хоккейная команда проиграла в финальной игре чешской сборной в серии игр 2010 года: это произошло в день празднования в России Троицы) [21, р. 26].

Кого ноги кормят (Whom do legs feed?) (Продажа бахил на медицинских факультетах – выгодный бизнес) [21, р. 38].

2) Паронимия:

Волкера бояться? в банки не ходить (If you are afraid of Volcker, do not go to the bank) (Пол Волкер (Волкер) и его роль в американской экономике) [21, р. 42].

Волкову ноги кормят (Legs feed Volkova) (Российская бегунья Екатерина Волкова выиграла золотую медаль на чемпионате мира в 2007 году на дистанции 2 000 метров) [21, р. 38].

3) Паронимия + неологизация:

Си-волкера ноги кормят (Legs feed C-walkers) (Современный танец C-walk) [21, р. 38].

4) Смысловая модификация (замена или подстановка лексических элементов):

– Бог терпел и нам велел (God suffered and told us to suffer, too)

The Russian language suffered and told us to suffer (Русский язык терпел и нам велел) (История орфографической реформы в русском языке) [21, р. 28].

Сам терпел и нам велел (Himself suffered and told us to suffer) (Александр Волошин, руководитель администрации президента России с 1999 г. по 2003 г., верит, что только время и терпение необходимы для улучшения ситуации в России) [21, р. 28?29].

ТС терпел и нам велел (Customs Union suffered and told us to suffer) (Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана) [21, р. 29].

Атлет терпел и нам велел (The athlete suffered and told us to suffer) (Дмитрий Колоков, серебряный медалист Олимпийских игр в Китае в 2008 году, верит, что терпение – главное достоинство атлетов) [21, р. 29].

– Бог дал, бог и взял (God gave, God took back; The Lord giveth and the Lord taketh away)

Бог да. Поп взял (God gave. Priest took back) (Онлата за религиозный церемониал) [21, р. 25–26].

МЭРТ дал, бог взял (Ministry of economic development gave, God took away) (законопроект о реорганизации церкви) [21, р. 26].

– Бог любит Троицу (God loves trinity; Third time is the charm)

Хоккейный бог любит троицу (Hockey god loves trinity) (Российская национальная хоккейная команда планирует выиграть чемпионат мира в третий раз в серии игр 2010 года) [21, р. 26].

Не только бог троицу любит (Not only God loves trinity) (Три немецкие спортсменки были сфотографированы для немецкой версии журнала "Playboy" накануне Олимпийских игр в Афинах в 2004 году) [21, р. 27].

"Куриный бог" троицу любит ("Chicken god" loves trinity) [21, р. 27]. (Фестиваль искусств в Крыму; куриный бог? небольшой камень с отверстием естественного происхождения, проточенным водой; в древности ему приписывали свойства оберегать животных и жилища от злых сил; куриный бог – апотропей (от греч. apotropaïos – отвращающий беду; амулет, оберег).

На воре и шапка глаза колет [22, с. 131].

"Ты посмотри, как залуцился! Истинно на воре и шапка загорается" [22, И. Бродский, Г. Комаров. Пушкинский фонд, 1998, с. 265].

Семь раз подумай - один выбери [Cosmopolitan, ноябрь, 2012].

Мой дом - моя пытка [Cosmopolitan, ноябрь, 2012].

Wer nicht arbeiten will, braucht auch nicht nach Essen (Werner Mitsch. Spinnen, die nicht spinnen, spinnen. Spruche. Nichts als Spruche. Stuttgart: Heinz und Margarete Letsch. 1978, S. 91) [17, S. 74].

Wer nicht arbeitet, soll wenigstens essen (Rene Hildbrandt. Arbeit macht Spa?! Spruche, Verse und Reime. Bern: Benteli, 1982. S. 50) [17, S. 75].

Wer nicht arbeitet, will wenigstens gut essen (Marco Fechner. Nerv-Deutsch, Deutsch-Nerv. Blode Spruche, dumme Floskeln – alles, was wir nicht mehr horen wollen. Leipzig: Neuer Europa Verlag, 2006. S. 117) [17, S. 76].

Wer andern eine Grube grabt, ist hilfsbereit (Christian Roman (Hsrg). Reden ist Silber, Schweigen ist funf. Schuler-Spruche. No. 2. Frankfurt am Main: Eichborn, 1985, ohne Seitenangabe) [17, S. 193].

5) Антонимическая смысловая модификация:

Семь раз отрежь - один заплати [19, Рекламный

мир, 2003].

- Но не мылом, не водой, - подхватил бородастый учитель Булькин, - а чернилами. Семь раз отрежь, один раз отмерь. Вот видишь, какие мы научные-разнаучные [19, Ю. Дружков (Постников). Волшебная школа, 1984].

6) Смысловая модификация + синтаксическое расширение:

Кризис, как и бог, троицу любит (Crisis, as well as God, loves trinity) (третья стадия финансового кризиса в Казахстане) [21, р. 26?27].

Бог троицу любит ... в Петербурге (God loves trinity ... in Saint-Petersburg) (Третий форум юридических организаций СНГ состоялся в Санкт-Петербурге в августе 2010 года) [21, р. 27].

И инвесторы сыты, и собственники целы, и все довольны (Both investors have eaten, and the owners are un-hurt, and everyone is satisfied) (Реконструкция и консервация исторических зданий в старом центре Иркутска) [21, р. 39].

Wer nicht arbeitet, soll trotzdem essen. Nur schreiben soll er nicht (Nokolaus Cybinski. Die Unfreiheit hassen wir nun. Wann fangen wir an, die Freiheit zu lieben? Aphorismen. Freiburg: Rlaus Isele, 1987. S. 37) [17, S. 75].

Wer sucht, findet nicht, aber wer nicht sucht, wird gefunden (Franz Kafka. Gesammelte Werke. Hrsg. von Max Brod. Frankfurt am Main: Fischer, 1976. Bd. 6. S. 70) [17, S. 409].

7) Новая синтаксическая структура + смысловая модификация:

Поперек Белого дома в пекло Тбилиси явно не пойдет (Tbilisi will clearly not get into fire ahead of the White House) (Позиция Грузии в отношении сотрудничества с Арменией и Турцией, установление с этими странами дипломатических отношений) [21, р. 13].

Добкин полез в пекло поперек батьки (Dobkin got into the fire ahead of the father) (Добкин Михаил Маркович, украинский государственный и политический деятель) [21, р. 12].

Wer einem andern eine strafbare Handlung (Totschlag, Korperverletzung) androht, kann bestraft werden [20].

Wenn das Suchen ein Ende hat, beginnt das Finden (Heidi Hauber. Wenn das Suchen ein Ende hat. Aphorismen. Darmstadt: Holl, 1994. S. 55) [17, S. 411].

8) Новая синтаксическая структура:

Любит ли Бог троицу? (Does God love trinity?) (Итальянский футбольный клуб "Интер" дважды проиграл в финальном матче в чемпионате Италии, проиграет ли он и в третий раз?) [21, р. 27].

Suchet - und es wird sich finden (Werner Mitsch. Neue Hin- und Widerspruche. Rosenheim: Fog, 1988. S. 63) [17, S. 411].

9) Синтаксическое расширение:

Бог и закон троицу любят (God and law love trinity) (Администрация Новосибирской области предпринимает третью попытку приобрести квартиры для людей, проживающих в непригодных для жизни условиях) [21, р. 27].

Мальцев не бог, но троицу любит (Maltsev is not God, but he loves trinity) (Александр Мальцев, тренер женской хоккейной национальной команды Казахстана, надеется выиграть чемпионат Азии в третий раз) [21, р. 28].

Волка ноги кормят (Legs feed the wolf; A hound's food is in its legs):

Виктор Никулин: "Дрессировщика, как и волка, ноги кормят" (Victor Nikulin: "Legs feed not only the wolf, but the animal trainer, too) [21, р. 36].

Не только волка ноги кормят (Legs feed not only the wolf) (профилактика заболеваний ног) [21, р. 37].

Ноги волка кормят, а зайца спасают (Legs feed the wolf and save the rabbit) [21, р. 37].

Бог шельму метит, почему бог этой шельмы не метит? Почему, наоборот, вместо вразумления - поощрения, вместо приговора - утверждение моей неподсудности? - Я делаю дурное дело! [22, с. 404].

Wer nicht arbeitet, soll auch nicht essen; die meisten fangen dann an zu trinken (Werner Ehrenforth. Sitz beschwerden. Aphorismen. Berlin: Eulenspiegel Verlag, 1979. S. 52) [17, S. 75].

Wer sucht, der findet. Frag nur nicht, was! (Helmut Lamprecht. Fruher hat Lacherlichkeit getotet. 155 Bedenksätze. Fischerhude: Verlag Atelier im Bauernhaus, 1979. S. 34) [17, S. 410].

Wer sucht, der findet, wer nicht sucht, hebt auf (Chris Keller-Schwarzenach. Store ich? 811 Gedankensplitter. Frankfurt am Main: Cornelia Goethe Literaturverlag, 2006. S. 66) [17, S. 412].

Все представленные модификации ориентированы на актуализацию авторской позиции и используются в качестве паремийных трансформантов для выражения интенции, сопровождаемой дополнительным значением. Разумеется, это тесно связано со способностью создать такого рода трансформанты, с восприятием структурных и смысловых модификаций. В этой связи необходимо учитывать "гибкость языка", его возможности допускать креативность. Следует иметь в виду существование вариантов, форма, значение и функции которых идентичны паремии-прототипу [15, р. 29]. Ср.:

Живи тихо - не увидишь лиха ? Живи смиреннее, так всем будет милее ? Живи смиреннее, будет прибыльнее;

Чей черед, тот и берет. Все идет в свой черед - Придет пора, ударит и час - Время придет, и час пробьет;

И собака помнит, кто ее кормит - И собака старое добро помнит - И собака на того не лает, чей хлеб ест;

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней - Куда козел, туда и баран - Куда один баран, туда и все стадо - Куда иголка, туда и нитка [18].

Паремийные трансформанты функционируют в своеобразных контекстуальных условиях и выступают как эксплицитное средство языковой игры. Модификация

паремий обуславливает формирование новых актуальных смыслов, поскольку они придают речи образный, яркий, эмоциональный и экспрессивный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с франц. Изд. 2-е, стереот. Москва: Едиториал УРСС, 2008. 304 с.
2. Алефиренко Н.А., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. Уч. пос. Москва: Флинта, Наука, 2009. 344 с.
3. Антонова О.Н. Функциональные свойства паремий – трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 27 с.
4. Береговская Э.М. Молодежный слэнг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32-41.
5. Бутакова А.Д. Семантические парадоксы в условиях языковой игры. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 171 с.
6. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 576 с.
7. Воропаева В.А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность. Дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 168 с.
8. Гнедаш С.И. Провербиальные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики (на материале немецкой прессы ФРГ). Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2005, 189 с.
9. Горбань И.В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка русской художественной литературы). Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 26 с.
10. Подюков И.А. Семиотический аспект текста паремии // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. Соликамск: Соликамский государственный педагогический институт, 1999. С. 152–158.
11. Савина Е.Н. О трансформации клишированных выражений в речи // Паремиологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 200-222.
12. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система. Автореф. ... дисс. докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 46 с.
13. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1999. 448 с.
14. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
15. Cermak F. Proverbs: Their Lexical and Semantik Features. Vol. 36. Edited by W. Mieder. Vermont: The University of Vermont; Burlington, 2014. Vol. 36. 234 p.
16. Mieder W. Sprichwörter sind die Überbleibsel verschollener Aphoristiker // Слово во времени и пространстве. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2000. С. 468-487.
17. Mieder W. "Wer ernen eine Grube grabt ...". Sprichwörtliches aus der Bibel in moderner Literatur, Medien und Karikaturen. Mit 128 Abbildungen. Wien: Praesens Verlag, 2014. 458 S.
18. Даль В. Пословицы русского народа. Санкт-Петербург: Авалон; Азбука-классика, 2007. 304 с.
19. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 14.05.2017)
20. Das Wortauskunftssystem der deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения 10.05. 2017)
21. Reznikov A. Russian Anti-Proverbs of the 21st Century. A Sociolinguistics Dictionary. Vermont: The University of Vermont; Burlington, 2012. 337 p.
22. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения 14.05.2017)

© С.В. Шустова, Т.И. Ерофеева, Е.А. Платонова, (lanaschust@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

О ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

A STUDY OF RUSSIAN CHARACTERISTIC SENTENCES

Yue Qiang

Annotation

The study of characteristic sentences is the semantic-syntactic issue, which is the important content in the current international linguistic research. In recent years there has been a large number of achievements in this field. However, the domestic research is mostly limited to the theta-theorize as well as the construction grammar, which challenges to semantic-syntax. As the case stands this paper attempts to break through the limitations of the theta-theorize and give multidimensional research to Russian characteristic sentences.

Keywords: Russian characteristic sentences; semantic-syntax; type analysis; multidimensional research.

Юэ Цян

Ст. преподаватель,

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай

Аннотация

Исследование предложений характеристики относится к анализу синтаксической семантики, которая представляет собой одну из самых важных задач в современной лингвистике. За последние 20 лет в отношении синтаксической семантики ученые достигли больших успехов, касающихся теоретической лингвистики, типологии, овладения языками. А такие исследования в основном ограничиваются теорией актантов и структурной грамматикой, бросающей вызов теории синтаксической семантики. В связи с этим, в данной статье автор пытается провести многостороннее исследование предложений характеристики.

Ключевые слова:

Предложения характеристики; синтаксическая семантика; классификация; многостороннее исследование.

ВВЕДЕНИЕ

В русском языке выделяют 5 логико-синтаксических типов предложения [8]: 1) предложения характеристики; 2) бытийные предложения; 3) предложения именованя; 4) предложения тождества; 5) бытийные предложения тождества. Эти типы предложений характеристики в наибольшей степени распространяются и употребляются в русском языке. К тому же, из 31 структурных схем 27 выражают данный тип предложения. Недаром, предложения характеристики являются самым распространенным типом. По статистике в русском литературном языке процент употребления предложений характеристики достиг 90% [7]. Следовательно, предложения характеристики занимают важное место в языковой системе.

На сегодняшний день ученые глубже и подробнее провели исследование бытийных предложений, предложений именованя и предложений тождества, что, конечно же, привело к немалым результатам. Но, к сожалению, недостаточное внимание обращено на самые важные и самые распространенные предложения характеристики. Например, в книге "Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. Синтаксис. Пунктуация", написанной О.А. Крыловой, Е.Н. Ширяевым, Л.Ю. Максимовым [5], 250 страниц, но только в 22 страницах этой книги описываются предложения характеристики. Такая пропорция не соответствует его значению в языковой системе.

Теперь рассмотрим существующую обстановку исследования подтипов предложений характеристики. По их логической семантике предложения характеристики подразделяются на следующие 3 подтипа:

- 1) реляционные предложения;
- 2) предложения определительной характеристики;
- 3) предложения обстоятельственной характеристики.

По сравнению с другими подтипами реляционные предложения являются самым большим подтипом. По моим данным, 27 структурных схем, показанные в двухтомной книге "Русская грамматика" (1980) [10], которая выражает реляционные предложения. Если я признала предложения характеристики важным логико-синтаксическим типом, то реляционные предложения представляют собой не менее важную категорию. К сожалению, ученые пока еще не проанализировали и не подразделили такие важные и распространенные предложения. К тому же, в предыдущем исследовании эти предложения принимались в сборную селянку: реляционные предложения – это те, что не принадлежат как предложениям определительной характеристики, так и предложениям обстоятельственной характеристики.

Иными словами, для нас необходимо разобраться в реляционных предложениях. Это и есть выбор моей темы.

1 Понятие и смысл предложений характеризации

1.1 Происхождение понятия предложений характеризации

Когда речь идет о понятии "предложения характеристики", невозможно не упомянуть о теории Н. Д. Арутюновой. В 1976 году в своем научном труде "Предложение и его смысл" Арутюнова впервые выделяла 4 логико-синтаксические типы предложений [2]: 1) предложения характеристики; 2) бытийные предложения; 3) предложения именованя; 4) предложения тождества.

В 1983 году в "Русское предложение. Бытийный тип" кроме подробных исследований 4 логико-синтаксических типов предложений, Арутюнова также указала отличие между предложениями характеристики и предложениями тождества, классифицировала типы предикатов [3]: таксономические предикаты, характеризующие предикаты, реляционные предикаты.

Кстати, кроме Арутюновой многие лингвисты, как Пешковский [6], Смирницкий [9], Селиверстова [8] и др. более или менее упомянули о предложениях характеристики. Хотя они не наименовали предложения характеристики, но их исследование заложило прочный фундамент теории для изучения предложений характеристики. Стоит отметить, что О. А. Крылова, Л. Ю. Максимов и Е. Н. Ширяев подробнее анализировали логико-синтаксические типы предложения. Особенно они подробно классифицировали эти типы предложения в труде "Современный русский язык: Теоретический курс. Синтаксис. Пунктуация" (1997) [5].

А в кругах китайских лингвистов исследование логико-синтаксических предложений продолжились и достигли хороших результатов. В 2005 году в китайском периодическом издании "Иностранные языки" профессор Ли Цинь опубликовал статью "К вопросам о синтаксической семантике в ономазиологическом аспекте", в которой автор впервые в Китае ознакомил китайских русистов с предложениями характеристики. В 2006 году профессор опубликовал статью "К вопросу о пропозиции в аспекте синтаксической семантике" [12], в которой автор сравнил пропозиций с суждением, выделил 6 типов пропозиции (предложения качественной характеристики, реляционные предложения, бытийные предложения, таксономические предложения, предложения тождества, предложения именованя), и изучил принципы классифицирования.

1.2 Смысл предложений характеристики

Предложения характеристики выражают логическое суждение. В классическом случае их субъект относится к конкретному предмету, классу предметов или части класса, а предикат выражает признак, свойство, действие,

состояние, процесс, принадлежность к классу, местопребывание предмета, его оценку, данную под тем или иным углом зрения, отношение к другим предметам, время и многое другое. Короче говоря, в предложениях характеристики указываются отношения между денотатом и означаемым [2]. Именно в этом заключается принцип формирования предложений характеристики. Чтобы понять семантический механизм, т.е. суть предложений характеристики, мы возьмем следующие примеры и разберемся в закономерностях формирования структуры предложений характеристики.

Типичное предложение характеристики состоит из двух необходимых элементов: субъект и предикат, субъект является характеризованным элементом, а предикат является характеризующим элементом. В классическом случае их субъект выступает в денотирующей функции, т.е. выражается именем лица или именем предметов, а предикат реализует сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание или смысл [3]. Если субъект обозначает совокупность предметов, класс предметов, или событие, то субъект обозначает смысл.

При формировании предложений характеристики, человеческая мысль движется от денотата (субстанции) к сигнификату (понятию). И через сигнификат (понятие) выражаются признак, свойство, действие, состояние конкретных предметов или лица.

Проанализируем подтипы предложений характеристики: логико-синтаксические типы, типы ситуаций, типы валентности.

2 Логико-семантические подтипы предложений

По их логической семантике предложения характеристики подразделяются на следующие 3 подтипа: 1) реляционные предложения; 2) предложения определительной характеристики; 3) предложения обстоятельственной характеристики. Сущность реляционных предложений заключается в том, что свойство субъекта выражено отношением между субъектом и предикатом [8].

Основа для синтаксической организации предложений определительной характеристики существенно заключается в том, что признак предиката характеризует субъект. Принцип для синтаксической организации предложений обстоятельственной характеристики заключается в том, что обстоятельный признак предиката характеризует субъект. Такое выделение представляет собой признанную классификацию в научных кругах.

2.1 Логико-семантические разновидности реляционных предложений

Реляционные предложения выражают соотношение

субъекта и его денотативного слова (предмет речи), т.е. выражает отношение между участниками ситуации. В связи с этим, самое главное в реляционном предложении заключается в определении отношения, отношения субъекта к предмету действительности (в реляционном предложении предикат указывает на отношение данного объекта к другому объекту).

Например: в предложении "Она убирает комнату". В нем предикат "убирать" отражает отношение между субъектом "она" и объектом "комната" [12]. По семантическим свойствам предиката реляционные предложения подразделяются на 2 подтипа: 1) вневременное реляционное предложение (в нем предикат отражает вневременные отношения или признак); 2) временное реляционное предложение (в нем предикат отражает признак в определенном времени). По логико-семантическим отношениям, выражаемым предикатом, вневременные и временные реляционные предложения подразделяются на следующие подтипы:

Вневременные реляционные предложения: 1) Реляционные предложения общества (Иван – брат Оли; Москва – столица России); 2) Реляционные предложения целостности и части (Вода составляет 65% (от) веса человека; Овощи содержат витамины); 3) Реляционные предложения принадлежности (Ресторан принадлежит Максиму; Этот ресторан – его); 4) Реляционные предложения во времени логически связанных между собою событий или явлений (Экспедиция предшествовала длительная подготовка; ... этот сруб ... существовал одновременно с мостовой (Янин)); 5) Реляционные предложения в пространстве (Польша граничит с Литвой = Польша и Литва граничат); 6) Реляционные предложения со значением сравнения (Луна меньше Земли; Сережа очень подходит на своего дядю).

Временные реляционные предложения: 1) Реляционные предложения физических действий (Он едет в Москву из Костромы; Лаврецкий раздал все свои деньги нищим и тихонько побрел домой (Тургенев); Лиза прочитала по лицу мужа ответ на свой вопрос (Федин); Старик ударил в колокол); 2) Реляционные предложения психологического действия (Звенягин вспомнил Тамару и напавился к ней (Первенцев); В школе я увлекался химией; Я, право, о тебе жалею! (Крылов)); 3) Реляционные предложения интеллектуального действия (Мы исследуем вирус гриппа; Необходимо изучить нужды и особенности края, чтобы уметь управлять с пользой (Салтыков-Щедрин)).

2.2 Логико-семантические разновидности предложений определительной характеристики

Во многих работах ученых признанное выделение предложений характеристики опирается на семантическое своеобразие субъекта. Такое выделение помогает

отличить семантические разновидности предложений определительной характеристики друг от друга. Однако, нужен более глубокий семантический анализ предиката и описание его семантики в целом [7]. И в этой связи мы обращаем больше внимания на выделение семантических разновидностей предиката этих предложений.

Несомненно, что по семантике предиката мы можем подразделить предложения определительной характеристики на следующие подтипы:

1. Предложения характеристики признака, которые включают в себя:

1) Денотативные предложения: а) о возрастном признаке (Она положительно стара для этой роли (А. Островский)); б) о физическом признаке (Он сильный); в) о интеллектуальном признаке (Он много читает); г) о характерном признаке (Она тверда по природе); д) о моральном признаке (Он злой); е) о умении (Он – мастер на все руки); ж) о органолептическом признаке (А зори здесь тихие); з) о признаке меры (Он низок ростом, но широк в плечах); и) о признаке употребления (Это устройство – глянуть на водопад сверху); к) о признаке оценки (Паспорт оказался настоящим).

2) Сигнификативные предложения: а) об оценке (Бегать – полезно); б) о признаке ценностей (Не дорог подарок, а дорога твоя любовь); в) о признаке содержания (Его гипотеза кажется смелой и обоснованной); г) о субъективном признаке (Скука утомляет); д) о признаке времени (Прения были долгими); е) о признаке осуществления (Серьезный разговор не получился).

2. Предложения характеристики состояния, которые включают в себя:

1) Денотативные предложения: а) о физическом состоянии (Около костров стояли, сидели, лежали солдаты (А.Толстой); Смеркается); б) о физиологическом состоянии (Ребенок еще не говорит); в) о психологическом состоянии (Мы смутились (Пушкин)); г) о возрастном состоянии (Мне 29 лет); д) о модальном состоянии (Хочется спать).

2) Сигнификативные предложения: а) о состоянии события (Дело обстоит нормально); б) о обобщенном состоянии (Так всегда и везде делается).

3. Предложения таксономической характеристики, которые включают в себя:

1) Денотативные предложения: а) о классе по профессии (Он рабочий); б) о классе по физической силе (Он силач); в) о классе по интеллекту (Она умница); г) о классе по моральным качествам (Алексей был в самом деле молодец (Пушкин)); д) о классе по действию (Вообще, брат, я большой-таки чудака (Чехов)); е) о классе по

роду (Это дерево – тополь).

2) Сигнификативные предложения: а) о роде (Сосна – хвойное дерево); б) об объяснении содержания (Подлинный гуманизм – это помогать людям).

2.3 Логико-семантические разновидности предложений обстоятельственной характеристики

Предложения обстоятельной характеристики выражают обстоятельный признак субъекта или признак позиции, обстоятельные признаки включают в себя признаки места, времени, количества, сравнения и разные логические признаки [12]. Исходя из этого, мы подразделяем предложения обстоятельной характеристики на следующие подтипы: а) предложения места (Санаторий расположен на берегу моря); б) предложения времени (Собрание будет в пять часов); в) предложения количества (Нас было трое); г) предложения сравнения (Но, как вино, – печаль минувших дней в моей душе, чем старше, тем сильней); д) логические предложения (Все это из-за тебя; Дождь – причина наводнения).

4 Анализ типовых ситуаций предложений характеристики

В структуре ситуации семантическими элементами являются субъект, предикат и объект. Среди них предикат занимает самое важное место, что определяет синтаксическая структура русского языка. Поэтому анализ типовых ситуаций предложений характеристики сложился на основе анализа типов предиката.

Таким образом, по семантической функции предикаты предложений характеристики подразделяются на следующие подтипы:

- 1) реляционный предикат;
- 2) определительный предикат;
- 3) обстоятельный предикат [13].

К типовым ситуациям реляционного предиката относятся: а) Субъект и его качественная характеристика через его отношение к некоторому множеству; б) Субъект и его качественная характеристика через его отношение к части целого или целостности; в) Референтный объект и его принадлежность по сравнению с другим предметом (событием); д) Субъект и его пространственная отдаленность по сравнению с другим предметом (событием); е) Субъект и его качественная характеристика по сравнению с другим компаратом; ж) Субъект и его действие, состояние в сравнении с действием, состоянием компарата; з) Обстоятельный термин и его временное состояние по сравнению с другим компаратом; и) Отсутствие субъекта, действие, состояние, отношение и их характеристика по сравнению с другим компаратом; к) Субъект и его физическое действие; л) Субъект и его эмоционально-психическое действие; м) Субъект и его интеллектуальное действие.

К типовым ситуациям определительного предиката относятся: а) Субъект и его качественный признак (возрастной, соматический, интеллектуальный, характерный, нравственный); б) Субъект и его классификация (профессия, сила, интеллект, мораль, действие, род); в) Субъект и объяснение его содержания; г) Субъект и его физическое, возрастное, физиологическое, эмоционально-психическое, социальное, интеллектуальное состояние; д) Субъект и состояние, к пребыванию в котором его побуждают или которое (не) должно или не может иметь места; е) Субъект и его физиологическое, эмоционально-психическое состояние, в котором он не способен выполнять действия или пребывать в состоянии, названном – глаголом, существительным в форме N p ?; ж) Состояние или действие субъекта и физическое или эмоционально-психическое состояние субъекта, вызванное этим действием или состоянием; з) Субъект и его состояние (семантический элемент в косвенном падеже, инфинитиве или подчиненном предложении вызывает состояние субъекта); и) Отрицание наличия или существования дискомфортного состояния; к) Состояние среды; л) Состояние события; м) Обобщенное состояние; н) Эмоциональное состояние.

К типовым ситуациям обстоятельного предиката относятся: а) Субъект и его признак в пространстве; б) Событие как субъект и его признак во времени; в) Субъект и его количественный признак; г) Событие/пропозиция и его/ее причина; д) Событие/пропозиция и его/ее цель; е) Событие/пропозиция и его/ее уступка; ж) Событие/пропозиция и его/ее результат; з) Событие/пропозиция и его/ее условие; и) Событие/пропозиция и его/ее заключение; к) Событие/пропозиция и его/ее обусловленные элементы.

Из всего сказанного выше, мы можем заметить, что существует соотношение между логико-семантическими типами и типами ситуации предложений характеристики. По сравнению с абстрактностью логико-семантических типов предложений характеристики типовые ситуации являются более конкретными.

5 Анализ валентности предложений характеристики

Прежде всего, необходимо понять, что такое валентность, что такое сочетаемость и в чем их различие. Валентность – потенциальные синтагматические свойства, возможности частей речи и их морфологические категорий, сочетаемость – реализация этих свойств и возможностей в потоке речи [4]. Валентность предложений – это очень сложный вопрос, в данной статье основное внимание обращено на анализ валентностных возможностей сказуемых предложений характеристики.

Существует два подхода к изучению валентностей сказуемого: семантическая валентность и синтаксичес-

кая валентность. Семантическая валентность изучает лексическое значение сказуемого в рамках теории актантов. Данная статья посвящена изучению синтаксической валентности, рассматривается количество подлежащего и дополнения, нужных для сказуемого. Кроме того, нужно отличить необходимую валентность от расширенной валентности. Для их отличия мы выбираем подход вычеркивания, выдвинутый Helbig [11], Апресяном [1], Арутюновой [2] и китайским лингвистом 袁毓林 [14]. Подход вычеркивания: без определенного члена предложение считается синсемантическим, и этот необходимый член предложения называется необходимой валентностью. При их изучении необходимо разобраться в автосемантике и синсемантике. Во многих работах зависимость

предложения от контекста рассматривается в рамках понятий автосемантики – синсемантики.

Предложение считается автосемантическим, в том случае, если оно характеризуется смысловым автономией и не теряет своего значения при извлечении из контекста. Синсемантическими же являются такие конструкции, содержание которых выясняется только в сочетании с другими синтаксическими единицами [7]. Например, предложение: "Бабушка рассказывает детям сказки". Без слова детям предложение не теряет своего значения при извлечении из контекста. Поэтому в этом предложении форма слова детям считается расширенным членом предложения (распространителем).

Тип предложений	Тип сказуемого	Валентность (число валентностей)	Структурная схема
Предложения характеристики	Реляционные предложения характеристики	1	$N_1-Adj_{1полн.}; Vf_{3pl} - N_{косв}$
		2	$N_1-Vf-N_{косв} / Inf$ /подчиненное предложение; $N_1-N_1-N_2/N_1-чье-N_1$; $N_1-Adj_{1кратк.}$; $Vf_{3pl}-N_{косв}-N_{косв}$
		3	$N_1-Vf - N_{косв} - N_{косв}$
	предложения определительной характеристики	0	$Vf_{3s}; Praed$
		1	$N_1-Vf; N_4/Adv-Vf_{3s}; не Vf_{ся3s};$ $N_1-Adj_{1полн.}; N_1-Adj_{1кратк.};$ $N_1-N_1; N_1- N_2(Adv); N_1- Inf;$ $N_1- Adv-o; c/y N_2 N_1; N_1-$ $Part_{1кратк.}; Inf-N_1; Vf_{3s} - Inf; Inf$ $cop Inf; Inf - Adv-o(N_2)$
		2	$N_1-Vf-N_{косв}; N_1-Adj N_1(N_2);$ $c N_5 /y N_2 Adj N_1; N_1 - Inf -$ $N_{косв}; Vf_{3s} - Inf- N_{косв};$ $Inf cop Inf - N_{косв}$
		3	$N_1-Vf - N_{косв} - N_{косв}; N_1 -$ $Inf - N_{косв} - N_{косв}$
		Предложения обстоятельной характеристики	1
	2		$N_1-Vf - Adv/N_{косв};$ $N_1-N_1-N_2;$ $N_1-Part_{1кратк.}-Adv; Vf_{3s} -$ $Inf-N_{косв}(Adv)$
	3		$N_1- Adj_{1кратк} - Inf- Adv$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная статья посвящена изучению сущности предложений характеристики и их классификацию. Но клас-

сификация и ее принцип зависит от цели и задачи изучения, мы рассматриваем классификации на подход изучения и через классификацию предложений стараемся обратиться в их сущности, что является более значимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Т.1. – М., 1974. – 472с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 382с.
3. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. – М.: Русский язык, 1983. – 198с.
4. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка // Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 501с.
5. Крылова О. А., Ширяев Е. Н., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Теоретический курс: Синтаксис, пунктуация. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 256с.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544с.
7. Саурбаев Р. Структурно-семантическое осложнение предложения в разноструктурных языках. – Тобольск, 2012. – 72с.
8. Селиверстова О. Н., Контрастная синтаксическая семантика (опыт описания). – М., 1990. – 150с.
9. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. – М.: ИЛ, 1957. – 284с.
10. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Синтаксис (том 2). – М.: Наука, 1980. – 710с.
11. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Leipzig: 1996. – 735s.
12. 李勤, 钱勤, 俄语句法语义学, 上海: 上海外语教育出版社, 2006
13. 吴贻翼, 宁琦, 现代俄语模型句法学, 北京: 北京大学出版社, 2001.
14. 袁毓林, 一价名词的认知研究, 中国语文, 1994.

© Юэ Цян, (yueqiang850510@sina.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

г. Шанхай, Китайская Народная Республика

ITE Oil&Gas

2017

НЕФТЕГАЗОВЫЕ
ВЫСТАВКИ И
КОНФЕРЕНЦИИ ITE

Global Oil&Gas

Connecting
your business
to the world

АЗЕРБАЙДЖАН

CASPIAN OIL & GAS
24-я АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА И
КОНФЕРЕНЦИЯ «НЕФТЬ И ГАЗ КАСПИЯ»
31 мая–3 июня 2017 | Баку

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

AFRICA INDEPENDENTS FORUM
24–25 мая 2017 | Лондон

ГРЕЦИЯ

**GLOBAL OIL & GAS SOUTH EAST
EUROPE AND MEDITERRANEAN**
3-я МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НЕФТЬ И ГАЗ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И
СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА»
27–28 сентября 2017 | Афины

КАЗАХСТАН

KIOGE
25-я КАЗАХСТАНСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА И
КОНФЕРЕНЦИЯ «НЕФТЬ И ГАЗ»
4–6 октября 2017 | Алматы

GLOBAL OIL & GAS MANGYSTAU
10-я МАНГИСТАУСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ
ВЫСТАВКА «НЕФТЬ, ГАЗ,
ИНФРАСТРУКТУРА»
7–9 ноября 2017 | Актау

РОССИЯ

MIOGE
14-я МЕЖДУНАРОДНАЯ
ВЫСТАВКА «НЕФТЬ И ГАЗ»
27–30 июня 2017 | Москва
Крокус Экспо **НА НОВОЙ ПЛОЩАДКЕ**

RPGC
13-й РОССИЙСКИЙ
НЕФТЕГАЗОВЫЙ КОНГРЕСС
в рамках выставки «НЕФТЬ И ГАЗ» / MIOGE
Москва | Крокус Экспо **НА НОВОЙ ПЛОЩАДКЕ**

УЗБЕКИСТАН

OGU
21-я УЗБЕКИСТАНСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА И
КОНФЕРЕНЦИЯ «НЕФТЬ И ГАЗ»
17–19 мая 2017 | Ташкент

ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

AFRICA OIL WEEK
24-я МЕЖДУНАРОДНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ И ВЫСТАВКА
«АФРИКАНСКАЯ НЕФТЯНАЯ НЕДЕЛЯ»
23–27 октября 2017 | Кейптаун

ОРГАНИЗАТОР

Международная Группа компаний ITE – лидер в организации выставок в России и одна из ведущих выставочных компаний мира. За 25-летнюю успешную историю развития создана международная сеть офисов ITE: 32 офиса в 20 странах мира, в том числе 5 офисов в России.

Портфель нефтегазовых мероприятий ITE включает выставки и конференции в различных регионах мира, по праву являющиеся ключевыми событиями отрасли в своих странах.

ITE неоднократно являлась Организатором или Партнером нефтегазовых и энергетических мероприятий мирового масштаба, в т.ч.:

- Мировой нефтяной конгресс / WPC (2005 г., ЮАР; 2008 г., Испания; 2014 г., Россия)
- Международная конференция и выставка по сжиженному природному газу / LNG-16 (2010 г., Алжир)
- Мировой энергетический конгресс / WEC (2013 г., Южная Корея; 2016 г., Турция).

ITE МОСКВА
+7 (499) 750 0828
oil-gas@ite-expo.ru
www.mioge.ru

ITE GROUP PLC
+44 (0) 207 596 5011
og@ite-events.com
www.oilgas-events.com

РЕКЛАМА

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Agakishiyev I.

Candidate of historical sciences, assistant professor of the Lomonosov Moscow State University

e-mail : almatmater412@mail.ru

Akhmadullin S.

Research student, Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies (CCACS) in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

e-mail : salahmad@mail.ru

Bashkareva E.

Far Eastern Federal University

e-mail : yekaterina-132@mail.ru

Borisyuk A.

Postgraduate student, St. Tikhon's Orthodox University

e-mail : Andreyborisyuk@yandex.ru

Burovkina L.

Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Moscow city pedagogical University

e-mail : burovkina@yandex.ru

Chesnokova N.

Peoples friendship university of Russia, Moscow

e-mail : gnt@mail.ru

Doladova O.

Post-graduate student, Samara State Social Pedagogical University

e-mail : Doladov@gmail.com

Dolidovich O.

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

e-mail : dolidovich@mail.ru

Erofeeva T.

Doctor of Philology, Professor of Perm State National Research University

e-mail : genling@mail.ru

Filyanov N.

Post-graduate student of RSUH, Moscow

e-mail : nikitafilyanov@gmail.com

Fomenko V.

Candidate of history, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of Institute for the humanities researches of KBSC RAS, Nalchik

e-mail : fva2005@gmail.com

Fomitskaya G.

PhD in pedagogic sciences, Rector, AOU DPO "Educational Policy Institute of Buryat Republic", AOU DPO RB "BRIOP"

e-mail : galinaf1961@mail.ru

Gong Jingsong

Moscow Pedagogical State University

e-mail : mockba861123@mail.ru

Gorushkina A.

Postgraduate of the Cherepovets state University

e-mail : anette1993@mail.ru

Ivanova A.

Institute of National Schools of The Republic of Sakha, Yakutia, Yakutsk

e-mail : alivv@yandex.ru

Kaverina D.

Assistant, Peoples' Friendship University of Russia

e-mail : kaverinad@mail.ru

Kiselev S.

St. Petersburg State University

e-mail : stak0607@list.ru

Kolesina E.

Teacher, Moscow Institute of open education

e-mail : elenakoles0808@gmail.com

Kulagin A.

An independent researcher

e-mail : kulagin_as@list.ru

Ma T.

Amur State University, Blagoveshchensk

e-mail : tdovnar@mail.ru

Matveeva E.

Amur State University, Blagoveshchensk

e-mail : matveeva_555@mail.ru

Mekratanakulpat N.*Saint-Petersburg State University***e-mail** : natcheewan@gmail.com**Mikhailova M.***MSU named after M.V. Lomonosov***e-mail** : wang_yin@ltst.ru**Minets D.***Candidate of philological Sciences, associate Professor,
Cherepovets state University***e-mail** : dv.minets@gmail.com**Olschwang O.***Ural State Medical University of the Ministry of Health of Russia***e-mail** : olga020782@yahoo.com**Panova Yu.***School №627, Moscow***e-mail** : pan1950@rambler.ru**Petunina T.***Postgraduate student of the Moscow city pedagogical University***e-mail** : burovkinala@yandex.ru**Platonova E.***PhD in Philology, Senior Teacher of Perm State National
Research University***e-mail** : sweetyhel@mail.ru**Rizayeva G.***Associate professor, Baku State University***e-mail** : rizayeva@mail.ru**Shadrina N.***ANO Educational Policy Issues Institute "Eureka"***e-mail** : natamaxima@gmail.com**Sharashkina A.***Siberian Federal University, Krasnoyarsk***e-mail** : alisa-sharashkina@rambler.ru**Shustova S.***Doctor of Philology, Professor of Perm State National Research
University***e-mail** : lanaschust@mail.ru**Sun Lizhen***Candidate of philological Sciences, associate Professor Suihua
University***e-mail** : slzshxy@163.com**Vershinina A.***Lyceum № 3 of the city of Krasnoyarsk***e-mail** : wers81@list.ru**Vodneva S.***Novgorod State University named Y.Mudry, V.Novgorod***e-mail** : wodnewa@yandex.ru**Wang Yin***MSU named after M.V. Lomonosov***e-mail** : wang_yin@ltst.ru**Wang Yue***Beijing Normal University, Beijing, China***e-mail** : yp20092011@163.com**Yue Qiang***Senior Lecturer, Shanghai University of Political Science and Law,
Shanghai***e-mail** : yueqiang850510@sina.com**Zhang Wenbin***Gnessin Russian Academy of Music***e-mail** : 244591055@qq.com**Zhang Xiaolin***Post-graduate student of Moscow Pedagogical State University,
Moscow***e-mail** : xiaolin@itla.ee**Zheludeva E.***Candidate of philosophical Sciences, Moscow State Humanities
and Economics University***e-mail** : academia_mva@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ
OUR AUTHORS

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e-mail: redaktor@nauteh.ru).